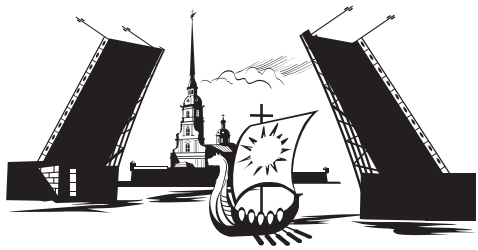
Родная Ладога

№ 4(34)' 2015

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России.

РЕШЕТНИКОВ Леонид Петрович (Москва) — директор Российского института стратегический исследований, генерал-лейтенант.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов). Заглянуть за границы науки. *Естественные науки и православная нравственная идея в XXI веке* 5
Михаил Смолин. Общественный строй Российской Империи 78
Наталия Нарочницкая. «От потрясенного Кремля до стен недвижного Китая…» *Выступление на Пушкинском вечере в ЦДЛ* 254
Алла Новикова-Строганова. Жажда правды и права. *Пророчества Ф. М. Достоевского* 264
Андрей Чернов. Ветер с Майданека 313

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Игорь Андрушкевич. Заветы Святого Владимира 21
Вардан Багдасарян. Великая Отечественная война: борьба за Победу через семьдесят лет после Победы 96
Наталия Лосева. «Несостоявшийся Император» Цесаревич Николай Александрович. *История в картинах и фотографиях* 292

Родная РЕЧЬ

Александр Камчатнов. А. С. Шишков и современные лингвофрики 26
Валерий Ганичев. Бессмертный полк русской поэзии 69
Виктор Потанин. Живое лицо 226

ПРОЗА

Владимир Крупин. Лазарева суббота 32
Михаил Зарубин. Кровные братья. *Повесть* 50
Сергей Куняев. «Перед страшной кровавою чашей…» 240
Николай Лугинов. Восхождение. *Повесть-притча* 300

ЛЕСТВИЦА

Митрополит Калужский и Боровский Климент. Учение о молитве — важная часть христианской антропологии. *Доклад на VIII ежегодных Феофановских чтениях «Богословские аспекты учения о молитве святителя Феофана, Затворника Вышенского». К 200-летию со дня рождения святителя Феофана, Затворника Вышенского* 46

ПОЭЗИЯ

Борис Бурмистров 75
Светлана Кекова 148
Ренат Харис 217
Александр Осыков 221
Валентина Коростелёва 297

Точка зрения

Александр Казин. Православный социализм как русская цивилизационная идея XXI века 89
Михаил Леонтьев. Мы станем лидером процесса новой сборки Европы. Если выживем... 106
Николай Стариков. «Мы только вместе можем существовать...» 133

Стратегия

Владимир Мясников. Вторая мировая война: начало и финал, несколько дискуссионных тем 110

Славянское братство

Иржи Опршал. Людвик Свобода — солдат, политик, защитник мира. *К 120-летию со дня рождения Людвика Свободы* 139

Доспехи

Василий Новиков. Эдуард Филиппов. Великий отец кадет России К. К. Романов 153
Грачья Погосян. Последних добрых дел не бывает 209

Дороги войны

Глеб Бобров. «Сражаться за каждую пядь земли Луганщины...» 160

Пути познания

Виктор Пархимович. Зарождение авиации. *Глава из новой книги «Авиация. История. События. Факты»* 168

Беседа

Марина Струкова. Под маской сверхчеловека. *Сергей Куняев о Юрии Кузнецове* 233

Критика, литературоведение

Наталья Михайлова. «Прощайте, братцы: мне в дорогу...» 256

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. В гостях у Достоевского 272

Памятослов

Елена Бакланова. А. Н. Найденов: «Банкир при любых условиях должен сберечь свою репутацию» 278

Наследие

Воспоминания о протоиерее Борисе Николаевском его духовных чад 285

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов)

ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ГРАНИЦЫ НАУКИ

Естественные науки и православная нравственная идея в XXI веке

Свет прямолинеен. Криволинейна и многомерна тьма; неизвестна, загадочна «темная материя космоса». Крадущаяся, изгибающаяся, она, кажется, наполняет все пространство Вселенной. Но даже на опыте своей личной кратковременной земной жизни каждый из нас убеждается, что «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). Человечество по мере приобретения физических знаний о мире все более получает доказательств того, что свет никогда не станет тьмою, и выводит из этой данности предположение о существовании единой теории бытия. Но самые выдающиеся современные достижения физики, биологии, техники, позволяющие заглянуть за границы видимого, слышимого и осязаемого, к этой теории не приближают. Более продвинулись в своих исследования философы, дополняющие «положительную науку не какими-нибудь фактическими познаниями неведомых границ мирово-

---

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.
В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

го бытия, а исключительно только своими рациональными соображениями относительно конечного смысла и значения мировых процессов»[1]. Стремясь выразить идею планомерного устройства мира, философия располагает научные факты по той или иной схеме. Так человеческий разум создает философские системы. Так, рассматривая мировой процесс с точки зрения времени, многие современные ученые приходят к фактическим предпосылкам и доказательствам конечности мира.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, эсхатологические настроения стали, кажется, нормой, чем-то совершенно привычным. Ныне, как подчеркивает известный немецкий философ Михаэль Хагемайстер, «все табу разрушены, все игровые возможности исчерпаны; остаются еще определенные границы, но, в области ли религии, секса и насилия, — эти границы оказались настолько далеко отодвинуты, что возникает впечатление, что еще дальше в этом направлении идти невозможно»[2]. Похоже, что мы вплотную подошли к какому-то пределу, существование которого интуитивно ощущается представителями самых разных областей человеческой деятельности. Так, один из участников проходившей в 1997 г. в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне конференции «Наука. Философия. Религия» — В. А. Никитин предложил следующий убедительный образ ускоряющейся цивилизации: «Давайте представим эволюцию для наглядности в условной шкале времени в виде одного года. Согласно данным современной науки Земля как космическое тело образовалась около 6 миллиардов лет назад. Предположим, что она образовалась в январе. Тогда полночь 31 декабря будет изображать наше время — конец XX века. Если Земля образовалась в январе, то первые клетки появились в июле. Позвоночные появились 13 декабря, ящеры — 20 декабря. Современный человек появился в условной шкале времени в 23 часа 57 минут 31 декабря. Техносфера образовалась в 23 часа 59 минут 59 секунд. Эта иллюстрация говорит о невероятном ускорении процессов человеческой эволюции. Что ожидает нас в ближайшие секунды?»[3].

Можно поверить в то, что близок конец цивилизации, раз ученые так настойчиво говорят о «конце физики», о «конце биологии», о «конце истории». Действительно, наука в последнее время дает все меньшую отдачу, она становится все более субъективной, привязанной к исчерпавшим себя старым методам. По этому поводу регулярно собираются научно-философские конференции на Западе, как, например, известный семинар «Границы научных знаний», состоявшийся в конце XX века в Институте Санта-Фе, где ученые из многих стран пытались дать формулировку теории науки, чтобы ответить на вопрос о ее границах. Но и они не согласовали между собой окончательную теорию, которая бы представляла самое компактное описание природы, и к единому мнению о будущем науки не пришли. Оказались актуальными такие, кажется, неразрешимые на сегодня вопросы: обнаруживаются по необходимости или намеренно изобретаются научные и математические задачи; реальность непрерывна или дискретна — она аналоговая или цифровая; как лучше описывать мир — так называемыми веще-

[1] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 7.
[2] Интервью с М. Хагемайстером — «Вопросы философии». 1995. № 11. С. 66.
[3] Наука. Философия. Религия. Дубна, 1997. С. 30–31.

ственными числами, которые могут быть поделены на актуально бесконечно малые величины, или целыми числами? Созвучным заявлению Рольфа Ландауэра (физика из IBM) о том, что ученые не могут рассчитывать на бесконечное увеличение мощности компьютера, стало откровение Отто Росслера, биолога из Германии, что или необходима искусственная эволюция человеческого мозга, который в современном своем состоянии не может получать уже больше имеющихся знаний, или ученому надо стать сумасшедшим.

О создании «детей разума» говорит уверенный в реальности своих фантазий Ханс Моравек, робототехник из Меллонского университета им. Карнеги, энтузиаст искусственного интеллекта. Он убежден в том, что науке потребуются новые цели, что будущее принадлежит машинам. «Большинство людей с радостью откажутся от своих смертных оболочек из плоти и крови в пользу большей свободы и бессмертия киберпространства. Но всегда возможно, — размышляет Моравек, — что останутся «агрессивные примитивные люди, которые будут говорить: “Нет, мы не хотим присоединяться к машинам”. Машины могут позволить этим атавистам остаться на Земле в окружающей среде, подобной раю или парку. В конце концов, Земля — это “просто частичка грязи в системе, и она не имеет огромной исторической важности”. Но машины, страстно желающие сырья, представленного Землей, могут в конце концов заставить ее последних жителей принять новый дом в киберпространстве»[1].

Ключевая фраза этого кибернетического откровения — «в пользу большей свободы». Но что означает «свобода», тем более — какие у нее могут быть степени? Кажется, это понятие не имеет и не может иметь конкретного определения в силу природных особенностей человека, в результате существования факта реальной идеальности собственной человеческой личности. То есть «факта существования человека с такими реальными свойствами, которые на самом деле находятся в решительном противоречии и с природой мира, в котором живет человек, и с природой самого человека, как составной части мирового целого. Эти исключительные свойства человеческой природы заключаются в разуме и свободной воле человека»[2]. Таким образом, недостаточно говорить о науке как таковой в современном мире с позиции лишь человеческого знания. Недопустимо делать выводы о границах человеческого знания вне связи его с самосознанием, без представления о человеке, как личности, как единого, конечного и ограниченного, сверхчувственного — духовного существа. Как говорит основоположник систематического учения о человеке В. И. Несмелов, «рабское состояние человека есть состояние наличное, свободное же развитие жизни представляет собою только идеал человеческих стремлений, который лишь постепенно осуществляется человеком в действительном развитии его духа, как разумно-творческой силы»[3].

Сознание есть процесс, и, как всякий процесс, оно образует собою непрерывный ряд последовательных моментов. Каждый элемент сознания полагается как отличительный от всякого другого элемента, и потому весь процесс сознания служит выражением закона различия. «Следовательно,

---

[1] *Хорган Дж.* Конец науки. СПб.: Амфора, 2001. С. 402.

[2] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 64.

[3] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. Казань, 1898. С. 156.

процесс сознания по самой природе своей есть процесс хаотический»[1]. И условия творческой деятельности сознания лежат вне его — в пределах взаимодействия духа и мира. Как сознание творит элементы психической действительности, так и мысль творит связи этих элементов и своим творчеством преобразует хаос явлений сознания в разумную действительность.

Кажется, что может быть более разумным, чем то, что, получив земное существование, способности и таланты, человек призван создавать, данной ему силой разума, лучшую жизнь, готовясь и другим помогая готовиться, в конечном итоге, к Жизни Вечной. Да, человек, пользуясь своей свободой, должен помогать другим. Как трогательно и убедительно евангельское повествование об исцелении Христом парализованного: «Вот, принесли некоторые на постели человека, который был расслаблен, и старались внести его в дом и положить перед Иисусом. И, не найдя, где пронести его, за многолюдством, влезли на верх дома и сквозь кровлю спустили его с постелью на середину пред Иисуса. И Он, видя веру их, сказал человеку тому: прощаются тебе грехи твои… тебе говорю встань, возьми постель твою и иди в дом твой. И он тотчас встал перед ними, взял, на чем лежал, и пошел в дом свой, славя Бога» (Лк. 5:18–20, 24–25). Вот пример создания разумной действительности в ее полноте и целостности, которые осуществляются, когда по вере друзей, с сердечным участием других людей происходит исцеление человека от неизлечимого недуга. Происходит чудо единения и преодоления хаоса.

Поэтому, наверное, сегодня идут такие ожесточенные споры ученых о целостности или дискретности картины мира: это доказывает, что именно «атомарное», разделенное мировоззрение человечества выгодно врагам рода человеческого, тем, кому претит закон жизни — помогать другим, жить для других, приносить жертву во имя Жизни Вечной. Атомизированное сознание, как и атомизированное общество, способствует внедрению эгоистического, личностного приоритета, разрушающего привычные связи в социальных, интеллектуальных и государственных сферах в целях крупных политических и финансовых олигархов.

Актуальность поставленной Моравеком задачи уничтожения человека в его богоданном духовно-телесном образе является и следствием, и причиной противоречий в отношениях между человеком и миром, которые год от года становятся все ощутимее. Так развивается утверждение Ницше, что человечество — это лишь ступенька, мост, ведущий к сверхчеловеку. Думается, что этому философу понравилась бы идея сотворения человека из силикона, а не из плоти и крови, существование его в киберпространстве, потому что человек с такой фантастической установкой более податлив внешним силам. Он легко управляем сомнительным лозунгом возможной «собственной эволюции», якобы вписывающейся в закономерный всеобщий научно-технический прогресс, который после очевидного в течение нескольких веков своего подъема замедляется и движется к упадку, к неким непреодолимым препятствиям, что замечают современные ученые. А то и ко всеобщей гибели.

Звучат современно и доказательно сетования на нарушение человечеством сотворенного Богом (или, как говорят ученые-атеисты, «природой») «естественного» баланса. Процесс отчуждения человека от мира все ускоряется. Торжество «гуманизма» на практике оборачивается дегуманизацией

[1] *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни. Казань, 1898. С. 27.

жизни: мы создаем вокруг себя искусственный, «цивилизованный» мир, почти полностью творимый человеком, и на поверку оказывающийся миром бесчеловечным. Замечательный австрийский биолог и философ, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц (1903–1989), вычленяет, как он выражается, «восемь смертных грехов цивилизованного человечества», угрожающих гибелью не только нашей нынешней культуре, но и всему человечеству как виду[1]. К их числу он относит:

1. Перенаселение Земли, вынуждающее каждого из нас защищаться от избыточных социальных контактов, отгораживаясь от них некоторым, в сущности, «не человеческим» способом, и, сверх того, непосредственно возбуждающее агрессивность вследствие скученности множества индивидов в тесном пространстве[2].

2. Опустошение естественного жизненного пространства, не только разрушающее внешнюю природную среду, в которой мы живем, но убивающее и в самом человеке всякое благоговение перед красотой и величием открытого ему творения.

3. Бег человечества наперегонки с самим собой, подстегивающий гибельное, все ускоряющееся развитие техники, делает людей слепыми ко всем истинным ценностям и не оставляет им времени для подлинно человеческой деятельности — размышления (и, мы бы добавили, в первую очередь — молитвы).

4. Исчезновение всех сильных чувств и аффектов вследствие изнеженности. Развитие техники и фармакологии порождает возрастающую нетерпимость ко всему, что вызывает малейшее неудовольствие. Тем самым исчезает способность человека переживать ту радость, которая дается лишь ценой тяжких усилий при преодолении препятствий. Приливы страданий и радости, сменяющие друг друга, спадают, превращаясь в мелкую зыбь невыносимой скуки.

5. Генетическое вырождение. В современной цивилизации практически отсутствуют какие-либо факторы, призванные способствовать развитию и сохранению норм общественного поведения, хотя с усложнением социальной структуры общества такие факторы становятся все более необходимы. Нельзя исключить, что многие проявления инфантильности, превращающие большие социальные группы молодежи в общественных паразитов, могут быть обусловлены генетически.

6. Разрыв с традицией. Этот разрыв наступает, когда младшему поколению уже больше не удается достичь взаимопонимания со старшим, не говоря уже о культурном отождествлении с ним. Поэтому молодежь обращается со старшими как с чужой этнической группой, выражая им свою «национальную» ненависть.

7. Возрастающая индоктринируемость человечества. Увеличение числа людей, принадлежащих одной и той же культурной группе, вместе с усо-

---

[1] См.: *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. М., 1998. С. 58–59.

[2] По данным С. П. Капицы, в 1960 г. население Земли составляло 3,22 млрд чел. К 2005 г. численность народонаселения должна достичь 6,5 млрд чел., а скорость роста достигнет максимума — 90 млн в год, что соответствует относительной скорости роста 1,5 %. К 2050 г. число жителей, как ожидается, стабилизируется на уровне 13 млрд (*Капица С. П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерк теории роста человечества. М., 1999. С. 71).

вершенствованием технических средств воздействия на общественное мнение приводит к такой унификации взглядов, какой до сих пор не знала история. Уже сейчас человек, сознательно уклоняющийся от воздействия средств массовой информации, например телевидения, Интернета, многими рассматривается как патологический субъект. Зомбирование общественного мнения, рекламная техника и искусно направляемая мода помогают тем, кто хочет, уничтожая индивидуальность, манипулировать большими массами людей, держа их в своей власти.

8. Ядерное оружие навлекает на человечество опасность окончательного физического уничтожения и укрепляет общее «настроение конца света».

Острота вопроса о перспективах развития современной западной технократической цивилизации обусловлена реальной опасностью ее демонического «преображения». Несмотря на внешнее противостояние по некоторым аспектам, магия и наука чрезвычайно близки, ибо выросли они из одного источника — из стремления человека преобразовать внешний мир по своему усмотрению, не изменяя себя. Собственно, то знание, которое дает нам «объективная» наука, — знание формальное. Наука, лишенная нравственного основания, изучает и описывает лишь форму отношений качеств вещей, их внешнюю феноменальную выявленность, не прикасаясь к их сокровенной сущности. Естествоиспытатель расчленяет мир на части, а потом сравнивает их между собою, производя таким образом «объкт(ив)ное измерение». Опыт — этимологически «отпыт» — пытается выпытать у мира его «правду» — правду формальную. Знание же формальных качественных соотношений позволяет деформировать свойства вещей в желаемом направлении, не прикасаясь при этом к их сокровенной сущности. В этом же, собственно, состоит и претензия магии. Сами же магические акты, несмотря на свое иррациональное содержание, по внешней своей форме могут быть относительно «рациональны», ибо они направлены на достижение посюсторонних целей, — пусть даже и за счет обращения к потусторонним силам. Именно отсюда — легкость усвоения магических практик рационально, а скорее даже, прагматически мыслящими индивидуумами. Отсюда же и необычайная популярность оккультно-магических практик в так называемых «цивилизованных» странах. Увлечение Каббалой является повальным в западных странах, также вспомним фильмы с Гарри Поттером, саги о вампирах и т. п.

Характеризуя современного человека, это «больное дитя Адамово», известный французский философ Габриэль Марсель отмечает отсутствие у него онтологического чувства бытия или, точнее, отсутствие осознания того, что он им обладает, и, как следствие этого — вытеснение «онтологизма» «технологизмом». «Индивид в настоящее время видится самому себе и другим лишь как элементарное сопряжение функций, — пишет он. — В силу глубоко лежащих исторических причин, которые доступны нам лишь отчасти, индивид оказался низведенным до состояния, когда он все более воспринимает себя как некий агрегат функций; вдобавок ему не ясна их иерархия, поскольку она становится предметом самых противоречивых интерпретаций»[1]. Эта функциональность приводит к вытеснению таинства, к

[1] *Марсель Г.* Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М., 1995. С. 91.

замене его проблемой, которая неизбежно порождает страх и отчаяние, ибо этот перенасыщенный проблемами функциональный мир — полый, он — лишь пустая оболочка.

И такая оболочка легко заполняется злом. Зло существует во всем мире: страдание, жестокая борьба, смерть — все это царит в мире, но только в человеке мы находим устремление ко злу как таковому. Это устремление постепенно доходит до идеи зла. Это, конечно, есть некая болезнь духа, патология, которая поразила саму природу человека. Только человек может испытывать наслаждение от самого разрушения, переживать странную потребность сеять страдания. Именно в этой наклонности ко злу, в потребности творить зло человек резко и глубоко отличается от всего дочеловеческого мира. Вот с этим злом в человеке наука, отказываясь от законов духовного мира, и способна заключить альянс.

По мнению ряда исследователей, оккультные «науки» (именно «науки», как нечто объективно-безличное), интегрируясь с науками традиционными в особое «постмодернистское знание», сумеют создать «Видение нового века» (New age), а точнее, уже синтез магии и науки. Это называют еще наступлением эпохи Водолея (символ оккультизма), которая идет на смену эпохи Рыб (символ Христианства). Опасность эта не столь иллюзорна, как может показаться на первый взгляд; очевиднейший и ближайший пример — фашизм. Как пишут исследователи оккультной подоплеки германского национал-социализма Луи Повель и Жак Бержье, «на несколько лет в Германии утвердилась цивилизация, тотально отличная от нашей, а мы этого никак не могли, да и не хотели понять. Инициаторы этой цивилизации порвали с нами все моральные и духовные связи в самой сущности, а мы этого не видели, потому что нацисты пользовались той же техникой, что и мы, и иногда пользовались ею лучше, чем мы… Нацистская магия спряталась под техникой. Это была грандиозная новость. Все отрицатели нашей цивилизации — теософы, оккультисты, индуисты и прочие, вернувшиеся или старавшиеся вернуться к духу древних веков, — всегда были врагами технического прогресса. Магический дух фашизма вооружился всеми рычагами материального мира. Ленин сказал, что Советская власть плюс электрификация всей страны есть социализм. Нацизм в своем роде — это магия плюс танковые дивизии»[1].

Но если таковы современные отношения в человеческом мире, стремящемся к аннигиляции, тогда непонятно для чего все происходило? И Большой Взрыв, и расширение Вселенной, и начало Времени, и появление человека с телом на основе углерода? И космическая эволюция, от самого простого вакуума и гравитационного поля до самого сложного объекта — мозга человека? На основе всех современных открытий складывается устойчивое убеждение, что Вселенная устроена так, что в ней обязательно должен был появиться человек. И он появился, и познал по мере своих возможностей мир. Бытие существует вне человека и независимо от него, а почему оно существует, на это можно ответить только изучением самого бытия. Но знание о бытии существует только в человеке и для человека, и почему именно человек знает о бытии, — на это можно ответить только изучением самого человека. Различиями трактовки целей развития Вселенной, то есть трактовки так называемого антропного принципа, определяются и пути

[1] *Бержье Ж., Повель Л.* Утро магов. М., 1991. С. 47–48.

науки. Если целью является сам человек, и мир имеет человекобожескую структуру, прямым пророчеством становятся слова замечательного английского писателя Клайва Льюиса, сказанные им около полувека назад в апокалиптическом романе «Мерзейшая мощь»: «Естественные науки, невинные и даже полезные сами по себе, … пошли куда-то в сторону. Конечно, их сводили с пути в определенном направлении. Темные силы непрестанно внушали ученым сомнения в объективной истине, а потом и равнодушие к ней, и это привело к тому, что важной стала лишь сила. Смутные толки о жизненном порыве и заигрывания с панпсихизмом воскрешали понемногу любезную магам Мировую Душу. Мечты о предназначении человека и его далеком будущем извлекали из могилы старое человекобожие. Опыты над животными и работа на трупах приучали к тому, что ради прогресса нужно, прежде всего, перебороть себя и делать то, чего душа делать не позволяет. Теперь все это достигло такой степени, что стоящие за этим решили: можно выгнуть науку назад, чтобы она сомкнулась с древними, забытыми силами. По-видимому, раньше это было невыполнимо. Этого нельзя было сделать в XIX веке, когда твердый материализм не позволил бы ученым поверить в такие вещи; а если бы они и поверили, унаследованная порядочность не позволила бы им касаться нечистого. … Теперь все изменилось. … Что сочтут … непотребным, когда нравственность… — побочный продукт биологических и экономических процессов? Времена созрели. С точки зрения преисподней, к этому вела вся человеческая история. Падший человек уже может стряхнуть те ограничения, которые само милосердие наложило на его силу. Если он это сделает, воплотится ад. Дурные люди, ползающие сейчас по маленькой планете, обретут состояние, которое прежде обретали лишь по смерти, и станут прямым орудием темных сил. Природа станет им рабыней, и предел положит лишь конец времен»[1].

Но есть другое, богословское понимание антропного принципа, как христоцентрического, когда не просто человек — цель Вселенского развития, а Богочеловек, как соединение Творца и творения. Когда Христос, как цель Вселенной, есть Творец Вселенной и ее взаимодействий, сходящихся к нему. Как доказал русский основоположник науки о человеке В. И. Несмелов, человеческий интеллект так организован, что по своей природе он способен рассматривать или оценивать мир не только с точки зрения времени, но и с точки зрения вечности. С этой «точки зрения он рассматривает тот же самый мир вещей и событий в религиозном созерцании его безусловной основы, и потому с этой религиозной точки зрения мир представляется уже не только механическим сцеплением преходящих вещей и событий, но и реальным осуществлением во времени вечных идей и хотений Бога»[2]. Отметим для уяснения этой мысли, что философия у Несмелова отличается от религии тем, что религия есть жизнь по вере в Бога, а философия есть мысль об истинной жизни по истинной вере в Бога. А жизнь не менее важна, чем мысль.

Несмелов убедительно доказал, что человек — не только элемент видимого мира, но и **участник инобытия**, безусловного и сверхчувственного миропорядка: сознание «Я» указывает на действительное существование че-

---

[1] *Льюис К. С.* Мерзейшая мощь // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1999. С. 165–166.

[2] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 7.

ловеческой личности в качестве метафизической сущности. В самосознании человек выходит за пределы этого мира, и не только в своих желаниях или знаниях. И самим существованием своим, «как живой образ Бога», человек свидетельствует о Бытии Божием.

И тут мы выходим на уровень осмысления взаимоотношений христианства и науки.

Необходимость уяснения природы человеческой личности заставила Несмелова, как последовательного философа, перейти на путь гносеологических изысканий. Виктор Иванович с самого начала разграничивает составные части понятия «мировоззрение»: наука, философия и религия. Наука не ставит вопрос: какой смысл в изучаемой деятельности мировых сил и к чему направляются изучаемые нами бесконечно сложные процессы во Вселенной. В пределах опытного исследования природы это совершенно неразрешимо. «Хотя мир и представляет собою для нашего познающего мышления обширную книгу, однако эта книга, в эмпирическом данном составе ее, оказывается для нас книгою без начала и без конца»[1]. Ученые не знают происхождения материи в прошлом, и не могут создать *ex nihilo* (из ничего) ни грамма вещества, и научно (экспериментально) не могут доказать, что будет. Поэтому естествоиспытатель не вправе ставить вопрос о смысле мирового существования. И, тем не менее, ученые ставят эти вопросы, во-первых, потому что это интересно, а во-вторых, потому что в мире существует и та полоса реальной действительности, которая создается человеческим разумом. Поэтому она представляет собой планомерно организованную систему целей и средств. Это искусственный мир, создаваемый человеком, в свою очередь в каждом человеке создает субъективную уверенность, что все мировое бытие тоже опирается на какое-то разумное основание, тоже построено по плану и тоже преследует какие-то разумные цели. Однако они экспериментальному исследованию не подлежат.

Проблематика отношений между наукой и религией рассматривалась на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. В принятых Собором «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» подчеркивается, что «к концу XX века наука и техника достигли столь впечатляющих результатов и такого влияния на все стороны жизни, что превратились, по существу, в определяющий фактор бытия цивилизации. Вместе с тем, несмотря на изначальное воздействие христианства на становление научной деятельности, развитие науки и техники под влиянием секулярных идеологий породило последствия, которые вызывают серьезные опасения. Экологический и другие кризисы, поражающие современный мир, все с большей силой ставят под сомнение избранный путь. Научно-технический уровень цивилизации ныне таков, что преступные действия небольшой группы людей в принципе могут в течение нескольких часов вызвать глобальную катастрофу, в которой безвозвратно погибнут все высшие формы жизни.

С христианской точки зрения, такие последствия возникли в силу ложного принципа, лежащего в основе современного научно-технического развития. Он заключается в априорной установке, что это развитие не должно быть ограничено какими-либо моральными, философскими или религиозными требованиями. Однако при подобной “свободе” научно-техническое

[1] *Несмелов В. И.* Вера и знание с точки зрения гносеологии. Казань, 1913. С. 4.

развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни, со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями. Поэтому ныне для обеспечения нормальной человеческой жизни как никогда необходимо возвращение к утраченной связи научного знания с религиозными духовными и нравственными ценностями»[1].

Эти проблемы нагляднее всего проявляются в сфере здоровья и этики. Попечение о человеческом здоровье — душевном и телесном — искони является заботой Церкви. В Библии содержится настоящий гимн врачу. «Почитай врача честью по надобности в нем; ибо Господь создал его, и от Вышнего врачевание, и от царя получает он дар. Знание врача возвысит его голову, и между вельможами он будет в почете. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими. Не от древа ли вода сделалась сладкою, чтобы познана была сила Его? Для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его; ими он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготовляющий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и через него бывает благо на лице земли. Сын мой! В болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь, и исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце… И дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен» (Сирах. 38:1–10, 12).

Таким образом, еще в Ветхом Завете объяснялось, что поддержание физического здоровья в отрыве от здоровья духовного не является безусловной ценностью. Господь Иисус Христос, проповедуя словом и делом, врачевал людей, заботясь не только об их теле, но и о душе, а в итоге — о целостном составе человека. По слову Самого Спасителя: «Я всего человека исцелил» (Ин. 7:23). Исцеления сопровождала проповедь Евангелия как знак власти Господа прощать грехи.

Православная Церковь с неизменно высоким уважением относится к врачебной деятельности, в основе которой лежит служение любви, направленное на предотвращение и облегчение человеческих страданий. Много врачей причислено Церковью к лику святых. Последний из них — выдающийся хирург архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961). Вместе с тем необходимо отличать врачебное искусство и исцеляющую силу благодати Святого Духа, подаваемой по вере в Единого Господа Иисуса Христа через участие в церковных таинствах и молитвах, от заклинаний, заговоров, иных магических действий и суеверий. Не отдавая предпочтения какой-либо модели организации медицинской помощи, Церковь считает, что эта помощь должна быть максимально эффективной и доступной всем членам общества, независимо от их материального достатка и социального положения, в том числе при распределении органических медицинских ресурсов. Дабы такое распределение было подлинно справедливым, критерий «жизненных потребностей» должен превалировать над критерием «рыночных отношений». Борьба с западной установкой на уменьшение численности населения на планете должна включать активную поддержку научно-медицинских и социальных программ по защите материнства и детства, плода и новорожденного.

---

[1] Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Сборник докладов и документов. СПб., 2000. С. 202.

Исходя из своего многовекового опыта Церковь предупреждает и об опасности внедрения под прикрытием «альтернативной медицины» оккультно-магической практики, подвергающей волю и сознание людей воздействию демонических сил. Каждый человек должен иметь право и реальную возможность не принимать тех методов воздействия на свой организм, которые противоречат его религиозным убеждениям.

Церковь рассматривает психические заболевания как одно из проявлений общей греховной поврежденности человеческой природы. В области психотерапии оказывается наиболее плодотворным сочетание пастырской и врачебной помощи душевнобольным при надлежащем разграничении сфер компетенции врача и священника.

Мы вошли в третье тысячелетие с бурным развитием биомедицинских технологий, активно вторгающихся в жизнь современного человека от рождения до смерти. Невозможность получить ответ на возникающие при этом нравственные проблемы в рамках традиционной медицинской этики вызывают серьезную озабоченность общества. Попытки людей поставить себя на место Бога, по своему произволу изменяя и «улучшая» Его творение, могут принести человечеству новые тяготы и страдания. Развитие биомедицинских технологий значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения, что не может не вызывать у Церкви глубокой пастырской озабоченности. Формулируя свое отношение к широко обсуждаемым в современном мире проблемам биоэтики, в первую очередь к тем из них, которые связаны с непосредственным воздействием на человека, Церковь исходит из основанных на Божественном Откровении представлений о жизни как бесценном даре Божьем, о неотъемлемой свободе и богоподобном достоинстве человеческой личности.

Широкое распространение и оправдание абортов, финансирование их государством в современном обществе Церковь рассматривает как угрозу будущему человечества и явный признак моральной деградации. Верность библейскому и святоотеческому учению о святости и бесценности человеческой жизни от самых ее истоков несовместима с признанием «свободы выбора» женщины в распоряжении судьбой плода. Применение биомедицинских методов во многих случаях позволяет преодолеть недуг бесплодия. Но из-за «суррогатного материнства» под угрозой оказываются отношения между людьми, издревле лежащие в основании общества. В мире постепенно вырабатывается отношение к человеческой жизни как к продукту, который можно выбирать согласно собственным склонностям и которым можно распоряжаться наравне с материальными ценностями.

Успехи в расшифровке генетического кода создают реальные предпосылки для широкого генетического тестирования с целью выявления информации о природной уникальности каждого человека, а также его предрасположенности к определенным заболеваниям. Создание «генетического паспорта» при разумном использовании полученных сведений помогло бы своевременно корректировать развитие возможных для конкретного человека заболеваний. Однако имеется реальная опасность злоупотребления генетическими сведениями (в том числе и криминальными структурами), при котором они могут послужить различным формам дискриминации и преступности. Эта информация также может стать непосильным душевным грузом для человека.

Осуществленное учеными клонирование (получение генетических копий) животных ставит вопрос о допустимости и возможных последствиях клонирования человека. Клонирование в еще большей степени, чем иные репродуктивные технологии, открывает возможность манипуляции с генетической составляющей личности и способствует ее дальнейшему обесцениванию.

Современная трансплантология (теория и практика пересадки органов и тканей) позволяет оказать действенную помощь многим больным, которые прежде были бы обречены на неизбежную смерть или тяжелую инвалидность. Вместе с тем развитие данной области медицины, увеличивая потребность в необходимых органах, порождает определенные нравственные проблемы и может по многим причинам представлять опасность для общества. Вспомним, как во время последней балканской войны сербов, которые попали в плен к албанцам, «разбирали» на органы. Неприемлемо сокращение жизни одного человека, в том числе через отказ от жизнеподдерживающих процедур, с целью продления жизни другого.

Относясь с пастырской озабоченностью к людям, имеющим гомосексуальные наклонности, Церковь в то же время решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как «норму», а тем более как предмет гордости и пример для подражания. «Не ложись с мужчиною, как с женщиною: это мерзость» (Левит 18:22). Именно поэтому Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма.

В Библии смерть представляется как разлучение души с телом. Таким образом, можно говорить о продолжении жизни до тех пор, пока осуществляется деятельность организма как целого. Продление жизни искусственными средствами, при котором фактически действуют лишь отдельные органы, не может рассматриваться как обязательная и во всех случаях желательная задача медицины. Оттягивание смертного часа порой только продлевает мучение больного, лишая человека права на достойную, «непостыдную и мирную» кончину, которую православные христиане испрашивают у Господа за богослужением. Больной, окруженный христианской заботой, в последние дни земного бытия способен пережить благодатные изменения, связанные с новым осмыслением пройденного пути и покаянным предстоянием перед вечностью.

Предсмертные физические страдания не всегда эффективно устраняются применением обезболивающих средств. Зная это, Церковь в таких случаях обращает к Богу молитву: «Разреши раба Твоего нестерпимыя сея болезни и содержащия его горькия немощи и упокой его, идеже праведных дуси» (Требник. Молитва о долгостраждущем). Один Господь является Владыкой жизни и смерти (1 Цар. 2:6). «В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти» (Иов. 12:10). Поэтому Церковь, оставаясь верной соблюдению заповеди Божией «не убивай» (Исх. 20:13), не может признать нравственно приемлемыми распространенные ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию). Следует помнить о неизбежной криминализации эвтаназии.

Все эти и многие другие, возникающие сегодня перед человечеством проблемы вновь и вновь ставят перед нами вопрос, «куда ведет нас расширение научно-технического знания? Во зло или во благо используются плоды, взращенные руками инженеров и ученых? Как сделать, чтобы люди могли своевременно предвидеть негативные последствия тех или иных от-

крытий?»[1]. И могут ли, вообще, возникнуть негативные последствия, если человечество будет руководствоваться духовно-нравственной творческой идеей? Повторяя слова Эрвина Шредингера, «мы не можем обойтись здесь без путеводной нити метафизики», следует отметить позитивный взгляд российский православных ученых на, кажется, не поддающееся систематизации научное и техническое развитие мира.

Как говорится в книге Н. А. Соловьева и С. В. Посадского «Пантеистическая метафизика и квантовая парадигма», «ситуация с пониманием фундаментальных вопросов бытия в современном мире оказывается хуже, чем в предшествующие эпохи, когда для человека, например, вопрос о существовании души не представлялся неразрешимым, как в настоящее время, где он игнорируется, обходится стороной и совершенно выпадает из контекста научного знания. Помимо вопросов о первопричине мироздания, сознании и свободе воли существует целый ряд вопросов, которые также не получили своего решения в рамках современной естественнонаучной парадигмы. К этим вопросам можно отнести вопросы рождения новой информации и эволюции Вселенной, вопросы интерпретации квантовой механики, которые, как сейчас понятно, связаны с вопросами сознания и свободы воли. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все вышеперечисленные вопросы выходят за рамки традиционного естественнонаучного дискурса и требуют более общего взгляда на проблему. Такой взгляд может быть только метафизическим, поскольку именно метафизика является источником наиболее общих концепций и теорий, которые в идеале призваны быть основанием естественнонаучного дискурса и теории специальных наук»[2].

Справедливо будет отметить, что более десяти лет назад, а именно в 2002 г., эти вопросы оказались первыми, которые поставила для себя образовавшаяся Российская академия естественных наук (РАЕН) и обсудила их на одной из первых своих конференций совместно с учеными-богословами и преподавателями Санкт-Петербургской Духовной академии, возглавляемой тогда вашим покорным слугой. Обсуждение проходило в рамках научного форума по теме «Естественные науки и богословие: нравственные законы развития науки». Научный форум был удостоен приветствия и благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, который сказал: «Значимость проведения научного форума “Естественные науки и богословие: нравственные законы развития науки” невозможно переоценить в контексте задач, решаемых Отделением образования и развития науки и Санкт-Петербургскими Духовными академией и семинарией, прежде всего с нравственных позиций формирования научного мировоззрения. Необходимо отметить важность развития естественных наук не только как мощных инструментов преобразования мира, но и как могучих нравственных стимулов для духовного прогресса общества».

Материалы форума полно представлены в журнале «Вестник образования и развития науки РАЕН» 6 (1), 2002 года. Он открывается статьей вице-президента РАЕН, председателя Северо-Западного отделения образо-

---

[1] Из речи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии соборных слушаний «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий» // Соборные слушания «Вера и знание: наука и техника на рубеже столетий». Саров, 2000. С. 2.

[2] *Соловьев Н. А., Посадский С. В.* Пантеистическая метафизика и квантовая парадигма. СПб.: НП-Принт, 2014. С. 4.

вания и развития науки РАЕН, академика В. С. Новикова, в которой представлена эволюция науки, начиная с греческих времен по настоящее время, рассматривающаяся не только в фактах, но и с позиции нравственности. Научно-богословский форум много способствовал проявлению в современных реалиях неоспоримого факта, что именно в сфере метафизики придается онтологический статус общему, складывающемуся из разрозненных частей, формируется вектор онтологии бытия, происходит сближение двух миров: материального, управляющегося физическими законами, и духовного, существующего во взаимодействии религиозно-нравственных законов, что подтверждается даже опытным путем. То, что человек, существо временное, может стать на точку зрения вечности, доказывается современной наукой. «В связи с осознанием в XX веке событийности человека со всем мирозданием, в связи с осознанием невозможности исключить человека из бытия, появились попытки включить в научную, “объективную” картину мира самого человека. Так, один из крупнейших физиков XX века Дж. Уилер выдвинул гипотезу, согласно которой само наблюдение делает мир таким, каким мы его видим»[1].

Антропный принцип как цель вселенского развития, получивший сначала философскую интерпретацию, имеет и физическое обоснование. Так, например, закон сохранения энергии в современной физике означает, что Вселенная является замкнутой системой, полная энергия которой равна ее энергии в момент Большого взрыва. Тогда становится понятно, что Вселенная в начале эволюционного процесса и в настоящее время ничем не отличается, как причина и следствие, связанные жесткой причинно-следственной связью. Отсюда вытекает признанный современной наукой антропный принцип, который, по сути, оказывается тривиальным утверждением того, что если человек появился в этой Вселенной, то значит ее законы таковы, что это было возможным и необходимым. Или, как объясняют Н. А. Соловьев и С. В. Посадский, «логосная форма человека, так же как, например, логосная форма фотона или атома водорода, существовала уже в момент Большого взрыва. В классической физике эту ситуацию описывает детерминизм Декарта—Лапласа, в современной квантовой космологии этому соответствует представление о детерминистской эволюции вектора состояния или волновой функции Вселенной. Разница между классическим и квантовым детерминизмом является принципиальной, причем именно квантовый детерминизм, с одной стороны, дает возможность построить новую естественнонаучную модель свободы и человеческого сознания, с другой стороны, удивительным образом согласуется с христианской метафизикой и учением о свободе человека»[2].

Таким образом, доказанный физически антропный принцип явился причиной усиления метафизического вектора не только в современной философии, но и в системе естественных наук. Понимая неизбежность согласования естественнонаучного знания и религиозного Откровения, сегодня многие физики-теоретики и экспериментаторы начинают смотреть положительно на религию, немало и тех, кто, по мере накопления физико-матема-

---

[1] *Копейкин К. В., протоиерей*. Моральная достоверность объективного знания // Вестник РАЕН. 2002. № 6(1). С. 46.

[2] *Соловьев Н. А., Посадский С. В.* Пантеистическая метафизика и квантовая парадигма. СПб.: НП-Принт. 2014. С. 215.

тических знаний, ощущая «напряженность присутствия Божества в мире» (А. Ф. Лосев «Эстетика возрождения»), меняет служение науке на служение Богу.

Конечно, нельзя отождествить научное и религиозное освоение Откровения, но и антагонизма здесь быть не может. Понятно, что путь «от видимого творения к невидимому Творцу» в науке гораздо труднее, чем в религии с ее возможностями «мыслить идею Бога», как говорил Кант. Очевидно, что наука и религия стремятся одновременно к великим истинам, которые, называясь по-разному, все же имеют общее намерение — создание единой теории строения мира. Много промежуточных этапов на этом пути, начиная с законов Ньютона, прошла наука, но цель все время ускользает. Как считает физик-теоретик В. Д. Захаров, «может быть, высокая цель постоянно уходит от взоров физиков потому, что она недостижима средствами одной только физики? Без метафизики физик воспринимает мир чисто материалистически — впадает в рабство к этому миру и потому не в состоянии возродить греческий Космос, воссоздать мир вещей невидимых. А без религии разум воспринимает мир лишь как свое собственное мертворожденное создание — создает мир не таким, каков он ест, то есть каким он вышел от Творца, но творит его по собственному образу и подобию»[1]. А известный математик И. Шафаревич говорит, что математика не способна поставить себе цель развития, но должна заимствовать ее извне. Высшей математике может поставить задачу только превосходящая ее сфера человеческой деятельности — то есть религия. Так и физика, и математика постепенно приходят к осознанию того, что только в союзе с религией смогут решить свои насущные задачи. И отсюда следует неоспоримый вывод, что в будущем физика, не отказываясь от своих традиционных методов исследования, станет религиозной.

Когда постулируется развитие физики вширь, а не вглубь, не к метафизическим корням, питающим науку, православная традиция может во многом способствовать изменению этого положения. Как было сказано, открытие дуализма в квантовой механике позволило отказаться от абсолютного механистического детерминизма физических законов и рассматривать естественный мир в вероятностных закономерностях, что устраняет противоречие науки и веры, которое, как говорил философ А. Ф. Лосев, возникает или при «плохой вере», или при «плохом разуме»[2].

Современной наукой доказано, что не искусственное продление жизни, а «феномен смерти», проявляющийся, например, в биологическом механизме апоптоза, свойственном всем живым организмам, то есть запрограммированная гибель некоторых клеток организма во имя его дальнейшего развития, является необходимым условием биологического процесса эволюции и примером жертвы во имя жизни, имеющей и в социальном бытии множественные примеры.

И многие современные физики, панически стонущие о «конце науки» и о «конце мира», выдумывающие себе мнимые физические задачи, того не подозревая, своими стенаниями свидетельствуют о разуме, страдающем о вере.

---

[1] *Захаров В. Д.* Естественнонаучная апологетика // Христианство и наука. Рождественские чтения. М., 2001. С. 212.

[2] Христианство и наука. X Международные Рождественские образовательные чтения. М., 2003. С. 10.

Ведь если разум обладает самопознанием и осознает свою «нищету», если он стремится к свободной воле, к высшему знанию, то в этом стремлении уже заложено религиозное чувство. Но «свободная воля — условие для действия морального закона, который сам себе самозаконен (автономен), то есть содержит сам в себе цель. Эта требуемая разумом цель — стремление к высшей добродетели как таковой — требует для абсолютного своего осуществления бесконечного существования (бессмертной души), а также абсолютного нравственного законодателя и гаранта осуществления добра (Бога)»[1].

Однако не все так логично в современном материалистичном и технократичном мире. Там, где провозглашается мораль успеха, где агрессивное либеральное меньшинство жестоко навязывает свои законы подавляющему большинству, где насаждается огнем и мечом «демократия», кажется, прекращаются все природные и вселенские аналогии. Но, как говорил А. С. Панарин, «не человек для субботы, а суббота для человека, не человек для демократии, а демократия для человека, не человек для рынка, информатизации, глобализации, а они для него. А это означает: если они сегодня служат во вред большинству, то не большинству надо адаптироваться к неприемлемым для него “глобальным тенденциям”, а сами эти тенденции должны быть скорректированы с учетом запросов, достоинства и исторических перспектив большинства.

В этом смысле православная мораль остается неисправимо “антропоцентричной” — в противовес техно- и экономикоцентризму современной западной культуры. Но антропоцентризм Православия не безусловен, как это было в случае западного ренессансного гуманизма, а обусловлен теоцентрически: человек — мера всех вещей не сам по себе, не в своей богопротивности и богоотставленности, а в качестве существа, отмеченного печатью Богосыновства — порученца Господа здесь, на грешной земле, за все происходящее перед Ним отвечающего.

Такой — трансцендентный, а не имманентный — “антропоцентризм” открывает совершенно особые творческие горизонты. Он указывает: человек — существо не пространственное, ограниченное физической наличностью (будь то наличность материальных ресурсов или наличность прав и свобод, закрепленных земными инстанциями), а временное и сверхвременное, которому дано прорываться в сферы сверхналичного»[2].

Человек, как известно, создан не смертным и не бессмертным, а амбипотентным, нуждающимся для бессмертия в особой благодати Святого Духа. И это закон бытия. И никакие эзотерические практики, силиконовые тела или киберпространства не смогут сделать человека бессмертным и свободным, если своей нравственной жизнью, пониманием причастности Целому он сам не восстановит бессмертную свою природу с Божией помощью. И не осознает, что истинная свобода, дающая возможность заглянуть за границы науки, это отражение образа Божия в человеке. А истинное творчество, в том числе и научное, это со-творчество с Творцом в проявлении невидимого в видимое, это опытное предстояние Творцу во имя познания сути тварности как отношения с Богом.

---

[1] *Захаров В. Д.* Естественнонаучная апологетика // Христианство и наука. Рождественские чтения. М., 2001. С. 215.

[2] *Панарин А. С.* Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 295.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

ЗАВЕТЫ СВЯТОГО ВЛАДИМИРА

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

В этом году на Руси и в ее диаспоре Церковь и Государство торжественно отмечают **тысячелетие преставления Святого Равноапостольного Великого князя Владимира**. Святой Владимир родился в 963 году и скончался 15 июля 1015 года по церковному календарю (28 июля по современному гражданскому календарю).

Русская эмиграция до Второй мировой войны торжественно отмечала во всем мире эту дату, как **День Русской Культуры**. Особенно широкий размах имели эти торжества в 1938 году, по случаю 950-летия Крещения Руси. Затем, уже после войны, Русская Эмиграция снова торжественно отмечала 10-летие Крещения Руси в 1988 году. В Аргентине для этого был создан РПЦЗ специальный комитет, в котором активное участие принимало местное Кадетское Объединение. В Первом Русском Великого князя Константина Константиновича Кадетском Корпусе (ПРВКККК) в Югославии даже был своего рода Владимирский культ, ибо он был сводным корпусом **Владимирского Киевского и Одесского** кадетских корпусов. Третья рота ПРВКККК называлась Владимирской, и в ее коридоре стоял большой киот с иконой Святого Владимира. В этом зарубежном русском кадетском корпусе хорошо и правильно преподавалась русская история и кадеты читали и знали содержания «Русской Киевской Летописи», «Слова о Полку Игореве», «Слова митрополита Киевского Илариона» и другие тексты Древней Руси.

Это современное государственное и религиозное торжество подтверждает также и **современную актуальность деяний Святого Владимира и его заветов**, среди которых центральное место занимает Креще-

ние Руси. Акту Крещения предшествовал сложный процесс **избрания веры** среди нескольких возможных альтернатив, а затем из самого факта Крещения вытекает несколько **исторических заветов Святого Владимира**. Эти заветы Святого Владимира можно перечислить и резюмировать следующим образом.

1. Выбор Православной Христианской веры. Киевский летописец повествует, что князь Владимир, прежде чем креститься, основательно исследовал многие тогда хорошо известные на Руси религии: мусульманскую, иудейскую, латинскую и, наконец, греческую. Согласно преданию, он лично принимал у себя представителей этих вероисповеданий, а затем также послал своих послов объехать их страны, чтобы получить болеее полную информацию из первоисточников. Сделанный в результате этих исследований выбор был свободным и публичным, без посторонних или подспудных принуждений, давлений или влияний. Согласно современной терминологии, это был выбор демократический, учредительного и конституционного характера, то есть «**выбор навсегда**», согласно терминологии учредителей США. Таким образом, все игнорирующие сегодня этот завет Святого Владимира и ищущие ориентацию в других местах, от которых Святой Владимир отвернулся, по существу ему изменяют.

2. Крещение всея Руси. Сперва крестился сам Владимир Святой в восточно-римском (византийском) городе Херсонесе, по-русски Корсуни, на территории сегодняшнего Севастополя, а затем крестился и весь народ в Киеве, второй столице древнерусского государства. Летописец и другие авторы, через несколько десятков лет после смерти Святого Владимира, постоянно подчеркивают всеохватывающий, упорный, настойчивый план Крещения **всея Руси и всего русского народа**, породившийся волей Святого Владимира. В похвальном слове мних Иаков многократно повторяет: «***Крести же всю землю русскую*** *от коньца и до коньца… И* ***всю землю русскую*** *исторже из уст диаволь и к Богу приведе и к свету истинному*». А по выражению митрополита Илариона, первого киевского митрополита из русских, «*труба апостольская и гром евангельский огласили все города, и* ***вся земля наша*** *в одно время стала славить Христа*».

3. Единство Русской Земли. Что представляла из себя эта «***вся земля наша***», о которой говорят митрополит Иларион, наши древние летописцы и автор «Слова о полку Игореве»? Это недвусмысленно видно из распределения епископских кафедр при Святом Владимире на тогда **единой Руси**. Это распределение крестообразно: с юга на север и с запада на восток. Именно так возникла **Русская Церковь**. На дальнем юге унаследована от древности епископская кафедра в Тмутаракани, на азовско-черноморском Предкавказье (по-гречески «Таматарха», нынешние Тамань и Темрюк). На севере была основана епископская кафедра в Новгороде, куда в 991 году Святой Владимир послал первого новгородского епископа Иоакима. На западе была основана епископская кафедра во Владимире Волынском, а на востоке, в Суздальской Руси, Святой Владимир установил первую кафедру в Ростове. Ростов лежит восточнее Москвы, так что сегодняшние утверждения, что Суздальская или Московская Русь якобы не были причастны к акту Крещения всея Руси Святым Владимиром — не соответствуют исторической правде, а современным идеологическим фальсификациям. Да и **столица Суздальской Руси — Владимир, была основана при Святом Владимире и названа**

его именем. Москва была основана в 1147 году киевским Великим князем Юрием Долгоруким, праправнуком Святого Владимира. Во Владимир переместилась в 1299 году из разрушенного татарами Киева — вместе с частью населения — Митрополия Русской Церкви, и так со временем город Владимир стал третьей столицей всея Руси, а затем Москва — четвертой. Это установление епископских кафедр по «всей Руси» Святой Владимир подкрепляет также и назначением своих сыновей на городские княжения тоже по «всей земле Русской»: в Тмутаракани, Владимире Волынском, Турове, Пскове, Полоцке, Смоленске и опять же в Суздальской Руси, в Муроме, еще восточнее Ростова. Значит, «Крещение Руси» при Владимире Святом достигло всех тогдашних областей нашей страны, о чем и свидетельствует летописец: «***Крести же всю землю русскую от коньца и до коньца***». Киевский митрополит Иларион поясняет: «*Все страны, и города, и народы чтут и славят каждый своего учителя, научившего их Православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, Великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих и ныне победами и силою поминаются и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в* ***Русской****, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли*». (Перевод академика Д. Лихачева на современный русский язык). Автор «Слова о полку Игореве» тоже неоднократно говорит о «Русской земле» и печалится о ее страданиях:

Усобица княземъ на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» млъвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании съ всехъ странъ
прихождаху съ побъдами на землю Рускую…

О, стонати ***Руской земли****,*
помянувше пръвую годину
и пръвыхъ князей!
Того старого Владимира
нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевьскымъ…

Эту «**землю Русскую**», со всеми установленными на ней Святым Владимиром епархиями, образующими один митрополичий округ, в Константинополе называют «Россия». Другими словами, **историческая Россия** — это **соборная совокупность Новгородской Руси, Киевской Руси, Суздальской Руси и Тмутараканской Руси**, то есть тогдашней «**всея Руси**». Это имя значится на многих византийских документах, иногда с одним «с», а иногда с двумя «с», например, при Патриархе Николае Грамматике в 1092 году и при Патриархе Иоанне в 1107 году. Иногда слово «Россия» становится частью имени греческого митрополита в Киеве, например «Михаила Руского»

(Михаил Росияс), упоминаемого в 1171 году. А «бабка» Святого Владимира на греческих иконах именуется: «Святая Ольга, Великая Княгиня Российская» (Агия Олга, Мэгалэ Архонтиса тон Росиас). На Западе Римская Церковь употребляет это же самое слово, только превращает греческую «омегу» в «у»: «Русия».

4. Духовно-культурное единства Руси. Имя «Россия» обозначает со времен Владимира Святого форму и содержание **новой самобытной духовно-культурной единицы**, продолжающей существовать и сегодня, через тысячу лет, несмотря на разные мутации в ее государственной оболочке. Более того, эта новая русская национальная культура свободно вошла в состав тогдашней Восточноевропейской цивилизации, первоначально зародившейся в рамках Восточной Римской империи, утановленной в 395 году императором Феодосием Великим. Так, уже тогда, «подле Западной Европы, для общей деятельности с нею, явилась новая Европа, **Восточная**». (С. М. Соловьев. **История России с древнейших времен**. М. 1963. Т. IX. С. 320.) Арнольд Тойнби считает, что эта Восточноевропейская цивилизация является одной из пяти современных цивилизаций из общего числа двадцати всех бывших в истории человечества цивилизаций. Со времен Тойнби, закончившего свое исследование после Второй мировой войны, заметны некоторые перемены в подобных перечнях современных цивилизационных сфер. Например, известный североамериканский политолог Самуэль Хантингтон, во время одного своего доклада в Буэнос-Айресе в 90-х годах прошлого века, выразил мнение, что страны Латинской Америки постепенно отпочковываются от Западноевропейской цивилизации в свою собственную автономную цивилизацию. Также можно добавить предположение, что Западноевропейская цивилизация сегодня становится **Евроамериканской** цивилизацией, а Восточноевропейская цивилизация становится **Евразийской**.

5. Учреждение «Устава Земли Русской». Летописец свидетельствует: «*И бе Володимер думая с дружиной о строи земленем и* ***уставе земленем***». Два раза повторяемое в этой фразе слово «**земленем**» указывает нам на **земский**, то есть на **территориальный**, а не групповой (родовой, племенной, сословный, партийный или корпоративный) характер этого Устава. Посольство в Польшу во время Смутного времени, возглавлявшееся митрополитом Филаретом, отцом будущего царя Михаила Федоровича, конкретно указывает в 1610 году на Святого Владимира, как на учредителя Боярской Думы, начиная с которого ни одно «великое государственное дело» на Руси не совершается без ее совета. Дума состоит из **созванных** князем, а затем царем старших дружинников, позже называемых «боярами». Само это действие созыва и назначения указывает на происхождение Думы от Римского Сената в Константинополе, также как и учреждения царского и патриаршего достоинства. По-гречески Сенат называется «**Синклит**», что и значит буквально «**созванные**». («Синклит» одного корня с глаголом «скликать».) Известный историк-эмигрант М. В. Зызыкин в своем труде «Царская власть и Закон о престолонаследии в России» утверждает, что Древняя Русь во многом следовала примеру Византийской империи, имеющей началом основание Константинополя святым **равноапостольным** Константином Великим. При Святом Владимире к нашей стране уже окончательно применяется имя «**Россия**», сразу же входящее и в международный обиход как на Западе, так и на Востоке. («Ρωσια» по-гречески и «Rusia» или «Russia»

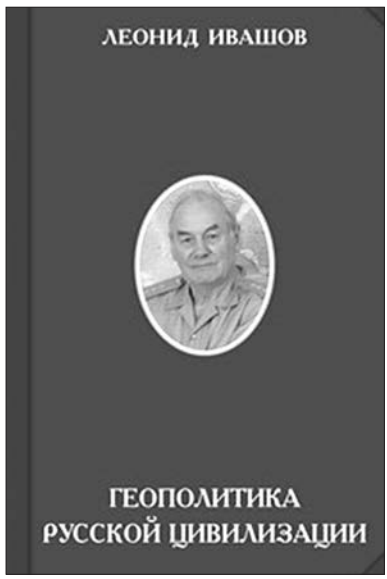
по-латыни.) Хотя, в византийских источниках уже Великий князь киевский Игорь и Великая княгиня киевская Святая Ольга величаются «*великим архонтом России*» и «*великой архонтисой России*».

В заключение еще необходимо добавить, что в этом году мы также отмечаем и тысячелетие мученической кончины двух сыновей Святого Владимира, святых Бориса и Глеба, своей смертью запечатлевших принцип старшинства в наследовании верховной власти на Руси. Также нельзя обойти молчанием и тот факт, что тысячу лет тому назад, в 1015 году, папа Римский Бенедикт VIII стал употреблять в публичных молитвах добавку «филиокве» к Символу Веры. Рим тогда находился в зависимости от франков. До этого эта добавка иногда лишь спорадически произносилась на территориях франкских владений, даже несмотря на некоторые тогдашние папские протесты. Так был подготовлен раскол в христианском мире и между Западной Европой и Восточной Европой, а за раколом и участие Западной Европы в самых разных коалициях против России. Лишь в 2000 году кардинал Йозеф Ратцингер, будущий папа Бенедикт XVI, впервые убрал эту вставку в Символ Веры в одном официальном документе Римской Церкви.

Вышла книга

Ивашов Л. Г.

Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 800 с.



Автор придерживается классических определений и категорий геополитики как самостоятельного научного направления и политической стратегии государств, империй и цивилизаций. Геополитика русской цивилизации рассматривается как синтез энергии почти двухсот этносов, объединенных энергией огромных и разнообразных евразийских просторов.

Исторические процессы в работе тесно увязываются с современностью, делаются прогнозы развития человечества в XXI столетии, утверждается: Россия вновь должна сыграть роль «удерживающего», потому что ее божественно-космическая предназначенность в исторической судьбе народов мира — оберегать человечество от самоуничтожения. Интересен в труде доказательный вывод, отрицающий Запад как цивилизацию. Не менее интересно предложение о необходимости объединения религиозных и научных знаний для познания сущности Бога, человека и мироздания.

Александр КАМЧАТНОВ

А. С. ШИШКОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВОФРИКИ

Александр Михайлович Камчатнов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького. Зам. главного редактора «Вестника Литературного института», член редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Член Диссертационного совета в Литературном институте им. А. М. Горького. Область научных интересов — история русского рукописного наследия, история русского литературного языка, история России и русской культуры. Автор более 60 научных публикаций. **Живет в Москве.**

Лев Иванович Скворцов был учеником замечательного лингвиста, лексикографа С. И. Ожегова, который, в свою очередь, был учеником выдающихся языковедов академиков В. В. Виноградова и Л. В. Щербы. Таким образом, Л. И. Скворцов является прямым наследником и продолжателем классического идеала русской академической науки, и мы, его ученики и коллеги, стараемся по мере сил продолжать эту традицию.

Мы живем в довольно странное время, когда классическому научному идеалу со всех сторон угрожают опасности. С одной стороны, государство, которое со времен Петра Великого было главной силой поддержания науки в России на высоком мировом уровне, затеяло уничтожение основной научной структуры — Академии наук; с другой стороны, само общество как будто утратило интерес к науке, ибо средства массовой информации, которые призваны выражать и формировать общественное мнение, отдают эфирное время и газетные полосы рекламе, шоу-бизнесу и политическим скандалам и практически не интересуются тем, что происходит в науке; с третьей стороны, разного рода шарлатаны от науки стараются выдавить науку из общественного интеллектуального пространства и занять в нем ее место, и приходится констатировать, что это им в значительной мере удается. Вот об этом мне и хочется поговорить в связи с моими исследованиями по истории языкознания в России, связанными с именем А. С. Шишкова.

Это имя все чаще стало мелькать в писаниях тех, кто с недавних пор получил название лингвофриков. Слово *лингвофрик* образовано от *linguo* + *freak*; вторая часть композита имеет целый букет значений: в качестве отвлеченного существи-

тельного оно обозначает «каприз, причуду, чудачество», «ненормальный ход какого-либо естественного процесса»; обозначая лицо, оно имеет такие значения, как «уродец», «человек с сексуальными отклонениями», «наркоман», «хиппи», «фанат». Самый мягкий перевод слова *лингвофрик* — лингвист-любитель, пожестче — лингвист-сумасшедший; соответственно, лингвофрикика — это любительская лингвистика или лингвистика сумасшедших, попросту говоря, это лженаука.

Лженаучные направления есть не только в лингвистике: и у астрономов, и у биологов, и у медиков, и у историков, и у физиков есть свои «фрики». За последние 20 лет «фричество» приняло такие размеры, что уже в Российской академии наук создана комиссия по противодействию лженауке, а в Сети появился сайт http://www.freakopedia.ru, представляющий собой целую энциклопедию современных лженаук всех направлений.

Излюбленными темами «исследований» лингвофриков являются дешифровка древних надписей (В. А. Чудинов, Г. С. Гриневич), интерпретация алфавитов (О. Ф. Мирошниченко, М. Ю. Черненко), этимология и словообразование (Н. Н. Вашкевич, А. Н. Драгункин, Е. А. Гладилин /Светлаяръ/, А. Асов и др.); среди этих последних заметны своими писаниями такие писатели, как Михаил Задорнов и Сергей Алексеев, о которых я несколько лет назад говорил, а затем опубликовал статью в «Литературной учебе» (2010, № 1).

Характерной чертой всех фриков является противопоставление своих теорий официальной науке, то есть той науке, которая существует в разного рода институциях, поддерживаемых и финансируемых государством. Поэтому фрики предстают в образе бескорыстных рыцарей истины и бесстрашных новаторов, тогда как официальные ученые ради сохранения материального положения погрязли в косных, устарелых теориях.

Вместе с тем лингвофрики любят находить своих предшественников в прошлом, благодаря чему их «наука» приобретает респектабельный вид солидной научной традиции, задавленной «официозом» царского или советского времени. Ничем иным нельзя объяснить возросший интерес лингвофриков к фигуре и к научному и публицистическому наследию А. С. Шишкова, свидетельством чего явились две публикации его сочинений. В 2009 году четвертым изданием была издана книга под названием «Славянорусский корнеслов. Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных» (СПб.: Издатель Л. С. Яковлева, 2009); об этой книге я написал статью, «Невежество как добродетель», опубликованную в «Вестнике Литературного института» (2011, № 2). В 2011 году была издана книга: Александр Шишков. Огонь любви к отечеству // Составление, комментарии, послесловие В. В. Семенцова, предисловие А. Ю. Минакова / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. Об этом издании далее и пойдет речь.

«Предисловие» написано довольно известным историком русской консервативной мысли Аркадием Юрьевичем Минаковым; в нем кратко изложена биография Шишкова и в общих чертах обрисована разработанная Шишковым политическая и культурная программа русского консерватизма. К «Предисловию» у меня в общем претензий нет.

В комментариях указывается, хотя и не всегда, время и место первой публикации, однако не указывается, какая именно редакция воспроизводится в данном издании. Например, «Опыт славенского словаря» издавался

трижды, издания, особенно первое, отличаются друг от друга, но какое издание воспроизведено — не сказано. Самая ценная часть комментариев — это попытка воссоздания того политического и культурного контекста, в котором появилась та или иная работа Шишкова. В отношении исторических и политических работ Шишкова эта попытка оказалась довольно удачной, хотя утверждение о сговоре Сперанского с Наполеоном (см. с. 646) едва ли, насколько мне известно, можно признать историческим фактом, подтвержденным какими-то объективными историческими источниками; однако в отношении научно-лингвистических комментариев у меня есть ряд возражений.

Автор комментариев, В. В. Семенцов, строит их на противопоставлении «правильных» взглядов Шишкова и «современной секулярной филологии». Свойственное Шишкову прискорбное смешение науки с идеологией проявляется здесь в полной мере. Комментатор допускает такие выражения, как: «Вместо послушания Слову современная наука о языке пришла в своем развитии к буквально оглушительным успехам в навязывании миру своих противоречивых и спорных мнений и толкований. В отличие от суемудрых толкователей словоформ Шишков учит нас внимать гласу Премудрости Божией» (с. 660–661). В то же время В. В. Семенцов ссылается на работы замечательного петербургского лингвиста С. В. Воронина, вполне «секулярного филолога», на «Историко-этимологический словарь» П. Я. Черныха, тоже вполне «секулярного лингвиста». Вызывает резкое возражение само понятие секулярной филологии, такое же бессмысленное, как понятие секулярной таблицы умножения, секулярной теоремы Пифагора и т. п.

Еще цитата: «…у секулярной филологии совсем иная логика, основанная на сомнительных постулатах так называемой индоевропеистики или ностратики» (с. 659). Есть два рода обскурантизма. Один — это мракобесие ученых, которые думают, что могут «научными» методами, так сказать, циркулем и пробиркой, доказать бытие или небытие Божие, ответить на другие метафизические вопросы; собственно, это уже и не ученые, а шарлатаны. Второй — это мракобесие верующих, которые думают, что все ответы на научные вопросы содержатся в Св. Писании, не смущаясь тем, что там нет, например, доказательства того, что сумма углов треугольника равна 180 градусам. К сожалению, наш комментатор воспроизводит шишковское смешение науки и веры, науки и идеологии: «Истинно народная, живая этимология слов славяно-русского языка, приводимая в трудах А. С. Шишкова, основана на его твердой православной вере в истинность Священного Писания и в Божественное происхождение всего сущего, включая человека и его язык» (с. 636). Что касается божественного происхождения языка, то В. В. Семенцов, очевидно, плохо читал то самое Св. Писание, на авторитет которого он ссылается, ибо в нем утверждается обратное: не Бог, а человек является создателем языка: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы **видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей**. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2:19–20). Очевидно, Бог наделил человека только способностью к имянаречению, а само наречение имен — это творческий акт человека; иначе говоря, Бог призвал человека к сотворчеству, и Ему Самому было «любопытно», как человек будет пользоваться этим

даром. Если толковать эти библейские слова расширительно, то способность к имянаречению — это и есть способность наделенного разумом человека к познанию мира, а наука есть основная форма этого познания. Что касается индоевропеистики, сравнительно-исторического языкознания, то это одно из величайших достижений человеческого разума; если же ученые-индоевропеисты ведут споры, строят гипотезы, то это нормальное состояние для науки, стимул для ее развития; кроме того, у нее есть и бесспорные достижения.

Поэтому, на мой взгляд, комментатор текстов Шишкова должен указать, где тот в своих этимологических штудиях бесспорно прав, где высказал плодотворную догадку, впоследствии подтвержденную наукой, а где, по данным столь презираемой индоевропеистики, заблуждался. При этом надо сказать, что ошибки Шишкова иногда настолько очевидны, что выявляются и без сложного аппарата сравнительно-исторического языкознания. Вот, например, по поводу глагола *возгнещать* Шишков пишет со свойственной ему (и весьма неприятной) самонадеянностью: «Откуду слово сіе имѣетъ свое начало? безсомнѣнія отъ слова *огнь*. Ясно что *возгнѣщатъ* есть сокращенное *возогнѣщать*, то есть воспалять огнь. Опущеніе изъ сего послѣдняго глагола буквы *О*, для скорѣйшаго произношенія онаго, затмило въ немъ первоначальное его происхожденіе такъ, что сдѣлалось нужно говорить *возгнѣщать огнь…*» и т. д. «Без сомнения», Шишков неправ: корень этого слова — *гнет-* с обычным чередованием *т/щ* (ср. *свет — освещать*); речь идет о кузнечных мехах, при помощи которых нагнетали воздух в горн и раздували сильное пламя, способное раскалить железо для ковки; эта гипотеза достовернее хотя бы потому, что не требует коверкать слово. Таких примеров можно привести множество.

Я занимался «Опытом славенского словаря» и установил, что из 340 словарных статей этимологические высказывания содержатся в 44; из этих высказываний ровно половина оказалась неприемлемой с точки зрения современных представлений, а в 22 случаях можно отметить или обоснованные суждения, или по крайней мере интуитивные прозрения. Как это оценить? Окажись у Шишкова побольше рассуждений на эту тему, чаша весов могла бы склониться в любую сторону. Это значит, что оценивать нужно не количество удачных или неудачных этимологий, а сами приемы этимологизирования, причины удач и, главное, неудач Шишкова.

Ответ на этот вопрос достаточно прост. Современная этимология является плодом сравнительно-исторического языкознания. Началом формирования этого метода исследования языков можно считать работу Франца Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков», опубликованную в 1816 году. Именно в этой работе Бопп провел сравнительное исследование спряжения глаголов в этих языках и установил регулярные соответствия как между корнями, так и флексиями этих глаголов. Методологическая ценность такого подхода заключалась в том, что если общность корней можно было объяснить заимствованием, то регулярное соответствие звукового оформления флексий не может быть объяснено заимствованием и ясно свидетельствует о генеалогической общности сравниваемых языков. В последующие годы Расмус Раск, Александр Востоков, Якоб Гримм, Август Потт, Франц Миклошич и другие довели сравнительно-исторический

метод исследования родственных языков до известного совершенства, но вся эта работа прошла мимо внимания Шишкова, оказалась ему совершенно неизвестной. До конца своих дней он был уверен, что «буквы» в слове могут произвольно переходить одна в другую, что при желании для «доказательства» родства слов можно произвольно отбрасывать целые слоги, менять местами или вставлять «недостающие» звуки. При такой методологии можно «доказать» все что угодно. На этом фоне удачные догадки Шишкова выглядят не плодом собственно научного, методологически выверенного исследования, а результатом прозрения, недюжинной лингвистической интуиции, которой был одарен наш герой.

В «Послесловии», вдохновившись легкостью шишковского этимологического фантазирования, В. В. Семенцов пишет: «…в современных же этимологических словарях научно подтверждается то, что было издревле ведомо простому народу: от глагола *лежать* происходит слово *ложь*, а от *стоять — истина*» (с. 635–636). Не знаю, какой шарлатан написал тот словарь, где написана эта дикость, которую автор послесловия по наивности принял за «научно подтвержденную истину». Достаточно открыть какой-нибудь древний памятник русской словесности, например, Остромирово Евангелие 1056 года, и увидеть, что слово *ложь* писали так: ЛЪЖЬ; звук Ъ в корне обозначал краткий звук [ŭ]; в так называемых «сильных» позициях (в частности, под ударением) [ŭ] переходил в [о], а в «слабых» позициях он исчезал; кроме того, он мог чередоваться с долгим звуком [ū], который перешел в звук [ы]; отсюда мы имеем чередование *лгать — ложь — облыжный*; к глаголу *лежать* (корень *леж — лог — лаг*) все эти слова не имеют никакого отношения. Точно так же слово *истина* восходит не к глаголу *стоять*, а к глаголу *быть:* истина — это то, что есть.

Говорят, крайности сходятся. Действительно, ультраправославный В. В. Семенцов недалек в своих этимологических упражнениях от телевизионного балагура Михаила Задорнова, который, например, утверждает, что *родитель* — это тот, кто продолжает род телом. Откуда знать бедному советскому школьнику Мише, что до 1917 года слово *тело* писали через «ять»: тѣло, то есть в корне слова *тѣло* когда-то был совсем другой гласный звук, то есть между сущ. *тѣло* и суффиксом *-тель* нет ничего общего. Кроме того, если принять это мракобесие за истину, то хочется спросить: а что делает учитель?

Наследие Шишкова все еще требует тщательного исследования, на основе которого можно создать научно выверенное собрание его трудов. Пока мы к этому не готовы. Но что можно сказать с полной уверенностью, так это то, что не надо изымать Шишкова из историко-научного, историко-лингвистического контекста, мифологизировать его, превращать в идола или оракула, вещающего непреложные истины, как это делают некоторые лингвофрики. У Шишкова можно многому поучиться, за что мы его и ценим, можно принимать его философию языка, при этом совершенно не принимая его неверных, а иногда просто смешных или нелепых рассуждений о происхождении слов.

При всей научной ничтожности писаний лингвофриков, у них есть одна идеологически привлекательная сторона: апелляция к национальной гордости великороссов — якобы древнейшего народа на земле, язык которого является родоначальником всех мировых языков. Все это может восприни-

маться как глупость или милое чудачество, но, во-первых, это чудачество сеет вокруг себя невежество, а во-вторых, оно останется чудачеством до той поры, пока лингвофрики не будут востребованы властью, не нынешней, а какой-то другой, которая еще только готовится прийти. Нам, пережившим опыт марризма и лысенковщины, не так уже трудно представить себе такие газетные заголовки, как: «Арестована группа буржуазных лжеученых-фасмеристов»; «Предана суду и понесла заслуженное наказание антинациональная группировка псевдоэтимологов-трубачевцев» и т. п.

Вышла книга

Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа.

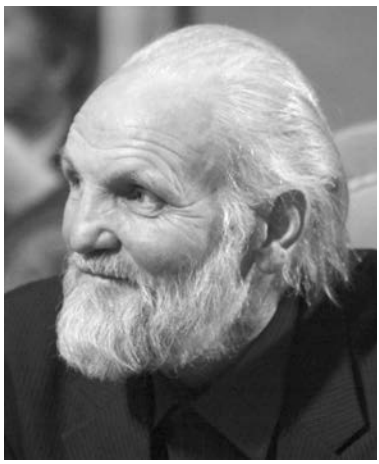
К чести духовного чина / Отв. редактор и составитель П. В. Калитин. — М.: Институт русской цивилизации, Институт общегуманитарных исследований, 2015. — 896 с.

В настоящем издании впервые объемно и с научно-концептуальной выверкой представлено творческое православное наследие Московского митрополита Платона (Левшина; 1737–1812) и его учено-монашеской школы в лице Московского архиепископа Августина (Виноградского; 1766–1819), Санкт-Петербургских и Новгородских митрополитов: Амвросия (Подобедова; 1742–1818) и Михаила (Десницкого; 1761–1821).

За предметную основу взяты уникальные тексты, не переиздававшиеся двести и более лет. В них заключена оригинальная и вместе с тем традиционная отечественная мысль, в соборном преисполнении этих иерархов. Вплоть до косвенного определения уравнения русскости как большого стиля.

«Данная книга безусловно вызовет в чем-то даже сенсационный познавательный интерес не только у специалистов-гуманитариев, но и у всех тех, кто экзистенциально задумывается над сегодняшней судьбой русского мира. Особенно обратит на себя внимание путешествие в Киев в 1804 году, запечатленное главой учено-монашеской школы: “Русским Платоном”, как называли его современники (в том числе и Вольтер). “Первым славянофилом”, как аттестуем его мы», — отмечается в аннотации к книге.

ПРОЗА



Владимир КРУПИН

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Рука дрожит, сильно дрожит, даже трясется. Но, чтоб ни на кого не думали, когда меня обнаружат, надо записать.

Я умираю. Стал выволакивать старое бревно, чтоб сжечь, перенапрягся и упал. В глазах потемнело, голову обволокло. И сколько лежал, не знаю. Когда очнулся, может, от холода, то всего меня колотила дрожь. Я икал и не мог встать. Костер, на котором сжигал мусор, еле-еле дымился. Пламя могло и ко мне подобраться. Господь пожалел — не доходя меня, оно загасло.

Приполз, именно приполз, в свою избушку. Шарил какие-то лекарства, ничего нет. Попил оттаявшей воды из фляги. И сильно замутило. Стало рвать. Все жилы на шее вытягивало.

Темнеет быстро. Спички не нашел. Но печь все равно не истопить. Свечек бы побольше зажечь для нагрева воздуха, но спичек нет. Наверное, у костра выронил. Но уже туда не доползти, падаю. Ложусь. Тошнит. Рвать нечем. Лягу одетым. Одеяла ледяные. Сердце останавливается, так что могу и не успеть простудой поболеть.

Если не проснусь, простите меня, родные, простите.

Ночью. Замерз окончательно. Но в темноте увидел, что огонек в лампаде живой. Ноги не держат, хватался за спинку кровати, за стол. Еле вспомнил, где свечи. Страшно боялся загасить огонек. Стал читать «Отче наш», губы сводит, зубы стучат. «Господи, умираю!». А всегда просил умереть после покаяния, исповеди, причастия, и вот… Господи, умираю. По грехам моим не осуди меня, дай свечку зажечь. И зажег! И согрел ею, попеременно держа в руках, и левую ладонь и правую. Потом вставил в подсвечник. Даль-

ше легче. По стенке дошел до кухонного стола, взял тарелок, в них натыкал свечей, которые зажигал от первой. В избушке посветлело, вскоре показалось, что потеплело. Воду пить боялся, не свежая. Даст Бог до утра дожить, закипячу.

«В руце Твои, Господи Боже мой, предаю дух мой…». Ложусь.

Нет, сразу встал. Что-то с головой. Умираю. Обносит слабостью. Стоять — ноги не держат, лежать — тошнит, голова падает в темное, с искорками, пространство. Сижу. К печке привалился — от нее могильный холод: зиму не топили.

Надо завещание написать. Какое завещание, не смеши людей. Ничего ты не нажил. А что есть, какое наследство, на то есть умная жена и хорошие дети.

Уснуть бы. Но лежать тяжело, мысли рвутся, все время только дети и внуки в сознании. Какими-то наплывами.

Вот, оказывается, как умирают. А столько читал о смертях. Так читал же о монахах, молитвенниках. А наш брат, серый народ, умирает простенько. Вот остановится сердце, и все. Господи, спаси и помилуй!

Попробую сидя дремать. Да, уже опять ночь. Что это? Или еще первая не прошла, или новая наступила? Сколько же я тут? Сутки или больше? Какое-то бессознание.

Свечи освещают иконы. Очков нет. На память читаю молитвы, какие помню. Рвется и память. Тысячи раз читал Покаянный канон, а сбиваюсь.

Очнулся. Утро. А утро ли?.. Вроде опять темнеет? Значит, опять вечер? Значит, день проспал? Или пять минут дремал? Нет, не пять: все свечи в тарелках догорели до корешка. Одна, толстая, мерцает. Какое-то тупое безразличие. Перечитал написанное. Завещание хотел писать, смешно. Небо как свиток совьется, земля и все, что на ней, сгорит, всякое железо сгорит, а ты туда же с клочком бумажки.

А ведь вправду вечер. Хорошо, свечей много. Есть и толстые. Но холодина в доме. Термометр есть, но нет очков. Может, градусов восемь-десять.

Свечка эта толстая спасла, лампада-то догорела. Где масло, не помню. Место мне среди десяти уродивых дев.

Свечи зажег. Опять все осветилось. Дров у печки нет, дрова на улице, да и все из-под снега. Не разгорятся. Печка страшно холодная, еще и от нее леденит.

Деточки милые, ничего я не нажил, только на одно надеюсь, что будете хоть иногда вспоминать. Я вас очень любил, больше жизни любил. Но почему любил, люблю, с любовью к вам умираю.

Сидел и силился вспомнить число и день недели. Какой год, неважно, да и число тоже, а вот что сегодня? Вторник? Среда? Нельзя мне, если доживу, пропустить Лазареву субботу, Вербное Воскресение и начать жить в Страстной седмице. Но это все за такими горами, на которые нет сил подняться.

Конечно, надорвался от тяжести. Дурак, он и умирает по-дурацки, нельзя же было после стольких операций хвататься за сырое бревно. Тебе говорили: не больше трех килограммов. Мало ли что — батюшка благословил сжечь этот огромный холм отходов от строительства часовни, дома, мусор, говорил же: «Ты потихоньку, сколько успеешь, столько и ладно». Мне же всегда надо больше всех.

Дрожь бьет. Рука, видно по кривой строке, косым буквам, трясется. Озяб. Ногам в ботинках холодно. Вчера промочил.

Так сколько же я здесь? Ночь, две? День, два? Три? Нет, это слишком.

Какое-то тупое состояние. Надо оживать, молиться надо, ведь пропадаю. Есть надо. Но даже мысль о еде вызывает тошноту.

Господи, помоги затопить печку. Ну, уж это стыдно просить: самому надо. Ну-ка соберись, не будь нюней. А то скажут внукам: ваш дедушка и печку не сумел истопить, умер в холодной избе. Никаких сил. Прямо беда.

Видимо, сегодня среда все-таки. Батюшка обещал приехать за мной утром рано в субботу.

Но чего считать дни, может, и часов не осталось. Как подпирает слабость, которая все сильнее. Наша сила в нашей слабости? Так это о женщинах. А вот если бы тут была жена, и ради нее надо было согреть избу, то как? Ведь истопил бы. Да, ради любимых нашел бы силы. Ну, и для себя найди! Ты же любимый у Господа.

Сидел, голова падала, с трудом поднимал. Увидел вдруг в красном углу, на полу, бутылку с лампадным маслом. Начнем оживание с лампады.

Зажег! Вроде и руки не трясутся. Нет, опять вибрируют. В окне на улице день. Все-таки день. По солнцу понимаю, что идет к обеду. Да, солнышко. С ним повеселей.

Ищу телефон. Взмолился, нашел. Но что толку, здесь прочно вне зоны связи. Лес же. В те приезды ходил далеко, к трассе, там соединяло. Сейчас и до часовни не дойти. На телефоне должны быть год, месяц, день и час, и минуты. Но я же без очков. Шарил их, шарил, обессилел совсем, опять сидел и только дышал.

А как бы дойти до моей березы, поившей меня раньше? Тут на полочке даже сохранился маленький лоточек из нержавейки, который аккуратно вколачивал в ствол. И капало. Днем побыстрее, к вечеру замирало. Да, вот сок земли, выкачанный корнями березы, меня бы оживил.

Мысль о березе, память вкуса о березовом соке меня как-то оживляют. А что? Вставай и иди к природе за лекарством.

Нет, слаб. Ноги не держат. Вот бы костылики.

А ведь и хорошо, что ни часов, ни радио, ни связи нет. Зачем? Светлеет окно — скоро утро, просветлело — день. И пошел день, и идет, и идет, не останавливается. Но какие же долгие ночи!

Так хотелось справиться с этой безобразящей вид грудой мусора, убрать и у домика, и у часовни. Убирать и все время поглядывать на разливающуюся реку. А в домике нет окна на реку, не вижу этот океан воды. Да, океан жизни. Я на берегу океана. Выброшен умирать.

Господи, до чего же тяжело писать. Сейчас опять налетало забвение и какое-то бездумие. Выветривается голова, так, что ли?

Не могу понять, лучше мне становится или хуже? Есть совсем не хочу. Да и Великий пост. Но для сил нужно питание.

Пожевал кусочек ржаного хлеба. Сухо, слюны нет, не проглотить. Птицам отдам. Они всегда здесь меня ждут. Зимовали. Да, и зимой сюда приезжал. На лыжах продирался.

Пульс слабый. То изредка частит, то еле-еле напрягается жилка, пульсирует. Да, прижало меня. Так мне и надо. Даже и сейчас собой занимаюсь, стыдно.

Что, братишечка, страшно помирать? Не страшись: все равно же придется.

Но дети, дети мои милые, внуки, как же вы без меня? Дети мои, кровные и крестные! Внуки! Вот ваш дедушка среди весеннего леса один-одинешенек. Как я хотел дожить до того, чтобы видеть вас взрослыми. Видимо, увижу, но уже из другого мира. Если еще заслужу такой чести.

Смею просить: молитесь за меня, обо мне. Боюсь даже не смерти, а ответа за грешную жизнь. Грешник «биен будет много». Особенно тот, кто знал, что надо будет ответить не только за дела, даже за каждое слово. Не только бранное, просто праздное. Которое можно было не произносить. А я-то сколько их рассорил! Сколько словесного мусора оставляю. Как бы его сгрести в кучу и сжечь?

Авторучкой пишу, она тоже, как и я, еле живая. Тоже перемерзла. Над свечкой отогрел. А блокнот еще совсем толстый, мне его никогда не исписать.

Солнышко рассиялось. Дай мне сил, светило, Богом созданное.

Нет, пока на улицу не осмелюсь. Сижу, валюсь на правый бок, на левый боюсь: сразу тяжелеет сердце.

Потеплело от свечей в моем пристанище. Пальцами ног шевелю. Слушаю себя, везде пусто. Вот оно, великое изречение: в чем только душа держится. Цепляться же ей за что-то надо. Надо что-то съесть. И без воды нельзя. И пить воду из фляги боюсь.

О, и тут батюшка спасает! Оказывается, он привез и поставил у стола пятилитровую бутыль с водой. Не давал мне тащить. А солнышко ее высветило. Прямо на колени перед ней встал, накренил, налил в кружку. Боялся пить: затошнит, но все хорошо. Попил глоточками. Еще попил. Желудок благодарно отозвался. То есть я почувствовал, как вода оживляет меня.

Да, так. Оживляет. Ну, оживи и дальше, чтобы до березы дойти.

Полежу. Плохо, что вода холодная, внутри холодно. Лежи, в могиле еще холоднее.

Полежал. Думал: как понять, что вот именно моя душа пришла в этот мир? Господи, за что мне такая милость и благодать? Я ли должен был видеть эти облака, этот весенний широкий разлив, эти сухие, умирающие травы и эти стрелки-иголочки новых зеленых травинок, я ли?

Господи, как мне всегда легко и привольно дышалось под небесами Твоими. И какая краткая оказалась жизнь, как мало успел, успел только понять: какая у нас коротенькая жизнь.

Мгновенная.

И в эти мгновения, составляя опись сотворенного Богом мира, в который Он поместил меня, думал, что надо в нее вставить и залетевшего в домик шмеля, который упрямо таранит воздух в избушке, сердится, значит, на меня. Откуда я вдруг взялся в его привычном мире? Или просит выпустить? Ничего, мы с ним подружимся. А как изобразить в словах полет умирающего в полете, догорающего сухого листочка? Вчера же удалось немного разжечь костерик.

Да! Вот где сухие дрова, в костерке. Он загас, но всякие ветки в нем и щепки высохли.

Надо за ними. Не истоплю печь, окочурюсь. Уже и кашель налетает. Тяжелый, сухой. Надрывный. Знаю, под утро будет еще сильнее мучить.

И вот — первая победа. Сходил, еле-еле дотащился до груды мусора, около которой разжигал костер, постоял, отдышался. Запах костра, такой родной с детства, тоже воскрешает. Река еще и еще размахнулась в размерах, подпирает мой высокий берег, а низкий весь затоплен. Островки деревьев.

Притащил дровишек. Мало. Но начать топку — великое дело. Открыл отдушину, вьюшку. Скомкал сухую газету, поджег свечкой. Горит, но дым идет не в трубу, в избу. Это или снегом забило, или ворона гнездо в трубе свила. Плохо дело. Избушка полна дыма, еще и от него кашляю и плачу. Беда, беда. Пришлось дверь открыть, чтоб дым вытягивало. Снова рвал газетки, уже и лучинки к ним добавлял, и сухие веточки. Нашел даже за печкой свиток бересты, это материал зажигательный. Трещит, свивается. Дым ахает из дверцы, сквозит из плиты, я в дымовой завесе, дышать нечем. Как ты, мой шмель, жив ли?

Выполз на крыльцо, дверь оставил открытой. Отдышался, пошагал опять за дровами. Надеялся, что протянет. От костра оглянулся на избу, на трубу и возликовал — тонюсенькая струйка дыма шла из нее. Победа!

Даже сил прибавилось. Себя урезонивал: набирай дров поменьше. Приковылял с дровишками в избу. В ней, конечно, холодно, но не дымно уже, уже «веселым треском трещит затопленная печь». Вроде и сам повеселел. Пушкин пришелся к месту.

Тяга хорошая. Плита вскоре теплая, теперь горячая уже.

И еще ходил за дровами, и еще. И перестарался. Опять прижало, да так, что думал: все. Стало даже безразлично дальнейшее. Умирать-то, что в теплой, что в холодной избе, разница невелика, не я тут решаю.

Воду пил из бутыли. Но что вода организму, да еще холодная. Рвало опять. Крепко меня прополаскивает.

Сознание опять терял. Все же ненадолго, так как дрова не успели прогореть. Поставил чайник, насовал в печку дровишек, бывших досок, реек, веток.

Стемнело. Ночи страшусь: дрожь опять вернулась. Печь все еще холодная.

Еще победа — чайник согрелся, заговорил со мной трясущейся крышкой. Чай у меня хороший. Заварил в кружке. Вначале ее ошпарил, прогрел тоже. Вылил из чайника кипяток в умывальник — пар идет, тоже греет воздух. Снова налил чайник, снова на плиту поставил.

Пока он закипал, читал молитвы. Да я все время их читаю. Прошу ангела-хранителя гнать от меня плохие мысли, только молитвы. Вот, милый ангел, где мы с тобой. Прости, тебе со мной всегда было несладко.

Воздух в избушке все теплее. Но пол ледяной. Поднял повыше одеяла и подушки. Кашляю до стона.

Понимаю, что меня так за грехи треплет. Хоть бы только не умереть. А и умру. Недавно же, перед поездкой, причащался.

Слава Богу.

Постоянная судорога мыслей, лица, мелькающие в сознании, вина перед всеми, как понять?

А так и понять, что вина перед всеми, то есть перед Богом.

Господи, Твоя воля, пока живу: лампада горит, иконы со мною, в окне часовня, под обрывом растущая мощь прибывающей воды.

Еще и еще натолкал в топку дров, уже кончились. Больше не пойду за ними: темно. Да и хватит, уже плита раскалилась. Пойдут после зимы трещины в стенках печи, неудобно перед батюшкой.

В избе все теплее, а мне все холоднее.

Молитва перед едой. Чай дымится в кружке, подсластил. Размочил хлебушек, потихоньку съел немного. Больше пока не буду, пусть приживется.

Не буду и гадать, какой день, какое число на дворе. Батюшка сказал, что приедет в субботу утром. Может, она завтра и есть.

Хотя бы уснуть.

А как уснуть, когда я, как последний салага, налопался крепкого чаю. Прямо, как зэк, чифирил. Но хотя бы ощутимо согрелось внутри. А кашель наваливается с новой силой. До помутнения сознания. Передышки редкие. Будто кто у меня внутри поднимает к горлу волны удушья, которые надо выкашлять. Нос заложило. Сморкаюсь сильно, бесполезно.

Так мне и надо. Может, от этих страданий грехи изглаживаются? Чего захотел! Какие это страдания, кожу с тебя, что-ли, сдирают?

Вспомнил из недавнего прошлого, то есть поход за дровами, что сочинилась такая фраза: «И упадает закатный луч на прошлогодние травы». И еще: «Спасение России в пространстве и времени». Вот какой умный гриппозный писака. Кашляй, выкашливай дурь. Да, еще же была фраза, когда глядел на лес: «И вдруг, в завершение дня, солнце озаряет окрестность, и особенно роскошную березу, что любоваться ею можно в любом состоянии». Немножко искусственно. Но уж больно береза была хороша. И любому состоянию помогала.

А интересно, почему «моя» береза не рядом с домиком? Не знаю. Шел с топориком по берегу, выбирал, и все их жалел. То есть березы. Выбрал. Аккуратно подрубил две канавки уголком книзу, в уголок вколотил лоточек, подставил ведерко. Но вообще, такое, небольшое изъятие сока для дерева не страшно. Например, сосны, добывание из них ценнейшей живицы. Называется подсочка. Такие сосны даже иногда лучше тех, которые росли без изъятия живицы.

Перед дорогой к березе полежу.

Боже мой, какой полежу: потолок черный. Думал, что это закоптил дымом, нет, это ожили мошки. Потолок прямо весь шевелится. На окнах они же, стадами пасутся на стеклах. Что делать? Когда были с братом, и они так же ожили от тепла, то я стоял внизу, подняв над собой таз с водой, а брат, вставши на стол, сметал мошек веником. Вода в тазу становилась черной. Сейчас я один. Куда денешься, хай живут. Меня уж точно переживут.

Да, опять что-то плоховато. Давно молитвы не читал. Вишь, профессия проснулась, фразы ей подавай.

Нет, пока день, надо идти за соком. Побреду. Святителю отче Николае, помоги!

Да, сходил. Тихохонько брел, добрел. Надрезы мои прошлогодние промокли, на них черным-черно муравьев. Сок березовый, их можно понять. Освежил бороздки, заколотил лоточек, подставил банку. Приду часа через два. Нет, так нельзя, надо: «Если даст Бог дожить, приду через два часа».

Из опыта многолетней жизни знаю, что оживить может только молитва. Но так плохо мне еще не бывало, и когда-то и молитва не оживит. Читай, брат, читай. За Богом молитва не пропадет.

Снял даже куртку. Сверху, с проволоки спустил одеяла и подушки, нагрелись. Но и они все в мушках. Кашель.

А вот на улице не кашлял. Даже голова отдохнула. А то такое надрывающее напряжение. Сейчас опять приступ был. Хотя бы отхаркивалось. Нечем.

Спустил ноги с кровати. Еле-еле душа в теле. Как это точно! Но чем хороша русская изба, она залеживаться не даст. Когда лежать? Надо печку топить, дров запасти. И к березе сходить.

Ну, крестись на Красный угол, молись, и в путь на долгие минуты.

Молодец я, надо же когда-то и себя похвалить, натаскал и дров, и за соком сходил. Там присел у березы, прислушался. Всегда любил слушать, как тенькают капли сока в ведро, в кастрюлю. Слушаю, не слышу. А капли одна за другой. Что такое. Прислушался. Да я же глухой, не слышу ничего. Знаю, что птицы поют, ветви на ветру вверху шумят, не слышу. Ударила простуда по ушам. Впечатление ошеломляющее. Возвращался в полной тишине. Ветка под ногой хрустнула, чувствую, а не слышу звука. Что же, и это за грехи.

Похвалил себя, и сразу наказан: упал прямо лицом. Запнулся за ровное место, полетел. Руки вытянул, а они не держат. Ткнулся в землю. Оцарапал нос. Ощутил кровь. Хорош подарок солнечного дня.

Умылся, лежу. Зеркала нет на себя полюбоваться.

Собрался с силами, затопил. Опять дымит. Слезы от дыма. Но хоть и от него, а хорошо, что слезы. Прошу же в молитве дать мне «слезы, память смертную и умиление». Память смертную можно и не просить, она рядом, а слезы — смыть грехи, прошу.

Гасла лампадка. Видимо, такое масло загустевшее от морозов, что фитиль плохо тянет. Зажигал лампаду и увидел крест. Большой, латунный. Расстегнул рубашку, приложил к груди. Так целительно освежил грудь. Остудил и лоб крестом.

Чистил лук, разрезал луковицы и вдыхал носом запах. Это очень надо, ибо явился «к числу других затей» насморк. Дышать ртом не могу, губы пересыхают, язык шершавеет.

Покрошил лук и мелко картошку, поставил на плиту рядом с чайником.

После таких подвигов опять лежу. И как-то спокойно думаю о земной кончине своей. Совсем не страшно умереть, хотя ночью очень испугался, когда куда-то проваливалась голова и сердце сдавливало. Все равно я же не чахлик невмерущий, не вечный жид, все равно умирать. Страшно одно: как мои родные, милые, любимые люди без меня тут останутся?

Но им же лучше, что я здесь умру, на родине. Не надо будет меня везти в такую даль, сам приехал.

Здесь же и услышал великую вятскую пословицу: «Отдóхнем, когда подохнем».

Забулькал мой супик. Посолил. Немножко масла растительного добавил. А вдруг пятница?

Двигаюсь как-то заторможенно, но двигаюсь же.

Мошек на окне припекло, перебрались окончательно на потолок. «На кровати я лежу и гляжу на потолок: таракашка таракашку на шабашку поволок». И лезет же в голову такое. Или вспомнился совсем вроде ни к чему мальчик лет трех, в Вятке, на улице. Говорит мне: «Папка на шабашке, а мама красавица».

О, у меня появился заступник и союзник. Это паук. Он питается мошками. Ему за ними бегать не надо, не надо паутину тянуть, сами к нему подползают. Он выедает пространство вокруг себя и перемещается. Только и делов. Ну и пузо у него, ну и аппетит.

Дышал над кастрюлей паром от картофеля и лука. Потом похлебал немного.

Главное желание — больше всего хочется услышать голоса детей и внуков. Пусть ни о чем, только голоса. Милые мои! Уже из школы пришли, уже капризничают: то не хочу, другое не хочу. Небось, ухватили конфет, суп не хотят. Мне бы ваши супы. Но и свой хорош. Женушка, родная, молюсь за всех вас, прошу и вас меня вспомнить.

Солнце сияет во все небушко. А выйдешь — ветер, холодина, несет с реки влажной сыростью.

Надо попытаться зажечь костер для сжигания мусора. Зарядился старыми газетами, спички нашел, они и не терялись, лежали в печурке, оделся. Надо бы переобуться. Обмывать будут, да увидят немытые ноги. Хорошо ли? Стыдно.

Поставил в большой кастрюле греть воду. Вода из фляги. Из бутыли, батюшкину, берегу.

Итак, ходил к костру. И разжег его, и потихоньку из груды мусора доставал, что помельче, и подкладывал. Разгорелось. Вдруг пламя резко и резво пошло по сухой траве, еле-еле успел захлопать его лопатой. Потом еле отдышался. Потом долго окапывал костер. Иначе может быть беда. Трава сухая, огонь по ней может уйти к лесу.

Но эти старания стоили полного бессилия, приступов кашля до изнеможения и тошноты. Все-таки сплюнул, но слюна красная. И как-то спокойно подумал: кровь. Видно, надорвал бронхи. А может, что и посерьезнее. Как знать. Как Бог даст. В домике еще поел своего супа. Но не идет. Рассмотрел сумки, привезенные сюда. О, у меня всего полным-полно. Матушкины заботы. Лепешки, блины, помидоры, мандарины. Морковь и свекла. Тоже надо варить. Но уже, даст Бог, завтра. Да, надеюсь.

Лежал, вспомнил Акутагаву Рюноске, его «Зубчатые колеса». Читаешь, и с ним начинаешь сходить с ума. Вспомнил и Мопассана «На водах». Читаешь, и с ним умираешь. Талант, или в самом деле это переживали? Литература или жизнь? У меня здесь записи начались с написания завещания, а потом пошел репортаж об умирании. Скорее, желание оставить детям свидетельство о последних днях (да, именно так думал), о том, что именно о них, и почти только о них, думал днями и особенно ночами.

А, собственно, хоть сейчас умру, хоть погодя, все равно последние дни.

Стараюсь даже не дремать, чтобы ночью уснуть.

Еще кашель схватил у раковины и снова отплюнул, и опять плевок красный. Ладно, то будет, что Бог даст. Если пора отчаливать, так пора. Все в Его воле.

Надо мне, как монаху, которого мучили боли, говорить им: мучьте, мучьте, а вот я возьму и помру, кого вы будете мучить? У трупа радикулита не бывает.

Паук мой наелся и дремлет среди своей пищи. Потолок весь шевелится. Мушки перемещаются на окна. Будто живые темные занавески.

Надо за банкой к березе. Наберусь сил и побреду. По пути заверну к костру, подброшу, но помельче, чтобы до ночи прогорело. А уже скоро и вечер.

Да, глухой. Читал вслух Девяностый псалом, читал, будто ватой обложенный. И глухоту приемлю как наказание, даже как и милость. Что еще я могу услышать из звуков мира? Болтовню, вранье политиков? Пошлость артистов? Жаль пения соловьев, но оно у меня в памяти слуха. Как и многая классика.

У березы новость — не один я сладко жить хочу — муравьи натолкались в банку и в ней утонули. Жалко их. Выплескал их щепочкой на траву на пригорке. Отпил глоток, долго держал во рту, согревал. Проглотил. Очень все внутри откликается. Это же с детства, это же навсегда.

Сок уже не каплет. Утром, если доживу, надо принести какую-то емкость побольше. К приезду батюшки дары природы.

Вернулся в дом. Перед выходом на улицу в нем согрелся, потом у костра. А у березы просквозило. Насморк, конечно. Да уж хотя бы сопли текли, сопливый был бы Робинзон, нет, просто носом не могу дышать. Во рту сохнет. И опять кашель. И к ночи кружится голова.

«Господи, на всякий день, на всякий час дня наставь и поддержи меня».

Слабость повалила. Лежал, и вдруг пригрезилось, что меня пришли убивать. «Дайте помолиться. И за вас тоже буду молиться». И молился, и они встали рядом на колени. И мы обнялись. Но у них задание. Вот такой у меня юмор, такая хвантазия.

Интересно, что перед отъездом виделся с другом. Он болеет, но все равно шутит: «А если б к утру умереть, то лучше было бы еще». Как он там? И другого почему-то спросил по телефону: «Тебе хотелось умереть? В ответ прозвучало: «Еще бы! Непрерывно!». Так что я не одинок.

Нет, одинок. Умирают в одиночку. Даже в толпе. Даже при расстреле. И на Страшный суд идут не в коллективе.

Ой, надо же печку топить. Надо. Хорошо, уже дрова есть. Выгреб золу, высыпал в ведро. Подумал, надо было золу сохранить, под посаженные осенью дубочки высыпать. Смешно, этой золы от костра будут мешки.

Топится печь. А треска не слышу. А ведь в первый раз, когда затопил, слышал. Глохну, глохну. И принимаю, как будто так и надо. Течет струйка из рукомойника в тишине. А ведь звонко барабанила по металлу раковины.

Еще новость — ступня правая немеет. И пальцы левой. Хорошее дело, как же ходить?

Перестрадал ночь. Задыхался. Боялся закрыть печку, угара боялся (в скобках: значит, жить хочу). Тепло высвистало в трубу. Встать и среди ночи опять затопить не смог. Да и не мечтал. Какое-то равнодушие, хриплое дыхание, кашель. Пил много слабого, теплого чая, вроде помогает.

Утром разбирал свою сумку. Привез из Москвы лоскутную скатерочку. Очень искусна. С блестками в лоскутках. Утром расстелил. Положил на

нее Евангелие и Псалтирь. Красиво. Сколько же еще будут глаза мои отдыхать? Очки мои, за что покинули меня?

Топил печку, разогрел картофельно-луковый суп, дышал опять над ним. Вроде нос оживает. Чувствую, что и сам оживаю. Это молитвы, и сок березовый, и картофельная похлебка.

Может, в Лазареву субботу можно и рыбу? Не помню. В Вербное-то Воскресенье можно.

Такое счастье — солнце и сегодня.

Постоянная вина перед теми, кто дорог, кто близок.

Возвел очи горé. Ого! Мошки зачернили потолок.

Встал утром — брюки сползли. Подтянул, а дырок на ремне нет, кончились. «Брюки спали, брюки спали, потихоньку съехали. Все колхозники на тракторе сбирать поехали». Открыто такие частушки пели. И еще будут нам демократы долдонить о запуганном русском народе. Сами пугались, дело ваше, а русские тут ни при чем. Да, крепко я исхудал. Но это очень хорошо, гроб легче нести. Ладно, не искушай судьбу, не шути так.

Долго занимался ремнем, делал две новые дырки. Это называется: живот подтянуть, а чего подтягивать — живота-то нет.

Солнце. Одевался потеплее, вышел, стоял на солнце, очень надеясь на его помощь. Оживил костер, подвалил в него мусора. Дымило, потом занялось. Пламя костра и солнце.

И вот, продолжаю репортаж об умирании — слепну. Не вижу, что пишу. Думаю, это от того, что нагляделся на солнце и на пламя. Нахватался зайчиков, как говорят о тех, кто глядел на пламя электросварки. Я солнышка нахватался.

Глухой, слепой, больной, как хорошо! Чую, что температурю. А к костру надо. Надо у него дежурить, подкладывать сжигаемый мусор и следить, чтоб огонь не ускочил. Еще поокапывал вокруг костра. Но опасность и в ветре — подхватит искры, унесет на сухую траву. О, тогда так полыхнет!

Хожу, как в мутной воде плаваю. Ноги переставляю. К березе пора. Собрать сока побольше, рабочим в церкви радость. И матушке с семейством.

Ходил и заменил одно ведро на другое. Первое принести просто не мог, закрыл его крышкой. Это я заранее сообразил о крышке. Да, а моих муравьишек нет на пригорке, значит, ожили. Обсохли на солнышке, разбежались. И на березе их бессчетно.

Капли сока падают на пустое дно ведра. Не слышу. Глухая тетеря. Куда денешься — старик.

Этот день, он же не повторится. Как и жизнь. И зачем в такой день покидать этот мир? Да только кто меня спросит, когда мой срок. Будь готов, и все.

И вспомнил, что надо обязательно читать 17-ю кафизму. А как? Лежит на столике у икон, сам же привез, толстенная Псалтирь. Может, разберу буквы, шрифт крупный. Нет, в глазах сумерки.

Но вообще, думаю, хорошо не знать ни дня, ни числа. Солнце в зените, вот и все. Что еще? Идет к западу. Успеть бы еще что-то поделать.

В доме воевал с мошками. Сколько же вас! Даже на блокнот падают десантами, пачкают белую страницу.

Лежал. Было состояние какого-то равнодушия. Подумал: разве это плохо — ровная душа?

Повыше сделал подушки, лучше глядеть в окно. Глядел на небо. Облака белые, как стерильная вата. Да, это нормальное сравнение. Медицинская вата, которой собирают кровь с раны. И эти облака, которые кровянятся, будто впитывают на закате кровь с раненной земли. Насыщаются ею и уходят в ночь отстирываться.

Думал: надо встать и эту мысль записать, пусть и простенькая. Ведь пропадет, если не встать и не записать. И подняла меня профессия с постели и усадила за стол. Вроде получше вижу. А вот уши — похлопал в ладоши — в отпуске.

Думаю, от того оглох, что сильно сморкался, даже в висках отдавалось. Говорила же мама: не надо сильно сморкаться, оглохнешь. Маму надо слушать.

Мошки дрейфуют с потолка на окно. На потолке уже три паука. Ленивые, ясно, что обожрались. Исаак Сирин даже блох жалел.

Честно записываю: если и есть в мире дурак, то он перед вами. Это я. Доказательство? Я вспомнил, что здесь есть канистра бензина. Отлил из нее в глубокую миску, принес к костру и… выплеснул. Взрыв был такой, что меня сшибло с ног. И как ни был глух, взрыв услышал.

Зеркала нет, а то бы увидел, в чем уверен, что мне брови и ресницы опалило. Конечно, костру стало повеселей от такой моей гуманитарной помощи. В доме умылся, проморгался, помазался освященным маслицем. Вижу. И тут моя новая догадка — слепнуть стал от сияния солнца и глядения на огонь костра. А теперь зрение восстанавливается.

Какой-то зверь заскулил за дверью. Услышал! Даже скребется кто-то. Взял в руки топорик, открываю. Собачка. Милая, да как ты здесь? Заходи, заходи. У тебя поста нет, накормлю. Рыженькая собачка, такая ласковая. Скулит, у ног трется. Может, она и вернула мне слух.

— Ах ты, красавица!

Всех зверушек моих внуков вспомнил, всяких котов и кошек, Рыжиков и Мусек, и свинок. А еще раньше хомячков. Черепахи Тортила и Донателла.

— А тебя стану звать Ласка. Консервы у меня есть рыбные, как открыть?

А в руках-то топорик. Разворотил им крышку, поставил банку на пол. Собачка кинулась к ней.

— Ну, Ласка, мне бы твой аппетит. Не бойся, не выгоню, живи тут. Небось, ищут тебя, такую красивую?

Вот что такое живность, сразу стало мне повеселее. Если не убежит, то и ночевать будет спокойнее. А, с другой стороны, чего бояться. Как говорит батюшка: «Чего нам бояться? Перекрестись и живи!».

Ласка ходила со мной. И к березе, и к костру, и к часовне. У часовни тоже прибирался, тоже стаскивал мусор к костру. Совсем оживаю.

Нет, убежала Ласка. Отбежала, остановилась, вильнула хвостом и умчалась. И ладно.

Опять, дурачок, наломался, опять хотелось побольше. Опять сердце прижало. Лежал долго. И вспоминал Иерусалим, Вифанию, Лазареву пещеру. Такое мне выпало счастье, и много раз выпадало, что в святом месте был один-одинешенек. И на Фаворе, и в Хевроне, и в Вифлееме, в Назарете, на Иордане, везде! В пещере Лазаря глубоко, тихо. И вот, вроде передо мной прошли две или три группы, тоже, конечно, мечтали что-то с собой

унести, а этот камешек был ими не замечен, берегся для меня. Он у меня в Москве. Его хорошо бы со мной в могилу мою положить. Но лучше пусть останется внукам.

Тяжело и прерывисто дышал и, конечно, вспомнил пословицу: перед смертью не надышишься. Ее употребляли, например, в том смысле, что за пять минут до экзамена не успеешь к нему приготовиться. А тут всерьез, экзамен экзаменов.

Напишу для исповеди грехи. Но если кто прочитает, кроме батюшки? Тут беда в том, что приходят, летят в меня будто камни из прошлого, грехи. Они уже были мною исповеданы, а помнятся. Значит, плохо каялся. Нет, не буду писать. Их за меня бесы сто раз записали, да еще и своего всего присочинили. Ангел мой, защити!

Долго соображал, ел ли что сегодня. Даже по записям пролистал блокнот. Нет, трапезы в нем не значится. Сок пил, хлебушко жевал. Даже сок грел в ковшике на плите и втягивал в нос, и высмаркивался. Внушаю себе, что помогает. И пил весь день только сок. Чего-то ел.

Но видимо, изнурение организма таково, так глубоко погрузился в болезни, что всплывание или далеко впереди, или… Ладно, не хнычь. Не ты первый дорогу ***туда*** открываешь, не ты и закроешь. Погружайся на кровать, да вспоминай молитву: «Неужели мне одр сей гроб будет?»

Тень от креста легла на часовню, будто кто ее выжег на бревнах. Топлю, а холодно. Топлю, поглядел — тень ощутимо сдвинулась и увеличилась. Тень смещается как стрелка на компасе. Не верится, что вся часовня утонет во тьме.

Ветер, такой ветер! Откроешь дверь, ее прямо вырывает из рук. А с той стороны идешь, открываешь, дверь тебя прямо отшвыривает. Костер, слава Богу, загас. А то бы могло раздуть. Река вся посерела, прямо шкура первобытных зверей. Стоял у березы, вспомнил вдруг про клещей, их время настает. Бывало, впивались они в меня. Веселого мало.

Тень от домика дотянулась до лиственниц. Указует на восток, откуда, даст Бог дожить, завтра придет солнце. Интересно, кто ночью движет тенью? Ей же надо столько пройти, чтоб утром начать указывать на запад. Вопрос для внуков.

Радость! Открыл свою Псалтырь, а там, как раз на 17-й кафизме, как закладка, мои плосконькие очки. Это такое счастье! Читал и Псалтирь, и имена тех, кого тут поминал о здравии и об упокоении. Надо уже несколько имен из живых переместить в усопших.

Ну, с очками чего не жить!

А еще событие — луна! Веселенькая, чистенькая. Хорошо ей тут, в вятском небе. Оживаю, оживаю! Надеюсь, что оживаю.

Варил свой фирменный суп: картофель и луковицы. Уже и крупы сыпанул. Тут их много, круп: гречка, пшено, овсянка. Морковь вымыл и мелко покрошил. Как у меня все изысканно. Ладно, не хвались, бойся.

Ведь старик я. Давно бы дотлевать, а живу. И ветер слышу в ветвях берез.

Прикрыл печку. Осмелюсь пойти искать место, откуда есть связь.

Закат. Красиво.

Красиво, а связи нет. Да и батарея садится. Всего-навсего две малюсенькие палочки.

Да, думаю, не одно и не два сердца замирало при понимании невозможности описать Божий мир. Солнце розоватит лес, особенно березы. В даль смотрю: леса и леса. Река широченная, подтопила все заречье.

Уже ходил не по сухой траве, а по зеленым травинкам. Жалко их, надо бы босиком ступать. Цветочки пошли! Голубенькие лепестки и желтенькие, как солнышки. Всегда приносил домой такую первую весеннюю радость. Хотел сорвать, нагнулся — голова закружилась.

Река прет молча и неостановимо. Такая мощь откуда берется? От таяния снега, из лесов. Не видят этого мои милые деточки.

Ну, не последний же для меня был этот закат?

Раннее, раннее, дорассветное утро. Помираю. Еле живой. Зря вчера надеялся, что оживаю. Ночь эта могла быть последней. Как же меня после полуночи схватило. Опять же сам дурак, чего ради вчера так много работал, перед кем хвалился? Тем более такой ветер. У костра нагреешься, а ветер продувает.

Ночью было на меня нашествие. Оно началось изнутри. Это волны. Начиналась дрожь внутри, в груди, в сердце, потом все больше, било всего, руки тряслись, икры ног схватывало, мышцы тянуло. Потом отпускало. Конечно, молился, конечно, говорил: «Так мне и надо», но страшился следующей волны телесной дрожи. Еще так будет, вряд ли выживу. Не передать. Колотун. Колотило, сотрясало всего. Тело тряслось, сознание отключалось. Видимо, из сострадания, чтобы переждать боль. И страх был, конечно, был. Это я так хорохорился, что легко умирать. Оно, может, и легко, да перейди-ка этот рубеж.

Вроде как кто пытал меня. Издевательски, напуская приступы крупной дрожи. Будто током. Все сильнее прибавляя трясучку. Даже не стеснялся, стонал. Кого стесняться, Господа? Он знает, что я мал и бессилен, и беспомощен.

Трясло, как будто что из меня вытряхивало. Именно так. Душу вытряхивало. Цеплялась, бедная, за сердце, за разум. Хотя и сердце и голова под давлением боли сдавались. Уже иногда казалось — все. Силился заглянуть за темноту.

Молился. Просил и мысленно и вслух родных и знакомых за меня молиться, и уверен, что молились. Тем более батюшка, который очень рано встает.

Дожил до утра. Еле сел на кровати. Печь теплая. О ночи непременно хотел записать. Записал плохо, но главное — где бы сейчас был, если б не дожил до утра? Глядел бы со стороны, как входит в домик батюшка, ахает, едет за подмогой, как вытаскивают меня, а во мне многие килограммы.

Лазарь Четвородневный выйдет из пещеры сегодня? Или завтра? Может, он уже вчера вышел? Просто батюшка не смог за мной приехать и решил вывезти меня уже к Пасхе?

Опять трясет. Опять перележал приступ крупной дрожи.

Это все мне за мои грехи. И слава Богу, что так карает, легче будет потом.

Не верится даже, что дожил до утра.

Осмелился встать. Вроде живу. Вроде, отпустило. Растирал, массажировал икроножные мышцы. Да какой из меня массажист, пальцы в кулак не сжимаются.

О, она уже тут! Конечно, Ласка. Не она бы, может, и не смог бы дойти до дверей. Но просится, скребется, надо впустить.

— Что ж ты меня бросала? Была б тут ночью, как бы легче было.

Хвостом крутит, но видно, что не только из-за еды пришла, рада тому, что загривок треплю. Собрал чего, приспособил треснутую тарелку со следами воска от свечки. Она и воск выгрызла. Соскреб и с остальных. И вообще, пора мне в домике прибрать, не умирать же среди неряшества.

Ну, ночка была. Еще одну такую, может, и не прожить. Господи, спаси и помилуй!

Спасает меня и ангел мой хранитель. Почему мне вдруг сильно захотелось выйти на крыльцо? Ангел позвал.

Журавли! С юга на север. Где же они, миленькие, отдохнут, где приземлятся? Как же любо-дорого смотреть на них. Летят именно к нам. «Не нужен им берег турецкий и Африка им не нужна», только Россия.

Милые, родные деточки, жена, братья, крестники, батюшка! Мысли о вас спасали меня. Я тут мог умереть, и умер бы, если бы не чувствовал, что нужен еще на земле. «Я умер бы, одна печаль — тебя оставить в этом мире жаль».

Больше ничего не буду записывать, главное запишу: все в руках Божиих. Сами мы — «пар приходящий на время и исчезающий».

Пора утренние молитвы читать. Господи, помоги мне родиться в жизнь вечную! Так страшусь, так боюсь, так надеюсь!

ВЫШЛА КНИГА

Катасонов В. Ю., Тростников В. Н., Шиманов Г. М.

История как промысл Божий / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 640 с.

В книге современных русских мыслителей раскрывается суть промысла Божьего в истории человечества, показана божественная деятельность мировой жизни, сохраняющая мир и направляющая его к предназначенной ему цели бытия; непрестанное действие всемогущества, премудрости и благости Божией, которыми Господь сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, вспомоществует всякому добру, а возникающее через удаление от добра зло пресекает и обращает к добрым последствиям. Христианство указывает еще на бесконечную любовь Божию в обновлении человечества искуплением и возведении его к высшему нравственному совершенству.

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ

УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ — ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ[1]

Доклад на VIII ежегодных Феофановских чтениях «Богословские аспекты учения о молитве святителя Феофана, Затворника Вышенского»

К 200-летию со дня рождения святителя Феофана, Затворника Вышенского

[1] Публикуется с небольшими сокращениями.

Позвольте от всего сердца приветствовать всех участников и гостей VIII Феофановских чтений, проводящихся в преддверии 200-летнего юбилея со дня рождения святителя Феофана, Затворника Вышенского, который будет отмечаться Русской Православной Церковью в 2015 году.

Предстоящий юбилей — не только торжественное и радостное событие, которое свидетельствует о значении личности святителя Феофана, как учителя нашей Церкви, но и замечательный повод задуматься о том, что составляет сердцевину его учения, что нам нужно усвоить в первую очередь в наше столь непростое, полное искушений и скорбей время.

Безусловно, в центре внимания святителя — и это прослеживается во всем его творчестве — стоит христианская жизнь, понимаемая как подвиг воссоединения со Спасите-

---

Митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин) — родился в п. Удельная Раменского района Московской обл. В 1978 г. окончил МДА со степенью кандидата богословия, пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона. Год спустя рукоположен во иеромонаха и назначен преподавателем в МДС. 1981 г. — возведение в сан игумена, 1982 г. — возведение в сан архимандрита, хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии и назначен управляющим патриаршими приходами в Канаде и временно в США (с 1987 г. только США). В 1989 г. возведен в сан архиепископа. С 1990 г. — архиепископ Калужский и Боровский. 1993–1996 гг. — член Общественной Палаты при Президенте РФ. В 2003 г. назначен Управляющим делами Московской Патриархии и постоянным членом Священного Синода. 2004 г. — возведение в сан митрополита. С 2006 г. — Председатель Комиссии по сохранению духовного и культурного наследия Общественной Палаты РФ. Имеет церковные и государственные награды. В настоящее время правящий архиерей Калужской и Боровской епархии.

лем, разрыв с Которым вызван уклонением от Евангельских заповедей, укоренившимся в людях грехом, всецелой преданностью миру с его страстями и удовольствиями. Но и в этом систематическом описании основ христианской жизни, которое содержится, прежде всего, в таких фундаментальных трудах святителя как «Путь ко спасению» и «Начертание христианского нравоучения», есть главные, определяющие положения, без следования которым путь к Богу закрыт. Так, одним из важнейших моментов, связанных с пробуждением человека от греховного сна, является, вслед за решимостью встать на путь исправления, покаянный призыв к Богу за помощью и поддержкой. У святителя Феофана выражение этого призыва — молитва, осознаваемая и как средство обращения к Богу, и как одна из самостоятельных целей христианской жизни (потому что молитва есть Богообщение, а ее высшая степень у совершенных подвижников — так называемое действительное Богообщение, непосредственно связанное с Боговедением). Сама горячая ревность о спасении души пробуждается не без участия молитвы. «Никто не думай сам собою родить такую силу жизни, — пишет святитель, — об ней должно молиться и быть готовым приять ее»[1].

В нашем небольшом докладе мы только затронем некоторые начальные вопросы, связанные с молитвой и молитвенным деланием, которые рассматривал святитель Феофан Затворник.

«Непрестанно молитесь», — заповедует всем христианам святой апостол Павел (1 Сол. 5:17). Как бы подчеркивая именно этот характер молитвы, которая в идеале должна сопровождать жизнь христианина везде, при любых обстоятельствах и всякую минуту, святитель Феофан дает ей определение: «Молитва есть возношение ума и сердца к Богу»[2], сравнивая ее при этом с дыханием, но дыханием духовным: «Как в дыхании расширяются легкие и тем привлекают животворные стихии воздуха, так и в молитве раскрываются глубины нашего сердца. <…> И как там кислород, принятый в дыхании через кровь, расходится за тем по всему телу и оживляет его, так и здесь принятое от Бога входит внутрь нас и оживотворяет там все»[3].

Отметим, что, сопоставляя молитву с одной из функций человеческого организма, и притом такой, без которой человек не может жить, святитель вовсе не говорит метафорами. Как и дыхание, молитва — одна из функций человека, неразвитая, в особенности, у тех, кто не усиливается подчинять свою физическую природу духовной. В этом смысле, применительно к человеку, учение о молитве выступает едва ли не как самая важная часть христианской антропологии. «Дух легче развивается, нежели душа, и прежде ее обнаруживает свою силу и деятельность. К нему относятся страх Божий (в соответствие разуму), совесть (в соответствие воле) и молитва (в соответствие чувству). Страх Божий рождает молитву и освежает совесть»[4]. Таким образом, где нет молитвы, там духовная жизнь человека останавливается.

В одной из своих неопубликованных работ святитель Феофан объясняет, что значит постоянная молитва: «Молиться… всегда и непрестанно не то

---

[1] *Феофан, епископ.* Путь ко спасению (Краткий очерк аскетики). СПб., 1868. Вып. 1. С. 15.

[2] *Феофан, епископ.* Начертание христианского нравоучения. М., 1895. С. 406.

[3] Там же.

[4] *Феофан, епископ.* Путь ко спасению (Краткий очерк аскетики). СПб., 1868. Вып. 1. С. 44.

значит, чтобы всегда читать псалмы или написанные молитвы, и кланяться, ибо сие невозможное есть дело, потому что всякому христианину надобно, по званию своему, делать свое дело, а также и утружденная плоть требует упокоения, сна и прочего. Но значит то, чтобы часто, при всяком начинании и деле, возводить к Богу ум, сердце и воздыхание, и просить этим у Него милости, помощи и защищения»[1].

В другом месте, — в толковании на уже упоминавшийся стих из первого Послания к Солунянам, он еще более заостряет наше внимание на непрестанности молитвенного делания — и опять в антропологическом плане: «Видно, что непрестанная молитва есть не случайное предписание, а неотъемлемая часть духа христианского. Жизнь христианина, по апостолу, сокровенна со Христом в Боге (Кол. 3:3). В Боге и пребывать ему неотлучно должно вниманием и чувством, что и есть непрестанная молитва»[2].

В рассуждении о возможности молиться непрестанно святитель формулирует мысль Святых Отцов о том, что это так потому, что у всякой молитвы — Божественный источник и Божественное основание. Действительно, истинная молитва не может быть без действия Духа Святого. Говоря об этом, он уподобляет это благодатное действие зажженному фимиаму, от которого, как дым от каждения, происходит наше сердечное воздыхание, и так строится истинная молитва, приближающая нас к Престолу благодати[3]. Но и более того — поскольку христианин есть храм Божий, то Дух Святой живет в нем и молится о нем, и учит его молиться.

Молитва, одна из главных составляющих жизни человека, сообщается ему от Господа. Этот открытый для нас путь Богопознания — одно из проявлений синергии, соработничества Богу, к которому Он призывает каждого из нас.

Святитель Феофан так говорит о сущности молитвы: «Дело: стать умом в сердце пред лицем Господа и говорить Ему молитву»[4]. Вслед за Отцами Церкви он понимает высшие степени молитвенного делания как путь к максимально возможному для человека богословскому знанию, находящемуся за пределами человеческого разума.

Как пишет один из авторов подробной характеристики его творчества, данной в 1890 году по случаю присуждения святителю степени доктора богословия Санкт-Петербургской Духовной академии, епископ Феофан «рассматривает высшее духовное бытие как предмет непосредственного сознания. По его суждению, только последним путем возможно убедиться в богословских истинах; рассудочное же, дискурсивное знание может дать лишь предположительность, вероятность. Такая точка зрения на предмет отличает Преосвященного Феофана от обычных систематизаторов богословского учения. Преосвященный Феофан есть <…> глубоко верный выра-

---

[1] АРПМА. Ф. Свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 43. Ед. хр. 4363. Фрагмент статьи о молитвах. Л. 5 об.

[2] *Феофан, епископ.* Толкование Посланий св. апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам Первого и Второго. М., 1895. С. 402.

[3] АРПМА. Там же. Л. 5.

[4] *Феофан, епископ.* Ответы епископа Феофана, Затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни. Тамбов, 1894. С. 16.

зитель начал православного нравоучения, придавший своей нравственной системе оригинальный и притом психологический характер»[1].

Завершая свое выступление, хочу сказать несколько слов о ходе работы над научным изданием Полного собрания творений святителя Феофана Затворника, которые проводились Научно-редакционным советом по его подготовке на протяжении последних четырех лет.

В настоящее время в завершающий этап вступила подготовка Полного собрания творений. Текстологической группой Научно-редакционного совета производится выявление канонического текста, редакций и вариантов переводов и переложений святителя Феофана, составляющих вторую серию многотомника — «Переводы». Переводы, сделанные святителем, сопоставляются с оригиналами, что особенно важно, в частности, при работе с Русским Добротолюбием.

Среди текстов, подготовленных еще ранее, в 2014 году, следует отметить «Толкование на Послание святого апостола Павла к Колоссянам», «О Послании к Евреям святого апостола Павла», из переводов — «Слова подвижнические преподобного Симеона Нового Богослова. Выпуски 1 и 2», «Древний Патерик», «Древние иноческие уставы», «Добротолюбие. Том 2».

Особо необходимо выделить не публиковавшиеся ранее творения и переводы святителя, прошедшие подготовку в последние месяцы. Эта работа включала в себя полную текстологическую расшифровку архивных рукописей, среди которых — труд святителя «О Церкви», его «Лекции по церковному законоведению», переводы «Бесед преподобного аввы Дорофея», «Похвального слова великомученику Пантелеимону» Никиты Пафлагона, «Лествицы, истолкованной или перефразированной Афанасием Критянином», «Слов аввы Исаии», «Слов блаженного Симеона Метафраста», целого ряда фрагментов святоотеческих творений.

Завершен первый том Летописи жизни и творений святителя Феофана, в котором, с использованием широкого круга не публиковавшихся ранее архивных источников, представлено более 1000 новых фактов его биографии и творческой деятельности за период с 1815 по 1859 год, до поставления на Тамбовскую архиерейскую кафедру. Объем первого тома Летописи — почти 44 авторских листа. Всего предполагается выпустить 5 томов этого издания.

---

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 171. Ед. хр. 311. Дело <…> о возведении Преосвященного Феофана, бывшего Владимирского и Суздальского, на степень доктора богословия. Л. 5.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

КРОВНЫЕ БРАТЬЯ*

Повесть

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России, Почетный архитектор России, Почетный гражданин Кировского района Санкт-Петербурга. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* Печатается с сокращениями

ГЛАВА I

— Иван, я есть хочу.

— Ешь ягоды.

— Не могу. Я их уже столько слопал, весь рот болит.

— Потерпи немного, Петька, скоро домой придем. Там и поешь.

— Мамка кормить меня не будет.

— С чего взял?

— Не будет, и все.

— Хватит придумывать! Я у своей даже не спрашиваю, что найду на кухне, то и съем.

— У нас съешь, сразу по голове получишь.

— Сразу по голове?

— А то не знаешь? Что в руках, тем и хлобыстнут.

Они шли по лесной дороге с бидончиками, доверху наполненными спелой брусникой. Дорога то забегала в лес, то выходила на опушку, и тогда открывалась удивительная картина. Справа возвышался почти отвесный берег реки. За темно-красный цвет все в деревне называли его Красным Яром. Он был словно маяк в тайге, не заблудишься. Конечно, если не уходить к Рассохе или на дальнюю Тушаму. Родители отпускали детей в лес спокойно, не тревожась за них. Волками и медведями не пугали, эти звери водились только в глубине тайги и людям показывались крайне редко. В такую пору медведь сыт, зачем ему с человеком встречаться, стороной обходит — от греха подальше.

Когда дорога выбиралась из леса, становилось сразу светлее. Хлеба на полях скошены, солома убрана в стога. Стерня и стога от лучей вечернего солнца становились золотистыми. Осенняя опушка леса сверкала на легком ветру яркими красками, словно каждое деревце старалось показать со всех сторон свою красоту. Осина в желто-розовом и красном

кружеве листьев. Крона ее уже стала прозрачной. Опавшие листья лежали толстым слоем и приятно шуршали под ногами. Рябина не отстает от осины, догоняя ее по окраске листьев. Березовый желтый наряд бесшумно слетает с высоты на землю, теряя листья, береза дивит своим белым телом, раскидистыми ветвями. Какой она только не бывает: рослой; заматерелой; стройной и кудрявой, тонкой и душистой. Целый год служит она людям: весною сок ее спасает, зимой веники в банях дух прибавляют, а сколько в деревне посуды из бересты! Осина, рябина, ольха, береза — все они хороши в любое время года, но такое мгновение в природе бывает только осенней порой. Каждый листик прекрасен и неповторим. Иван и Петька шагали среди этой привычной их глазу красоты, кажется, не замечая ее. Они сами были частицей осенней природы, сливаясь с ней, словно листья берез, осин…

Иван и Петька — ровесники, им по десять. Внешне они разные. Иван — крепенький, кряжистый, такой маленький мужичок; все в деревне, даже учительница в школе, звали его Иваном — имя это как нельзя лучше подходило ему. Петька худенький, хилый мальчишка, тихий и забитый. Они дружили, хотя взрослым было непонятно, на чем эта дружба держится.

Иван и Петька жили в одном доме. Дом большой, срубленный из лиственничных бревен, разделенный пополам капитальной стеной. Такие дома в деревне называли пятистенками. Поставлен он на высокое подклетье, поэтому окна на улицу и во двор подняты высоко над землей, заглянуть в них прохожему невозможно. При надобности вызвать хозяев, не входя в дом, стучали палочкой в красивую резную ставню.

Из окон хорошо видна река. После крутого поворота широким разливом несла она свои воды между деревней и селом, стоящим напротив, ударялась грудью о крутой берег Красного Яра и вновь делала резкий поворот…

Иван любил смотреть на деревню, реку с крыши дома. Долго мог наблюдать окрестную жизнь, и это никогда не надоедало ему. Из разговоров взрослых он знал, что их нынешний дом когда-то принадлежал местному богатею. Учителя в школе называли таких кулаками и мироедами, врагами советской власти, угнетавшими бедных крестьян. Иван верил учителям, и только однажды вера его поколебалась. Год назад к ним в дом зашла незнакомая женщина, еще не старая, но уже седая.

Мама шепнула Ивану, что это дочь бывшего хозяина. Она молча ходила по дому, побывала в хлеву, бане и амбаре, часто платком утирая слезы.

Гостье предложили чаю. И тут Иван узнал, что хозяин дома не был никаким кулаком. Всю жизнь старался работал сам, вместе с семьей, никого не привлекая на помощь, никого не «эксплуатируя». Не захотел вступить в колхоз — это было, но власть утверждала, что колхоз — дело добровольное.

Забрали главу семейства по доносу. Из разговора Иван понял, что доносчиком был дед Сашки Трутня, который, заняв зерна, не спешил его отдавать; ну, а чтобы вообще замять должок, сообщил куда следует об «эксплуататоре», сосущем с бедняков кровь. После скорого разбирательства семью сослали в Якутию. Со смертью Сталина всем разрешили ехать, кто куда пожелает. А куда поедешь? Корни все там, на новой родине, и могилы родителей — тоже. Всю жизнь хотелось взглянуть на родимый дом. Увидела.

Иван был поражен такой несправедливостью. Надо же было написать Сталину! Сказал об этом гостье. Она улыбнулась, погладила его по голове и, ничего не ответив, горестно покачала головой.

Сейчас дом был «гостевым». Колхоз не продавал его: если в деревне появлялась новая семья, селили ее именно туда, и жили люди до тех пор, пока им не строили дом или они сами не покупали жилье. Семья Ивана располагалась в этом доме уже два года, и он точно знал, что никто не собирается строить им дом. Строили тем, в чьей семье были мужики, а у них одни девки, какой с них толк. Выскочат замуж, а это, по обычаю, переезд в другую деревню.

Вот и еще опушка… Кто-то из деревенских для отдыха смастерил здесь лавку и небольшой столик.

Напротив, через поле, возвышался Красный Яр.

— Вот громадина! — сказал Иван.

Мы весной там поле распахивали с Витькой Солодом. Оттуда все видно, и наша деревня, и село. Каждый дом, каждый двор…

— Слушай, Иван, а на скотный двор должны были турнепс привезти…

— Тебе-то зачем турнепс?

— Давай зайдем, хоть турнепсу похряпаем… Он сладкий. Так есть хочется…

— Нашел еду.

— Мать меня наказала, теперь целый день кормить не будет.

— Давай тогда к нам.

— Увидят, что я к вам зашел, еще больше схлопочу.

— Ладно, зайдем на скотный двор, только я этот турнепс есть не собираюсь. Его же для скота выращивают.

— Все-таки еда, а то у меня даже живот разболелся.

— Там скотники, Петька, и доярки не пустят. Лучше я тебе кусок хлеба из дома вынесу.

— Если не пустят — уйдем.

Петькина семья перебралась в деревню недавно. Откуда, Иван не запомнил, но то, что издалека — точно. Дядя Вася, кузнец, к которому они часто забегали, узнав, откуда Петька, подивился: в войну их полк проходил через этот город. Значит, дело было не в Сибири, и переселилась Петькина семья издалека…

Мама объяснила, что семью Петьки отправили сюда в ссылку, так как отец его был «власовец». Кто такие «власовцы», Иван не знал, но по разговорам взрослых слышал, что воевали они на стороне фашистов. Многих из них после войны отправили в лагеря, в ссылку, а кое-кого и расстреляли. «Наша деревня такая замечательная, почему она может быть ссылкой?», — думал Иван.

— Петь, а ты не боишься? К скотному двору дорога идет мимо Черепановки.

— Боюсь, Иван, я кладбища не люблю…

— Но так короче, а по лесу долго еще…

— А, можно я буду держать твою руку?

— Можно.

Рядом с Петькой Иван был старшим, уже не мальчишка, а подросток. Мать толковала, что Иван весь в отцову породу, а от нее, матери, только голубые глаза да покладистый характер. Что связало таких, не похожих друг на друга ребят, один Господь знает. Петька дорожил этой дружбой, гордился. Он привязался к Ивану, как собачонка, беспрекословно слушался, всегда был готов выполнить любое его поручение или просьбу.

Учеба давалась Петьке трудно. Отвечая на вопросы, даже самые простые, он сжимался, съеживался, теребя низ старенького свитера, говорил тихо, не поднимая глаз. Его мучили страхи: боялся он грозы, темноты, высоты, одиночества. Боялся оставаться дома один. Иногда приключалась такая трясучка, что полночи не мог заснуть, без конца бегая в туалет. Дома его били постоянно, особенно мать. За все. И за свою, как считала, неудавшуюся жизнь, и за маленький рост сына, и за то, что родился нежеланным, и за то, что надо и ему выделять кусок хлеба, которого всегда не хватало. Все это происходило на глазах Ивана, и он поневоле сравнивал свою жизнь и горемычное существование Петьки. Мать любила Ивана, и даже при своих скудных заработках умудрялась сделать жизнь своей семьи вполне сносной. Рядом с мамой Иван всегда находил покой и утешение от своих детских обид и невзгод. Ее внимание и забота были так ему нужны!. Вечерами, хлопоча по дому, мать рассказывала Ивану о том, что произошло за день в деревне, и он рано начал понимать жизнь такой, как она есть — с заботами, нуждами, радостями. Жизнь его сверстников часто была не похожа на его собственную, и это удивляло его. Он видел жестокое обращение родителей с детьми, равнодушие к ним, несправедливость. Все это существовало рядом, за стенкой. Конечно, он жалел Петьку, играл с ним, как со своим младшим братом. Они часто оставались у Ивана дома, и Петька всегда голодными глазами смотрел на хлеб и молоко. Иван давал другу поесть, тот заглатывал, не разжевывая, запивал молоком торопливо и быстро, словно боясь, что отберут. Он был вечно голодный, с тонкими синеватыми губами, землистым лицом, синяки не сходили с его тела. Словно тюремная татуировка, они всегда были при нем. На месте одного «пятака» тут же появлялся другой. Иван боялся и сторонился Петькиной матери. Многим деревенским ребятам доставалось от своих родителей, но стегали, обычно, их ремнем за какую-нибудь пакостную проделку. А вот так, то пинком, то кулаком, а иной раз и палкой, в деревне своих детей никто не «воспитывал». Все кругом выказывали молчаливое неодобрение, но не вмешивались:

Так было заведено испокон веку. Между собой осуждали, а в глаза — никогда…

Черепановку миновали бегом. Это, им казалось, что бегут. На самом деле от усталости едва ковыляли мимо крестов и пирамидок со звездами. Сколько раз Иван слышал, что мертвых не надо бояться!

— Бойся живых, — наставляла мама. Но как только Иван оказывался возле кладбища, сердце начинало колотиться, мышцы напрягались, и хотелось миновать это место поскорее. Так было и в этот раз. Запыхавшись, ступили в огражденный двор. Ворота были открыты.

Возле больших ларей валялась куча турнепса. Коров еще не пригнали с пастбища, на скотном дворе ни души.

— Ну, вот твой турнепс.

— А ножик?

— Держи.

Петька быстрыми движениями, как пацаны заостряют палки, стал чистить турнепс.

Иван открыл ларь.

— О, тут и картошка.

Петька попросил:

— Иван, картошки бы пожарить. Это тебе не турнепс.

Ивану тоже захотелось запеченной в золе картошки.

— Сварганим сейчас костерок.

Быстро развели огонь, дрова в поленнице рядом у молоканки. Огонь резво сожрал сухие полешки, на их месте задышали жаром тлеющие головешки. Выбрав картошку, не крупную, но и не мелочь, Иван закопал ее в золу.

Стемнело. Друзьям давно не перепадала печеная картошка. Руки обжигала горячая кожура, ребята дули на картошку и на пальцы, перебрасывая картофелины с ладони на ладонь.

Тепло от костра, горячая картошка, тихий теплый вечер располагали к беседе.

— Иван, говорят: «счастливый — несчастный». А что такое счастье?

— Это когда все получается. В школе — одни пятерки, дома все хорошо, мать не болеет…

— А у меня счастливый день, когда не бьют.

— А за что?

— Я и сам не знаю. За все. Чаще мать кидается.

— А отец?

— Он не отец. Мать родила, когда он на войне был. Иногда бьют за двойки. Вчера пару по арифметике принес, а решал вроде правильно. По русскому училка вызвала к доске — стихотворение вылетело из головы. Вторая двойка. Дома, конечно… Спина так болит. И жрать не дают второй день. Наверное, я совсем тупой, раз ничего не понимаю.

— Да брось ты, Петька, нет таких, чтобы совсем ничего не знали. Он думает о себе, что глупый, значит, он может рассуждать. Человек, даже очень ученый, не может знать все. Как это — все знать!

— Ты бы это моей матери рассказал.

— Она меня не послушает. Моя мама говорит, что дети не глупые, просто многого не знают. А когда растешь, учишься — ум развивается. Вот когда я вырасту, обязательно летчиком стану. В прошлом году нас за хорошую учебу прокатили на самолете. Мы поднялись высоко, наверное, около километра. Дома сверху такие маленькие, как игрушки, а до Качинской сопки — рукой подать. Хотя по земле сорок километров. Коровы — как букашки, а вверх посмотришь — жуть! Не знаю, как кто, а я обязательно летчиком буду.

— А я хочу поваром…

— С тобой все ясно, — вздохнул Иван.

Усталость, еда и тихая беседа сделали свое дело; друзья заснули, даже не подстелив охапку сена.

Разбудили их крики и яркий свет. Горела стена скотного двора. Толстые бревна полыхали, словно дрова в печке.

Иван схватил Петьку, прижал к себе, не понимая, что случилось, зачем они здесь, и почему в огне хлев. Из деревни бежали с баграми и ведрами. Страх придавил ребят к земле, они не могли двинуться с места. Пылал, трещал огонь, огромными космами поднимаясь в небо. Ни дыма, ни копоти, только пламя. Огонь ужасал и завораживал. Казалось, что сам воздух воспламенился, далеко освещая окрестности. Потом пламя понемногу успокоилось, бревна уже не полыхали, а жарко тлели, переливаясь розовым и

оранжево-красным цветом. Огонь доедал то, что еще осталось от скотного двора.

— Сынок! — услышал Иван голос матери. — Что ты тут делаешь?

— Мама! — закричал он от радости, и тихо добавил — мы жарили здесь картошку…

— Картошку? — в отчаянье всплеснув руками, стянула с головы платок.

— Картошку, мама.

Сашка Трутень, так все в деревне его звали, оказался рядом, он слышал разговор матери с Иваном и заорал во всю мочь:

— Вот они, поджигатели, вот они!

Многие повернулись на крик. Мать замахала на Трутня руками, но было уже поздно. Трутень орал, как резаный:

— Они костер развели, картошку пекли!

Подскочил бригадир, дядя Гриша, высокий крепкий мужик, всегда «под градусом». Объяснял он это «собачьей работой» — куда ни пойдешь, везде наливают…

— Иван, ты костер развел?

— Я развел, дядя Гриша, но я ничего не поджигал.

— Анна, уведи их отсюда! — крикнул бригадир матери.

Мать взяла Ивана и Петьку за руки и повела в деревню.

— Господи, какая беда на нашу голову свалилась, — она тихо заплакала. Русые длинные волосы разметались, мать старалась привести их в порядок, но руки не слушались. Накинула платок, повязав концы сзади.

— Господи, за что ты меня наказываешь? В чем моя вина?

— Мама, ты чего? — Иван тоже плакал, но беззвучно. Он уже понимал, что произошло, ему было страшно и так жалко мать…

— Ваня, ну как вы могли? — Анна остановилась, присела на траву и закрыла лицо руками. Она плакала как-то по-детски, совсем как Иван, когда его обижали.

Пожар затих, мужики баграми растаскивали бревна; появились две водовозки, головешки поливали водой. Иван прижал голову матери к своей груди, гладил ее маленькими, в саже и копоти от картошки на костре, руками.

— Мама, не плачь, не надо, — попросил он.

Анна поднялась, взяла детей за руки и повела домой.

Возле картофельного поля их встретила Петькина мать. Она стояла рядом с Иваном, тяжело дышала, и он чувствовал, как вокруг разливается острый запах самогонки. Он никогда не видел, чтобы эта женщина когда-нибудь улыбалась. Очень редко, если рассказывали анекдот, улыбка появлялась на ее лице, и даже не улыбка, а кривой оскал со злыми, холодными глазами.

Пила она постоянно — черные мешки под глазами, нездоровая одутловатость, трясущиеся руки… Глаза ее поблекли, выцвели, и ничего не выражали, кроме одного — где выпить.

— Что случилось, Анна?

— Скотный двор сгорел, Лида.

— Кто же это постарался?

Мать глазами показала на ребят.

— Я так и знала, что этот гаденыш в могилу меня загонит…

Она изо всей силы ударила Петьку по затылку. Он отскочил в сторону и побежал в деревню.

— Перестань, Лида, — испуганно-униженно попросила мать. — Ребенок еще, не понимает…

— Беги, беги, вечером с тобой разберемся! — закричала мать Петьки вдогонку. И добавила уже потише: — Хватит с ними цацкаться… И ты! — зыркнула злым взглядом на Ивана. — Была б моя воля, повесила бы вас всех за ноги или выдернула руки, — и, шатаясь, побрела на пожарище.

Иван с матерью до дома не проронили ни слова. Во дворе крикнул:

— Петька, ты где?

— Здесь я! — Маленькая голова показалась из оконца сеновала.

— Может, к нам пойдешь? А то мать убьет.

— Да нет, здесь не найдет.

— Ну, смотри.

Мать затолкала Ивана на русскую печку, задернула занавеску и велела спать.

— Об одном тебя прошу, Ваня, не показывайся, когда будут приходить люди. Не все нам хотят добра, каждое твое слово могут перевернуть, как им нужно. В правление я сама тебя отведу…

Сначала Иван прислушивался к голосам на улице, но потом все-таки сон одолел его. Среди ночи услышал крики. Спустившись с печки и выйдя во двор, Иван увидел, как в соседней половине двора Петькина мать била сына скалкой. Петька сначала орал, потом крик его перешел в хрип, а вскоре он и вовсе затих. Пнув его напоследок, мать стала забираться на высокое крыльцо, тяжело хватаясь за перильца, бормоча матерщину.

Иван понял, что она в стельку пьяная. На крыльце показался отчим.

— Где этот щенок?

— Во дворе, может, подохнет, — ответила мать, добавив ругательства.

ГЛАВА II

Иван перелез через заплот. Это была вторая половина когда-то общего большого двора, а сейчас поделенного пополам, и огород тоже разделили. Не только двор дома, но и вся деревня была поделена на квадраты и прямоугольники. Дом, огород, хлев, баня у реки — вот и все хозяйство. Ни клуба, ни школы, ни больницы. Это там, в районном селе, на другом берегу реки, было все: сельсовет, клуб, больница, школа, милиция и другие учреждения. А здесь — только колхозные постройки.

Иван склонился над другом. При свете луны увидел залитое кровью лицо. Петька дышал отрывисто, как всхлипывал.

— Петь, — позвал Иван. Нет ответа.

Стал расталкивать, но услышал только стоны. Иван постучал в дверь соседей.

— Чего тебе? — услышал голос отчима.

— Петька умирает! — закричал Иван.

Отчим вышел на крыльцо, глянул на лежащего Петьку и больно схватил Ивана за ухо.

— Придуривается твой Петька. С крыльца свалился! Если орать будешь, и тебе достанется…

Иван разбудил мать.

— Что такое? — спросонья всполошилась мать. — Почему не спишь?

— Петька во дворе умирает! — в отчаянии закричал Иван.

— Как умирает? — впопыхах накидывая халат на ночную рубашку, мать выскочила во двор.

Петька дышал все также тяжело, с хрипами. Иван с матерью подняли худенькое тело, внесли в дом. Зажгли керосиновую лампу, мать осмотрела мальчишку:

— Вот изверги-то, вот изверги… Ваня, беги за фельдшером. Дело плохо.

Дом фельдшера — в середине деревни. Иван долго стучал по ставням, пока в окно не выглянул сам Василий Петрович. Мужчина лет пятидесяти, невысокий, коренастый, с красивой клиновидной бородкой. Жена его, тетя Маша, ревновала супруга ко всем женщинам, видя в каждой соперницу. Ревновала и к молодым, и к пожилым. В послевоенных деревнях женщин много, а мужчин…

— Чего тебе?

— Василий Петрович, там родители Петьку убили.

— Как убили?

— Не знаю, он без сознания, хрипит.

— Сейчас иду, — и прикрыл окно.

Вышел из дома сразу, со своим чемоданчиком.

У Петькиной матери было испуганное лицо, мокрой тряпкой она вытирала кровавые пятна.

— Ну как ты не уберегся, сынок, это надо же так упасть с крыльца!

Фельдшер осмотрел Петьку и сказал, что дело дрянь. Похоже, сломана нога и разбит череп, нужно в районную больницу. И, с трудом сдерживаясь, добавил:

— Что же ты за мать такая, Лидия? Даже животные своих детенышей не убивают…

Петькина мать упала на пол и забилась в рыданиях.

— Вы плывите через реку на лодке, а я позвоню, чтобы прислали лошадь с телегой. Лидия, мужа зови.

— Василий Петрович, — подала голос мать Ивана, — я эту кое-как подняла, а тот лежит в стельку пьяный.

— Хорошо, подплывайте к моему дому, я с вами тоже сейчас…

Пока переплывали через реку, пока добирались к нужному месту, подошла «скорая». Петька стонал. Иван шагал рядом с телегой и молил об одном — чтобы Петька не умер.

В больнице их уже ждали. Дежурный врач, как показалось Ивану, долго записывал что-то в журнал, долго расспрашивал о больном. Потом Петьку увезли в палату. Все время, пока он находился в приемном покое, Лидия рассказывала врачу, медсестрам, как Петька упал с крыльца и покалечился. Это стало надоедать — все уже знали, в чем дело.

— Лида, пожалуйста, не срамись, — тихо сказала мама Ивана. После этих слов пьяная соседка нарочно громко заголосила, хватаясь за голову и раскачиваясь всем телом. Мать взяла Ивана за руку.

— Пошли, сынок, завтра рано вставать.

— Не завтра, а сегодня, — посмотрев на часы, поправил Василий Петрович.

Через два дня из областного центра прилетел хирург, чтобы сделать Петьке операцию. Иван уговорил мать сходить вместе в больницу. Они терпеливо ждали в коридоре, пока шла операция. Иван не понимал, что такое «трепанация черепа», но сами слова были настолько страшными, что сразу становилось ясно — операция очень сложная. Медицинская сестра пояснила матери:

— Последствия могут быть разные, вплоть до летального исхода.

Иван про летальный исход не понял, и, когда отошла сестра, спросил:

— Что за летальный исход такой? Куда он улетит?

— Далеко, Ваня, — рассеянно ответила мать. Но тут же испуганно замахала руками: — Господь не даст умереть.

Про Господа Иван промолчал, не желая ввязываться в спор.

— Петька очнулся после операции только на третью неделю. Ивана пустили к другу в палату, но он ничего не увидел: лицо, руки, ноги забинтованы. Только открыты знакомые Петькины глаза. Голос тихий, слабый.

— Здравствуй, Ваня…

— Здравствуй, Петька. — Больше не говорили ни о чем, так и молчали.

Два месяца болел друг, и почти каждый день Иван приходил к нему. Петькина мать всем твердила, что сын оступился, упал с крыльца. В деревне никто не верил в эту чушь и не связывался с пьянчушкой. Даже Ивану мама запретила рассказывать о том, что он видел в тот вечер. О пожаре не говорили тем более — заплачено за него было сполна.

Петька окреп, бинты с него сняли, и он уже шастал по палатам, с удовольствием слушая больничные истории.

В очередной приход Ивана он молча поманил друга в коридор.

— Что случилось? — спросил Иван, удивленный необычной серьезностью Петьки.

— Ты знаешь, Иван, я уже не вернусь домой.

— А куда ты денешься? — Последние дни Ивана мучила мысль: как же Петька вернется к этим извергам? Уже два раза во сне он видел картину избиения друга более страшную, чем наяву.

— Меня заберет к себе бабушка.

— У тебя есть бабушка?

— Есть. Только я ее никогда не видел.

Он помолчал, вздохнул и простодушно признался:

— Иван, я бы в больнице остался, здесь хорошо. Кормят, лечат.

— Это для больных, Петька.

— Знаешь, что я придумал?

— Что?

Петька вытащил из кармана больничных штанов лезвие от безопасной бритвы и быстро чикнул по своему пальцу. Кровь!

— Дай свой палец, быстро… — неожиданно твердо скомандовал Петька. Иван ощутил мгновенную боль — тут же она исчезла. Петька приставил свой палец в крови к пальцу Ивана.

— Все, Иван, — торжественно заявил он, — теперь мы — кровные братья!

— Хорошо, Петька, — улыбнулся Иван, — будем братьями…

— Нет, правда, Иван, твоя кровь попала в мою, и мы стали братьями.

Они пристроились на больничном диванчике, Петька прижал ватку к ранке на пальце Ивана. Тот обнял друга за плечи.

Они подошли к окну. На зимний больничный двор шагом въехала «скорая». Все та же белогривая лошадка, что осенью доставила сюда Петьку, только вместо телеги была запряжена теперь в сани. По гладко укатанной дороге порхали стайки воробьев, выискивая съестное. Вдали виднелась школа, над трубой вился дымок.

— Школа, — с нежностью прошептал Петька. — Я, считай, две четверти уже проболел.

— Захочешь — догонишь, — бодро успокоил его Иван.

— Знаешь, я школу стал во сне видеть…

— Значит, соскучился.

— Такой интересный был сон. Перед уроком Валентина Ивановна каждому давала по конфетине…

— Держи карман шире, — засмеялся Иван.

— А еще сон: в буфете большая доска, на ней меню на неделю вперед. Выбирай, что хочешь: суп, каша, макароны… Котлеты!

— Что ты о жратве все думаешь? Как будто ничего нет другого. Каждый день у нас шесть уроков, кружки. Дома перекусил быстро и на конюшню. Мы в колхозе взяли шефство над жеребятами, а с ними так «наиграешься», что вечером ног не чувствуешь… За ними же убирать нужно, чтобы чисто было. Каждый день устилаем пол сухой соломой, чистим им шерсть, надеваем узду, ходим с ними, бегаем. Дядя Гриша объяснил: главное для лошади — смолоду приучить подчиняться человеку, закрепить у нее полезные рефлексы.

— Да… А я здесь лежу, — огорчился Петька.

— Ничего, скоро выпишут…

Ребята замолчали, каждый думал о своем.

Перед самым Новым годом Петька собрался в далекий город, куда-то под Кемерово. Приехала бабушка, худощавая, пожилая, с грустным лицом, как и у Петьки, и с большими ясными глазами. За те несколько дней, прожитые у дочери, никто из деревенских не слышал от нее ни слова. Вид у приезжей был печальный, казалось, ее постоянно точит какое-то беспокойство. Иван с любопытством наблюдал за ней. Петькина бабушка не была похожа на деревенских: ни одеждой, ни походкой, ни обращением. Со всеми здоровалась первой, но в разговор не вступала, как было заведено у деревенских.

Свою бабушку Иван видел только один раз, когда они приезжали с дедом в районное село по каким-то делам и гостили полдня. К вечеру лодка тронулась в обратный путь. Бабушек своих деревенских приятелей Иван знал всех. Были они главами семей, как правило, без мужей — война, война… Деловитые, умудренные жизнью: вели они домашнее хозяйство, воспитывали внуков. Родители днями вкалывали в колхозе, а детского сада в деревне отродясь не было. Бабушки твердо знали, как надо поступать в том или ином случае, и советов ни у кого не спрашивали. Своих внуков они называли «сынками» или «дочками» — казалось, для них они были роднее собственных детей.

За день до отъезда Петька забежал к Ивану домой. Перед ними, за окном, белела река, укрытая ледяным панцирем; сверху снег, расчерченный

дорожками от деревни к селу. На отвесной стене Красного Яра снег не задерживался.

— Собрался в дорогу?

— Собрался.

— Завидую тебе. В городе на трамвае будешь кататься, тротуары, асфальт, вечером электричество, а не керосиновая лампа.

— Не знаю, Иван, что там будет. Ты меня не забывай, хоть иногда письмишко…

— Напишу обязательно. Ты, Петька, не переживай, там у тебя тоже друзья появятся.

— Таких, как ты, не будет…

На другой день, ранним зимним морозным утром Петька, его бабушка и мать вышли из дома. Иван, увидев их в окно, набросил на себя фуфайку, прыгнул в валенки и выскочил во двор. Петькина мать зло посмотрела на Ивана:

— С нами не ходи, без тебя обойдемся.

Иван удивленно смотрел на нее, но все равно крикнул:

— До свидания, Петька!

— До свидания, — в ответ Петька помахал другу рукой.

Иван замер на угоре, смотрел вслед бредущим по белому покрывалу. Бабушка с хозяйственной сумкой в руке, Петька с рюкзаком и его мать с небольшим деревянным чемоданчиком. Петька несколько раз оглядывался, украдкой, быстро, чтобы не раздражать мать, махал рукой. Вот они поднялись на противоположный берег и скрылись среди домов районного центра.

Мороз прихватил щеки и забрался под фуфайку. Иван побежал в свой дом: там тепло, уютно, безопасно… И всегда рядом мама…

ГЛАВА III

Весна, запинаясь о последние зимние холода, не торопясь, отогревала город. Появились проталины, а в солнечные дни в окнах общежития студгородка можно было видеть голые спины. Но Ивану было не до загара. Весь месяц: лекции, библиотека, чтение по ночам, зачеты и экзамены, короткий сон. Никакой слабины себе не давал. Время летело. Закончились экзамены, а с ними и учеба в техникуме, последняя производственная практика и защита диплома. Удастся ли потом хоть на недельку вырваться в деревню, матери уже нет, но осталась родня… Шесть лет как в городе, а тянет на родину. Тянет к реке, где столько рыбачили, жгли костры, в тот лес, где собирали бруснику с Петькой… Каждый раз приезжая летом в деревню, Иван в душе ждал, что Петька откликнется, даст о себе знать…

Если раньше практика длилась два месяца, то теперь ее продлили до восьми. Чем это было вызвано, никто толком сказать не мог, однако защита диплома отдалилась на полгода.

По расписанию поезд отправлялся в два часа дня. А дел сколько… Иван встал рано, быстренько привел себя в порядок, собрал сумку. Много ли вещей у студента из общаги? Бельишко, пара книг, справочник, перышко глухаря… Ждать автобуса не стал, сразу побежал к Маше, чтобы застать ее отца. Договорились встретиться с ним до отъезда. В двенадцать будущий тесть уезжал в командировку. Разговор был по-военному коротким. Получив напутствие и

просьбу беречь Машу в той глухомани, куда их отправляют на практику, Иван снова отправился в техникум, чтобы забрать свои и Машины документы.

После этого — в общежитие, взять приготовленную сумку с вещами, и снова — к Маше. Хорошо, автобус подкатил сразу.

Как не спешили, все равно мать усадила их за стол, напоила чаем. С огромной сумкой и чемоданом с трудом втиснулись в трамвай. Скрипя и стеная, переполненный «транспорт» медленно тащился по неширокой улице, и с такой же скоростью рядом двигался поток машин. Но — успели сразу к посадке.

Остались позади маленький вокзал, университетская набережная, гостиница «Интурист», Планетарий, Ангара, мост через нее… Состав набирал скорость, за окном мелькали дома, склады, огороды, мелкие речушки. Наконец, поезд вырвался на простор, потянулись поля с большими весенними проталинами, деревни с почерневшими избами, ряды тополей, осин и берез, одиночные зеленые ели и молодые сосенки…

В железнодорожный техникум Иван поступил случайно, рассчитывая в дальнейшем перевестись в другой техникум, но — Маша. Впервые увидел ее на втором курсе, и сразу понял — никуда отсюда ему не уйти. Было им по шестнадцать, первая любовь… Маша жила с родителями, Иван в студенческом общежитии. В техникуме даже короткие минуты между занятиями проводили вместе; потом Иван провожал Машу через весь город домой. Пешком, километра три. О чем говорили? Обо всем на свете. Рассказывали друг другу о прочитанном, обсуждали, спорили. Иногда Иван читал Маше стихи. Мечтали о будущей жизни. В том, что эта жизнь будет красивой и безоблачной, они не сомневались. Им было интересно вдвоем. Длинная дорога слишком быстро заканчивалась, а им не хотелось расставаться. Они молчали о своем чувстве, это не требовало доказательств. Кроме одного раза, когда Маша, краснея, напрямую спросила Ивана, любит ли он ее. В ответ Иван прочитал ей стихи одного из любимых своих поэтов, Евгения Винокурова:

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался. Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку, подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда? Вряд ли это!
А просто так:
Уйдет — и я умру…

С Машей он забыл свое сиротство. Отца своего он не знал, тот умер от фронтовых ран, когда Ване не было года, а мама, самая лучшая на свете, умерла неожиданно. Словно солнце исчезло за тучами.

— Ваня, сходи к проводнику, попроси чаю, — услышал он, словно издалека, Машин голос.

— Мы еще не успели отъехать. Вряд ли он такой расторопный… Как рыкнет на меня.

— А ты попробуй, Ваня, — настаивала Маша. — Она так смотрела на него…

— Попробую. — Сколько всего можно сказать без слов, глазами. Все! Все!

Проводник недовольно заворчал:

— Не успели сесть, уже чаю! Вода-то должна вскипеть в титане… Или сырую?

В купе девчонки собирали на стол. Вместе с Машей их было трое. Настя и Наташа — из одной с Машей группы. Первая рабочая практика. Девчонки впервые покидали дом на долгие месяцы. Настя, в свои восемнадцать, нигде еще не была, даже на Байкале. Успею, говорила она, жизнь длинная…

Она была хохотушкой, смеялась по поводу и без повода, получая удовольствие и от компании подруг, и от поезда, что ладно стучал колесами на стыках, и от вагонной суеты, — от всего, что попадало в поле ее зрения. Иван оказался вместе с ними благодаря Маше. Ее родственник железнодорожник, узнав, что троицу юных девчонок посылают на глухой разъезд одних, уговорил директора техникума направить вместе с ними и парня. Разумеется, Ивана. Об их отношениях с Машей в техникуме знали все. Почему сам Иван не настоял на совместной практике с Машей? Они обсуждали предстоящую разлуку, чувствовали, как трудно им будет друг без друга, а просто взять и попросить, чтобы отправили вместе, — стеснялись.

Наконец, проводник принес чай. Правда, к этому времени с припасами уже расправились всухомятку. За окном мелькали черемховские угольные терриконы.

— Междуреченск, куда мы едем — центр угольной промышленности Кузбасса! — тоном преподавателя сообщила Настя.

— Угольной? — удивился Иван.

— В энциклопедии прочитала. Городу десять лет, окружен угольными разрезами и шахтами, расположен в Горной Шории. При слиянии рек Уса и Томь…

— Томь? — удивился Иван. — Может, ошиблась? Томь в Томской области.

— Ничего не ошиблась. А природа… Скалистые горы, увенчанные вековой тайгой, порожистые реки с родниковой водой, чистый воздух…

— А, по-моему, место, куда мы едем, называется Хакассией.

— Энциклопедию я наизусть не учила, но помню, что республика — Горная Шория.

Маша с улыбкой смотрела на спорщиков. Знала — ее Ваня во всем любит точность.

— Хорошо бы в Междуреченске оставили работать, — убирая столик, сказала Маша.

— Вряд ли, — Иван чувствовал себя за старшего. — Путевая машинная станция обычно с весны до осени на трассе работает, а в городе только зимой, и то не всегда.

— А почему у нее такое название — путевая машинная станция? — спросила Наташа.

— Ну да путевая…. — Сокращенно — ПМС.

— Ты же работал на ней, на первой практике.

— Название не интересовало меня. Их, этих сокращений, столько.

К примеру, СМП — строительно-монтажный поезд, УНР — управление начальника работ.

— А ПМС — механизированное передвижное предприятие, выполняющее плановые работы по ремонту пути на эксплуатационной сети железных дорог. — Наташа неторопливо произносила слова, как читала учебник. — Проводит реконструкцию верхнего строения пути, все виды капитального ремонта, выполняет смену стрелочных переводов, защищает от снежных заносов и затопления пути.

Почти двое суток добирались до Междуреченска.

Как и предполагал Иван, на станции их никто не ждал. Подразделение уже находилось на одном из разъездов где-то на границе с Хакасией.

Междуреченский вокзал приютил их на ночь.

Сдав вещи в камеру хранения, побродили по вечернему городу. Большой поселок, превращенный в город на бумаге…

Центральная площадь, где в праздники проходят колонны — единство партии и народа. Здание с красным флагом, местная власть, недалеко милиция, суд, прокуратура… Дом культуры, баня, универмаг, а вокруг двух-трехэтажные деревянные и кирпичные жилые дома. Не город, не поселок — большая деревня. Слышалось мычание коров, блеяние коз, крики пастухов, лай собак. На окраинах вздымались горы породы, поднятой из забоя вместе с углем.

В городок уже вступила весна, в палисадниках появилась травка, за низкими заборами на грядках зеленели стрелки лука.

Не увидев никаких достопримечательностей, вернулись на вокзал. В зале ожидания на деревянных диванах скоротали ночь.

ГЛАВА IV

Только к обеду следующего дня добрались до этой загадочной ПМС. Платформа, железнодорожные пути. Никаких строений. Вокруг лес, слева от блестевших на солнце рельсов с гулом несся поток воды — казалось, он соперничает с поездами, которые пролетают мимо. Чуть вдали, на ответвлении, десятка два пассажирских вагонов, выкрашенных в ярко-зеленый цвет, да у начала короткой платформы — маленькая будка дежурного. Он и показал место стоянки ПМС, назвал ее «конторой». На уложенных кое-как железнодорожных путях собрали вагоны разных времен. Первые советские товарняки, на черных торцах которых виднелись надписи: «Шейки расточены» и «Приписан к депо “Ожерелье”». Среди этих маленьких двухосных вагонов попадались теплушки, первые цельнометаллические пассажирские. Чуть в стороне — техника: площадка для тепловозов, вертушек, на которых доставляют рельсошпальные решетки, подъемный кран с деревянной кабиной. Была она когда-то зеленой, но краска слезла струпьями, оголяя потемневшие доски обшивки. Два путеукладчика вдали…

Аппарат «конторы» располагался в обычном вагоне с табличкой «Путевая машинная станция». Планировку изменили, но теснота осталась.

Кадровичка обрадовалась, встретила их как хороших знакомых.

— Господи, ну наконец-то! Ждем уже несколько дней, начальник беспокоится. Звонил в управление железной дороги… — Посмотрев на оробевших девчонок, со вздохом произнесла, словно беседовала сама с со-

бой: — Совсем крохотульки, поди, и восемнадцати нет. А у нас работы для несовершеннолетних нету, на путях. Найдем здесь чего-нибудь, может в столовой или наряды писать.

«Крохотульки» подавленно молчали, не ожидая такой встречи.

— Так есть восемнадцать-то? — взглянув на девчонок, уточнила кадровичка.

— Есть! — за всех ответил Иван.

— А у них языка нету?

— Есть! Есть! — вразнобой засмеялись девчонки.

— Вот и хорошо. А то у нас были в прошлом сезоне две малолетки, мы с ними намыкались. Ой, намыкались.

— Из нашего техникума? — спросил Иван.

— Из Красноярска. Да ладно, потом расскажу. Начнем с жилья. Вы трое, — посмотрела она на девчат, — будете в купе, вагоны старенькие, но чистые. Это у нас женское общежитие, не семейное, хотя гостей хватает.

— Каких гостей? — спросила Настя.

— Каких? — Кадровичка поверх очков посмотрела на девчонок, — мужики у нас гостями зовутся, но сейчас это редкость, — успокоила она. А ты, Иван, в мужское общежитие, в плацкартный вагон. Не купе, но полка, матрас. Да все образуется, привыкнете, — стала успокаивать, заметив разочарование в глазах «крохотулек».

Иван на прошлогодней практике уже жил в вагонах и знал всю подноготную. Дослушав инспектора, сказал, как ему казалось, по-мужски весомо:

— Анна Петровна, я уже второй раз на практике и очень прошу — поселите нас в семейное общежитие.

— Почему?

— Там все-таки поспокойнее, нет вечерних «концертов» после получки.

— Да я не против, но у нас ведь семейных пар нет, то есть тех, что в законном браке. Временные, сегодня — живут, завтра… Подобрали вагон, где пожилые женщины. Мужчины в этот вагон и не заглядывают. Но если пожалуют в гости к вам, защитницы найдутся, — улыбнулась она. И, подумав, добавила: — Подбирали жилье для вас — поломали голову. Коллектив-то у нас: много из мест заключения, у некоторых запрет на проживание в крупных городах. Деточки, плохого мы вам не пожелаем.

Доводы Анны Петровны показались убедительными.

Коллектив «конторы», человек двести, подобрался в основном женский. Мужчины все были похожи друг на друга, несмотря на разный возраст — землистые, небритые физиономии, синие мешки под глазами; как показалось Ивану, ни одного приятного лица, теплого человеческого взгляда. К работе они относились, мягко говоря, без энтузиазма, к званию ударника не стремились. В общем, ПМС была сугубо женским миром. Были женщины физически сильные, выносливые и беспредельно терпеливые. Иван вначале удивлялся: как можно в одном месте собрать столько женщин с такими качествами? Все оказалось просто: на работу в городе их не брали, общежития не давали да и других препятствий хватало. А здесь им были рады. Направляли их сюда «органы». Ни тюрьма, ни лагерь.

Свобода, ограниченная инструкциями. Больше «нельзя», чем «можно». Кто смирился, кто затаил ненависть. Нет, ни к кому-то конкретно — ненавидели все и всех: власть, соседок, прошлую неудачную жизнь, судей,

которые засудили, как им казалось, несправедливо, мужчин, бросивших их, забывших про них детей.

Эта ненависть не давала по-человечески жить. Как раковая опухоль, она пожирала женщин, причиняла им мучительную боль. Хотелось хоть временно избавиться от нее. Она вырывалась наружу потоками изощренного мата, бешеными криками, выяснениями «отношений». Часто, без особой причины, женщины внезапно бросались друг на друга, выдирали волосы, царапали лица, ломали зубы. У женщин подобная ярость была откровенной и частой, в отличие от мужчин, пытавшихся ее затушевать и как-то сгладить.

Железная дорога проходила в долине реки Томь. Напротив разъезда река мелкая, по пояс, дно галечное, течение быстрое. Надо обладать навыками, чтобы перейти на другой берег, хотя ширина реки невелика. Площадки вдоль реки хватало только для железнодорожного полотна и узкой тропинки, по которой можно пройти гуськом друг за другом. То на одном берегу, то на другом речным потоком намыло галечные пляжи. Горы, тайга, а если удастся подняться повыше, то вдали, в ясную погоду, можно увидеть седоглавые вершины — гольцы. Воздух насыщенный, чистый, целебный, настоянный на хвое и таежном разнотравье. Но это в стороне от дороги, рядом — неистребимый запах креозота.

Подальше от реки — открытые поляны, чащи пихтарников, заросли можжевельника. А черемша, знакомая Ивану по родным иркутским местам, встречается всюду. Она спасает от цинги — другой-то съедобной зелени нет. Почти весь участок дороги, отведенный «конторе», пролегает через необитаемую тайгу. Один за другим встречаются на пути водоразделы, отроги и хребты, покрытые темной зеленью непроходимых чащоб. А рельсы все бегут вперед и вперед…

Иван, выросший в таежном краю, дивился красоте их мест. Дивился и тому, сколько рядом раздраженных злых людей, готовых при одном неосторожном слове изувечить, прибить.

Иван, девчонки постепенно втянулись в распорядок, день за днем… Каждое утро — одно и то же. Ранний подъем, быстрый завтрак из того, что Бог послал, или что успели с вечера приготовить. Поездка на платформе, прицепленной к тепловозу. Весь день на солнцепеке; едкий запах креозота, которым пропитывают шпалы, и еще чего-то, специфического, что бывает только на железной дороге… Обратный путь на платформе, жилье-вагон, консервы на ужин… Тяжелый сон, и снова утро. Жизнь — колесо, крутится, крутится… Желание одно — никогда больше сюда не возвращаться.

Наташа, Настя и Маша жили уединенно, никто на них не покушался и не приставал. Если соседки были трезвыми, любые просьбы девчонок выполнялись безотказно. Ну, а если уж набрались, а это случалось каждую неделю в выходной, студентки затихали, как мышки, старались никому не попадаться на глаза.

В один из таких дней заявились «гости». Не свои, пришлые. «Свои» мужички были все распределены, и шаг вправо или влево сурово карался. На разъезд прибыл состав восстановительного поезда. Кто его отправил в это Богом забытое место и зачем? Нашлась «добрая душа» — подсказала мужичкам, где устроились юные студентки.

Иван влетел в купе, когда там уже стоял визг, мужики хрипло матерились, хватали девчонок. Какой-то верзила, вцепившись одной рукой в На-

стин подол, свободной махнул Ивана по лицу, но удар пришелся вскользь. Иван ухватил руку обидчика и резко придавил ее дверью купе.

Верзила взвыл, отпустил «добычу» и махнул еще раз, Иван сумел увернуться. Девчонки кричали, отбивались чем попадя. Иван размахивал тяжелой разделочной доской, прикрывая девчонок. Из соседних купе выскакивали женщины, вооруженные кухонной утварью. Поняв провал затеи, «гости» вывалились на улицу. Уже на выходе «старшой», видимо, по привычке, походя ткнул кулаком в живот «бабу Тоню». От неожиданного тычка баба чуть не упала, — ящик для мусора сзади удержал ее, она прочно уселась. «Старшой» рассмеялся и с удовольствием хлопнул ее по щеке:

— Получи, старая.

Все ее звали «баба Тоня». Она пользовалась уважением, была доброй, неглупой. Своих детей не имела, рано потеряв мужа. Ходили слухи, что десятилетний срок отбывала за свою родную сестру. Может так, может по-другому — здесь все были мастера придумывать слезные истории. Природа не обидела «бабу Тоню»: среднего роста, широкая в кости, она была необыкновенно сильна и ловка. А вот лицо… Глубокие борозды прорезали его, делая изможденным, старым, и прозвище «баба Тоня» приклеилось к ней раз и навсегда.

Разгоряченные схваткой, «гости» выбрались из вагона, «баба Тоня» за ними. Еще не смеркалось. По берегу реки поднималась высокая трава, а у самого вагона после дождя образовалась большая лужа.

«Баба Тоня» похлопала сзади по плечу обидчика.

— А ну, давай поборемся, голубок, поглядим, кто сильнее!

— Рехнулась, старая? Отойди, а то последних зубов… — Он оглядел ее презрительно.

Мужик был здоровый, рослый, про таких говорят — жеребец.

«Баба Тоня» без слов схватила «жеребца» за полы расстегнутой телогрейки. Не успел народ настроиться на потеху, как обидчик уже барахтался в луже на спине и дрыгал ногами, пытаясь подняться.

Иван подметил, как она ловко дернула мужика за полы телогрейки на себя и в сторону, слегка крутанула, перекинула через подставленное бедро.

«Старшой», весь в грязи, наконец, встал на ноги, лицо перекосила злоба. Сжав кулаки, бросился к женщине. «Баба Тоня», чувствовалось, «на кулачках» уступала — увертывалась от ударов, но все же один чиркнул по щеке. «Старшой», решив ударить справа, подался вперед, и в этот момент «баба Тоня» схватила его одной рукой за запястье, а другой за воротник телогрейки, дернула на себя и вбок, и снова опрокинула противника на спину. Теперь он медленно поднялся с ругательствами, и, выдернув из-за голенища сапога нож, кинулся на «бабу Тоню». Из полукружья зрителей вдруг выскочила гибкая, пружинистая женщина и, прикрыв «бабу Тоню», неуловимым движением выбила нож. Был ли это бокс или самбо — удары попадали мужику в голову и грудь. Видимо, при ударе в голову ее женскому кулачку было больно, и она встряхивала рукой. Один из ее ударов в живот оказался решающим: противник согнулся от боли, и в этот момент получил сокрушительный удар в челюсть. Обидчик «бабы Тони» долго лежал без движения, пока друзья, тихо матерясь, приводили его в чувство.

Иван заметил, что присутствующие, и мужчины, и женщины, вели себя, как болельщики в спортзале, и не вмешивались в драку. А когда по-

бежденный упал, они хором считали до десяти. Спортсменка откровенно радовалась. Прыгала, смеялась, в испачканном кровью платье, приглашала выйти с ней на бой, конечно, понимая, что равных здесь нет.

Никогда прежде Иван не видел таких драк. Ругань между женщинами в деревне, где прошло его детство, была делом обычным, но такого, что он увидел здесь, в деревне, быть не могло. Умение женщин защитить себя поразило Ивана. Это какие же испытания нужно было пройти, чтобы научиться так защищать свое достоинство. Нет, не достоинство, на кону была жизнь. Даже такая убогая, в которой счастливые минуты, как в дождливую осень солнечный луч. Что ожидало их впереди? Все то же пьянство, болезни, одиночество…

Иван, как мог, успокаивал девчонок. Машу не отпускал от себя, держал за руку. В закрытом купе не спали почти до утра, в любой момент ожидая повторной атаки. Девчонки плакали, собирались уезжать, опасаясь, что дальше будет еще хуже. Иван, молчал, не зная, чем и как их успокоить…

Жизнь в вагонах наслаивалась как ил — день на день. Многие женщины годами не бывали в кино, некоторые слышали, что существует театр, но никогда не видели ни одного спектакля. Даже нитку проводного радио не надумали сюда провести. Самым большим достижением местной цивилизации был патефон. Человек, имеющий патефон, считался «культурным». Ни разу не видел Иван здесь и читающих.

В студенческом общежитии большого города были свои неурядицы, проблемы, трудности, но светлых, радостных дней выпадало все-таки больше. Дрались ли парни? Еще как! Участвовал ли в них Иван? А куда денешься… Общага есть общага, со своими законами и правилами, своим кодексом чести. Как велось на Руси во все времена, начиная с зимних кулачных боев и летних праздничных рукопашных. Дрались в общежитии часто и ожесточенно; Иван, с тех пор как стал дружить с Машей, старался избегать ссор, не было прежнего запала.

Но драку между взрослыми, а тем более женщинами… Ни улыбок, ни спокойных лиц, не искаженных тоской и злобой. Все разговоры о водке, мужиках, и мат через каждое слово. Они даже не замечали его, привыкли. Женщины не расположены были к мирной беседе, отмалчивались. Разногласия решались ударом кулака, ногой, головой, да любой частью тела, способной принести победу, а значит — убедить противника в собственной правоте.

Его, не имеющего трудового стажа, навыков и профессионального опыта, назначили бригадиром, даже не спросив согласия. Он понял причину: больше некого. Ни одна женщина здесь не согласиться, чтобы ею руководила другая. Вот и поставил начальник во главе бригады Ивана в надежде, что они не поднимут на пацана руку и будут вести себя в его присутствии потише. Начальник оказался прав, но это было все, что он мог сделать. В бригаде, насчитывающей двадцать пять человек, не было ни одного мужчины. Руководить таким коллективом было не просто, и Иван почувствовал это сразу. Но от природы он был парнем стойким, выносливым, это и помогло ему. Относились к нему по-разному: кто-то как к ребенку, кто-то как к молодому мужчине, с которым приятно поговорить, нечаянно дотронуться рукой, неуклюже пошутить, да и вообще — любым способом высказать свое расположение и приязнь. Эти женщины навсегда вошли в его жизнь, и он знал — эти лица, меченные бездомностью, скитаниями, уже не забудет

никогда. Многие из них имели в прошлом семью, детей, теперь не осталось ничего, кроме лагерей, судимостей. Родные и знакомые отказались от них…

Девчонок определили в основную колонну. Там выполняли замену звеньев пути, и бригады были укомплектованы мужчинами. При всей тяжести этой работы студентки не видели того, что выпало на долю Ивана. В «конторе» часть рабочих трудилась на постоянной основе, в своей жизни они не видели ни тюрем, ни лагерей. В свое время они учились в профтехучилищах, получили специальности слесарей-путейцев и работали, как писали в газетах, на благо родины. Обычные работяги, при случае не прочь выпить, и все-таки никакого сравнения с женской «дикой дивизией».

Они жили семьями в двухосных вагончиках, в каждом жило по две семьи. В Междуреченске, куда путейцы возвращались поздней осенью, у них имелись квартиры. В общем-то, не считая мата, который являлся основой разговорной речи, в них не было ничего плохого. Среди сезонников, которые принимались весной до осени, слесаря-путейцы являлись гордостью предприятия.

Вот с ними и работали Маша, Наташа и Настя. Каждый день девушки сильно уставали. Иван знал эту работу — шпалы таскать и взрослому мужику мало радости, не говоря уже о рельсах, стыковых накладках и других деталях железнодорожного пути. Иван просил начальство перевести его к девчонкам, но получал категорическое «нет». Однажды, ни у кого не спросясь, он бросил свою бригаду и пришел помогать Маше. На вечерней оперативке услышал:

— Карнаухов, я вынужден отдать тебя под суд! — кричал начальник. — Бросил на путях бригаду, она оказалась неприкрытой! А если бы поезд раздавил людей?

Иван пытался оправдываться, но крик только усиливался.

— Господи, каких-то уродов к нам присылают! — распалялся начальник. — Я тебе после практики такую характеристику дам, что ты не дипломом, а волчий билет получишь.

Иван молчал, не огрызался, хотя было очень, очень обидно. Сколько раз он просил начальника не возить пьяных баб на работу, давать после получки и аванса отгулы — пока не придут в себя…

В ответ слышал:

— А ты заставляй!

— Они же пьяные, под поезд угодят.

— А ты следи, чтоб не угодили. Мы поставили тебя освобожденным бригадиром. А отгулы за пьянку не положены.

— Тогда увольнять надо.

— Ишь, какой умный! А кто работать будет? Пушкин?

Разговоры эти то возникали, то затихали.

А сегодня — угрозы.

Маша, как могла, успокаивала. Когда Иван смотрел в ее глаза, раздражение и боль куда-то уходили: столько в этом взгляде светилось доброты, преданности, любви… Она была его радостью, счастье, которое наполняло его, когда он оказывался с ней рядом, не поддавалось измерению. И мягкий добрый взгляд был самой большой наградой.

Взявшись за руки, они шли к реке, слушали ее шум, любовались красотой природы, и мир вокруг становился шире и прекрасней.

Продолжение следует

Валерий ГАНИЧЕВ

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 г. на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 г. Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Заместитель главы Всемирного Русского Народного Собора. Автор многих книг прозы и публицистики. Награжден орденами и медалями. **Живет в Москве.**

Начать хочу с той памятной встречи в 1972 году на даче в Архангельском под Москвой, когда от имени молодежи и комсомола мы поздравляли, сейчас уже ясно всем, маршала Победы. А тогда еще полуопального Георгия Константиновича Жукова. Вся страна с нетерпением ждала, когда уже совсем с него снимут табу и его слово станет столь же весомым, как и прежде.

Когда мы пришли, только что закончились поздравления от его старых знакомых еще по довоенным временам, даже с монгольского Халкин-Гола, где он одержал первые блистательные победы, ставшие провозвестником будущих его победоносных сражений. Глава МНР Ю. Цеденбал, министр внешней торговли Патоличев и др. Маршал уже разоблачился на отдых, но, узнав, что пришла приветствовать молодежь, поднялся на второй этаж дачи, переоделся в орденоносный мундир и спустился. Строго посмотрел на нас (я был тогда директором издательства «Молодая гвардия», Сурен Арутюнян отвечал в комсомоле за военно-патриотическую работу) и указал на кресла. Мы сели, а затем Сурен зачитал юбилейный адрес в его честь, что тогда еще не особенно поощрялось. Маршал внимательно слушал, кивал головой, когда говорилось о той или иной военной операции, как бы подтверждая их достоверность. После слово взял я и подарил ему две книги: шолоховский однотомник, вобравший в себя всю эпопею «Тихого Дона» и книгу «О, русская земля» — антологию русской поэзии о России (с XI века от «Слова о полку Игореве» до Победы и наших дней). Ретивые «неистовые ревнители», а таких в ЦК, культуре, цензуре (впоследствии почти все они уехали за границу или стали ревностными почитателями пе-

рестройки) выговаривали и проявляли недовольство: почему — не советская? Маршал с видимым удовлетворением принял дар, погладил «Тихий Дон» и сказал: «Любимый писатель». А антологию полистал, взглянул на содержание и произнес выдающуюся для нас фразу: «Мы на фронте высоко ценили патриотическую поэзию». Вот так великий маршал считал нашу русскую, отечественную поэзию и (подчеркнул) патриотическую, почти стратегическим фактором Победы. Не литературовед, не преподаватель, а тот ее искренний, внимательный потребитель, для которого она была не только звуком, иногда и приятным, а смыслом для утверждения духа, стойкости и мужества, его образом Родины, природы, людей, страны. И эта черта была особенно важна для поэзии военных лет, да и довоенных.

Я не раз приводил пример, когда одна из групп руководителей страны добилась, чтобы в конце 30-х годов, когда общество овладело грамотой, оно получило ту же грамоту из русской, дореволюционной, кстати, классической литературы. Книги стали издаваться миллионными тиражами: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов, Горький. Как из сообщающихся сосудов, оттуда, из тех времен, переливался в новое общество дух и принципы поведения и характера, которые, хоть и не соответствовали часто некоторым новым догмам, но соединяли прошлое и сегодняшнее в единый русский характер. Узнав об этом, один из деятелей русской эмиграции в Париже Федотов сказал: «Россия спасена!» Да, Россия, СССР укреплялись в те довоенные годы чувствами своих предков, их высотой. И, несмотря на некоторую бравурность и шапкозакидательство, в литературе, публицистике, поэзии тех лет она настораживала, взывала к зоркости и стойкости. Из глубин национальной жизни вызывались характеры мужественные и патриотические. Был дан отпор вульгарно-революционным, а по сути русофобским, попыткам смести на свалку истории мужественных героев былин, победоносных генералов и адмиралов прошлого, стремлениям показать их и их солдат как защитников крепостничества и «реакционного» царизма. Но общественное мнение просыпалось от оков «революционных либералов». Удар по одному из ярких символов нигилистической социал-патриотической поэзии получил ее знатный трубадур Демьян Бедный. Удобно расположившийся в кресле советской, российской поэзии, он в очередной раз обрушился на прошлое страны, ее героев, ее символы. Надо было кому-то лишить ее героев, ее исторических символов (что продолжается и до сих пор).

В «Правде» появилась разгромная статья на его поэтический опус «Богатыри», где он издевался над обликами, мыслями, делами богатырей былин. Как? Неужели уже нельзя издеваться над этими мифологическими былинными образами, над прошлым страны, над ее историческими героями?

Да, страна, ее патриотические силы получили поддержку. «Русские богатыри» совсем скоро понадобятся стране! А в конце 30-х годов появляются книги и статьи, даже поэзия о Суворове, Кутузове, Александре Невском, о героях прошлого. «В воздухе пахнет грозой» — слова из песенки стали предупреждением.

Я до войны жил в Сибири (Омская область, в которую входили нынешняя Тюмень, Ханты-Мансийск, часть Курганской области). Сибирь слышала приближение войны, правда, больше с востока, от Японии. Поэтому и волновала появившаяся тогда песня «На границе тучи ходят хмуро, край

суровый тишиной объят, у высоких берегов Амура часовые Родины стоят». Страна ждала осуществления победных строк: «И летели наземь самураи под напором стали и огня!» Но до этого было еще далеко. В общем, довоенная поэзия внесла свой вклад в закалку духа молодого поколения. И заканчивая тот давний разговор с маршалом Победы, вспоминаю, что в ответ на мой дерзостный вопрос: «Георгий Константинович, а все-таки, почему мы победили?» маршал остановил протестный жест Сурена Арутюняна на этот провокационный вопрос, который мучает меня и сегодня, ответил: «Правильный вопрос». И объясняя его, закончил неожиданно: «Мы победили, потому что у нас был лучший, духовно и идейно подготовленный молодой солдат». Пусть он сказал это, чтобы поддержать прибывших к нему комсомольцев, но эти слова стали намного яснее, когда мы прошли искус поколением «пепси», когда наша молодежь прошла и закалилась Афганом и Чечней.

Итак, мы вступали в войну, имея крепкого духовно и идейно подготовленного солдата, который вместе со всем советским народом и отстоял свою Родину.

Война, конечно, заставила многое переосмыслить, ввести в жизнь новые понятия, смыслы, новое понимание того, что случилось в мире. Но ведь буквально откуда-то сверху, с небес пришла символическая, молитвенная песня «Священная война» (слова Лебедева-Кумача), в которой появились после государственного выступления Молотова о начале войны непривычные, да и неслыханные слова — «Священная война»! Вот ведь как, «священная», т. е. святая, требующая самопожертвования и полной самоотдачи. Это вводило новый смысл в войну, борьбу с врагом.

Ведь совсем недавно звучали еще громкие, часто хвастливые слова: «Ордена недаром нам страна вручила — это помнит каждый наш боец. Мы готовы к бою, товарищ Ворошилов, мы готовы к бою, Сталин — наш отец».

С началом войны во всей литературе совершался невиданный поворот от бравурных, пафосных слов к тяжелому, грозному, почти смертельному смыслу. Звучал призыв: «Не смеют крылья черные над Родиной летать, поля ее просторные не смеет враг топтать». И дальше категорическое: «Дадим отпор душителям всех пламенных идей, насильникам, грабителям, мучителям людей». Враг был определен, его коричнево-черная краска была определена, стиль поведения тоже.

Да и сама литература, ее поэты и писатели почувствовали себя «мобилизованной и призванной» составной частью сражающегося общества. Иногда напрямую (2300 писателей ушли на фронт, писательские организации Ленинграда и Ростова полностью ушли туда, многие погибли), иногда став частью фронтовой печати и политработы.

Знал и дружил со многими из них, прошедшими фронт и его газеты (К. Симонов, М. Алексеев, И. Стаднюк, О. Гончар, С. Борзунов, В. Кожевников, Ю. Бондарев, В. Бушин и др.). И вот перед всеми ними вставала задача: показать и выразить новый мир беспощадной войны страны, Родины-России, ее уверенности в победе (до которой было ой как далеко). Надо было находить в этой мясорубке первых дней отступления, нередко и паники, героев. Надо было показать зверское лицо врага, его бесчеловечность и беспощадность. Надо было одухотворить «бой святой и правый ради жизни на земле». Боевая, на пределе сил жизнь порождала веру, которая пробивала себе дорогу и в словах Верховного Главнокомандующего: «Братья и

сестры, соотечественники мои! Пусть Вас вдохновляет образ великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского (святых, между прочим — *В. Г.*), Суворова и Кутузова и других». Это было знаком нового подхода к народу, к массам, вопреки фразеологии III Интернационала. Но не будем грешить, бесстрашие многих коммунистов и у нас, и в рядах антифашистского сопротивления было тоже велико (Юлиус Фучик, Манолис Глезос и др.). Ну и, конечно, надо было подбодрить усталых, нередко израненных бойцов Красной армии. И тут, конечно, Господь водил рукой того же автора «Василия Теркина» Александра Твардовского. Его отступавший и горько размышляющий боец о том, «что там, где она, Россия, по какой рубеж своя» брал на себя многие заботы по поддержанию духа. «Я там вроде политрук». За его вездесущим движением по дорогам войны жадно следили бойцы и ждали новых продолжений. Это их Василий Теркин, их жизнь и судьба. Он и стал лицом, легендой войны. Твардовский сочинил поэтическое чудо!

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

А. Твардовский «Василий Теркин»

Если в первые месяцы войны надо было просто рассказать о герое, представить его солдату и народу («Смелого пуля боится, смелого штык не берет». А. Сурков), то позднее герой, приобретая зримые черты, воспевался (Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, панфиловцы, герои-молодогвардейцы).

Это сегодня снисходительно рассуждал высокоумный архивист страны о том, что панфиловцев было не 28, а больше, а танки поражали не только они, а весь полк. Другой же телеведущий усомнился в подвиге Александра Матросова («за его спиной стоял заградительный и расстреливающий отряд бойцов» (!)). Кощунство, бездумие и просто коварство сегодняшних либералов поразительно. Их стремление развенчать героев остервенело агрессивно. А тогда надо было спасать Родину, и мало кто из бойцов думал, что их подвиг оболгут, извратят кому-то в угоду.

И, конечно, из глубин Советского Союза вынырнула, обросла новым качеством «Россия». Нет, и Советский Союз, его дружба народов тоже были фактором Победы. Но вдруг стал ясен этот стержень — Россия. И недаром, не в укор никому, после окончания войны Сталиным был поднят тост «За русский народ!». Это была горькая и высокая оценка жертв, стойкости и упорства русских в этой войне. А. Прокофьев, К. Симонов, А. Сурков, да и почти все поэты сказали свое высокое и по-новому звучащее в пороховом дыму — слово о России. «Неистовые ревнители» примолкли, не лепили в тот момент свои обвинения «отсталой», «лапотной», «заскорузлой» России (тогда, в отличие от 90-х и нынешних лет, еще не звучало торжественно-обличительное «нецивилизованная страна», «отсталая на веки от всего мира» и т. д).

Отцы нынешних «цивилизаторов» знали, что их народ, как, впрочем, и другие народы, может спасти только Россия и русские.

Но был, без сомнения, и фактор Советского Союза, фактор дружбы народов, которые, как бы ни пытались прикрыть либералы и сепаратисты, были тоже важными, тоже стратегическими. Да, и имена поэтов в этом уникальном томе подтверждают это.

Нельзя было не явить «науку ненависти». Эти простые и крайне важные слова породил одноименный очерк Михаила Александровича Шолохова, который пробыл в окопах вместе с бойцами и ее командирами многие годы войны. Отсюда и эпопея войны «Они сражались за Родину». А врага уже нельзя было любить как в рыцарских романах. Враг был чудовищен, мерзок, *обл и стозевен*. Отсюда и стихи.

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать.
Все, что Родиной мы зовем,
Знай, никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь.
Знай, никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.

Константин Симонов

«Если увидишь его, то убей». («Человек склонился над водой и увидел он, что он седой». А. Сурков).

Истошный, но праведный крик Эренбурга: «Убей немца!» Его публицистика была публицистикой законного накала ненависти. В конце войны его поправили. В «Правде» появилась статья «Товарищ Эренбург упрощает». Надо было менять гнев на милость к мирному населению. Да, можно было вспомнить, что уже в первые дни войны прозвучало: «Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается» (И. Сталин).

Психологи войны (не те, что замеривают и объясняют степень стойкости, смелости и мужества солдата), конечно, почти ни разу не отметили, да и не могли проверить: в какой степени на войне образ женщины, матери, жены, невесты, любимой стал оберегом солдату, ниточкой от дорогого деревенского прошлого, путеводной скрепой к жизни будущей, мирной. А у нашего бойца это было именно так. Пожалуй, проявлялось это самым частым образом в лирических песнях и стихах того времени.

Михаил Николаевич Алексеев, замечательный писатель, отступал от границы до Сталинграда, а потом наступал до Вены в ранге рядового, командира минометного расчета и впоследствии фронтового журналиста. Он говорил мне: «Знаешь, Валерий, у каждого бойца была своя песня об этом. У простого красноармейца — «Синенький скромный платочек», «На позицию девушка провожала бойца», у офицера — «Жди меня» Симонова и «Землянка» («Бьется в тесной печурке огонь») Суркова, у офицера-журналиста (улыбается) — «После тревог спит городок и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука…». А, вообще, в первых и вторых траншеях не пели, а прислушивались к выстрелам. Немного в землянках пели или слушали патефон, пели в основном на переформировке и в госпиталях. Хотя знаменитую «Катюшу» знали и подпевали все. Да вот недаром Исаковский

еще за свои духоукрепляющие, родные песни и стихи получил Сталинскую премию во время войны. Редкий случай и показательный, как «ценили на фронте патриотическую поэзию».

Ну и, конечно, не обошлось без шутки, юмора, насмешки над врагом. Парадокс: кругом пожар, стрельба, огонь, руины, а поэт должен помочь солдату улыбнуться, отвлечься от кошмара, хотя это нелегко. Листовка, боевой листок, плакат, рисунок — все было на службе Победы. И ведь все не как у нынешних юмористов — «ниже пояса», а к улыбке, к негромкой забаве. В разговоре с великим маршалом до этого в обсуждениях не дошли, но он бы, наверняка, признал бодрое слово, шутку, юмор, создание веселого настроения если не решающим фактором, то немалой частью в создании стойкого духа и уверенности у наших солдат в конечной победе.

Заканчивая эти «блики» о прозе и поэзии Великой Отечественной войны, выражу почти полную уверенность, что она была подлинным золотым веком нашей литературы, превзойти ее не удалось и не дано никому. И вот ее-то и следует знать, любить, учить и в школе, и дома. Ясно, что любой вменяемый родитель, умный учитель, культработник обязан, даже вопреки программам, спущенным «сверху», рассказать о ней, почитать в классе, у костра, на вечере, дома эти мужественные, вековечные строки, ибо они от того же Бессмертного полка, который донес их до нашего времени. Ваш долг: не дать уйти им в забвенье, а сохранить их, укрепиться ими.

Заслуживает внимания и обширный пласт современной поэзии о Великой Отечественной войне, созданный детьми и внуками ее участников. К 70-летию Победы было выпущено много достойных современных книг, среди которых следует выделить санкт-петербургское издание — поэтический сборник «Свет Победы» (редакторы-составители Борис Орлов и Ирэна Сергеева). В нем представлены стихи о войне 100 современных поэтов-петербуржцев разных возрастов, наследников поэтической традиции военного поколения. Красноречивы названия разделов сборника: «Память и слава», «Внуки Победы», «Сберечь наш мир» и др. Современная литература продолжает бой за Родину, за правду, за историю.

ПОЭЗИЯ

Борис БУРМИСТРОВ

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Борис Васильевич Бурмистров — член СП России, автор 12 поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного Великого князя Александра Невского, Всероссийской премии им. В. Федорова, член-корреспондент РАЕН, академик ПАНИ. Заслуженный работник культуры РФ. Председатель Союза писателей Кузбасса. **Живет в Кемерово.**

* * *

Осень прохладою дышит,
Лист тополиный шуршит…
Друг меня, видно, не слышит,
Все о любви говорит.

Друг мой, очнись от обмана,
Все пребываешь во сне.
Поздно уже, или рано
Думать, мечтать о весне.

Осень туманит овраги,
И просветляется высь.
Друг мой, забудь свои страхи,
Все, что вокруг — это жизнь.

Время весенних разливов,
Знаю и верю, придет.
Господи, сделай счастливым
Мой несчастливый народ.

* * *

Ты думаешь, грехи простятся,
Обман простится и вранье,
В толпе нетрудно затеряться,
Труднее выйти из нее.

В толпе размыты ливнем лица,
И кто есть кто не разобрать.
Ты думаешь, тебе простится,
Что ты с толпой шел убивать?

Ты думаешь, тебе зачтется,
Что был рабом в людской толпе…
По одному предстать придется —
На Божьем праведном суде.

* * *

Я снова загнан в угол,
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.

Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.

Но мы любовью жили,
Молитвою Творца —
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть —
Морозно дымилась солома.
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов может семь, может восемь
Я шел по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим…
И всадник подтягивал стремя
И целился взглядом тугим.

БОМЖ

Ни угла, ни калиточки нету,
И в кармане давно ни гроша.
Одиноко гуляет по свету
Позабытая всеми душа.

Дождь со снегом, да северный ветер
Продувает бродягу насквозь…

И живет он мечтою о лете,
И надеется он на авось…

Со своим одиночеством спорит
И с надеждой глядит в небеса,
И кому-то незримому вторит,
И слезятся по-детски глаза.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Рассыпаю время, семена
Долго, долго всходят,
и в пространстве
Вызревают чьи-то имена,
Возвращаясь из далеких странствий.

Рассыпаю время, небеса
Созревают звездами—цветами.
Из глубин Вселенной голоса
Говорят из будущего с нами.

Вечности связующая нить —
На лугу ромашки полевые.
Рассыпаю время, чтобы жить
И побеги распускать живые.

Летний вечер до предела тих,
Лики братьев зримо вспоминаю.
Прозреваю духом среди них.
Русским духом сердце наполняю.

Собираю время, семена
Прорастут в иные времена…

* * *

Пошли мне ангела, Господь!
Оберегать от мысли черной.
Моя безудержная плоть
Нуждается в защите оной.

Пошли мне ангела, теперь,
Когда весь мир от зла в смятенье.
Как много выпало потерь,
Как мало в жизни обретений.

Непредсказуемая грусть
Дождем холодным сыплет с неба.
Пошли мне ангела, он пусть
Оберегает нас от гнева.

Пошли мне ангела с небес
Сейчас, теперь, вот в эту пору.
Чтоб мог нести земной свой крест
Все дальше, дальше, выше в гору…

* * *

Вы говорите, что стихи грустны,
Они теперь не могут быть иными.
Ну что поделать, если даже в сны
Приходят все трагедии земные.

Такое время нынче на дворе,
Все злее зреет мировая ссора.
Горит уже не шапка на воре,
А целый мир сгорает от позора.

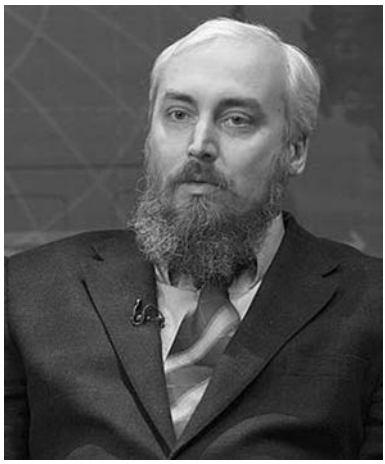
Все оттого, что тает доброта,
Как снег весенний, вглубь земли уходит,
И жизни безоглядной суета
Нас друг за другом строем гонит, гонит.

Чем ближе к краю, тем прозрачней даль
И тем яснее перепуток дальний.
Мои стихи печальны, но печаль
Струит по миру свет исповедальный.

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите, —
Все было, все будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.

Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и вранье,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя свое.



Михаил СМОЛИН

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Михаил Борисович Смолин — родился в 1971 г., окончил Санкт-Петербургский государственный университет, историк русской консервативной мысли, публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей России, руководитель Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований. Заместитель директора Российского института стратегических исследований. **Живет в Москве.**

**Печатается с небольшими сокращениями.*

Любое государство состоит из Верховной власти, государственных институтов, ею порождаемых и сорганизованных в общество различных групп населения. Государство никогда не является случайным внеисторическим союзом некоторого количества электората. Нет. Государство как союз заинтересованных в нем социальных групп всегда имеет в своей структуре конкретную историческую этническую почву (народ, роды и семьи), сорганизованную в различные слои населения, выполняющие важные государственные обязанности, а потому имеющие и определенный спектр государственных прав. Верховная власть государства не имеет напрямую общения с личностями, а входит во взаимодействие с конкретными социальными слоями, сорганизованными в общество, и через свои государственные институты управляет этим обществом.

Можно сколько угодно спорить о том, какой социально-политический принцип положить во главу угла государственного строительства, но главным объективным критерием развития государства и общества будет их жизненное долголетие, т. е. безопасность и устойчивость. А потому абсолютно непреложной истиной для государственной политики должны почитаться, прежде всего, сама безопасность и жизнеспособность государства и общества. Если государство не способно защитить свою территориальную целостность и политическую самостоятельность, то такое государство не может считаться ни устойчивым, ни суверенным. Оно не может защитить ни самих граждан, ни их свободу. Если не обеспечена безопасность общества, государства, нет безопасности и у каждого в отдельности ее члена, гражданина. Посему никакие

свободы личности не могут сравниваться по своей значимости со свободой (суверенностью) государства.

Однако если само общество не способно к воспроизводству, в широком смысле этого слова (в духовном и физическом), — оно не жизнеспособно. Традиционное религиозное сознание никогда не примирится с либеральным пониманием свободы как перечня личных политических прав. Сама свобода в православном сознании понимается по-другому. Свобода общины важнее для православного сознания свободы личной. Посему православный человек, видя ограниченность своей Церкви как общины во влиянии на государство, образование и воспитание общества, чувствует себя несвободным, поскольку несвободна сама Церковь, в которой он один из ее членов.

Православным народам психологически характерно особое отношение к свободе религиозной, социальной и государственной в силу того, что таким общественным институтам, как государство, отводится первейшее место в системе национальной безопасности. Именно поэтому государственно-властная традиция всегда ассоциировалась в православной цивилизации с мощной авторитарной системой власти, персонифицированному выразителю (Великому князю, Царю или Императору) которой *«все возможно»*. Свобода властного действия во имя общего блага является традиционным православным взглядом на государственную власть. Одна она может выводить государство из внутренней стагнации, проводя глубокие реформы общества.

Либеральная же система властвования не способна проводить серьезные благотворные и, главное, справедливые модернизации общества[1]. Одна из главнейших проблем, которые приносит с собою либеральная демократия, — это атомизированное общество, лишь на верхах организованное в так называемое «гражданское», на деле же являющее собой партийное представительство разных личных интересов крупных политических и финансовых олигархов. Огромное большинство нации выключается из жизни государства в силу своей дезорганизованности и отсутствия в государстве желания предать различным социальным слоям определенную роль в государственном строительстве.

При постоянно декларируемой необходимости отстаивания социальных интересов граждан либеральная демократия позволяет им лишь участвовать подачей своих голосов в формировании политического представительства. Политиканское средостение между народом и государством, вырабатываемое таким путем, не имеет никакого отношения к народному представительству, о котором громогласно заявляется. Выступая за общегражданское политическое представительство, демократическая идеология отрицает прямое представительство социальных интересов и профессионального разнообразия тех граждан, которым она дает лишь политическое право формировать ту «общую волю», на которой и построено все здание демократической государственности. Демократическая «общая воля» на деле оказывается всегда волей меньшинства, которое только при определенном голосовании становится большинством (скажем, при избрании различного уровня управленцев или при референдумах).

---

[1] Современную нам приватизацию даже трудно считать модернизацией в силу ее сугубо перераспределительного характера.

При аморфности Верховной власти в демократиях, в которых она теоретически приписывается совокупности населения страны, политическое представительство выполняет роль формирования той «общей воли», от которой государственная демократическая власть отталкивается в легитимации своих властных действий. Без партийного политического представительства демократия практически и не способна оправдать свою власть. По сути, Верховная власть в демократии реконструируется всякий раз, когда приходит время перевыборов. Избираемые президент и депутаты создают ту временную неограниченную Верховную власть, которой пользуются от выборов до выборов по своему усмотрению, а точнее — исходя из интересов тех сил, которые дали им финансовые и политические возможности для обработки «общественного мнения» в нужную для них сторону.

В руках избирателей, декларируемых как «*суверенный*», «*самодержавный*» народ, есть лишь весьма ограниченное право корректировать состав Верховной власти в момент выборов, но не сама эта власть, так как все остальное время власть эта находится всецело в руках делегированных представителей — президента и депутатов-политиканов. Избиратели, конечно, играют определенную роль в формировании ее состава как подающие свои голоса за те или иные политические силы, но сама власть находится не в руках народа-избирателя, а в сочетанном институте президентства и партийных политиканов. Фактически такая система власти может быть описана как республиканская форма конституционной монархии, в которой власть временно избираемого президента-монарха ограничена так же временно избираемыми в депутаты партийными политиканами. Получается сложносочетанная Верховная власть, которая в момент выборов как инициатива формирования власти отдана населению-выборщикам (находящемуся под жесточайшим разнопартийным информационным прессингом), а в период между выборами неровно поделена между президентом и депутатами.

При таком положении вещей естественно, что политические интересы партий, желающих участвовать в верховном управлении страной, никак не могут быть заменены представительством социально-профессиональных интересов, поскольку не получится сформировать долгосрочной «общей воли» в таком представительстве. Люди, первенствующие в своих профессиях, никогда не станут бросать их на несколько лет ради заседания в представительных учреждениях.

Либеральная идея о том, что государство есть договорный союз множества отдельных индивидуумов, не соответствует действительности. Государственный союз не нужен атомизированным, а значит, слабо социализированным личностям. Государственный интерес может возникать только у людей, уже объединившихся в другие, более мелкие социальные группы, у которых вследствие этого возникли определенные интересы, требующие третейского согласования и охранения от посягательств. Появление этих социальных интересов и их взаимной борьбы, в свою очередь, рождает отношения власти и подчинения, а здесь уже необходимым становится властный примирительный и объединяющий принцип государственности.

Здесь идея государственного союза предстает уже как нечто *общечеловечески ценное.*

Как образно писал святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский, о государстве, это есть «*некоторый участок во всеобщем владыче-*

стве Вседержителя, отдельный по наружности, но невидимой властью сопряженный с единством всецелого»[1].

С точки зрения Церкви, «*государство не есть непосредственное создание Божие, в том смысле, в каком является, например, дело человеческого спасения, но оно и не произвольное, самим человеком изобретенное учреждение, а по Божией воле среди людей возникающее установление, наделенное от Бога высшею земною властью. Но, хотя государство, по своей внутренней природе, есть установление божественное, однако осуществление этого "Божия установления" переходит в руки грешных людей; поэтому-то личные органы власти и именуются в Св. Писании "человеческим начальством" (1 Петр. 2, 13)*»[2].

В монархическом государстве, таком каким была Российская империя, социальная система общества была глубоко вписана в организм самого государства. Для Верховной власти не нужно было политизировать общество для того, чтобы каждые несколько лет формировать властные государственные институты. В империи общество, сложенное из профессиональных социальных групп (сословия), участвовало в жизни государства не своими политическими амбициями, а профессиональными знаниями, обязанностями. Это представительство общества в управлении страной было не партийно-политическим, а профессионально-корпоративным.

Для того чтобы это понять, необходимо разобраться в том, что же такое социальный слой или профессионально-корпоративная социальная группа.

Прежде всего это слой общества, в котором объединение (зачастую не имеющее формально существующей организации) людей происходит в силу занятия ими одной и той же профессиональной деятельностью. Такой слой может быть признаваем или не признаваем государством как важная составляющая часть общества, и исходя из этого оно по-разному строило свою социальную политику. При отрицании такой социально-профессиональной структуры государство идет по пути «гражданского общества», суть которого в формировании «общей воли» атомизированных избирателей, властно интерпретируемой политическими партиями и главами республик. Если же государство хочет уйти от разжигания политических страстей в обществе, то обращается не к поддержанию партийно-политиканских интересов, а к интересам профессионально-корпоративным. Российское имперское государство признавало социальное расслоение общества и учитывало в своем управлении профессионально-социальные интересы. Уйдя от партийно-политиканской структуры выражения общественных интересов, государство должно стать более устойчивым и социально ориентированным в силу еще и того факта, что профессионально-корпоративным группам могут быть приданы функции несения определенных государственных профессиональных обязанностей во имя общего блага, что, в свою очередь, порождает и права корпоративные в государстве. Каждый член профессиональной корпорации является гражданином своего Отечества, но **выполняет свои обязанности**

---

[1] *В. Н. [Назаревский В. В.]* Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1883.

[2] *Стеллецкий Н. С., прот., проф.* Опыт нравственного православного Богословия в апологетическом освещении. Ч. 3. Общественная нравственность. Харьков, 1917. С. 276–277.

по отношению к государству через свою профессиональную принадлежность.

Государство как институт не может общаться напрямую с отдельными личностями (в силу их многочисленности), а только, как правило (с исключениями, конечно), с социально-профессиональными группами, союзами, которые признаны государством и призваны им к определенной деятельности, сопряженной с конкретными обязанностями и правами. Среди русских консервативных мыслителей теме корпоративно-профессионального представительства более всего места в своем творчестве посвятил Л. А. Тихомиров (1852–1923). Еще в начале XX столетия ему виделась весьма сложная система организации русского общества в стремительно развивавшейся экономически России. Постулируя необходимость модернизации социального строя империи, Л. А. Тихомиров считал, что разные профессиональные специализированные прослойки разнородного состава («рабочие, администрация, техники, хозяева») должны быть объединены каждый в свою корпорацию, но одновременно не переставая состоять в общей для всего профессионального дела сословно-социальной организации. Например, в угледобывающей области должен быть общий угледобывающий профессионально-сословный союз, который, в свою очередь, состоял бы из союза владельцев угольных шахт, союза угольных рабочих-шахтеров, союза инженеров-шахтеров и союза административных служащих шахт. При этом «*социальная организация во всех ясно обозначившихся классах должна быть государственно обязательною*»[1], — утверждал Л. А. Тихомиров, для того чтобы не было борьбы между состоящими и не состоящими в таковых профессиональных союзах и каждый мог иметь защиту своего профессионально-социального положения.

«*Естественно, при этом*, — писал Л. А. Тихомиров, — *является много частных вопросов: какие именно слои должно признать уже подлежащими сословному или корпоративному объединению, сколько времени нужно пробыть работником данной профессии, чтобы стать членом ее сословия, в какой мере сохраняются имущественные и иные права члена прежней корпорации при переходе в новую и т. д. Определение всего этого составляет задачу социального законодательства, меняющегося по мере изменения обстоятельств*»[2].

К сожалению, идеи Л. А. Тихомирова по социальной модернизации империи оказались невостребованными в начале XX столетия. «*Никто не хотел*, — как писал его биограф В. А. Маевский, — *серьезно вдуматься в трезвый голос предостережения, тем более, что и пророк-то был выходец из революционного Назарета*»[3].

Революция в 1917 г. повела Россию по путям социальной, а затем и либеральной демократии, равно отрицающих профессионально-корпоративное расслоение общества.

Однако, несмотря на идеологическую ее демонизацию социалистической и либеральной мыслью (в стиле «*ну не восстанавливать же нам*

---

[1] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1905. С. 527.

[2] *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. М., 1992. С. 530.

[3] *Маевский В. А.* Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 61.

старые сословия!»), профессионально-корпоративное расслоение остается наиболее реальным и естественным социальным делением. В исторической действительности сословия всегда были профессиональными социальными группами, которым государство поручало отправление определенных обязанностей, при исполнении которых давала соответствующие права в обществе, часто наследуемые. Сословным же строем был такой, в котором государство строилось на специализированных профессиональных слоях общества, а не на атомизированных личностях, как это провозглашается в доктрине «гражданского общества».

По сути, отдельные личности и не играют сколько-нибудь значительной роли в «общегражданском строе». Значимость всеобщих и равных выборов явно преувеличена. При ошеломляющем давлении партийной пропаганды и политтехнологий, которые и формируют общественное мнение, свободного выбора не осуществляется. Партийная пропаганда подавляет саму свободу в выборе и тем самым узурпирует волеизъявление граждан в своих узкопартийных интересах.

Практическое отсутствие влияния граждан в либеральном государстве, как и тема несвободы в обществе, построенном на принципе политической свободы, как-то отсутствует в длинном перечне допущенных вопросов к обсуждению. Народ как Верховная власть в демократиях принимается на веру, словно непререкаемый и не подлежащий сомнению догмат. Обычно обсуждение такой темы заканчивается, не начавшись, при указании на то, что партийно-политическое представительство торжествует во всех странах Запада. А для наших либералов если что существует на Западе, то и универсально-положительно, и требует обязательного внедрения во всех других обществах. Дифференцированный и нелинейный подход в построении исторической действительности непонятен для западнического сознания.

Если же посмотреть на участие народа в управлении государством не как на окончательно решенный вопрос, а как на проблему, то возникают вполне естественные вопросы. А почему, собственно, представительство должно быть политическим, а не гражданским, профессиональным? Разве для государства интересней, важней узнать политические пристрастия своих граждан, чем их социальные, гражданские нужды как представителей корпоративных социальных групп? Разве желание государств иметь в современном партийном представительстве две-три большие партии не есть свидетельство того, что государству легче иметь дело со структурированным в большие общности общественным представительством? Что важнее для жизни государства — иметь политические партии или профессиональные союзы?

Взгляд классического либерализма на сословное или профессионально-корпоративное деление общества неизменен уже очень долгое время. Еще Б. Н. Чичерин (1828–1904) писал, что «*сословия не могут быть признаны политическим разделением народа и не должны служить основанием политического представительства*»[1].

Политическое представительство, действительно, трудно заменимо в той системе конституционализма XIX столетия, в рамках которого оно и было разработано. Признание за Верховной властью государства ее сложносоставности (монарха и парламента), конечно же, требует особого, внима-

[1] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 160.

тельного отстаивания именно **политических** прав властных сторон. Именно эта конституционная переходная форма монархии к республике и зациклила идею народного представительства на сугубо партийно-политической системе. Кстати, то же самое относится и к постоянности деятельности этого представительства, опять же из-за опасения, что эту часть Верховной власти (в конституционной монархии) или законодательную ветвь власти (при демократической республике) ущемят политически.

В демократических республиках политическому представительству тоже сложно найти альтернативу в силу того, что оно играет важнейшую роль в формировании той «общей воли», которая и придает республиканскую легитимность действиям власти.

Но это теоретические трудности для демократического принципа, а не для института государства как такового. Мы не обязаны переоценивать реалистичность демократического понимания Верховной власти в государстве и не верим в то, что она (Верховная власть) может фактически находиться в руках совокупного множества населения страны. Хотя бы в силу того, что партийное представительство не является голосом народа и «избранники народа» не тождественны самому народу, а значит, та «общая воля» нации, на которой строит свое здание демократический принцип, не более реалистичны, чем большинство других идеологических мифов нового времени.

Идеологический псевдомистицизм демократических теорий еще в начале XX столетия ярко описал русский политический мыслитель и государственный деятель П. Х. Шванебах (1848–1908) в своей книге «О народном представительстве». «*Поразительно то*, — писал он, — *что поклонники народного суверенитета грешат именно тем, что они попрекают приверженцев монархии — политической мистикой. Сторонникам левых политических учений особенно ненавистны термины "Помазанник Божий" и "Государь Божьей милостью", так же связь религиозных верований с чувством монархической верности, что ими приводится в доказательство господства теократических, в деле государственного управления, начал. О каком, однако, поверхностном непонимании монархического строя свидетельствует такое отношение к делу! Не Божьим чудом создались европейские монархии, а изволением Промысла, одинаково руководящего судьбами и народов, и царей, и горе монарху, который в царственном своем служении стал бы искать откровений свыше, а не прислушивался бы к голосу совести, проверяемому опытом истории и советом людей, отмеченных как народным уважением, так и царским доверием… Но спрашивается, где же мистика в том сознательном благоговении пред неисповедимыми промыслами Провидения, призвавшего этот именно род из числа многих к верховному главенству в государстве и давшего народу в лице государя* ***живой*** *символ родины, ее нераздельности, ее могущества, ее чести и ее славы? Не стократ ли больше мистицизма в том культе народовластия, который избирательную процедуру почитает чудодейственным миропомазанием всеведения и всевластия и полусотню почтенных, подчас и малопочтенных обывателей, заполучивших счастливые номера в выборной лотерее, признает полновластными и выше всяких упреков стоящими вершителями судеб государства?*»[1].

[1] *Шванебах П. Х.* О народном представительстве. Киев, 1909. С. 29–30.

Об этом не принято задумываться, но в действительности демократические выборы творят какую-то мистическую «*общую волю*», которой почему-то необходимо подчиняться как силе Верховной, способной вершить судьбы страны. Если поставить рядом личную волю персонифицированного представителя наследственной монархии и демократическую «*общую волю*», то неужели эти воли одинаково исторически реальны?

В действительности само избрание, т. е. выявление этой «общей воли», окружено каким-то магическим потусторонним флером, духом превращения обывателя в законодателя, партийца в государственного деятеля. Декларируемая общегражданская (внесословная, внепрофессиональная) суть демократического строя на практике приводит лишь к игнорированию социального расслоения, которое не только не исчезает, но с усложнением социальной жизни, напротив, разнообразится. Все это делается ради декларируемого равенства.

Но где то вожделенное социальное равенство, которое декларируется как часть демократического символа веры? Разве не во имя его была разрушена старая монархическая и христианская Европа и православная Российская империя? Ведь и современные демократические общества, так же как и старые традиционные, не знают равенства как последовательно проведенного в жизнь принципа. Его нет даже перед законом, который при определенном денежном и адвокатском приложении вполне обходим для богатых граждан демократических режимов. Реальное, а не теоретически воображаемое общество продолжает расслаиваться и по профессиональной деятельности, и по достатку, и по культуре, и по образованию, и по множеству других показателей. Либеральное же государство отказывается считать социальное расслоение основным составляющим общества, не вступает с профессиональными группами в прямые отношения, а признает лишь политические партии. Причем, отделив политическую составляющую при общегражданском принципе от социальной и признавая за выразителей интересов гражданского общества-нации только политические партии, государство неминуемо становится в положение, когда партии постоянно борются за обладание властью в нем. То есть государственное строительство становится не общим делом всего общества (каков, собственно, смысл слова «*республика*»), а ареной политических амбиций политико-экономических элит.

Проблема «*гражданского общества*» состоит в том, что оно не представляет реально существующие органические общности (нации, религиозные организации, социальные группы), а лишь партийные политические пристрастия. Чтобы сравнить, что важнее для страны — партии или социальные группы, попробуем представить себе последствия полного уничтожения одного из партийных направлений или одной из социальных групп. Скажем, если общество вдруг по каким-то причинам потеряет все разновидности партийной либеральной демократии, то практически с полной уверенностью можно сказать, что ни к каким катастрофическим или даже просто серьезным кризисным последствиям это не приведет. Представить же себе последствия полного уничтожения, скажем, крестьянской социально-профессиональной группы просто страшно, так как само существование общества, государства будет поставлено в ситуацию невозможности дальнейшего существования.

Партийное представительство незаменимо в либеральном обществе в силу необходимости для него формировать через партии именно **полити-**

ческую «*общую волю*», без которой властная деятельность и отстраивание ветвей власти при демократии и невозможно, и нелегитимно. Нация порабощается партийными профессиональными политиканами, переставая быть самостоятельной творческой силой, и призывается к делу управления только на момент выборов для опускания избирательного листка в урну. Между нацией и государством выстраивается особое непроницаемое партийное средостение, которое еще хуже для развития общества, чем бюрократическое.

Государство, не выражая общего интереса нации, становится, таким образом, ее поработителем. При общегражданском строе личность теряет свою социальную значимость, поскольку для государства она есть всего лишь избирательная единица, а не полноправный представитель сословного слоя, могущего выражать ее интересы. Государство, построенное не на социальной основе, приобретает черты тоталитарности по отношению к действующей личности, не считается с ее самостоятельной творческой деятельностью и не признает за ней никакой реально существующей социальной группы, необходимой самому государству для эффективного функционирования.

Свобода труда в современное время во многом пошатнула наследственность занятия одним и тем же делом. Но отменяет ли свобода выбора труда социальное разделение по социально-профессиональным группам? Можно ли на этом разделении строить социальный строй самого государства? Это требует доказательства.

Либералы утверждают, что «*разделение народонаселения по занятиям существует, но, при свободе труда, занятие остается частным делом, которое не дает людям ни корпоративной связи, ни политических прав*»[1].

Так ли это на самом деле? Или это просто удобно демократическому государству, которое хочет иметь перед собой атомизированного гражданина, «избирательная воля» которого инфильтрируется партиями, угодными общественному строю?

Утверждают, что профессионально-корпоративное представительство не имеет общего интереса и видит только свой узкогрупповой интерес, что далеко от понимания общенациональных, государственных задач. Но ведь то же самое, только в более резкой форме можно сказать и о партийном представительстве. Партийные интересы, как правило, не только различны, но и противоположны до крайности. Партия всегда есть частное дело, а партийное представительство — представительство также частных интересов, только выраженных в политических требованиях. Партийное начало — вещь в себе, зачастую настолько антагонистичное обществу в целом, что способно целенаправленно и осознанно стремиться к уничтожению самого государства. Поэтому если вместо развития со стороны государства социального партнерства, социальной солидарности пустить на самотек отношения между социальными группами, то, конечно, они замкнутся на отстаивании узкокорпоративных интересов. Но государство, не проникнутое либеральными или даже либертарианскими идеями, способно быть главным действующим лицом в социальной политике и тем самым дать свое место каждому профессионально-корпоративному интересу, налагая на корпорации государственные обязанности и предоставляя за их выполнение государственные права.

---

[1] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 164.

Может ли профессионально-корпоративный интерес стремиться к уничтожению общества, в котором он только и может реализовывать свой частный интерес? По-видимому, интересы социально-профессиональные не могут в силу своей природы (не способной оторваться от целого общества) осознанно желать уничтожения самого общества. Таким образом, если рассуждать о том, что опаснее — партийные или профессиональные интересы, то можно сказать, что вторые менее склонны воспламеняться отвлеченно-теоретическими идеями, способными радикально уничтожить само общество.

Партии, как политические группы граждан, создаются для захвата политической власти в государстве. Может ли у социально-профессиональных групп быть такое же стремление? Наверное, оно возможно в таких сферах, например, как банковское сообщество, которое может получить ориентацию на глобалистские процессы и повредить национальному государству. Но это исключение, а не правило, и другие социальные группы в отстаивании своих интересов все же перевесят в своем влиянии влияние одной-единственной группы. Тем более что представительство социально-профессиональных групп есть определенная обязанность, служба, на которую государством призваны эти общественные силы. И они отвечают перед государством своей службой и могут понести определенные поражения в своих правах в случае невыполнения своих обязанностей.

Действительно, частный и государственно-общественный интересы во многом противоположны. Но в русской психологии они часто были едины в силу специфичности русской истории, требовавшей постоянной защиты общества, почти всегда уводившей частный интерес на второй план и даже соединявшей его с государственным, как более правильно было бы сказать. Такое соединение способствовало выработке особого построения самого общества, практически постоянно отстаивавшего государственные, общественные интересы, подавляя личные.

Строение социальное всегда основано на одновременном действии сил, объединяющих и разъединяющих, на борьбе социальных слоев за свои интересы и одновременной солидарности во имя достижения общих для всех интересов. И только блюдя общий интерес, кооперируя все социальные группы, государство способно сглаживать антагонизмы в обществе.

Задача государства состоит вовсе не в представлении интересов экономически сильных или, напротив, интересов численного большинства в обществе. Социальный мир государства столь многообразен, что необходимо учитывать «*сотни разных оттенков меньшинства и большинства*». Органом же, объединяющим все эти социальные силы, может быть только Верховная власть в государстве, которая не заботится о количественных составляющих этих групп, а только об их государственной важности, необходимости для общества, видя перед собой главнейшую цель государственного общежития — **общенациональное процветание**.

Общенациональное процветание напрямую зависит также и от принципа господствующего положения державного русского народа в русском государстве. Русское национальное большинство не может сегодня конвертировать свое количественное превосходство во властные преимущества в силу того, что в России господствует идея о вненациональной «общегражданской» равноудаленности государства от всех наций, исповедуя тем самым странно препарированный принцип социалистического интернационализма.

В принципе политические права должны быть равны и одинаковы, но для практики, по которой осуществление этих политических прав должно сообразовываться с подготовленностью человека к выполнению обязанностей, возлагаемых на него, такое положение вещей далеко не всегда оправданно. Необходима разработка системы цензов — временных, нравственных, мировоззренческих и т. д., чтобы политическими правами могли пользоваться в идеале лишь достойные и законопослушные граждане.

Такого рода радикальные перемены возможны только при сильной персонифицированной власти, которая должна опираться на нуждающиеся в государственном порядке социальные слои русской нации. Причем опора должна быть сугубо на те прочные социальные элементы, которым нужна русская государственность для их спокойного труда и внутренней жизни. Власть верховная должна иметь возможность действовать во имя государственного блага в случае надобности и не обращая внимания на писаный закон, если он не способен доставить необходимый для государства положительный результат. В силу этого единоличная власть представляется наиболее способной и эффективной в деле традиционалистской модернизации Российской Федерации в Православную Империю будущего.

Вышла книга

Аверьянов В. В.

Наш дух не сломлен / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 688 с.

В настоящем томе собраны идеологические работы известного мыслителя и писателя нового поколения Виталия Владимировича Аверьянова, из которых можно увидеть, как складывается современная версия национал-патриотической идеологии, получившей у автора название «динамический консерватизм». В статьях Аверьянова ярко представлен новый русский имперский национализм, показано, что традиционализм и консерватизм не просто совместимы с научным, технологическим и социальным развитием русской цивилизации, но являются сегодня важнейшим условием для такого развития. В динамическом консерватизме — вектор преодоления застойных и упадочных процессов, являющихся последствиями Смутного времени в России 90-х годов.

В. В. Аверьянов известен как православный публицист, издававший в конце 90-х годов газету «Православное книжное обозрение», один из главных создателей коллективного труда «Русская доктрина» (2005), руководитель возникшего в 2009 году Института динамического консерватизма, соучредитель и один из руководителей собравшегося в 2012 году Изборского клуба экспертов, ставшего влиятельным центром производства и продвижения патриотических идей и стратегии динамичного развития Российского государства.

Точка зрения

Александр КАЗИН

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕЯ XXI ВЕКА

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, старший научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге**.

Неладно что-то в нашем королевстве. Нравится это кому-либо или нет, либерализм как социально-экономическая и тем более мировоззренческая программа в России провалился. В 1991 году казалось, что либералы победили навсегда — ценой разгрома Советского Союза, однако уже через 8 лет популярность Б. Ельцина снизилась почти до нуля. Ныне либерализм испытывает всесторонний кризис в экономическом, политическом и нравственном отношении. Экономически Россия продолжает сидеть на сырьевой игле, политически вожди «болотной» оппозиции представляют собой пустое место, наконец, в нравственном плане нашу общественную жизнь разъедает чудовищная коррупция как естественное следствие частной собственности на основные ресурсы страны, сопровождаемой тотальной пропагандой потребления. Если действительный «бог» — деньги, то все позволено. И никаким следственным комитетам с этим не справиться.

Однако долго так продолжаться не может. Стране нужен другой проект. В Советский Союз возврата нет. На этом фоне обращает на себя внимание понятие православного социализма как наиболее укорененного общественного уложения в исторической традиции и «коллективном бессознательном» России. Попробуем разобраться. Словосочетание «православный социализм» включает в себя, по меньшей мере, два смысла — собственно религиозный и социально-культурный. Начнем с первого.

Любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в земной жизни. Заповеди,

предназначенные для общенародного исполнения, в традиционных (классических) цивилизациях являются религиозными основами общественного и национального существования. Таково, например, почитание предков в конфуцианстве, кастовое устройство общества в индуизме, идеальное государство Платона (на деле, правда, не удавшееся). Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Тысячи богословов Востока день и ночь думают, как наилучшим образом жить народам в соответствии с богоданными законами. Не случайно святой равноапостольный князь Владимир спрашивал при «испытании вер»: какой у вас закон? Закон Бога (правило, норма) в дохристианских и нехристианских исповеданиях — это и есть их религиозный «социализм», то есть совокупность уложений, обязательных для каждого члена соответствующей общины и всей общины в целом (за отказ — смерть или изгнание). Всякая цивилизационная — развернутая по вертикали — деятельность человека, в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты».

Однако христианство радикально обновило эти древнейшие вероисповедные правила. В отличие от языческих и «имманентистских» религий, фактический идеал которых здесь, на земле, и достигается исполнением закона, Христос пришел с благой вестью о Царстве Небесном, достижимом любовью и благодатью. Цель христианства трансцендентна, а не имманентна, она за гробом, по ту сторону сущего. В этом плане прав Розанов — христиане действительно «люди лунного света», града земного не имеющие, града грядущего взыскующие. Каждый, кто хотя бы раз читал Евангелие, знает, чем оно кончается — Страшным Судом и концом света, а вовсе не хилиастическими «молочными реками с кисельными берегами». Тысячелетнее царство праведников — не земное царство, а небесный Иерусалим. С этой точки зрения любое прагматическое социальное устроение ветхого Адама «мелко плавает» на фоне грозного финала изгнанников рая, и более того, идейно противоречит ему. «Не собирайте себе сокровищ на земле», — прямо сказано. История богатого юноши, отказавшегося следовать за Богочеловеком, казалось бы, навсегда должна отучить христиан размышлять о том, как бы удобнее устроиться в этом падшем мире. Христианство — это подвиг, духовный и телесный, это прорыв к Новому небу и Новой — безгрешной — земле. Первых христиан травили львами, они уходили в пустыню и питались акридами — какой уж тут социализм? Разве что катакомбный...

Исходя из сказанного, православный социализм следует признать религиозной мечтой, своего рода мифом о земном рае, когда все люди станут христианами и будут жить по-христиански, как лично, так и соборно (общинно). Образ этой мечты — деяния апостолов и ранние христианские братства, когда пришествия Христа во славе ждали со дня на день и имели все общее. В последующей христианской истории приближение к «православному социализму» осуществлялось, прежде всего, в общежительных монастырях, киновиях, от Пахомия Великого и Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Если в религиях бытия — например, в иудаизме, исламе — предполагается относительная реализация идеала в натуральной плоти (племенной и национальной в том числе), то

благовестие Христа требует преображения плоти, преодоления ее наличного (похотливого и смертного) состояния, для чего безличная (пусть даже освященная) традиционная социальная практика оказывается скорее препятствием и соблазном, чем условием (фарисейство). Некоторые националисты даже выводят отсюда, что христианство есть иудейская выдумка для того, чтобы ослабить соперников в борьбе за власть над миром.

Любопытно, что когда К. Н. Леонтьев в 70-х годах позапрошлого века громко напомнил эту, казалось бы, самоочевидную мысль о загробной цели христианства, на него обрушились многие православные авторы. «Христианство есть спасение жизни, а не спасение от жизни», — говорили ему, как будто он лично предсказал, что «восстанет народ на народ, и царство на царство», и «по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь» (Мтф. 24). И хотя последние годы этого замечательного мыслителя прошли в тяжелом пессимизме относительно судьбы человечества вообще и России в особенности, все же он до конца жизни разрабатывал свою концепцию спасения православно-русской цивилизации, которую можно назвать не то что «социализмом», а прямо соборно-монархическим коммунизмом. Сознавая религиозную утопичность своей деятельности, Леонтьев, тем не менее, считал долгом по возможности отдалить, оттянуть торжество антихриста. Я приведу цитату из его работы «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», в которой Леонтьев предлагает свой план спасения Святой Руси от антихриста путем *соединения православной монархии с идеальным корпоративно-общинным строем.*

«Социализм, понятый как следует, есть не что иное как новый феодализм, уже совсем недалекого будущего, разумея при этом слово *феодализм*, конечно, не в тесном и специальном его значении романо-германского рыцарства или общественного строя, именно времени этого рыцарства, а в самом широком его смысле, то есть в смысле глубокой неравноправности классов и групп, в смысле разнообразной децентрализации и группировки социальных сил, объединенных в каком-нибудь живом центре духовном или государственном; в смысле нового закрепощения лиц другими лицами и учреждениями, подчинение одних общин другим общинам, несравненно сильнейшим или чем-нибудь облагороженным (так, например, как были подчинены у нас в старину рабочие селения монастырям). Теперь коммунисты (и, пожалуй, социалисты) являются в виде самых крайних, до бунта и преступлений в принципе неограниченных либералов; их необходимо казнить, но сколько бы мы их ни казнили, по нашей прямой и современной обязанности, они, доводя либерально-эгалитарный принцип в лице своем до его крайности, обнажая, так сказать, его во всей наготе, служат бессознательно службу реакционной организации будущего, и в этом, пожалуй, их косвенная польза, даже и великая» [1].

Вот так пытался этот умный человек «задержать народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному своеверию» [2]. Разумеется, никто не предлагает буквально перенести его рекомендации в наш XXI век. Однако это хороший урок для нас, особенно при обсуждении вопроса, что такое православный социализм. С точки зрения строгой христианской догматики — химера и утопия, но в плане естественного для верующего человека/народа стремления к совпадению слова и дела — *посильный, хотя, разумеется, несовершенный проект совместной (нацио*

нальной, государственной, культурной) христианской жизни людей в миру, а не только в монастыре. Хотя Гоголь и восклицал в свое время: «Монастырь наш, Россия!». Конечно, все христианские конфессии и тем более секты проектировали свой «земной рай» от «двух градов» бл. Августина и католической «Утопии» Томаса Мора до «теологии освобождения» и либерально-протестантских сект. Недавно отмечалось 500-летие Яна Гуса и его «таборитов» — что это, как не ранний «предпротестантский социализм»? Лютеранство, в свою очередь, породило социальную философию немецкого идеализма от идеи «вечного мира» Канта до гегелевского апофеоза государственности, которую профессор усмотрел в современной ему Пруссии (позднее тут и Бисмарк со своим «прусским социализмом»). Я уже не говорю о многочисленных европейских попытках учредить тот или иной «Город Солнца» под знаменем религиозной праведности.

Все это осталось утопией, потому что было основано на ложной — католической или протестантской — вероисповедной установке и порождаемых ею мировоззренческих фантомах. Строилось на стихиях мира сего, а не по Христу. Выражаясь более категориально, это были «человеческие, слишком человеческие» усилия установить рай на земле средствами европейской буржуазной цивилизации, уже вступившей на нисходящий путь антропоцентрического модерна. Как характерно выразился по поводу Европы Петр Чаадаев, «искали Бога, нашли свободу и процветание». К сожалению, Чаадаев периода «Философических писем» еще не сознавал, что тем самым гуманистическая ренессансно-романтическая Европа покончила с христианством (это, между прочим, прекрасно понял его друг Герцен, возненавидевший мещанскую Европу, как только в ней оказался, и метко назвавший собор святого Петра знаком *расстрижения* Запада).

Иначе произошло в России. «Москва — Третий Рим» — религиозная реальность, а не виртуальный двор короля Артура и не бесплодное соперничество гвельфов с гибеллинами. Напротив, «Священная Римская империя германской нации» — это, прежде всего, военно-политическая структура. И сказать «государство — это я!» не пришло бы в голову ни одному русскому царю. Не буду повторять здесь аргументацию отечественной православной мысли, от старца Филофея до XXI века: Святая Русь не перестала быть таковой ни с ордынцами, ни с Петром, ни с Лениным. Ее духовная история непрерывна, вопреки трагическим псевдоморфозам вроде февральского предательства или интернационал-коммунизма. Незримая міру энергия Православия уберегла ее от модернистского и постмодернистского вырождения в холодное чудовище, рисующее карикатуры на пророков и законодательно поощряющее содом. (Подробнее см. об этом мою книгу «Последнее Царство. Русская православная цивилизация», изданную Спасо-Преображенским Валаамским монастырем по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго) [3]. Именно такая Россия (в государственной форме СССР) победила оккультный нордический рейх и первой вышла в космос. Как писал в 1993 году блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в ее безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты — жертвенность, самоотверженность, терпение — позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и

сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия» [4].

Сказанное означает, что «христианского капитализма» в России не может быть, также как и «христианской демократии» — для этого Русь слишком глубоко приняла в себя Спасителя. У русских именно православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени: они рассматривают эти ценности *не как собственность, а как дар*. В отношении к собственности как Божьему дару («земля — богова») издавна коренилась драма русского купечества и предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или… на революцию. Даже нынешние «новые русские» в глубине души знают, что они «разбойники»: большинство из всех вовсе не собираются строить в России цивилизованный капитализм, а переводят деньги на Запад. В метафизическом смысле слова национальная буржуазия в России как бы подвешена между храмом и тюрьмой; во всяком случае вплоть до настоящего времени капитал («бешеные деньги») переживается в России как неправда, как грех: «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Отсюда и чудовищная коррупция, которая в ближайшие годы способна, грубо говоря, сожрать нашу государственность, если деньги останутся, как сейчас, главной ценностью повседневного существования.

Нравится нам это или нет, Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных отличий православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие *соглашательства* (компромисса) между религиозными полюсами жизни. В отличие от Запада, русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянуто между божественным и бесовским; особенно это касается богатства, власти и культуры. Духовная вертикаль, как, впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, по этой причине всегда имеет некоего «темного спутника» в виде мозаичной, невыстроенной, пренебрегаемой поверхности наличного бытия, служащего как бы гарантом земного неблагополучия России, ее нежелания и неспособности *удобно* устроиться на земле («странничество»). «Евангелие процветания» по-русски звучит неприлично, вроде «христианского блуда». Отечественные «капиталисты» — от Чичикова и Штольца до нынешних компрадоров — всегда представляли капитал именно как силу мировой похоти («оргон»), вожделеющей телесного обладания сотворенной Богом вселенной…

Из всего сказанного вытекает, что либерализм западного типа в России является искусственным образованием и изначально обречен на неудачу. Подобную функциональную, машинообразную власть в России никто не будет уважать, люди не станут исполнять ее законов. Быть может, Россия вообще не способна к республиканскому строю: на протяжении всей своей истории она колебалась между самодержавием и самозванством (диктатурой). По-видимому, наилучшей общественной формацией для России является *православная народная (соборная) монархия с открытым сословно-корпоративным устройством государства и широким народоправием земли (земщина)*. Это и есть православный социализм. Только такое социальное устройство, в принципе, в состоянии справиться с антиномичностью

русского душевного строя, где истина, собственность, власть постоянно располагаются на рубеже света и тьмы, «правого» и «левого» и потому чреваты историческим оборотничеством (тем или иным видом «земного рая»). Русская цивилизация требует иной формулы, чем европейская, индийская, китайская или американская, и потому нынешняя (уже вторая) попытка построить капитализм (банкократию) на православно-эсхатологической почве России может привести лишь к всеобщей цинизации ее жизни, что чревато серьезной опасностью для всего мира. Выбор между американизированным «мировым сообществом» и обветшавшим красным мавзолеем — это ложная альтернатива для России. Формирование гражданского общества здесь может быть ориентировано только на иерархическую организацию, в которой народ («земля») внутренне связан с монархической державностью власти (независимо от того, как будет называться пока носитель этой власти). Именно это имел в виду К. Д. Кавелин, когда писал (правда, со ссылкой на славянофила Ю. Ф. Самарина), что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавной республики» [5], в рамках которой гражданские сословия, хозяйственные классы и политические партии определяются по отношению к духовно и социально превосходящему их целому. Человеку нужен хлеб, но не хлебом единым жив человек. Обществу нужны деньги, но нет ничего опаснее для России, чем власть денег. Мы находимся под мощной — внутренней и внешней — демонической инвольтацией. Сдача ей без боя означает признание господства темных сил.

Таким образом, православный социализм — единственно возможный и желательный национальный проект для России. Более того, именно такого — цивилизационно альтернативного, «иначе возможного», как сказал бы А. С. Панарин — шага ждет от нее незападный мир (да и немало людей в Европе). Это не химера и не «розовое христианство», а трезвая констатация ее духовной судьбы. Русская идея есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод ее, подобно зерну, растет медленно и прикровенно. Она всегда *уже-но-еще-не.* Не претендуя на *исполнение* рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, православный социализм есть ценностный (социологический и культурологический) *символ русского пути*, каким он являет себя в действительности уже тысячу лет. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная — установка на смысл народной жизни, на индивидуальном уровне часто не осознаваемая («коллективное бессознательное», по Юнгу). Православный социализм реализуется как *направление и предел*, а не достигнутый раз навсегда материальный результат («хорошая жизнь» в обывательском значении слова). Все, что способствует описанному состоянию/движению России, — хорошо; все, что препятствует ему, — плохо. В таком понимании православный социализм и есть наша искомая государственная идеология XXI века, которая не должна зависеть ни от откровенных агентов антицеркви, ни от высокомерных «уранопатриотов». Тому, кто не хочет или не может это осознать, придется пересмотреть свое мировоззрение, или уйти в «малый народ», или покинуть страну. Насильно ни свят, ни мил не будешь, и свобода личной совести неприкосновенна. Точкой отсчета в любом случае остается выбор «большого народа».

Поэтому следует приветствовать поддерживаемую 80 % населения попытку Президента Путина и его команды вывести российское государство из-под внешнего управления, в котором оно находится после 1991 года. В случае ее неудачи нашей страной завладеет оппозиционная «пятая колонна», идеологи которой обеспечивают активную круглосуточную работу соответствующих радио-/телеканалов и интернет-ресурсов. Тогда Россия очень быстро перестанет существовать, а вдобавок еще может родить антихриста, как об этом и предупреждал более ста лет назад Константин Николаевич Леонтьев.

Литература

1. *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 26–27.

2. *Леонтьев К. Н.* Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 146–151.

3. Электронная версия: http://www.wco.ru/biblio/books/kazin1/main.htm.

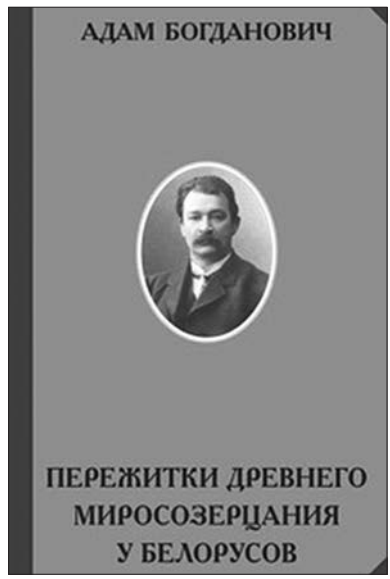
4. *Иоанн, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Битва за Россию. СПб., 1993. С. 33.

5. *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. СПб., 1897. С. 995–1020.

Вышла книга

Богданович А. Е.

Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 160 с.



А. Е. Богданович (1862–1940) — видный белорусский этнограф, чье имя по праву стоит в одном ряду с именами крупнейших этнографов XIX века. «Пережитки древнего миросозерцания…» — его основной труд, который посвящен сохранившим множество языческих черт народным обычаям, поверьям и представлениям белорусов. Он хорошо известен специалистам и почти незнаком большинству читателей, интересующихся древнейшими корнями и верованиями славян.

Печатается по изданию 1895 г.

Вардан БАГДАСАРЯН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ ЧЕРЕЗ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Вардан Эрнестович Багдасарян — родился в г. Кольчугино Владимирской обл., окончил МГОУ, российский историк, политолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, эксперт Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, заведующий кафедрой истории и политологии РГУТиС. Автор нескольких книг и монографий. **Живет в Москве.**

Сегодня развертывается широкая, в масштабах страны, информационная кампания в связи с семидесятилетием Победы. Делается все правильно, отдается дань памяти павшим, создаются художественные образы героев, проводятся конференции, разоблачаются провокации ревизионистов и фальсификаторов. Если бы не одно но… За Победой в Великой Отечественной последовала катастрофа поражения в «холодной войне». Результаты, достигнутые семьдесят лет назад, оказались аннулированы.

Геополитическая борьба может, как известно, вестись различными способами. Прямые военные действия далеко не единственный способ. Воздействовать на противника можно не только через силу, но и через поражение сознания, подмену ценностей. Первый тип войны может быть раскрыт через резонансное высказывание отставного американского генерала Роберта Скейлза о том, что суть политики на Украине — убивать русских как можно больше. Войну второго типа раскрывают слова Отто фон Бисмарка: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом сотни раз, но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят себя сами».

Еще неизвестно какой тип борьбы наиболее опасен. По отношению к первому типу войн Россия выработала крепкую иммунную систему. Ко второму — оказалась не готова в должной мере.

Фашизм семьдесят лет назад был побежден в прямом противостоянии. Тогда имелся очевидный враг, и требовалось противодействовать всеми способами реализации вражеских планов. Но фашизм был лишь этапом в многовековой истории мировой экспансии Запада. После низвержения Гитлера западный проект не пресекся. Сменилась со временем лишь так-

тика борьбы с Россией. То, что не удалось Гитлеру с помощью военной силы, удалось посредством прививки ложных ценностей и идей. Гитлеровские планы в отношении политики на оккупированной территории достаточно хорошо известны. После уничтожения СССР все составляющие этого плана были реализованы буквально по пунктам. Реализованы они были без войны в классическом ее понимании.

Чтобы в этом убедиться, целесообразно сравнить содержание гитлеровского плана политики на оккупированных территориях и постсоветских реалий:

- индивидуальные свободы, избегать любых форм государственного контроля, минимизация административного начала — *сделано*;
- сокращение рождаемости, пропаганда малой детности и абортов — *сделано*;
- «музыка, музыка, ничего кроме музыки», пропаганда развлечений — *сделано*;
- лишить возможности выдвижения объединяющих политических идей — *сделано*;
- примитивизация образования — *сделано*;
- сокращение численности врачей, разрушение системы здравоохранения — *сделано*;
- разрушить советскую систему планирования — *сделано*;
- лишить своей истории, не допустить чувства национальной гордости — *сделано*;
- добиться раскола между народами России (СССР), поддерживать отделение их от русских, разделить самих русских на отдельные группы — *сделано*;
- через свободу религиозного выбора распространять сектантство, магию, приравнять секты к господствующим религиозным культам — *сделано*;
- распространять немецкий язык, что облегчит пропаганду и управление покоренным населением — при замещении немецкого английским, можно считать — *сделано*;
- насаждение пороков, включая пьянство, наркотики, курение — *сделано*;
- отторжение у России Прибалтики, включаемой в Европу, Украины, Белоруссии, Кавказа, в перспективе — Сибири, с выселением с этих территорий русского населения — *сделано*;
- онемечивание той части русских, которую можно онемечить, управление через нее остальным населением, пребывающим в скотском состоянии, — заменив понятие «онемечивание» понятием «озападнивание», можно считать — *сделано*.

После проигрыша в «холодной войне» поражены оказались все те факторы, за счет которых семьдесят лет назад была достигнута Победа.

Таблица

Факторы Победы: семьдесят лет назад и сегодня

Факторы Победы в Великой Отечественной войне	Современное состояние
Массовый патриотизм, уверенность в победе	Западные ценности, ориентир жизни за рубежом

Окончание табл.

Факторы Победы в Великой Отечественной войне	**Современное состояние**
Мобилизационная модель	Разрушение механизмов мобилизации, приоритетность частного
Экономическое и технологическое самообеспечение	Импортозависимость, специализация в международном разделении труда
Единая советская идентичность народов	Разрушение цивилизационного уровня идентификации
Неприхотливость населения, готового переносить любые тяготы войны	Гедонизм
Концентрация ресурсов в руках государства	Разгосударствление, приватизация
Расширяемые в результате высокой рождаемости демографические потенциалы	Низкая детность, депопуляция
Лидерство в военной технике	Недофинансирование науки, деиндустриализация
Идеологические мотиваторы, политико-просветительская работа	Деидеологизация, культура развлечений
Патриотичность и профессионализм военной и государственно-управленческой элиты	Коррупция, клановый принцип элитной кооптации
Высокий уровень управляемости системой	Дерегулирование, разрушение системы государственного планирования
Территориальный фактор	Потеря четверти территорий в результате распада СССР
Фактор Сталина	Несталинский тип современного руководства

Случайно ли такое факторное поражение? Если рассматривать глобальные войны не как стечение обстоятельств — «так получилось», а реализацию проектных замыслов в геополитической борьбе, то в подрыве мощностных оснований России, способности ее противостоять врагу обнаруживается с очевидностью целевой замысел.

Очевидно, что процесс информационного наступления на историю войны, ревизии ее итогов управляем. Каковы цели этих ревизий? Сегодня очевидными становятся попытки изменения системы Ялтинско-Потсдамского мироустройства. Речь идет о пересмотре итогов Второй мировой войны. Джордж Буш прямо говорил во время подготовки к празднованию прошлого, шестидесятилетнего юбилея Победы о том, что Ялтинские решения несправедливы и фундаментально устарели.

Необходимо отдавать себе отчет, что все основополагающие принципы и институты жизнеустройства современного человечества восходят к 1945 году. Соответственно, и попытки делегитимизации модели, установленной семьдесят лет назад, неизбежно повергают мир в состояние хаоса.

Делегитимизация итогов Второй мировой войны предполагает, соответственно, легитимизацию тех акторов и того устройства, которые были низвергнуты в результате Великой Победы. Не случайно сегодня, через семьдесят лет, вновь поднимают голову фашизм и нацизм. Предпринимаются попытки их исторической реабилитации. Переписываются под этим углом зрения учебники истории. И вот уже фашистская идеология оказывается масштабной политической силой. Над миром реально нависает угроза новой фашизации.

Целевые установки такого рода историографических ревизий — реконструируемы. Будучи державой, внесшей основой вклад в победу над фашизмом, СССР, в соответствии с моделью Ялтинского мироустройства, выступал естественным гарантом недопущения новых мировых угроз фашизации. Эта роль была унаследована от него в качестве правопреемника Российской Федерацией. Ревизия итогов Второй мировой войны подразумевает в качестве политического последствия оттеснение России на периферию мировой политики. Уже воспроизводятся частично контуры довоенной модели Версальско-Вашингтонской системы, в соответствии с которой Советская Россия оказывалась в положении «мирового изгоя». Санкции, перспективы всеобъемлющей блокады, выстраивание «санитарного кордона», создание приграничных зон военной эскалации — все эти современные реалии представляют собой достаточно известный исторический инструментарий.

Ревизия истории Великой Отечественной войны развертывается синхронно по двум направлениям. В обоих случаях цель одна — лишить Россию ее Победы. Делается это двумя способами.

Ревизия № 1 состоит в утверждении позиции, что СССР к победе не причастен. На роль победителей утверждаются другие акторы. Лишить победы можно даже без прямой фальсификации, а через элементарное замалчивание фактов. Если не говорить о битвах на советско-германском фронте, а исключительно о битвах в Западной Европе, Африке и Тихом океане, то целевым образом формируется представление, что решающие события войны развертывались именно там.

Ревизия № 2 заключается в проведении тезиса, что нахождение СССР в числе государств-победителей нелегитимно. Нелегитимность обосновывается утверждением о подобности советского, сталинского режима германскому, фашистскому. Если же советский режим подобен фашистскому, то, по этой логике, место СССР должно было бы быть не среди триумфаторов, а среди тех, кто был осужден за преступления против человечества. Лишение победы — это, соответственно, и лишение того геополитического положения, которое Россия занимает по результатам Второй мировой войны и установления Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства.

Один из концептов, направленных против советской истории, представляет собой теория тоталитаризма. Согласно тоталитаристской теории, советский режим был подобен фашистскому режиму. А исходя из этого, должна быть зафиксирована коллективная ответственность — и фашистская, и советская за преступления прошлого. К сожалению, вразумительного артикулированного ответа на вызов теории тоталитаризма не звучит, а сам концепт входит в любой учебник по политологии.

Конечно, советский режим был достаточно жестокий и применял инструмент репрессий. Но репрессивными являлись многие государства в истории.

Вопрос — какие цели ставились фашистским и советским режимами. Если в одном случае ценностная цель фундаментальное равенство — коммунизм, то в другом отношении — фундаментальное неравенство, неравенство антропологическое — фашизм. Эти системы были не то что различны, а антагонизменны.

Понятно, что акцентированно наносится удар именно по коммунистическому периоду российской истории. И неслучайно, что в современной Украине сносят памятники Ленину. Но дальше от осуждения коммунизма следующим этапом осуществляется переход уже на осуждение России, как цивилизации.

В 2014 году отмечалось 100 лет с начала Первой мировой войны. И вот в преддверии этой даты появляются работы, в частности, монография Шона Мак Микина «Русские корни Первой мировой войны». Ревизия истории Первой мировой войны заключается в том, что ее будто бы развязала отнюдь не Германия, а «сербский национализм» и стоящий за ним «русский империализм». Характерно, что те же самые авторы, которые ранее выпускали работы, в которых выдвигался тезис о преимущественной виновности СССР в развязывании Второй мировой войны (Гитлер нанес только превентивный удар), сегодня уже идут дальше — Первую мировую войну развязала Российская империя. И как вывод: Первую мировую войну развязала Россия, Вторую мировую войну развязала Россия и сегодня Россия развязывает Третью мировую войну. За десоветизацией развертывается вытекающий из нее процесс дерусификации.

Антисоветские выпады последнего времени четко соотносятся с обеими версиями обозначенных выше ревизий. Заявление министра иностранных дел Польши Гжегожа Схетыны «Освенцим освобождали украинцы» корреспондируется с моделью ревизии № 1. Схема ревизии № 2 раскрывается через высказывание украинского премьер-министра Арсения Яценюка о советском вторжении на Украину и в Германию.

Характерны недавние рекомендации Министерства образования и науки Украины о преподавании истории Второй мировой войны в украинских школах. Не рекомендовано использование в учебниках и в учебном процессе понятий «освобождение Украины», «Великая Отечественная война», «День Победы». Дается при этом пояснение: «СССР ставил своей целью не освобождение украинского народа, а возвращение его в состав Советской империи. Волю и свободу украинский народ получил только в августе 1991 года. Освобождение Украины началось лишь с распадом Советского Союза».

Очевидный ревизионистский мотив прослеживается и в обращении, прозвучавшем на встрече президента США и премьер-министра Великобритании: «Мы вместе победили нацистов и охотились за лидерами Аль-Каиды…». Из этой формулы следует, что основными акторами победы являлись страны англо-саксонского сообщества. Они, якобы, и сегодня ведут непримиримую борьбу с «мировым злом». Принципиально ничего нового для американской историографии в этой позиции нет. Из приводимых ниже фрагментов изданных в США работ разных лет следует, что слова Б. Обамы базируются на складывающемся годами историографическом фундаменте:

«Вторая мировая война была организована триумфом войск, командного состава, штабов и верховного командования, всех составных элементов армии США».

«Победа на фронтах Второй мировой войны в значительной степени была обеспечена благодаря американской промышленности, американским ресурсам и американским людским резервам».

«Хотя США вступили в войну с опозданием, их вклад в победу был решающим. Без их солдат и громадного производства бомб, кораблей и самолетов союзники наверняка потерпели бы поражение».

Наступление на историю Великой Отечественной войны не ограничивается внешним давлением. Существует и внутрироссийская пропаганда. О факте ее наличия свидетельствуют высказывания ряда известных представителей оппозиции Александра Минкина, Леонида Гозмана, Евгения Ихлова, Юлии Латыниной.

У каждого государства есть три основные составляющие его мощи: военная мощь, экономическая мощь и гуманитарная мощь. Военная мощь подрывается, соответственно, военным путем. Экономическая мощь разрушается посредством включения финансовых механизмов. Гуманитарная мощь страны выстраивается, прежде всего, на историческом сознании. И если ставится задача подорвать гуманитарную мощь, то приоритетно наносится удар по историческому сознанию.

Каждая общность имеет свою определенную сакральную матрицу, свой набор сакральных героев, свою «священную историю». Как правило, сакрализуются великие жертвы, понесенные страной в прошлом. Через нишу «священного» происходит трансляция ценностей. Через транслируемые ценности выстраивается, в свою очередь, соответствующее идентичное общество. Что надо сделать наиболее простым способом, чтобы разрушить это общество? Ударить по ее сакральной матрице. Дезавуируются несущие эту матрицу национальные герои. Соответственно, ставятся под сомнение и транслируемые через них ценности. Лишившись ценностного фундамента, идентичное общество рассыпается.

Без собственной «священной истории» сборка социума невозможна. Современная Россия своей, формируемой целевым образом «священной истории», не имеет. Однако традиции исторического сознания народа сохраняют сакральные исторические образы. Особое место в национальной исторической памяти занимает Великая Отечественная война. Великая Отечественная война и есть сегодня ядро сакральной исторической матрицы России. Двадцать семь миллионов человеческих потерь. Каждую семью коснулась трагедия военных лет. И понятно, что в фокусе антироссийской информационно-психологической кампании оказывается именно Великая Отечественная война. Разрушая сакральный образ войны, разрушается российская цивилизация.

Осуждается не только советское, сталинское государство, не только руководство СССР. Удар наносится и по персоналиям — героям войны. Составляющие кампании дегероизации можно условно классифицировать на пять групп.

Первый подход — самого факта подвига не было, прецедент отсутствовал. Подвиг оказывается вымыслом, развенчиваемым дегероизатором.

Второй подход — подвиг имел место, но был совершен другими. Соответственно, героями являются не те, кто официально почитался, а неизвестные никому люди.

Условно эти два подхода можно определить как «мягкие» технологии дегероизации. Но наряду с ними есть и «жесткие» технологии.

Третий подход состоит в представлении героев в качестве маргинализированных фигур, не достойных подражания.

Четвертый подход — совершенные подвиги являлись преступлениями.

Есть и пятый подход в дегероизации — «замещение героев». При вытеснении одних образов героев приходят другие. Зачастую те, кто являлся противниками низвергнутых кумиров.

Классический пример использования когнитивных технологий представляет в этом отношении современная Украина. Евромайдану предшествовала длительная кампания по популяризации образов украинских националистов, таких как Степан Бандера или Роман Шухевич. И далее знаменем возрожденного фашизма стали именно эти исторические персонажи.

Дефицит героев, чьи образы коннотируют с нравственными идеалами человечества, является общемировой проблемой. В условиях этого дефицита наблюдается рост популярности откровенных злодеев, фигур эпатажа. Не может не настораживать, в частности, рост популярности Гитлера. Гитлеровская эмблематика все более очевидно захватывает ниши символического пространства.

В ценностном плане история Великой Отечественной войны является в значительной мере ристалищем битвы за сознание российской молодежи. Современная российская молодежь расколота. Для одной ее части ориентир — выезд на постоянное место жительства за границу, жизнь на Западе. Но есть и совершенно иная, российскоориентированная молодежь. Для этой патриотичной молодежи нужна опора на соответствующий ценностно-мировоззренческий фундамент. Такой фундамент вырабатывается, прежде всего, через формирование целевым образом исторического сознания.

Принципиально важно зафиксировать уровни подачи исторического материала. Борьба за историю ведется на информационном, концептуальном и парадигмальном уровне. Приведу пример такого уровневого восхождения. Информационный уровень — вбрасывается тезис, что в 1939 году имел место раздел Европы между Сталиным и Гитлером. Почему, возникает вопрос, Сталин пошел на договоренность с нацистами? При ответе на него осуществляется переход на второй, концептуальный уровень: потому что в СССР существовала тоталитарная, империалистическая система, подобная фашистской. А почему такая система стала возможна? Ответ выводит уже на высший, парадигмальный уровень осмысления: потому, что Россия имманентно тоталитарна и империалистична. А дальше вновь осуществляется переход на уровень информационный, позволяющий выносить оценку текущих политических процессов. Кто, например, окажется виновен в развязывании войны на Украине? Из всей предыдущей когнитивной операции в области истории следует вердикт — виновата, конечно же, Россия, которая якобы всегда исторически развязывала войны и подавляла свободы.

Нужно вновь расставить акценты: кто был противник в войне. Ответ — НСДАП или гитлеровский режим нельзя признать в этом отношении удовлетворительным. Такой ответ ничего не дает ни когнитивно, ни аксиологически.

Расширение временного масштаба анализа выводит осмысление Великой Отечественной войны на парадигму конфликта цивилизаций.

Существует две идеологически сложившихся в историографии интерпретации войны. Первая — либеральная — заключается в том, что при-

рода войны заключалась в столкновении принципов свободы и несвободы. Согласно советско-марксистской версии война велась с фашизмом, как с порождением международного империализма, а тот, в свою очередь, был порождением капитализма.

Но если мы констатируем сегодня, что Россия — это самостоятельная цивилизация, то необходимо выработать модель осмысления войны в цивилизационных категориях. Война, действительно, имела характер цивилизационного противостояния. Российской цивилизации противостояла объединенная Европа, представляющая цивилизацию Запада. Так преподносилась война и в пропаганде Третьего Рейха. Утверждалась идеологема о том, что немецкие войска сражаются за Европу против Азии.

Современная идея единой Европы отнюдь не нова. Достигнутое сегодня объединение имело и другие исторические воплощения. После Франко-прусской войны центр европейской интеграции перемещается в Германию. Военная политика Гитлера шла в общем фарватере идеологии единства Европы.

Против СССР на стороне Германии воевали многие государства Европы. Италия, Норвегия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Хорватия официально объявили войну. Испания и Дания направили войска без соответствующего дипломатического заявления. Помимо регулярных сил вермахта и его союзников на Восточный фронт воевать с Россией отправлялись тысячи европейских добровольцев. О факте существования такого рода подразделений ни в советской, ни в западной печати не принято было сообщать, а между тем, их присутствие представляло устойчивую и значительную тенденцию. После нападения Германии на СССР формируются добровольческие легионы — «Фландрия», «Нидерланды», «Валлония», «Дания», преобразованные позже в дивизии СС «Нордланд» (скандинавская), «Лангемарк» (бельгийско-фламандская), «Шарлемань» (французская) и др. Как когда-то в Крымскую войну — фактически со всех европейских стран стекались добровольцы, чтобы сражаться против России.

И собственно военными действиями общее европейское участие не исчерпывалось. В тылу у немцев работали квалифицированные рабочие Европы. Даже нейтральные европейские государства активно участвовали в экономическом обеспечении боеспособности Третьего Рейха. Швеция поставляла руду, Швейцария — точные приборы. С точки зрения цивилизационной идентификации, немцы были своими для европейских народов, тогда как русские — чужаками.

Имеются данные о соотношении потерь среди европейских народов в период Второй мировой войны: 86 % среди европейцев потери на стороне государств «Оси», и только 14 % — на стороне антигитлеровской коалиции. Цивилизационно идентична для них была проигравшая сторона. Та сторона была для них своя, наша — чужая. И эту акцентировку принципиально важно сделать. Проигравшая цивилизационно сторона никогда не будет позитивно оценивать нашу над ней победу. Иллюзии в этом отношении надо оставить.

Могут возразить: а как же Великобритания и США — участники антигитлеровской коалиции, они ведь тоже победители? Уместно ли тогда в логике цивилизационного дискурса говорить о победе англосаксонского мира?

США и Великобритания вскочили на подножку победы. Они за все время протекания войны руководствовались, прежде всего, конъюнктурными соображениями. Являясь номинально союзниками СССР, они представля-

ли собой скорее «врагов-союзников». Победа СССР была для англосаксов столь же нежелательным исходом, как и победа Германии. В этом смысле можно говорить о двух войнах — внутренней войне за лидерство внутри западной цивилизации и войне межцивилизационной.

Смысл англо-американской стратегии иллюстрирует одобренный Ф. Рузвельтом доклад начальника штаба армии США Дж. Маршалла, в котором военные действия в Европе ставились в зависимость от двух условий: «1) Если положение на русском фронте станет отчаянным… 2) Если положение немцев станет критическим…». Победа СССР была для американского президента столь же нежелательным исходом, как и победа Германии. У. Черчилль высказывался еще более категорично, составив в самый разгар Сталинградской битвы меморандум, из которого следовало, что главная опасность для Европы исходит не от Германии, а от России. «Все мои помыслы, — заявлял британский премьер, — обращены прежде всего к Европе… Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое… Я обращаю свои взоры к созданию объединенной Европы».

Отсюда выстраивался соответствующий характер боевых действий — «странная война» № 2. Военные операции в Северной Африке и Южной Италии велись ими не столько с целью победы над Германией, сколько в плане решения конъюнктурных задач обеспечения торговли в Средиземном море. Необходимость открытия Второго фронта возникла только в связи с угрозой того, что СССР одержит победу в одиночку, распространив свое влияние на всю Европу. Но «странная война» продолжалась. В то время как скорость продвижения советских войск составляла 20 км в день, англо-американские войска продвигались за сутки не более чем на 4 км. Потери Англии во Второй мировой войне оказались в итоге в 2,5 раза меньше, чем в Первой, несмотря на изменившиеся в направлении смертоносности конфликта военно-технические параметры. Потери же из числа английских военнослужащих оказались меньше в 7 раз.

На завершающем этапе войны «союзники» вели переговоры с представителями Германии. Речь шла об изменении траектории военного конфликта. Разрабатывался сценарий войны объединенных англо-американских и немецких сил против России. И только вывод о том, что русские способны смять и совокупные силы Запада, предотвратил реализацию этого сценария.

Но и цивилизационного осмысления Великой Отечественной войны не достаточно.

«Священная война», а именно в таком плане позиционируется Великая Отечественная, может вестись только с врагом онтологическим, с воплощенным злом. Без определения мирового зла невозможна в свою очередь номинация добра. А без этого разграничения невозможна, соответственно, цивилизационная сборка.

Фашизм более всех других исторически воплощенных идеологий и практик близок злу категориальному. После абажуров из человеческой кожи, гор туфель умерщвленных в концлагерях детей, украшений из органов людей — выносимый приговор в отношении фашизма и порождающего его контекста должен иметь категорический характер.

Но соответственно, если фашизм есть зло, то добро должно быть воплощено как антифашистская проекция. Обнаруживается ли такая проекция в современной России — в системе ценностей, модели социальных отношений, экономике, парадигмах массового сознания? Очевидно — нет. Расстановка смысловых и ценностных акцентов по отношению к истории Великой Отечественной войны может оказаться тем тягачом, который по принципу «произносишь А — произноси Б» потянет за собой процесс преображения России.

Помимо истории войны, нужна сегодня историософия войны, т. е. рассмотрение ее не только в событийно-хронологическом ключе, но с позиций мегавременной развертки, высших ценностей и смыслов исторического процесса. Российская историческая наука, к сожалению, пошла в прямо противоположном направлении, снижая уровень осмысления войны до хронологического факта. Уровень больших смыслов при этом синхронно был занят другими, противоположной стороной геополитического противостояния.

Сегодня фиксируется весь набор факторов, который определил в совокупности генезис Второй мировой войны: мировой финансовый кризис; вызов пересменки экономического лидера; рост числа военных конфликтов, военная эскалация; рост ксенофобии; легализация экстремистских партий; пропаганда жестокости, культ насилия; изменение направленности товарных потоков; обострение проблемы ресурсного дефицита; борьба за передел рынков сбыта; противоречия территориальной конфигурации национальных государств и национального расселения; усиление социальной поляризации.

Повестка большой войны вновь существует. Сегодня можно говорить, как говорили в конце 1930-х годов: над миром нависла «коричневая чума». Пусть она определяется другими идеологическими маркерами, но суть продуцируемых вызовов от этого не меняется. Естественно, возникает вопрос: а кто способен остановить проектеров нового Мирового Рейха. И запрос на возвращение России к своей цивилизационно-идентичной миссии есть в значительной мере и запрос по отношению к российской гуманитарной, в том числе, исторической науке — противостоять этим вызовам.

Точка зрения

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

МЫ СТАНЕМ ЛИДЕРОМ ПРОЦЕССА НОВОЙ СБОРКИ ЕВРОПЫ. ЕСЛИ ВЫЖИВЕМ…

Михаил Владимирович Леонтьев — известный российский журналист, родился в 1958 г. в Москве. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства. Был главным редактором журнала «Профиль». Работал в газете «Коммерсантъ» и других изданиях. С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2009 г. главный редактор журнала «Однако». Директор департамента информации и рекламы корпорации «Роснефть». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

«Ще не вмерла?» — вопрос, относящийся к судьбе украинского государства, крайне актуален в ознаменование очередной годовщины неонацистской революции на Украине. Все, кто единодушно высказывают абсолютное неприятие неонацистской революции, однако, формулируют весьма различные позиции по отношению к судьбе Украины, Новороссии, Русского мира и, соответственно, целям российской политики в отношении нынешнего украинского государства и того, что останется после его краха. Однако заданный вопрос в настоящий момент уместно, к сожалению, применить к экономике, а точнее, реальной антикризисной политике России.

Конечно, заявления Обамы о «крахе российской экономики» можно назвать несколько поспешными. Смотрите — Микки Маус обернулся Майти Маусом и порвал в клочья ненавистного Путина! Вообще президентство закомплексованного субъекта, считающего глобальную экономику инструментом для сведения счетов с объектом собственных комплексов, может обернуться катастрофой для Америки. Президент, последним узнавший о сланцевой революции в Америке и громко объявивший о беспрецедентном американском росте (значительная часть которого очевидным образом является мнимой), делает все, чтобы эту сланцевую революцию и связанные с ней надежды на американский рост пристрелить. Если принять во внимание тот факт, что страны — экспортеры сырья, номинированного в долларах, своими профицитами фактически финансировали бюджет США, что падение нефтяных цен провоцирует дефляцию в Европе и Америке, а если еще ФРС действительно прекратит, как обещала, программу «денежного смягчения»…

Вернемся к нашим баранам. Начнем с того, что никакого кризиса в российской экономике нет, в том смысле, что для кризиса нет и не было никаких фундаментальных предпосылок. Как говорил известный персонаж: «Разруха не в клозетах, разруха в головах…». Многих экспертов объединяет очевидность факта, что продолжение нынешней экономической политики, «кудриномики» (как назвал ее Игорь Лавровский) не совместимо ни со здравым смыслом, ни с жизнью. Как деликатно выразился экономист Дмитрий Голубовский: «Создается впечатление, что экономический блок Правительства и Центробанк вообще не имеют позиции, адекватной новой реальности». Новая реальность, как известно, заключается в том, что внешние источники кредита, инвестиций, экономического роста, критериев оценки российской экономики и ее юридических и физических субъектов просто отключили ее от своей розетки. Из этого логично вытекает, что и «экономический блок», ориентирующийся исключительно на эти источники, должен был отключиться. А он не отключается. В этом и есть основной механизм кризиса.

Как-то в «Коммерсанте» была опубликована программная статья Михаила Прохорова. Характерно, что Прохоров также заявляет о «кризисе отработанной модели развития, которая на протяжении последних 15 лет считалась единственно правильной», действующих во власти российских макроэкономистов он называет «макрушниками», считает основной макроэкономической задачей — «экономический рост, несмотря ни на что». Что касается позитивной программы Прохорова, если не считать нескольких здравых бизнес-идей, — это все та же песня о раскрепощении рыночной инициативы, патологически убогая перед лицом объявленной нам экономической войны. (Чего стоит дежурный наезд Прохорова на «перекос в сторону военно-социального бюджета советского типа» — это в нынешнем-то политическом контексте?!)

Для того чтобы реализовать имеющиеся в наличии предпосылки к выживанию, росту и развитию (а это сегодня одно и то же), России необходимо восстановить способность к рефинансированию собственной экономики. В условиях блокады, полной или частичной, для этого существуют только собственные источники. С учетом дикой недомонетизации нашей экономики эти источники очевидны. А чтобы их задействовать, необходим, как минимум, валютный контроль. На сегодняшний момент это вполне мягкий валютный контроль, не затрагивающий интересы ни физических лиц, ни предприятий, кроме валютных спекулянтов (то есть тех, кто видит валютные операции источником дохода). Дискуссия о технике, методах и границах такого валютного контроля вполне уместна. Но закачивая деньги в экономику в отсутствие валютного контроля, мы к вящему удовольствию «кудриномистов» воспроизводим известную лошадь Мюнхгаузена. Что, собственно, сейчас и происходит.

Создав самостоятельную максимально возможно защищенную от внешних рисков финансово-денежную систему, Россия может рассчитывать на поддержку в формировании защищенного от санкционных рисков денежно-финансового механизма, например, в рамках БРИКС — альтернативного нынешней доллароцентричной системе. (Понятно, что никто в современном мире не согласится на добровольный выход из этой системы, но иметь работающую альтернативу — почему бы и нет.)

Мы исходим из того, что экономическая политика, в которой нуждается современная Россия, не имеет права исключать если не глобальную войну,

то войны локальные, подразумевающие полномасштабное экономическое противостояние с Западом на уровне экономической блокады, то есть попытки «вырезания» России из действующей глобальной финансово-экономической системы.

Главная вина России в том, что мы не разделяем их «ценностей». Европейские (читай, западные) ценности — это либеральная демократия, понимаемая де-факто как светская религия. Эта религия изымает «ценности» из времени, пространства, истории и культуры. Кризис европейской идентичности, когда европейцы не то, что не могут — не смеют — определить, кто они есть по своим культурно-историческим доминантам, — важнейшая составляющая этих «ценностей». Индивидуальное сознание, способность исторически и критически воспринимать себя и окружающий мир должны быть уничтожены для того, чтобы наступило торжество демократии. Проще говоря, наша главная вина в том, что мы сопротивляемся «сверхвласти», отстаивая ненужное и неприемлемое для этой «сверхвласти» государство и право на собственное сознание, то есть на критическое отношение к неподлежащим обсуждению «ценностям».

Примером может служить политическая картина нынешней объединенной Европы, где, как известно, поднимают голову всякие маргиналы, радикалы, появился даже термин, уничижительный в западном официозе, — «понимающие Путина». По факту все эти набирающие силу и популярность внесистемные оппозиционеры — евроскептики. При этом самого разного происхождения, ориентации, политических взглядов — левые, правые, клерикалы, антиклерикалы, националисты, интернационалисты… Но что характерно, у них эти взгляды есть. То есть матрица сознания не стерта до степени религиозной веры в те самые «европейские ценности». И их евроскептицизм равен их антиамериканизму. Что доказывает от противного, что «Европейский проект», во всяком случае, в его нынешнем состоянии, является проектом американским.

У автора был разговор с одним украинским человеком (в самом хорошем смысле слова — нормальным киевским человеком, страдающим от того, что между нами происходит), который сказал: «Наверное, обе стороны виноваты, потому что не смогли договориться». Автор вынужден был заметить собеседнику, что это типично украинская позиция. Ни в коем случае не в смысле какой-то особой украинской ментальности. А в смысле образа политического мышления в терминах «прав, не прав», «виноват, не виноват». Это образ политики, присущий или, точнее, навязанный подавляющему большинству стран, особенно входящих в сферу безоговорочного признания тех самых западных «ценностей».

На самом деле такой дилеммы просто не существует для держав, можно даже опустить слово «великих», являющихся не объектами, а субъектами политики. Как не существует ее в политике вообще. Субъектная страна не может быть «права» или «виновата». Она может и обязана действовать в своих интересах: правильно или ошибочно, рационально или иррационально, просчитать или просчитаться, выиграть или проиграть. И все. В сегодняшнем мире есть единственная страна, которая легально, публично и откровенно наделяет себя таким статусом, лишая этого права всех остальных. Кстати, в таком контексте всякие разговоры о «вине Америки» и, соответственно, навязшие в зубах обвинения ее в пресловутых «двойных стандартах» содер-

жательно нелепы. Какие стандарты могут быть у великой державы, если не «двойные»? Тройные, четверные?.. Или, на самом деле, никакие.

Весь вопрос, собственно, заключается в том, может ли Россия отстоять право быть той державой, к которой применим такой критерий. От этого самым существенным образом зависит, каков будет «закат» нынешней Европы и возможен ли последующий ее восход.

Александр Дугин говорит о превращении Европы в анти-Европу, о том, что нынешние так называемые «европейские ценности» являются абсолютным отрицанием того, на чем строились Европа и европейская идентичность. «Те, для кого никакого кризиса западной цивилизации не существует, просто к ней по большому счету не принадлежат… Еврооптимистом сегодня может быть только не европейский человек». По мнению Дугина, европейская цивилизация вступила в «терминальную фазу». «Европейская цивилизация, сохраняя отчасти свой фасад, фундаментально перестроена изнутри, населена радикально новыми жильцами, поднявшимися из глубинных подвалов, вылезшими из подземных ходов и захватившими прежних легитимных жителей в заложники». Можно согласиться с Дугиным, который трактует гибель Европы как подмену ее «чем-то совершенно иным». Вопрос в том, может ли это «что-то совершенно иное» существовать и как оно будет взаимодействовать с Россией и миром.

На самом деле, Бог бы с ней, с Европой. Несмотря на все иллюзии, подогреваемые квазисамостоятельными «минскими инициативами» сладкой европейской парочки, или даже смотря на них, очевидно, что нынешняя Европа до своего гипотетического распада на национальные государства (а может быть, и после) не субъектна в принципе. Субъектность Европы, если и когда это будет возможно, может быть достигнута только вместе с Россией. Стандартная европейская идея: что мы безумно отстали от Европы, шли не так и не туда, потеряли время — и теперь нам осталось только догонять Португалию. На самом деле именно Россия реализовала предельно и до конца в буквальном смысле на своей шкуре все целевые установки и прожекты европейской цивилизации Нового времени и довела их до логического завершения. Чего Европа в принципе делать не могла и не собиралась. Как пишет Дугин: «Теперь мы стоим по ту сторону … западноевропейской культурной цивилизационной мечты. Мы теперь знаем о ней все: осталось понять, что именно есть это “все”. Эта роль пока еще не является лидерской, поскольку за нами пока еще никто не идет. Нас просто никто не в состоянии понять, поскольку мы еще не поняли себя сами». То, что мы наблюдаем сейчас в европейском пространстве, — это принудительная, обязательная, тотальная вера в утопию, в которую мы технически верить не можем и не будем, потому что мы это видели, «плавали», и у нас есть прививка. И мы автоматически, безальтернативно становимся лидером процесса новой сборки Европы. Если выживем. Собственно, предложенный нам тест на выживание и покажет, насколько наша заявка на роль самостоятельного субъекта мировой политики соответственна нашим возможностям.

Поэтому так важен вопрос — как нам выйти из кризиса. Наш выход из кризиса — в чем мы не сомневаемся — означает совершенно иной контекст и формат всех обсуждаемых сегодня тем и вопросов. Включая судьбу относительно благополучной Европы и ее относительно адекватных ценностей.

Владимир МЯСНИКОВ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НАЧАЛО И ФИНАЛ, НЕСКОЛЬКО ДИСКУССИОННЫХ ТЕМ

Владимир Степанович Мясников — академик РАН, историк-китаевед. Автор свыше 500 научных работ и публикаций. Глава научной школы, иностранный член Китайского общества изучения отношений Китая с Россией, иностранный член Хэйлунцзянской академии наук (Китай), иностранный член Центра изучения зарубежного китаеведения (Пекин). Лауреат премии им. Н. И. Кареева и премии «Выдающиеся ученые России». Президент Ассоциации китаеведов РАН. Почетный член Российско-китайского комитета XXI века дружбы, мира и развития. **Живет в Москве.**

Начальная стадия и итоги Второй мировой войны вот уже более полувека обсуждаются в мировой научной литературе и публицистике. Причем существует немало версий этих событий, фальсифицирующих их результаты и истинное значение.

Что касается начала Второй мировой войны, то существуют две главных версии: европейская и китайская. Если для большинства европейцев кажется неоспоримым факт начала Второй мировой войны в результате вторжения нацистской Германии в Польшу в сентябре 1939 года, то китайская историография давно уже утверждает, что пора отойти от европоцентризма в оценке этого события и признать, что начало этой войны падает на 7 июля 1937 года и связано с открытой агрессией Японии против Китая[1]. Следует учитывать, что Китай потерял в войне сопротивления Японии 35 млн человек. Европейская общественность недостаточно осведомлена о чудовищных преступлениях японских военных, которые были осуждены Международным военным трибуналом для Дальнего Востока на Токийском процессе (1946–1948). К тому времени, когда эта война переросла в Тихоокеанскую войну, большая часть Китая, где находились его крупнейшие города Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Ухань, Гуанчжоу, была оккупирована. Захватив Нанкин, тогдашнюю столицу Китая, японцы сожгли город и, учинив бойню, уничтожили за несколько дней более 300 тысяч его жителей.

[1] Развернутое обоснование этой концепции было сделано в выступлении 8 апреля 2010 г. на конференции в Москве, посвященной 65-летию Победы, представителя АОН Китая, профессора Луань Цзинхэ. Его доклад назывался «Важнейший фронт мировой антифашистской войны — война сопротивления японской агрессии в Китае».

Наконец и в нашей историографии стали появляться объективные подходы к этой проблеме. Нельзя не согласиться с Н. А. Нарочницкой в том, что «давно назрела обстоятельная и свободная от идеологических клише оценка событий, происходивших в мире накануне войны, ставшей для нас Великой Отечественной. Историческая правда заключается в том, что к моменту нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 года, что и считается, не вполне обоснованно, датой начала Второй мировой, мировая война уже шла полным ходом и в Азии, и в Европе, и в Африке, где страны «оси» — Германия, Италия и Япония — уже в течение нескольких лет ультиматумами и вводом войск переделывали мир и границы, которые стали зыбкими как никогда в истории»[1]. В цитируемом коллективном труде дана развернутая картина военных и дипломатических ходов, которая полностью подтверждает необходимость и обоснованность пересмотра устаревшей европоцентристской точки зрения.

Предыстория Второй мировой войны раскрывается и новыми документами. Они приводятся в изданной Институтом российской истории РАН книге «К 70-летию начала Второй мировой войны…»[2]. Хотя авторы, как это видно из самого названия их труда, придерживаются традиционной европейской даты начала Второй мировой войны, но само содержание показывает, что события 1939 года являлись логическим продолжением череды предыдущих сражений на военных и дипломатических фронтах.

В азиатско-тихоокеанском регионе потенциальный очаг Второй мировой войны появился, когда милитаристская Япония вторжением в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) в ночь с 18 на 19 сентября 1931 года развернула агрессию в Китае. В результате захвата трех северо-восточных провинций Китая страна-агрессор на большом протяжении вышла к дальневосточным сухопутным границам СССР и дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Она также выдвинула свою армию к рубежам Внутреннего Китая. Создав в 1932 году марионеточное государство Маньчжоу-Го, превратив его в военно-стратегический плацдарм на континенте, Япония попыталась прощупать прочность советских и монгольских границ у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

Существенной поддержкой этому курсу Японии явилась политика захватов, осуществлявшаяся Германией и Италией. 25 октября 1936 года эти державы оформили военно-политический блок — «Ось Берлин — Рим». Германия поддержала захват Италией Эфиопии; оба государства, признав правительство Франко, перешли к совместным действиям против республиканской Испании. Одновременно страны оси приступили к разделу экономических сфер влияния на Балканах и в придунайских государствах. Развитием блока фашистских агрессоров явилось подписание 25 ноября 1936 года Германией и Японией «Антикоминтерновского пакта», к которому около года спустя присоединилась и Италия. Так сложился

---

[1] *Нарочницкая Н. А.* Кто и когда начал Вторую мировую войну? От ответственного редактора // Нарочницкая Н. А., Фалин В. М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 5.

[2] К 70-летию Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии // отв. ред. А. Н. Сахаров, И. И. Сирош. (На той же странице оборота титульного листа вторым ответственным редактором назван не И. И. Сирош, а В. С. Христофоров.) М., 2009.

пакт — «Ось Берлин — Рим — Токио», — направленный своим острием против СССР.

Как уже говорилось, 7 июля 1937 года Япония, спровоцировав вооруженный инцидент у моста Лугоуцяо близ Пекина, начала «большую» войну в Китае, в Юго-Восточной Азии, на Тихом океане. Целью этой захватнической войны было порабощение китайского народа, других народов региона, использование материальных и людских ресурсов Китая и других стран для дальнейших территориальных захватов в Азии и, главное, для войны против СССР, США и Великобритании. Эти планы в имперских документах значились как «политика построения сферы совместного процветания Великой Восточной Азии»[1]. Фактически эта война стала началом Второй мировой войны. Кстати, 7 июля японские войска не только начали наступление на Китай, но именно в этот день устроили ряд вооруженных провокаций на советской дальневосточной границе[2].

Поскольку расширение японской экспансии становилось все более реальным, Советский Союз видел угрозу своей безопасности со стороны японского агрессора. Стратегические интересы СССР и Китая в обуздании японской военщины совпадали, поэтому Советский Союз решил оказать Китаю — жертве агрессии — эффективную помощь. В первую очередь необходимо было своевременно пресечь агрессивные планы японских правящих кругов.

Советское правительство сразу же после оккупации Японией трех провинций Северо-Восточного Китая призвало Лигу Наций принять против агрессора эффективные санкции вплоть до военных акций, выражая готовность участвовать в них своими вооруженными силами. «Мы готовы сотрудничать с Англией, как и с другими странами, в деле обеспечения мира на Дальнем Востоке», — отмечалось в письме наркома М. М. Литвинова в Политбюро накануне визита в Москву А. Идена в марте 1934 года[3].

Однако западные державы не поддержали эти предложения СССР. США и Великобритания, игравшие главную роль в Китае, предпочли идти по пути сепаратных соглашений с Японией за счет Китая. В частности, пришедший к власти в мае 1937 г. Н. Чемберлен «уверовал в необходимость уступок Германии, Италии и Японии… Он боялся Германии, Японии и Италии, которые угрожали владениям Британской империи. Избрав тактику уступок агрессорам, премьер-министр, в частности, стремился направить экспансию Германии в Восточную Европу, а Японию удовлетворить за счет Китая»[4]. Кроме того, в Лондоне и Вашингтоне рассчитывали, что, удовле-

---

[1] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк // научн. рук. Л. В. Поздеева; отв. ред. Е. Н. Кульков. М.: Наука, 2002. С. 30. (Далее: Мировые войны XX века. Кн. 3.); Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы // отв. ред. М. Ю. Мягков; сост. Ю. А. Никифоров. М.: Наука, 2002. С. 33–37. (Далее: Мировые войны XX века. Кн. 4.).

[2] Русско-китайские отношения в XX в. Документы и материалы. Советско-китайские отношения Т. IV. 1937–1945. Кн.1. 1937–1944. «Памятники исторической мысли». М., 2000. С. 58–59. Док. № 16–17.

[3] Цит. по: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 189. (Далее: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2.).

[4] *Севастьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США. 1938–1939. М., 1992. С. 13. Правда, эту позицию Чемберлена не разделял У. Черчилль, который 28 мая 1938 г. говорил советскому послу И. М. Майскому: «Нам нужна, до зарезу нужна сильная Россия как противовес Германии и Японии». (Там же. С. 12)

творив территориальные аппетиты в Северо-Восточном и Северном Китае, Япония направит свой удар в сторону Советского Союза.

Оказавшись перед лицом японского вооруженного экспансионизма, китайская дипломатия в разных направлениях отчаянно искала выход из смертельной опасности. Чан Кайши предпринимал попытки найти общий язык с Японией, рассчитывая умиротворить ее отдельными территориальными уступками. Одновременно китайский лидер пытался опереться на поддержку со стороны США, Великобритании и других западных держав. Он надеялся, что ради защиты своих капиталов и других интересов в Китае эти государства выступят на стороне Китая и заставят японского агрессора отступить, как это было после японско-китайской войны 1894–1895 годов.

Однако, как упоминалось выше, Великобритания, Франция и США предпочли путь сепаратных сделок. 29–30 сентября 1938 г. на конференции в Мюнхене представители Британии, Франции, Германии и Италии подписали соглашение о расчленении Чехословакии. 30 сентября была подписана англо-германская декларация о ненападении и о мирном урегулировании спорных вопросов. Возвращение Н. Чемберлена в Лондон транслировалось в прямом эфире телестудией Би-Би-Си. В ноябре 1938 г. Чемберлен выступил в палате общин с заявлением, которое совершенно ясно продемонстрировало, что правящие круги Великобритании вообще стремились совместно с Японией установить свое господство в Китае[1].

Явная неудача китайской дипломатии в поисках заступников на Западе заставила Чан Кайши искать поддержку у Советского Союза, хотя советская помощь была для гоминьдановского правительства менее желательной из-за известного недоверия, которое оно питало в отношении СССР. Источником этого недоверия служило то, что в Китае шла вооруженная борьба за свержение чанкайшистского режима, которую вела Коммунистическая партия Китая под лозунгом Советов, опираясь на морально-политическую поддержку Москвы.

Однако VII Конгресс Коминтерна, состоявшийся в июле-августе 1935 г., в связи с усилившейся империалистической экспансией, призвал коммунистические партии колониальных и полуколониальных стран по-новому подойти к политике единого фронта. КПК обратилась ко всем партиям и политическим группировкам Китая с «призывом прекратить гражданскую войну и объединить силы для отпора японской агрессии»[2].

Общенациональный патриотический подъем, борьба коммунистов за создание единого фронта вынудили Чан Кайши перешагнуть через свои опасения и предложить Советскому правительству заключить военно-оборонительный союз. Но правительство Советского Союза отклонило это предложение, так как в условиях все более возраставшей угрозы нападения на СССР со стороны фашистской Германии Москва опасалась спровоцировать Японию и оказаться в состоянии войны на два фронта. Вместо двустороннего советско-китайского военно-оборонительного союза Советское правительство активно поддержало идею коллективной безопасности, выдвинутую австралийским правительством, предложившим всем государствам, заинте-

---

[1] *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства // Восточная литература, 1978. С. 172.

[2] История Китая // под ред. А. В. Меликсетова. М., 1998. С. 519–525. (Далее — История Китая…)

ресованным в сохранении мира на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заключить Тихоокеанский региональный пакт. Этот вопрос обсуждался 11 марта 1937 г. народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым с китайским послом в Москве Цзян Тинфу. При этом М. М. Литвинов подчеркивал, что «только такой пакт может окончательно прекратить агрессию Японии и обеспечить мир на Дальнем Востоке. Япония не могла бы и не смела бы противопоставлять себя коалиции остальных тихоокеанских государств и рано или поздно сама присоединилась бы к ней»[1]. Дальнейшие переговоры с правительством Китайской Республики было поручено вести послу СССР в Китае Д. В. Богомолову.

Переговоры Д. В. Богомолова в Пекине были трудными[2]. Китайская сторона, видя резко отрицательное отношение к идее Тихоокеанского пакта со стороны США, Великобритании и других держав и не желая конфликтовать с ними, настаивала на заключении советско-китайского двустороннего договора. В конечном счете, Советское правительство согласилось заключить с Китайской Республикой договор. Но не о военном союзе или о взаимной помощи, как предлагал Чан Кайши, а Договор о ненападении между СССР и КР. Он был подписан уже после вторжения Японии во Внутренний Китай — 21 августа 1937 г., сроком на 5 лет с продлением каждый раз на 2 года, если ни одна из сторон не заявит о своем желании отказаться от его пролонгации[3].

Одновременно, в развитие статьи 2-й договора, уполномоченные СССР и КР обменялись устной, строго конфиденциальной декларацией, согласно которой СССР взял на себя обязательство не заключать какого-либо договора с Японией до того времени, пока нормальные отношения КР и Японии не будут формально восстановлены, а КР взяла на себя обязательство в течение действия договора не подписывать с третьей державой договора о совместных действиях против коммунизма, который был бы практически направлен против СССР[4].

Сама дата подписания советско-китайского договора свидетельствует о том, что правительство Чан Кайши долго колебалось и пошло на этот шаг лишь после событий у моста Лугоуцяо. Указанные колебания объяснялись тем, что Чан Кайши не терял надежду договориться с японцами и разрешить конфликт путем уступок; одновременно он все еще рассчитывал получить поддержку со стороны США и Великобритании; наконец, китайский лидер стремился добиться от СССР согласия на заключение все-таки военного пакта, который означал бы прямое участие СССР в японско-китайской войне.

Как видно из формулировок договора, они были составлены таким образом, что не возлагали на СССР прямого обязательства помогать Китаю в войне против Японии, но и не лишали его такого права, не давая при этом Японии формального повода для агрессивных действий против СССР.

---

[1] Русско-китайские отношения в XX веке. Материалы и документы. Советско-китайские отношения. Т. IV. 1937–1945. Кн. 1: 1937–1944 гг. М., 2000. Док. № 5. С. 42–43. (Далее: РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1…)

[2] Подробнее см.: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999. С. 248–250. (Далее: *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая.)

[3] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 88–89. Док. № 53.

[4] АВП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 355. Л. 41 и далее.

Главное значение договора состояло в том, что, во-первых, в нем косвенно осуждалась японская агрессия против Китая и, во-вторых, договором была заложена международно-правовая основа для советско-китайских дружественных отношений. Опираясь на этот договор, СССР сделал максимум того, что он в состоянии был сделать для китайского народа в период его освободительной войны против японской агрессии[1]. В ходе переговоров о подписании договора стороны условились начать в Москве переговоры относительно соглашения о военных поставках СССР Китаю. Причем эти вопросы начали решаться в Москве буквально на следующий день после подписания договора[2].

Тем не менее, и после заключения договора о ненападении Чан Кайши не прекращал попыток втянуть СССР в китайско-японскую войну. Он продолжал поднимать вопрос относительно военного союза двух держав или о подписании специального акта о взаимопомощи. Китайская сторона предлагала также заключить секретное соглашение о советско-китайском сотрудничестве на уровне генеральных штабов вооруженных сил двух стран. Наконец, глава Китайской Республики выдвинул идею установить сотрудничество с СССР по вопросам координации стратегических и тактических планов ведения антияпонской войны с участием в этом деле советского посла в Китае.

Осенью и зимой 1937 г. советско-китайские отношения активно развиваются по двум направлениям. Первым из них была организация поставок в Китай советской военной техники и отправка туда специалистов, которые могли бы ее использовать и подготовить соответствующий китайский персонал. Вторым — политическая поддержка Китая на международной арене, в первую очередь в Лиге Наций, куда китайское правительство обратилось с требованием рассмотреть вопрос о японской агрессии. Оба эти направления были тесно взаимосвязаны: они заключали в себе меры по недопущению капитуляции Китая, чего добивались Япония и Германия[3].

Но если на первом направлении дела развивались успешно (вопросы оказания военной помощи Китаю решались в Москве конкретно и оперативно)[4], то на втором советская дипломатия встречала упорное сопротивление США, Великобритании и Франции. Эти державы больше японской агрессии опасались усиления позиций СССР в Китае. Они боялись «повредить» свои отношения с Японией и поэтому блокировали и советские, и китайские предложения, утопив вопрос о японской агрессии в подкомитетах Лиги Наций. А затем он был передан на рассмотрение конференции в Брюсселе держав — участниц Вашингтонского договора 1922 г., где он и был похоронен в ни к чему не обязывавших резолюциях[5].

В ходе антияпонской войны Чан Кайши, широко практиковавший личную дипломатию, неоднократно направлял в Москву своих специальных

---

[1] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 88–89. Док. № 53, см. также прим. 1 к док. № 53.

[2] Там же. С. 90, 91, 93, 94. Док. № 55, 57, 60, 61.

[3] Там же. С. 166. Док. № 129.

[4] Там же. С. 105–108, 115–116, 128, 136–138, 151–157, 178. Док. № 76, 85, 100, 111. 121, 137.

[5] Там же. С. 98–99, 103, 108–109, 110, 112–115, 117, 119–121, 131–132, 133–134, 142–143, 148, 149–150, 157–158. Док. № 67, 73, 77, 78, 81, 84, 87, 90, 91, 92, 103, 104, 107, 112, 116, 118, 122.

представителей из числа наиболее доверенных лиц. В их число входили: его сын Цзян Цзинго, сын Сунь Ятсена Сунь Фо[1], видные гоминьдановские военные деятели — маршал Ян Цзэ и генерал Хэ Яоцзу — известный политический деятель левого крыла Гоминьдана Шао Лицзы. Они прибывали в СССР с личными посланиями, адресованными И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову с целью убедить их в необходимости вступления СССР в антияпонскую войну. При этом Китай формально не объявлял войну Японии.

Вплоть до нападения фашистской Германии на СССР, Советское правительство в своих ответах на эти обращения из Чунцина, где находилось китайское правительство, подчеркивало, что СССР может вступить в войну с Японией только при одном из следующих трех обстоятельств:

а) в случае, если Япония нападет на СССР;

б) в случае совместного вступления в войну с Японией одновременно трех держав: США, Великобритании и СССР;

в) в случае, если Лига Наций примет решение, рекомендующее тихоокеанским державам предпринять военные акции против Японии.

СССР предоставил Китаю льготные кредиты и в счет их направил в Китай оружие и различную боевую технику для вооружения 20 дивизий. Военные грузы до советско-китайской границы доставлялись по железной дороге, а далее перевозились автотранспортом по специально проложенной через Синьцзян шоссейной трассе. Только за период с октября 1937 г. до середины февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было занято более 5640 товарных вагонов, а на автомобильном тракте через Синьцзян более 5260 советских грузовых автомашин. Доставку грузов в Китай по указанному маршруту осуществляли свыше 4 тыс. советских специалистов — автомехаников, шоферов и других автодорожников.

Советские специалисты занимались в Синьцзяне сборкой доставляемой туда боевой техники, в том числе самолетов-истребителей, которые перевозились в разобранном виде по железной дороге до города Алма-Ата, а оттуда автотранспортом до китайских городов Урумчи и Хами. Всего с сентября 1937 г. по июнь 1941 г. СССР направил в Китай 1235 самолетов, 1600 орудий различных калибров, свыше 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок, около 180 млн патронов, 31,6 тыс. авиабомб, около 2 млн снарядов. Парк китайских ВВС практически целиком состоял из советских самолетов[2].

Центральными событиями в отношениях СССР с Китаем в 1938 г. были визит в Москву председателя Законодательного юаня Китайской Республики Сунь Фо и назначенного послом в СССР маршала Ян Цзэ, их встречи с высшим советским руководством, подписание двух соглашений о предоставлении Советским Союзом Китаю кредита на 50 млн американских долларов по каждому из них для закупок техники и оборудования. Примечательно, что подписание второго соглашения состоялось 1 июля, а уже через три недели — 22 июля — японская военщина начала вооруженные провокации

---

[1] См.: *Соколов В. В.* Две встречи Сунь Фо с И. В. Сталиным в 1938–1939 гг. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 18. (Далее: НиНИ…)

[2] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72; *Рахманин О. Б.* К истории отношений РСФСР, СССР, РФ с Китаем. 1917–1997 (обзор основных событий, оценки экспертов). М., 1999. С. 9. (Далее: *Рахманин О. Б.* К истории отношений…)

у оз. Хасан. Не исключено, что так Токио выразило свое отношение к советской помощи Китаю.

В ходе беседы с Сунь Фо И. В. Сталин в ответ на переданную ему просьбу Чан Кайши о расширении помощи заверил: «Мы поможем вам всем, чем можем». При этом И. В. Сталин сформулировал два условия, которые, по его мнению, могут обеспечить победу Китая в войне сопротивления: создание собственной военной промышленности и единство страны. «Единый Китай непобедим», — подчеркнул он[1].

В августе 1938 г. Чан Кайши выступил с предложением подписать секретный политический договор между Китайской Республикой и Советским Союзом. По содержанию он являлся бы пактом о взаимопомощи, но без обязательства со стороны СССР вступить в войну с Японией[2].

Однако в Москве посчитали, что «такой договор все же не вызывается обстановкой и принесет отрицательные результаты», так как ослабит силы освободительной войны, дав «козырь в руки трех агрессивных держав для проведения агрессии»[3].

Тем не менее, одна из главных задач советской дипломатии была решена — Китай не капитулировал. 1 ноября 1938 г. Чан Кайши призвал китайский народ продолжить войну сопротивления до победного конца.

В это же время Чан Кайши неоднократно обращался к руководству СССР с просьбой направить в Китай в качестве главного военного советника маршала В. К. Блюхера, подчеркивая, что отправка В. К. Блюхера «была бы равносильна посылке на помощь Китаю 100 тыс. войск Красной армии»[4].

К началу 1939 г. в Китай было направлено 5000 лучших советских военных специалистов, включая летчиков-добровольцев. Для планирования военных операций была командирована в распоряжение Китайского Верховного Командования специальная группа высших военных советников (к концу года она насчитывала 75 человек). Среди них были такие прославленные советские полководцы, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ч. Батицкий, А. И. Черепанов и др. За мужество и отвагу в сражениях с японцами в Китае многие советники, летчики и другие воины-добровольцы были награждены советскими и китайскими орденами, а одиннадцати из них присвоено звание Героя Советского Союза. Многие советские воины погибли в Китае в боях с японскими захватчиками, среди них — свыше 200 летчиков[5].

1939 год прошел под знаком вооруженных провокаций Японии на границах Монголии, которые вылились в широкомасштабный военный конфликт в районе реки Халхин-Гол[6]. Хронологически этот конфликт (первое сообщение ТАСС о нем датируется 6 июля) достаточно близко последовал за подписанием в Москве 13 июня Договора между правительствами СССР

---

[1] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 198–200. Док. № 158.

[2] Там же. С. 291–297, 300–305, 306–307. Док. № 247, 251, 252, 254.

[3] Там же. С. 313–319. Док. № 259.

[4] *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. С. 251.

[5] Подробно о советской помощи Китаю в годы китайско-японской войны см.: Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968; *Бородин Б. А.* Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1964; *Мировицкая Р. А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны. 1941–1945. М., 1999; *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая.

[6] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 443–444, 471–472, 473–475, 476–477, 492, 495–496, 505–508, 51. Док. № 337, 361, 363, 364, 366, 376, 380, 389, 392.

и КР о реализации кредита на 150 млн американских долларов и Торгового договора между СССР и КР от 16 июня. Вероятно, и это совпадение, как и связь между подписанием кредитных соглашений 1938 г. и провокациями у озера Хасан, не случайно.

В дни боев в районе реки Халхин-Гол «британское правительство пошло на дальнейшие уступки милитаристской Японии в Китае, заключив 24 июля "соглашение Арита–Крейги"[1] о признании законной японской власти на оккупированной территории Китая. В условиях, когда Япония вела военные действия против СССР и Монголии в районе реки Халхин-Гол, упомянутое соглашение укрепляло политические и военные позиции Японии»[2]. Можно добавить, что со стороны Великобритании, таким образом, была узаконена и сама война против Китая, развязанная японской военщиной.

Подписание советско-германского Пакта о ненападении было оценено в Китае как сильный ход советской дипломатии. «Заключение этого договора ставит СССР в центр всей мировой политики», — заявил Чан Кайши 25 августа 1939 г. советскому полпреду А. С. Панюшкину. Китайского лидера волновали два вопроса: «Какое влияние окажет договор на положение на Дальнем Востоке?» и «Возможно ли японо-английское соглашение?» Отвечая на первый из них, Чан Кайши отметил, что «соглашение является большим ударом по Японии и Польше. В результате соглашения Япония оказывается совершенно изолированной». Что касается поставленного советской стороной вопроса: «Не может ли Англия пойти на какую-либо сделку с Японией и принести в жертву интересы Китая?», Чан Кайши ответил, что «Китай не Чехословакия, поэтому, о чем бы ни договорились Япония и Англия, принести в жертву интересы Китая они не смогут, так как Китай ведет свою собственную политику»[3].

В этом плане интересно отметить, что во время визита В. М. Молотова в Берлин в середине ноября 1940 г., где ему предстояло обсудить вопросы взаимодействия СССР с Германией, Италией и Японией, И. В. Сталин дал наркому иностранных дел среди других директив и директиву по Китаю. В ней говорилось: «Относительно Китая в секретном протоколе, в качестве одного из пунктов этого протокола, сказать о необходимости добиваться почетного мира для Китая (Чан Кайши), в чем СССР, м[ожет] б[ыть] с участием Г[ермании] и И[талии], готов взять на себя посредничество, причем мы не возражаем, чтобы Индонезия была признана сферой влияния Японии (Маньчжоу-Го остается за Я[понией])»[4].

Масштабы советской помощи Китаю беспокоили Японию, и 2 июля японский посол в СССР С. Того, встретившись с В. М. Молотовым, внес предложение подписать договор о нейтралитете между двумя странами. При этом японская сторона увязывала свое предложение с тем, чтобы «советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству»[5]. В. М. Молотов отвел японские претензии на вмешательство в советско-китайские отношения.

---

[1] Текст соглашения см.: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 72. Док. № 50.

[2] Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2. С. 250–251.

[3] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 485–488. Док. № 373.

[4] Мировые войны XX века. Кн. 4. С.177. Док. № 137.

[5] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 598–604. Док. № 452.

Переговоры о заключении пакта о нейтралитете были продолжены новым японским послом в Москве Татэкава. После неудачного в ноябре 1940 г. визита В. М. Молотова в Берлин советское руководство рассматривало такой пакт как возможность обеспечить дипломатическими методами неприкосновенность дальневосточных границ СССР. В начале апреля столицу Советского Союза посетил министр иностранных дел Японии И. Мацуока, который и подписал 13 апреля 1941 г. с И. В. Сталиным Пакт о нейтралитете. Такой поворот событий был крайне нервозно воспринят в Китае, так как означал провал попыток Чан Кайши втянуть СССР в войну с Японией. В ответ на протест полпреда СССР А. С. Панюшкина по поводу критических высказываний в адрес И. В. Сталина в газете «Дагунбао» Чан Кайши заявил, что «наш народ и армия действительно были потрясены сообщениями о заключении пакта. Вы знаете, что наш народ, армия слишком верят Советскому Союзу, который неизменно помогал нам. Вы должны понять, что подобный шаг СССР не мог не произвести очень сильного впечатления на всех, на интеллигенцию в том числе. Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай. Но я должен заверить Вас, что несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина остается непоколебимой, и это место в передовой "Дагунбао" не может повлиять на наше настроение и чувства к Сталину»[1].

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз, а 7 декабря того же года Япония вторглась в тихоокеанские владения США, Великобритании и Франции. 9 декабря 1941 г. национальное правительство Китая объявило войну Японии, а 10 декабря Германии и Италии[2]. Лишь после того, как в результате вторжения Японии в тихоокеанские владения США, Англии и Франции в декабре 1941 г. к азиатскому фронту Второй мировой войны добавился и тихоокеанский, она распространилась на весь азиатско-тихоокеанский регион. С этого момента державы Запада начали оказывать поддержку Китаю. Изменилась и стратегия западных держав в Китае.

Чан Кайши продолжал добиваться вступления СССР в войну на Дальнем Востоке, предлагая создать единый антияпонский фронт США, Великобритании, СССР и Китая[3]. И. В. Сталин в своем ответе 12 декабря 1941 г. подчеркнул, что «антияпонский фронт на Тихом океане, а равно и антияпонская борьба в Китае, являются частью общего фронта против стран оси»[4]. «Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США, Китая против государств оси…» — отметил И. В. Сталин, предложив Чан Кайши не настаивать на немедленном объявлении Советским Союзом войны Японии[5].

Стремясь максимально использовать людской потенциал Китая в борьбе против Японии, а по окончании войны превратить Китай в опору для защиты американских интересов в этом районе мира, правительство США начало подыгрывать китайскому национализму. Американская дипломатия

---

[1] РКО в XX в. Т. IV. Кн. 1. С. 645–647. Док. № 477.

[2] Декларацию об объявлении войны см.: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 322. Док. № 245.

[3] Там же. С. 671–672. Док. № 497.

[4] Там же. С. 673. Док. № 498.

[5] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 235.

выдвинула тезис о том, что Китай является одной из великих держав, что он должен играть роль великой державы.

Британская дипломатия далеко не сразу согласилась с этим тезисом. Она утверждала, что Китай еще не готов быть «эффективной великой державой в ближайшем будущем», что он не способен оказывать «стабилизирующее влияние в Азии»[1]. Более того, английские правящие круги высказывали опасение, что за «агрессивной националистической Японией может последовать в равной степени агрессивный китайский национализм»[2].

Сражаясь с фашистскими полчищами на фронтах Отечественной войны, Советский Союз вносил решающий вклад во Вторую мировую войну и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китайские историки также отмечают, что советско-германский фронт был основным как на европейском театре военных действий, так и в масштабе всей Второй мировой войны, что именно Советские Вооруженные Силы сковали и уничтожили основную часть немецких войск, главной силы держав оси. «Под Сталинградом был совершен коренной перелом не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во Второй мировой войне в целом», — отмечали историки КНР[3].

В японских правящих кругах — на секретных заседаниях Координационного комитета японского правительства и императорской ставки, а также на императорских совещаниях — после нападения Германии на Советский Союз шло активное обсуждение дальнейшей политики в отношении СССР. Высшее военно-политическое руководство Японии считало себя связанным Тройственным пактом держав оси в большей степени, чем Пактом о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. с СССР. Министр иностранных дел И. Мацуока, подписавший пакт в Москве, на заседании Координационного комитета 25 июня 1941 г. прямо заявил: «Вообще-то я пошел на заключение пакта о нейтралитете, считая, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы, вероятно, занял в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать пакт о нейтралитете»[4].

Советско-японский Пакт о нейтралитете в ст. 2-й фиксировал, что если одна из сторон «окажется объектом действий со стороны одной или нескольких третьих держав», то на другую сторону возлагается обязательство «соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». А ст. 1-я Пакта обязывала стороны «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность» друг друга. Но в Токио рассматривали эти обязательства лишь как дипломатическое прикрытие истинных планов империи. Поэтому Мацуока без обиняков призывал коллег по кабинету к тому, чтобы воспользоваться германо-советской войной и выступить против СССР для участия в дележе советской территории. «Если Германия возьмет верх и завладеет Советским

---

[1] *Woodward L.* British Foreign Policy in the World War. L., 1962. P. 420.

[2] Там же.

[3] *Хуан Юйчжан* и др. Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945. (Вторая мировая война 1939–1945). Пекин, 1984. С. 298, 529.

[4] *Кошкин А. А.* Японская дилемма: удар на Север или на Юг? Японские документы 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 431. Его же. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 114–149.

Союзом, — продолжал он свое выступление на заседании вышеупомянутого Комитета, — мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Нам придется либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь. Вопрос о том, чего пожелает Япония, когда с Советским Союзом будет покончено. Германию, по всей вероятности, интересует, что собирается делать Япония. Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника из Сибири будут переброшены на Запад? Разве не должны мы прибегнуть по крайней мере к демонстративным действиям?»[1]

На 34-м заседании Координационного комитета 27 июня Мацуока следующим образом аргументировал свою позицию фактического разрыва Пакта о нейтралитете с СССР: «Если мы решим, что война закончится быстро, надо нанести сначала удар на Севере. Если же мы начнем обсуждать советскую проблему после того, как немцы расправятся с Советами, дипломатическим путем мы ничего не добьемся. Если мы быстро нападем на Советы, Соединенные Штаты не выступят. США не могут помочь Советской России по одной той причине, что они ненавидят СССР… Мы должны двинуться на Север и дойти до Иркутска. Я думаю, что, если мы пройдем даже половину этого пути, наши действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнув его к заключению мира с Японией… Мы должны нанести удар, пока ситуация в советско-германской войне еще не определилась»[2].

На Императорском совещании 2 июля 1941 г. за нападение на Советский Союз активно выступали принц Коноэ и начальник генерального штаба армии Сугияма. Но, пожалуй, наиболее откровенно сформулировал свои требования председатель Тайного совета Хара. «Я полагаю, — утверждал он, — все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее, я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент… Наша империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним… Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии…

Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз. Но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападем на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен»[3].

---

[1] *Кошкин А. А.* Японская дилемма: удар на Север или на Юг? Японские документы 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 431. Его же. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 432.

[2] Там же. С. 434.

[3] Там же. С. 440. См. также: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 305–307. Док. № 231.

Таким образом, нейтрализация более чем реальной японской угрозы была в этот момент одной из важнейших задач советской дипломатии[1]. Но следует подчеркнуть, что в Москве не было страха по поводу возможного нападения Японии. Когда А. Иден, посетивший Москву в конце 1941 г., 20 декабря в ходе его 4-й беседы с И. Сталиным попросил у СССР помощи в борьбе с Японией, И. Сталин ответил, что «если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах».

И, продолжая свои рассуждения, советский руководитель выдвинул парадоксальную идею, заявив, что он «полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии». Сталин полагал, что «нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР»[2].

Эта оценка оказалась совершенно точной. Летом 1942 г. находившаяся в Маньчжурии Квантунская группировка войск была значительно усилена. В разгар наступления германских армий на Сталинград японский штаб сухопутных войск подготовил «операцию № 51» — нанесение удара по Советскому Союзу силами авиации, 23 пехотных и трех танковых дивизий. По настоянию Берлина и в период подготовки битвы на Курской дуге летом 1943 г. в Токио обсуждался план нападения на Советский Союз[3].

Хотя между Москвой и Чунцином время от времени возникали разногласия и трения, но в целом на протяжении всего периода японо-китайской войны отношения СССР с Китаем носили конструктивный характер.

Гоминьдановская дипломатия постоянно шантажировала союзные державы угрозой заключения сепаратного мира с Японией[4], пытаясь заставить их увеличить поставки вооружений Китаю, добиться существенной финансовой помощи.

Исключительно активно вела себя китайская делегация на Каирской конференции в ноябре 1943 г., где дипломатия Чан Кайши по целому ряду

---

[1] О действиях советской дипломатии по нейтрализации японской угрозы см.: *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны 1939–1941. М., 1997. С. 93–98.

[2] *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997. С.58

[3] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 192–193.

[4] *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства. С. 150–154, 201–202.

вопросов «переиграла» британскую. В ходе переговоров с США Чан Кайши в первую очередь стремился, используя американо-английские противоречия, закрепить за Китаем роль ведущей дальневосточной державы. Он даже пытался склонить Рузвельта к обсуждению вопроса о «возможности и желательности» присоединения к Китаю Монгольской Народной Республики. «Американский президент, — отмечают современные исследователи, — вопреки премьер-министру (У. Черчиллю. — *В. М.*) одобрил позицию лидера Гоминьдана в вопросе о возвращении Китаю Гонконга». Все же в итоге были подчеркнуты общие интересы борьбы с Японией.

На Каирской конференции Чан Кайши очень раздражал Черчилля, вероятно, тем, что он, не проинформировав Лондон, попытался втянуть Индию в войну против Японии. Тем не менее, в Каире 3 декабря 1943 г., т. е. через два дня после окончания Тегеранской конференции, была принята декларация относительно Японии. В ней, в частности, говорилось:

«…Три великих союзника (США, Британия, Китай — *В. М.*) ***ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии. Они не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов относительно экспансии. Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов на Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 года, и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике. Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила с помощью силы и в результате своей алчности»***[1].

Еще накануне Каирской конференции Ф. Д. Рузвельт говорил своему окружению, что «Курилы должны на самом деле быть переданы России»[2]. Тогда же он заметил «Черчилль не любит Китай»[3].

Чан Кайши стремился «получить от союзников как можно больше оружия и других видов материальной помощи для активизации борьбы не с японцами, а с крепнувшими коммунистическими силами в Китае»[4].

Что касается военной стратегии, то Чан Кайши изложил ее в меморандуме, представленном на обсуждение глав государств. Согласно расчетам Чан Кайши операции союзников должны были развиваться в такой последовательности: «ноябрь 1944 — май 1945 г. — освобождение Кантона и Гонконга; май-ноябрь 1945 г. — бомбардировки Тайваня и Филиппин; ноябрь 1945 г. — наступление на Шанхай. Вторжение же на территорию собственно Японии считалось вероятным только после 1947 г.»[5]. В целом же итоги конференции оценивались и в Вашингтоне, и в Чунцине как успех Китая[6]. США продолжали привязывать к себе своего нового союзника, по-

---

[1] См. Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 430–431.

[2] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 455.

[3] Там же. С. 454.

[4] *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства. С. 195.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 183–196.

ощряя его великодержавные амбиции. Американская печать отмечала, что, опираясь на американскую мощь, гоминьдановский Китай будет «играть роль гегемона на Востоке»[1].

На Тегеранской конференции (1943) Советский Союз в связи с просьбами американской и британской делегаций заявил о своей готовности вступить в войну на Дальнем Востоке после окончания военных действий на Западном фронте. Советская делегация исходила из того, что будет невозможно обеспечить прочный послевоенный мир, не доведя до конца разгром японского милитаризма. В Тегеране И. В. Сталин был ознакомлен с решениями, принятыми в Каире.

Советско-китайские отношения на завершающем этапе войны принимают комплексный характер. Важнейшее значение для них имели, во-первых, Крымская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании и заключенное на этой конференции Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока. И, во-вторых, советско-китайские переговоры и подписанные в результате их 14 августа 1945 г. Советско-китайский договор о дружбе и союзе, а также соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре, Дальнем Востоке и по некоторым другим вопросам.

В Ялте вопрос о Японии обсуждался не в составе «Большой тройки», а на переговорах И. В. Сталина с Ф. Д. Рузвельтом 8 февраля. Причем, как известно, стороны довольно быстро пришли к соглашению. Президент США поддержал передачу Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов. Окончательный текст соглашения по Дальнему Востоку Сталин и Рузвельт согласовали 10 февраля. 11 февраля состоялось подписание секретного соглашения. У. Черчилль подписал этот документ, не читая.

Обратимся к содержанию Ялтинского секретного соглашения трех великих держав по вопросам Дальнего Востока.

«Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к нему островов;

б) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановлении аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

в) совместной эксплуатации Китайской-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Со-

[1] *Каткова З. Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства. С. 197.

ветского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны, Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»[1]. Конечно, этот документ был блестящей победой советской дипломатии.

Итак, в Ялте была создана действующая и поныне система послевоенного мира на Дальнем Востоке. Она состояла из следующих основных элементов.

Япония лишалась всех территориальных приобретений, сделанных не только в ходе Второй мировой войны, но и задолго до нее. Так, она возвратила Китаю Тайвань и Пескадорские острова (Пэнху ледао), тем и другим японская сторона владела с 1895 года. Был восстановлен суверенитет Китая на территории трех Северо-Восточных провинций (Маньчжурии).

Портсмутский мир был пересмотрен, и в состав СССР возвратился Южный Сахалин. При согласии Ф. Д. Рузвельта и И. В. Сталина нашей стране были возвращены все Курильские острова. Это означало, что в этой части был пересмотрен и Симодский договор 1855 г., по которому граница проходила между островами Итуруп и Уруп, причем первый отходил к Японии, а последний и прочие Курильские острова составляли территорию России. Подвергся пересмотру и Петербургский договор 1875 г., согласно которому в обмен на отказ Японии от притязаний на Сахалин Россия была вынуждена передать ей 18 Курильских островов, бывших исконно русской территорией. Сработало положение Каирской декларации[2] о том, что «Япония будет также изгнана со всех других территорий, которые она захватила с помощью силы и в результате своей алчности»[3].

Хотел бы особо отметить, что успех советской дипломатии был в значительной мере обеспечен общностью взглядов на милитаристскую Японию, которые обнаружились у И. В. Сталина и Ф. Д. Рузвельта. И. В. Сталин хорошо помнил нападение Японии на русские владения в 1904 г. и то поражение, которое Россия потерпела в войне с Японией в 1904–1905 годах.

---

[1] Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М.: Наука, 2002. С. 572–573.

[2] В Потсдамской декларации правительств США, Великобритании и Китая подчеркивалось: «8. Условия Каирской декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем».

[3] См. Партитура Второй мировой войны. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 430–431.

Ф. Д. Рузвельт не мог простить Японии нападения на Перл-Харбор. Он знал, что японский флот отправился к Перл-Харбору с его баз на Курилах. Это решило судьбу Курильских островов в Ялте.

В Японии был поставлен памятник адмиралу Е. Путятину, заключившему Симодский трактат, думаю, что мы могли бы на одном из южных островов Курильской гряды поставить памятник президенту Ф. Д. Рузвельту, который помог нам восстановить историческую справедливость.

Ялтинское «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока» предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии. Оно было выработано и заключено руководителями СССР, США и Великобритании без особых трудностей. Требования, выдвинутые Сталиным на этих переговорах в качестве условий вступления СССР в войну против Японии, не встретили возражений со стороны Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Напротив, некоторые условия в пользу СССР были предложены по их инициативе. В соглашении, в частности, подчеркивалось, что после победы над Японией Советскому Союзу будут возвращены Южный Сахалин с прилегающими к нему островами, а также переданы Курильские острова. Как уже упоминалось, Ф. Д. Рузвельт еще 5 октября 1943 г. высказал суждение, что «Курилы должны быть на самом деле переданы России»[1].

Для И. В. Сталина нанести поражение Японии в этой войне было справедливым актом возмездия за тот ущерб, который был причинен политическому престижу России в 1905 году. Советский руководитель стремился очистить историческую память народа своей страны, сметя то пятно позора, которое оставила на ней война 1904–1905 годов. Он хорошо помнил этот позор, ему было тогда 26 лет. И обязательным компонентом этого реванша национального достоинства было возвращение территориальных потерь. Позже, когда Япония была разгромлена и повержена, он скажет: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Это значит, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»[2].

Довольно сложный характер носили советско-китайские переговоры, проходившие с 30 июня по 13 августа и закончившиеся подписанием 14 августа упомянутых советско-китайских документов. Китайская сторона стремилась ревизовать касавшиеся Китая пункты Ялтинского соглашения, которые согласно решениям Крымской конференции должны были лечь в основу советско-китайских договоренностей и подлежали безусловному выполнению китайской стороной. Категоричнее всего китайская сторона выступала против признания независимости Внешней Монголии, т. е. Монгольской Народной Республики. Китайская дипломатия выражала также несогласие с предусмотренным Ялтинскими соглашениями преимуществен-

[1] Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 455. Док. № 322.

[2] Там же. С. 590. Док. № 419.

ным положением СССР в Порт-Артуре, в Дальнем Востоке и на железных дорогах Маньчжурии — КВЖД и ЮМЖД.

В ходе бесед И. В. Сталина и В. М. Молотова с главой китайской делегации Сун Цзывэнем выяснилось, что китайское правительство не хотело, чтобы управляющим дорогами был не китайский, а советский гражданин; возражало против того, чтобы Советскому Союзу принадлежал полный контроль над военно-морской базой Порт-Артур и портом Дальний, жестко выступало против того, чтобы Советскому Союзу принадлежало право собственности на построенные Россией железные дороги и обслуживающие их промышленные предприятия и другие объекты. Китайское правительство считало, что из-за давности времени, прошедшего после заключения в 1896—1898 гг. русско-китайских соглашений, на основе которых строились эти дороги и другие объекты в Маньчжурии, эти права Россией, а, следовательно, и Советским Союзом утрачены и должны автоматически перейти Китаю. Советская сторона, естественно, не могла согласиться с этими построениями китайских представителей.

Между советской и китайской делегациями имели место расхождения и по ряду других вопросов. Вместе с тем Советское правительство по целому ряду пожеланий китайской стороны пошло ей навстречу, и в результате был найден компромисс, удовлетворивший обе стороны и нашедший отражение в Советско-китайском договоре о дружбе и сотрудничестве и в других соглашениях, подписанных 14 августа 1945 года.

Советский Союз, не дожидаясь окончания войны в Европе, полным ходом вел подготовку к выполнению взятых в Тегеране и Ялте обязательств о вступлении СССР в антияпонскую войну. После капитуляции фашистской Германии советское командование сразу же приступило к переброске советских войск с германского фронта на Дальний Восток. В период, когда проходили советско-китайские переговоры, подготовка военной операции на востоке была завершена.

8 августа, т. е. на следующий день после начала второго раунда советско-китайских переговоров, Советское правительство объявило войну Японии. 9 августа советские войска в составе трех фронтов общей численностью свыше одного миллиона человек перешли в наступление на японские позиции в Маньчжурии, в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах.

Официальные круги и широкая общественность всех стран антигитлеровской и антияпонской коалиции с энтузиазмом встретили вступление СССР в войну против Японии. В своем послании Сталину 9 августа Чан Кайши, в частности, отмечал: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. В самом начале оборонительной войны Китая Советский Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности»[1].

Реальные мотивы действий американской администрации, пришедшей к власти после кончины Ф. Д. Рузвельта, раскрыл новый президент Г. Трумэн. «…Мы должны поддерживать свой полный контроль над Японией и Тихим океаном, — писал глава Белого дома госсекретарю Дж. Ф. Бирнсу. — Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правитель-

[1] Правда. 10 августа. 1945.

ство, мы должны сделать то же самое в Корее»[1]. В Вашингтоне после заявления президента Трумэна относительно вступления СССР в войну против Японии госсекретарь Бирнс, появившийся на пресс-конференции, выразил надежду, что «японский народ теперь поймет, что всякое дальнейшее сопротивление бесполезно. Бирнс выразил удовлетворение по поводу решения Советского Союза и отметил, что державы, которые сотрудничали в разгроме своего врага в Европе, будут теперь сотрудничать на Дальнем Востоке и принесут мир всему миру»[2].

Премьер-министр Великобритании К. Эттли, в частности, подчеркнул: «Все мы в Великобритании высоко ценили героическую кампанию России против нацистской Германии… Объявление сегодня войны Советским Союзом против Японии является демонстрацией солидарности между союзными державами… Великобритания приветствует это великое решение Советской России»[3].

Выступая через несколько дней в Палате общин, У. Черчилль заявил, что когда британский премьер и президент США рассматривали планы операции против Японии, представленные им Объединенным Комитетом начальников штабов, никто не мог сказать, сколько будет потеряно жизней британских и американских солдат в этих операциях, каковы будут материальные потери. Еще меньше «мы знали, как долго Япония будет продолжать оказывать сопротивление на огромном количестве территорий, которые она захватила и в особенности на территории собственно Японии». Черчилль подчеркнул, что было бы ошибкой полагать, что объявление Советским Союзом войны Японии было ускорено применением атомных бомб[4].

Любопытно, что эту мысль У. Черчилля углубил и развил в своем выступлении «Обстановка после победы и наш курс» Мао Цзэдун, который писал: «Советский Союз вступил в войну. Красная армия пришла на помощь китайскому народу в изгнании агрессора. Это небывалое в истории Китая событие. Его влияние трудно переоценить. Пропагандистские органы США и Чан Кайши пытаются двумя атомными бомбами свести на нет влияние Красной армии. Однако его не сведешь на нет — это не так легко сделать. Может ли атомная бомба решить исход войны? Нет, не может. Атомные бомбы не смогли заставить Японию капитулировать… Если атомная бомба могла бы решить исход войны, то зачем было просить Советский Союз вступить в войну? Почему Япония не капитулировала, когда на нее были сброшены две атомные бомбы, и почему она пошла на капитуляцию сразу же после вступления Советского Союза в войну?.. Вступление Советского Союза в войну предопределило капитуляцию Японии»[5].

Самые ожесточенные бои с японцами происходили в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), где советским войскам пришлось преодолевать мощную, глубоко эшелонированную долговременную систему обороны и где им противостояла самая крупная по численности и наиболее технически осна-

---

[1] *Harry S. Truman.* The Memoirs. Vol. 1. P. 551–552. Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 410.

[2] Правда. 10 августа. 1945.

[3] Там же.

[4] Правда. 1945. 19 августа.

[5] *Мао Цзэдун.* Избр. произв. Т. IV. Пекин, 1969. С. 20–21.

щенная группировка японских вооруженных сил, основу которой составляла миллионная Квантунская армия. В течение нескольких дней Красная армия во взаимодействии с войсками МНР сумела прорвать японскую оборону и продвинуться вглубь территории Маньчжурии. Тем временем войска союзников атаковали позиции японцев на тихоокеанском фронте. 14 августа, в день подписания Советско-китайского договора, Япония заявила, что она принимает Потсдамскую декларацию (26 июля 1945 г.) США, Китая и Великобритании о безоговорочной капитуляции. Однако приказ японским вооруженным силам о прекращении огня отдан не был, и они продолжали вести боевые действия, оказывая наиболее упорное сопротивление на советско-маньчжурском фронте.

В оперативной сводке командования Красной армии сообщалось: «В течение 15 августа советские войска продолжали наступление, встречая по-прежнему сопротивление японцев.

Войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолевая сопротивление противника в трудных условиях горнолесной местности, продолжали наступление и заняли несколько населенных пунктов к северо-востоку от города Муданьцзян.

Войска 2-го Дальневосточного фронта, продолжая наступление по обоим берегам реки Сунгари, во взаимодействии с Амурской речной флотилией, с боем овладели городами Каоличжэнь, Лянцзянкоу, Синьчжунчжэнь и Баоцин.

Войска Забайкальского фронта с боем заняли города Хуадэ, Канбао, Чжанбэй и Долонор. Одновременно войска фронта продолжали наступление к востоку от горного хребта Большой Хинган и продвинулись вперед на 20—30 километров.

Наша авиация нанесла удары по войскам противника на поле боя и железнодорожным узлам Маньчжурии. *Совинформбюро*»[1].

17 августа главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада обратился к Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. Одновременно Ямада уведомил советское командование, что он отдал приказ Квантунской армии о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия. Однако и после этого на отдельных участках фронтов Маньчжурии бои не прекращались, японцы продолжали оказывать сопротивление, в плен сдавались преимущественно части армии Маньчжоу-Го. Более того, на ряде участков фронта японские войска предприняли контрнаступление. В связи с этим главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке 17 августа передал главнокомандующему Квантунской армией требование к 12 часам 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен.

Утром 18 августа генерал Ямада в ответе по радио Маршалу А. М. Василевскому выразил готовность выполнить все условия капитуляции. В тот же день советские радиостанции перехватили радиограмму из Чанчуня[2], в которой говорилось: «1. Квантунская армия, выполнив до конца свой долг, вынуждена капитулировать. 2. Всем войскам немедленно прекратить военные

---

[1] Правда. 1945. 16 августа.

[2] Чанчунь — главный город провинции Гирин (Цзилинь) был столицей Маньчжлу-Го, штаб Квантунской армии находился в Порт-Артуре.

действия и оставаться в тех районах, где они находятся теперь. 3. Войскам, находящимся в соприкосновении с советскими войсками, сдавать оружие по указанию советского командования. 4. Какие бы то ни было разрушения строго запрещаю. Командующий Квантунской армией»[1].

Так развивались события на советско-японском фронте после заключения 14 августа 1945 г. Советско-китайского договора.

Отношения между СССР и Китайской Республикой достигли своей кульминации. Договор 14 августа 1945 г. явился апофеозом их сотрудничества в антияпонской войне. Заключение Советско-китайского договора и других соглашений встретило одобрительную реакцию во всем мире. В телеграмме на имя Сталина от 15 августа Чан Кайши писал: «Обескровленный и разбитый японский агрессор безоговорочно капитулировал. От имени народа и армии Китая имею честь послать Вам, а также народу и армии СССР, самые горячие приветствия». Чан Кайши особо подчеркнул: «Решительное участие Советского Союза в войне является одной из главных причин, ускоривших разгром жестокого врага»[2].

В работе «О коалиционном правительстве» будущий лидер Китая — Мао Цзэдун подчеркивал, что «после того как в 1937 году началась война сопротивления японским захватчикам, Советский Союз… первым пришел на помощь Китаю в его борьбе против агрессора. Китайский народ выражает свою благодарность Советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь. Мы считаем, что без участия Советского Союза окончательное и полное разрешение тихоокеанских проблем невозможно»[3].

Договор 1945 г. обеспечивал возвращение СССР прав в Маньчжурии, которыми обладала Россия по Союзному договору 1896 г. и по другим соглашениям с Китаем. Эти права были утрачены в результате поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Советскому Союзу возвращалось право на использование военно-морской базы Порт-Артур и порт Дальний. Оба эти незамерзающие порта открывали беспрепятственный выход военным и торговым судам СССР на просторы не только Тихого, но и мирового океана. Советский Союз получал право на совместное с Китаем использование на паритетных началах маньчжурских железных дорог — КВЖД и ЮМЖД, построенных в свое время на русские деньги. Эти дороги обеспечивали кратчайший путь, связывающий Москву с дальневосточными рубежами СССР. Вместе с железными дорогами в совместную с Китаем собственность переходили десятки крупных промышленных предприятий и многие другие объекты, также построенные Россией и обеспечивавшие деятельность указанных дорог.

Кроме того, китайское правительство выражало согласие на использование на паритетных началах всего мощного военно-промышленного и другого хозяйственного комплекса в Маньчжурии, который обслуживал в свое время японскую Квантунскую армию. Все это вместе взятое в огромной мере укрепляло не только экономические, но и политические и военно-оборонительные стратегические позиции СССР на Дальнем Востоке и в Ази-

---

[1] См.: Институт военной истории МО РФ. Документы и материалы. Инв. № 61. Л. 668. Подробнее см.: История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. II. М., 1980. С. 238–273.

[2] Правда. 1945. 19 августа.

[3] *Мао Цзэдун.* Избр. произв. Т. III. Пекин, 1969. С. 332.

атско-Тихоокеанском регионе. В экономическом отношении Маньчжурия обладала мощным по тем временам промышленным потенциалом, а также располагала огромными человеческими ресурсами. Советско-китайское сотрудничество в Маньчжурии могло послужить базой и огромным стимулом для развития районов советского Дальнего Востока и Сибири.

Что касается интересов китайской стороны, то, во-первых, договор означал согласие СССР вступить в войну против Японии. Чан Кайши и другие государственные деятели хорошо понимали, что без помощи со стороны СССР китайско-японская война может затянуться на неопределенно длительный срок.

Во-вторых, договор гарантировал возвращение Маньчжурии под суверенитет Китая после ее освобождения от японских оккупантов. Это рассеивало укоренившиеся в правящих кругах Гоминьдана опасения, что после поражения Японии Маньчжурия не будет возвращена Китаю. Такие планы вынашивались в руководящих кругах США и Великобритании. Об этом, в частности, рассказал тогдашний известный политический советник Чан Кайши О. Латтимор в беседе с послом СССР в Китае А. С. Панюшкиным 2 декабря 1941 года[1].

В-третьих, в ходе переговоров СССР взял на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Китая в части, касающейся провинции Синьцзян, что рассеивало складывавшиеся на протяжении ряда лет в правящих кругах Гоминьдана опасения по поводу планов СССР в отношении Синьцзяна. Это позволяло также Центральному китайскому правительству положить конец антикитайским выступлениям местного населения на межнациональной почве, решить эту весьма сложную проблему, используя политические средства и силовые методы. Справиться с указанной проблемой китайское правительство было бы не в состоянии в случае малейшего вмешательства со стороны СССР в события в Синьцзяне, в плане поддержки идеи самоопределения коренных народов.

Четвертым, и, пожалуй, главным выгодным фактором, который ценило в Советско-китайском договоре правительство Чан Кайши, было обязательство СССР во всех вопросах советско-китайских отношений иметь дело только с Центральным правительством Китайской Республики как с единственно законным правительством Китая. Правительство Чан Кайши рассматривало это как отказ Москвы от оказания помощи КПК в ее борьбе за свержение гоминьдановского режима.

Нашли ли какую-либо выгоду для себя в Советско-китайском договоре от 14 августа 1945 г. правящие круги США и других западных держав? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Во-первых, главный интерес Запада заключался в том, чтобы реализовать согласие СССР вступить в антияпонскую войну, сократить таким путем сроки этой войны, а главное — сократить потери среди англо-американских солдат и офицеров. По признанию Г. Трумэна, вступление СССР в войну против Японии помогло спасти 500 тысяч американских жизней, а по другим оценкам потери США могли составить один миллион человек.

В англо-американских военных кругах считали, что Япония может продолжать сопротивление даже после потери островов собственно Японии. Что

[1] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 29. Д. П. Л. 20–22: Запись беседы посла СССР в Китае А. С. Панюшкина с О. Латтимором 2 декабря 1941 года.

японское правительство может перебазироваться в Маньчжурию и Северный Китай, и тогда США и Великобритания не смогут использовать свою главную силу — военно-морской флот — и не смогут применить атомные бомбы, так как это означало бы сбрасывать эти бомбы на китайское население[1].

Итак, Вторая мировая война и началась, и закончилась на Дальнем Востоке. Главную тяжесть в ней вынес советский народ. Советский Союз вышел победителем и вернул многие территориальные потери, понесенные Россией в течение истории. К сожалению, его бывшие союзники по антигитлеровской и антияпонской коалиции очень быстро обернулись для него противниками в развязавшейся «холодной войне». Одним из нагляднейших документов их истинного отношения к нашей стране была оговорка Сената США при ратификации Сан-Францисского мирного договора с Японией, подписанного 8 сентября 1951 года.

Нотация с Капитолийского холма звучала следующим образом: *«Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу СССР в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении».*

Сан-Францисский договор был подписан 49 государствами. По тем или иным причинам под ним нет подписей ряда государств. Так, Китайская Народная Республика и Китайская Республика на Тайване вообще не были приглашены в Сан-Франциско. Индия и Бирма были приглашены, но отказались прибыть. Делегация Советского Союза, возглавляемая министром иностранных дел А. А. Громыко, отказалась поставить свою подпись, сославшись на то, что окончательная редакция договора не была согласована с советской стороной, а также потому, что не был приглашен Китай. Делегации Польши и Чехословакии последовали советскому примеру.

Конечно, оговорка американского Сената может служить ориентиром *только* для сотрудников Государственного департамента США. Но есть такое выражение как «политика искусство возможного». Обычно его трактуют как ограничение действий дипломата сложившимися обстоятельствами. Однако есть и другое, более глубокое понимание смысла этой фразы: политика — это искусство понимания возможных последствий совершаемого шага. С этой точки зрения современные авторы считают отказ подписать Сан-Францисский договор ошибкой советской делегации.

Согласно нормам международного права договорные статьи, касающиеся границ, не отменяются даже во время войны между государствами. Они могут быть изменены только по итогам войны. Наша страна и Китай вышли победителями из войны с Японией. Итоги подведены, и ни российская, ни китайская сторона не откажутся от завоеванных кровью территорий, возвращенных им.

Сегодняшние попытки Японии пересмотреть итоги Второй мировой войны, выдвигая притязания на русские Курилы, китайские Цзяоюйдао или корейские Токто, лишены каких-либо юридических оснований.

---

[1] *Truman H.* Memoirs 1945–1953. Years of Decisions. Vol. I. N.Y., 1965. P. 265; *Кузнец Ю.* От Перл-Харбора до Потсдама. М. 1970. С. 312.

Точка зрения

Николай СТАРИКОВ

«МЫ ТОЛЬКО ВМЕСТЕ МОЖЕМ СУЩЕСТВОВАТЬ...»

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

По старому римскому правилу

«Разделяй и властвуй» — гласит старое римское правило. Именно так Рим и действовал, так покорял народы, так устанавливал и удерживал свою власть. Нынешняя технология господства англосаксов базируется на тех же самых правилах. Наши «партнеры» позаимствовали от римлян не только правовую систему и культурные ценности, но и принципы ведения геополитической борьбы.

И эти принципы применяются по сию пору. Поэтому понимание методики действий наших противников может дать нам очень много при анализе текущей ситуации.

Римляне любили выражаться коротко. «Пришел, увидел, победил» — вот сгусток политической мысли, сложенной в афоризм великим Цезарем. Ни добавить, ни убавить. Однако к правилу «Разделяй и властвуй» мы для его большей наглядности должны добавить еще одну ступень, и тогда получится:

Разделяй, стравливай и властвуй.

Вот теперь мысль приняла законченную форму.

Пример применения этой тактики вы найдете в истории многократно. Тут и малоизвестные у нас картины покорения Индии англичанами, когда они постоянно натравливали одного раджу на другого, в итоге подминая под себя и того, и другого. И более известные сцены захвата Америки и уничтожения аборигенов-индейцев, где англосаксы заключали союзы с одним племенем против другого. А по итогам победы выдавали намеренно зараженные оспой одеяла своим вчерашним союзникам.

Но все эти примеры далеки от нашей страны. Поэтому давайте вспомним свою собственную историю.

Российская империя. Огромная. Сильная. И потому очень опасная для конкурентов. Финляндия вошла в состав России в несколько этапов. Первым стал Ништадтский мир со шведами 1721 года, когда Эстония, часть Финляндии и Латвии были у Швеции фактически куплены за несколько миллионов золотых талеров. Далее часть Финляндии «пришла» к нам при Елизавете Петровне, а окончательно территория Финляндии «собралась» внутри Российской империи при Александре I. Что характерно — все приобретения были не захватами, не оккупацией, а получены в результате договоров со Швецией, законность которых никто не отрицал. Это к вопросу о международном праве. Согласно этому праву Финляндия стала частью Российской империи. При этом имела свой парламент, когда его не было еще в России, свою собственную денежную единицу, свою отдельную полицию и таможню. При поездке из Петербурга в Финляндию, которая начиналась в нескольких десятках километров от столицы империи, вы должны были бы проходить таможню. Оставаясь при этом внутри Российской империи. Этим особым статусом Финляндии активно пользовались революционеры, которые совершали теракты в столице и быстро скрывались у финнов. И ничего царская власть не смогла с этим поделать до самой революции и своего падения.

Никаких восстаний против «кровавого царского режима» в Финляндии никогда не было. Почему? Да потому, что финнов вполне устраивало такое положение. У них НИКОГДА не было своего государства, и они не особенно его и хотели.

Но вот внутренние предатели Февраля 1917 года, при поддержке Антанты, начали разваливать Россию. В итоге следующего этапа — октябрьского — Ленин признает отделение Финляндии.

Что было? Одна страна, в которой НИКОГДА не было финско-русских противоречий. Как не было и русско-русских и финско-финских за несколько последних столетий. Стоило рухнуть государству, стоило ПОДЕЛИТЬ его, как немедленно началась Гражданская война. Причем, в России русские убивали русских, а рядышком в «независимой» Финляндии финны убивали финнов.

Первый этап — разделение — прошел.

Далее наступает второй этап — стравливание. В России победили красные, в Финляндии победили белые. Вот вам и конфликт. Которого, повторяю, никогда до этого не было. Далее Антанта вооружает Финляндию, у которой никакой армии не было просто потому, что не было самой Финляндии. Ее территория используется англичанами во время Гражданской войны в России для нападения на Кронштадт и флот. Первые бомбовые атаки Питера в его нынешних границах на совести британских, а отнюдь не немецких летчиков и относятся они к периоду Гражданской войны.

Итог — недоверие и ненависть. Раскол. Ранее претензий не было, теперь они есть.

В 1939 году начнется русско-финская война, потом она повторится внутри Второй мировой. Когда была одна Российская империя, русские и финны не могли воевать друг с другом, у них не было никакого повода для конфликта.

Перед нами методика англосаксов.

1. Сначала разделить ОДНУ страну на части.

2. Потом создать конфликт, поддержав одну из частей (меньшую и слабейшую) против другой.

3. Стравить обе части ОДНОЙ страны в войне, ослабив обе и подчинив ВСЮ страну своей воле.

Теперь с пониманием этой методики посмотрим на ситуацию на Украине.

1. В 1991 году и ранее Запад поддерживает всех, кто выступает за развал единого Союза.

2. Путем пропаганды, фальсификации истории и привода к власти своих марионеточных политиков провоцируется создание конфликта между Россией и Украиной. Конфликта, которого в истории не было, так как это обе части ЕДИНОГО народа и ЕДИНОЙ страны. Имевшиеся в средневековый период столкновения были в истории всех европейских стран и «отчего-то» не мешают созданию Евросоюза. Для Украины забытые многие сотни лет назад взаимные стародавние претензии вытаскиваются и педалируются всячески, создавая иллюзию «вечной» вражды с Россией.

3. В нужный Западу момент начинается вооруженный конфликт на Донбассе с целью стравить между собой Россию и Украину в войне.

Методика разделения и стравливания универсальна, и ее применение не останавливается ни на минуту. Дробить дальше. Стравили Украину с Россией — не получилось до конца осуществить план? Ничего. Пытаемся дробить Россию.

1. Хватит кормить Кавказ!

2. Нет передаче налогов и акцизов из Сибири в Москву! Сибирь достояние всего мира!

3. Свободу Ингрии и Карелии!

4. Урал вполне может жить, как Франция. Особенно, если напечатает свои франки.

5. Санкт-Петербург может стать вольным городом.

И так далее. Не важно, что от чего отделить — Кавказ от Москвы, или Москву от Кавказа. Главное начать воплощать «римское правило».

Что тут хочется заметить:

1. Место тем, кто выступает за разделение России … в тюрьме (!). Почему они на свободе — для меня большая загадка.

2. Тех, кто хочет отделить Сибирь и Карелию от России, очень мало — человек 10–15, не больше. Достаточно ОДНОГО показательного процесса и посадки пары-тройки самых буйных, чтобы остальные либо прекратили свою деятельность (искренне заблуждающиеся), либо уехали в Лондон и продолжили ее оттуда (платные мерзавцы).

3. Относиться ко всем этим «регионалистам» надо максимально серьезно. Они первая часть методики англосаксов, завершающим этапом которой ВСЕГДА БУДЕТ ВОЙНА. Там, где ее невозможно себе даже представить. Но кто мог себе представить войну на Донбассе пару лет назад?

Но это еще не все.

Одной обороной войны не выиграть. Нужно и нападение.

Поэтому, сажая тех, кто хочет отделять Сибирь, Кавказ или Питер от России, на международной арене мы обязаны выступать за право наций на самоопределение.

Мы за свободный Квебек (вслед за Шарлем де Голлем), мы за свободную Калифорнию.

Ну, а что Северная Ирландия должна воссоединиться с просто Ирландией, так тут и дискутировать особо не о чем.

Это же очевидно.

Очевидно и то, что порознь мы можем только исчезнуть…

Порознь мы можем только исчезнуть

(Выступление Николая Старикова на заседании Изборского клуба, которое состоялось летом 2015 г. в Донецке в лекционном зале Республиканской универсальной научной библиотеки имени Крупской при стечении большого количества представителей общественности и журналистов.)

Хотелось бы напомнить, с чего начался Изборский клуб. Он начался с города Изборска. Это недалеко от Пскова, древнерусская земля. И создавался Изборский клуб как площадка для тех, кто хочет мыслить и думать для государства. Получается, работу начинали с создания не только интеллектуальной площадки, но и с некой мистической точки.

Есть под Изборском холм, куда члены Изборского клуба из каждой своей поездки привозят землю. И вот, эта земля из разных частей Русского Мира высыпается на этот холм. Конечно же, это символ. Но этот символ был создан именно для того, чтобы началось собирание Русских земель, собирание этого Великого Русского Мира, который шире политических и географических границ РФ. И этот процесс начался. Мы видим, что Россия воссоединилась с Крымом. Земля Донбасса тоже должна быть в этом холме. И она есть. Не случайно в этом холме лежит земля именно с Саур-Могилы.

Я хотел бы сказать о термине «Новороссия». Если разделить это слово на две части, то получится «Новая Россия». На самом деле мы все, живущие в России, на Донбассе, в других частях Русского Мира, ощущаем необходимость создания этой самой «Новой России», обновления того государства, которое у нас сейчас существует, объединения этих самых русских земель, которые были предательски растеряны в 1991 году. Те, кто это сделал, они ведь «разбазарили» не то, что создавали российские коммунисты. Они «разбазарили» все то, что создавалось трудом нескольких веков. Были потеряны земли, которые Россия приняла в свой состав после Смутного времени. Слава Богу, что не все. В том числе была потеряна и украинская земля. И это, конечно, огромная трагедия. Очень часто можно услышать абсолютно справедливый упрек, что Россия не занималась работой на Украине в течение двух десятилетий. И, к сожалению, результаты этого бездействия в виде нацистских батальонов и части гражданского населения Украины, которое пропиталось определенными идеями, налицо. Да, в этом есть вина России, но только частично. Потому что мы оказались в ситуации, когда чудом удалось спасти саму Россию. У нее не было ни возможности, ни сил заниматься проблемами вне своих границ, потому что нужно было заниматься спасением России внутри. Потому что почти такое же ослепление, почти такой же дурман окутал народ собственно самой России. Этот дурман развеялся. В России стали создаваться патриотические силы.

Совестью патриотического движения России можно назвать Александра Андреевича Проханова. Он в 1991-м, 92-м и 93-м годах говорил все то, что два года назад стало говорить официальное телевидение, то, что многие поняли, только когда на Украине началась гражданская война. Александр Андреевич опередил время, и во многом благодаря деятельности Проханова в России начался патриотический подъем, в том числе и создание Изборского клуба. Все это заслуга Александра Андреевича Проханова. Он — знамя Изборского клуба.

Мы говорим о той сложной ситуации, которая была в России, которая была преодолена и которая сейчас преодолевается. О том, что Россия смогла сначала преодолеть внутреннюю смуту, прежде чем она получила возможность приступить к собиранию земель и оказанию помощи силам, которые понимают ту самую важную истину, что мы только вместе можем существовать.

Порознь мы можем только исчезнуть. Для того чтобы Россия оказывала эту помощь, эти здоровые силы должны быть. И здоровой силой является ополчение Донбасса. И поэтому Россия помогает ему.

Вот такие же здоровые силы должны появиться и на самой Украине. До тех пор, пока там этого не произойдет, нам с вами очень сложно изменить ситуацию там. Но я абсолютно убежден, что здоровые пророссийские силы там появятся. И неизбежно то самое собирание земель русских, когда и Украина, и Россия, и Белоруссия, и Киргизия, и Казахстан, и Армения вновь соберутся в большое Евразийское объединение. Как оно будет называться — это неважно. Важно, чтобы состоялся сам факт. Это с одной стороны. А с другой стороны мы с вами должны понимать, что нужно нашим врагам и противникам. Я имею в виду не тех мерзавцев, которые стреляют из крупного и мелкого калибра по жилым городам. Я имею в виду их демиургов, которые стоят за ними, которые спроектировали эту гражданскую войну, которые запустили государственный переворот на Украине. Я говорю сейчас и не о киевских политиках. Этим политикам нужны только деньги и виза в США. Вот за что они, собственно говоря, продают свою Родину. И когда они отработают то, что они должны отработать, они убегут, они уедут. А Родина останется в сложном положении. Я говорю о тех, кто их привел к власти. Я говорю о тех силах, которые направляют политические процессы в мире.

Так что же им нужно? Если мы с вами это поймем, нам станет более понятно, что мы должны делать, чтобы им противостоять. А их задача — демонтаж государства как института человеческого общества. Они считают, что дошли до такого уровня, когда государства им уже не нужны, они им просто мешают. Зачем им это нужно? Им это нужно для того, чтобы прийти к более четкому способу правления миром. Теперь посмотрим, какие суверенные государства до сих пор существуют. Государства, которые являются их инструментами — США и Великобритания. Другие государства, я имею в виду западные — большие и малые — суверенными государствами не являются. Признак очень простой. Эти государства действуют вопреки своим интересам.

Вот пример: сегодняшняя ситуация и гражданская война на Украине. Любой здравомыслящий политик, зависящий от поставок российского газа через территорию Украины, просто просил бы Россию построить как можно скорей обходной газопровод, чтобы не зависеть от нынешних рисков. Но мы видим, что Европа, наоборот, блокирует строительство газопроводов,

загоняя и «Газпром», и Европу в узкий коридор, зависящий от благосклонности американской и киевской власти. Самоубийственные действия: «Южный поток», который они запретили строить, «Турецкий поток». Едва он начинает приходить в какую-то страну, там начинаются попытки раскачать ситуацию и осуществить давление на власть, как в Македонии и Турции.

Что это такое, как не проведение политики в ущерб интересов своих стран, своих народов? Это значит, что данные государства не являются суверенными. Так вот, единственными государствами, которые мешают осуществить все эти планы, являются Россия и Китай. Да, есть Белоруссия, есть Казахстан, но руководители этих стран прекрасно понимают, что если не станет России, то не станет ни Белоруссии, ни Казахстана. Они в одиночку не смогут сопротивляться этому катку.

То есть корень преткновения — это Россия и Китай. Поэтому удар в первую очередь наносится и по России, и по Китаю. Мы видим создание так называемого исламского государства, террористической группировки, которая на фоне руин разрушенных американцами ближневосточных государств набирает силу и развивается. И при этом сверхдержава США ничего не может, якобы, с этим поделать. Не может ни уничтожить эту большую силу, ни навести там порядок. Хотя когда-то она уничтожала государства, имеющие огромные армии, — Ирак, Ливию, а сейчас пытается разрушить Сирию.

Мы видим, что те же самые США и Европа, их посланники из ОБСЕ почему-то не замечают обстрелы Донецка. Они не видят преступлений, которые совершаются во время гражданской войны. Они не видят убитых детей. Они ничего не хотят слышать. Но они прекрасно слышат любые слова Киева. Даже если они базируются ни на чем другом, кроме домыслов. Почему? Потому что им нужна гражданская война рядом с Россией. Им нужен военный конфликт, в который они мечтают втянуть Россию. Скажу больше. Я абсолютно убежден, что война здесь, на Донбассе, ведется такими зверскими методами со стороны киевской власти именно для того, чтобы спровоцировать вступление России в конфликт. Именно этим во многом обусловлены страдания мирного населения на Донбассе. Потому что никакого разумного объяснения для такой политики ведения войны со стороны Киева нет. Все, что сделали киевские власти — немедленно настроили народ Донбасса категорически против себя. Даже если кто-то еще в этом сомневался, он перестал колебаться после того, как увидел, что происходит и как гибнут мирные жители. Поэтому, понимая, что нужно нашим противникам, мы должны понимать, что мы можем делать, а что мы делать не должны. Потому что это может быть как раз то, что они хотят от нас получить.

Подводя итоги, я хотел сказать, что сейчас мы присутствуем при процессе начала собирания русских земель. Этот процесс уже явно начался. Это стало ясно на Саур-Могиле: именно туда, на мой взгляд, вернулся Русский Дух. Потому что раньше Русский Дух дремал, он потерялся в потребительской жизни, которую нам навязывали. Когда многие из нас забыли, что такое Россия, что такое Русский Дух, что такое смысл существования нашего государства, которое является уникальной русской цивилизацией — вот тогда части нашего народа удалось внедрить чуждые ценности и спровоцировать эту страшную гражданскую войну, которая, к сожалению, сегодня происходит. Но Русский Дух вернулся. И возвращению этого Русского Духа Россия обязана жителям Донбасса!

Иржи ОПРШАЛ

ЛЮДВИК СВОБОДА — СОЛДАТ, ПОЛИТИК, ЗАЩИТНИК МИРА

К 120-летию со дня рождения Людвика Свободы

Иржи Опршал — родился в 1932 г. в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник МГИМО МИД СССР — выпуск 1958 г. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 гг. — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 г. — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 гг. — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

Введение

В настоящее время, когда некоторые европейские псевдоисторики, либеральные журналисты и политические карьеристы переиначивают историю, из жертв делают захватчиков, из освободителей — оккупантов, стоит отдать честь выдающемуся чехословацкому генералу, честному и бескорыстному политику и защитнику мира президенту Людвику Свободе, который родился 120 лет тому назад. Нужно это сделать и потому, что некоторые сегодняшние продажные деятели стараются этого выдающегося человека, вошедшего в историю Чехии, очернить. Поэтому надо вспомнить его жизненный путь, показать его смелость, военную честь, политическую отвагу и мудрость. Я очень благодарен дочери президента профессору Зое Клусаковой-Свободовой, которая мне очень помогла своими воспоминаниями об отце и переданными документами и материалами.

Молодые годы Свободы прошли накануне мировой войны

Людвик Свобода родился в деревне Грознатин в районе Чешско-Моравской возвышенности (тогдашней Австро-Венгрии) 25 ноября 1885 года в семье крестьянина. К родной почве он был близок и любил деревенскую жизнь. Начал учиться сельскому хозяйству и мечтал стать агрономом. Судьба, однако, сложилась по-другому. Разразилась Первая мировая война, и молодой Людвик и его старший брат были призваны в австрийскую армию. В июне 1915 года Людвик был направлен на восточный фронт и уже через три месяца попал в русский плен.

Он оказался в Киеве, где в сентябре 1916 года был организован 1-й чехословацкий стрелковый полк. Так в 21 год Свобода стал членом русского легиона. Он учился в военной школе и получил офицерское звание, участвовал затем в героических сражениях против австрийской и немецкой армий при Зборове и Бахмаче. В них проявил чрезвычайное мужество и был награжден двумя орденами Святого Георгия.

Позже Свобода уже как командир роты и батальона участвовал в боях на Сибирской магистрали, где чехословацкий легион сражался с отрядами Красной армии, надеясь выйти к Владивостоку. Чехи испытали на себе все страдания, которые принесла Гражданская война в России и в которую были вовлечены против собственной воли. На родину чехословацкие легионеры вернулись только в начале сентября 1920 года. Людвик Свобода всегда выступал против односторонней интерпретации исторических событий, в частности, тех, когда чехословацкий легион оказался втянутым в вооруженный конфликт с Красной армией. Он никогда не скрывал своего участия в нем. Личную оценку этих событий он дал в своих мемуарах «Путями жизни».

Чехословацкая республика

На родине Людвик Свобода опять стал заниматься крестьянским трудом, но недолго. Его убедили вернуться в армию, и он стал служить в ранге капитана в 3-м полку Яна Жижки из Троцнова, расположенном в моравском городе Кромержиж. Здесь он сделал еще один важный жизненней выбор — в июне 1923 года женился на Ирине Стратиловой, дочери мельника из соседней деревни. В том же году его откомандировали в город Ужгород в Закарпатской Руси, где он вместе с семьей прожил 8 счастливых лет. Здесь родилось двое его детей — сын Мирослав и дочь Зоя. С 1931 по 1934 год Свобода служил в Военной академии в моравском городе Границе, где преподавал венгерский язык, необходимый в тогдашней чехословацкой армии.

Однако с середины 30-х годов ситуация в Европе стала меняться, в Германии пришел к власти Адольф Гитлер. В Венгрии также обстановка фашизировалась с приходом к власти Хорти. В Словакии возникло клерофашистское движение во главе с Тисо и Тукой. В Польше возглавила правительство профашистская клика Бэка, активно стремящаяся договориться с Гитлером. Чехословакия оставалась единственным демократическим островком в Средней Европе.

О чем думали в то время военные руководители чехословацкой армии, включая Людвика Свободу? Конечно, они надеялись на поддержку западных держав Франции и Англии, но она оказывалась не очень надежней. Поэтому не только военные деятели, но и общественность приветствовали заключение договора о союзничестве с Советским Союзом от 16 мая 1936 года. Безопасность Чехословакии одновременно укреплялась договором о защите и со стороны Франции. К сожалению, западные союзники — Франция и Англия — Чехословакию предали. По выражению Чемберлена, не стоило воевать за какую-то «неизвестную страну» где-то в Средней Европе. Все это вылилось в исторический сговор с Гитлером и мюнхенский диктат. Свобода и другие чехословацкие офицеры, хотя и не соглашались с этим позорным диктатом, вынуждены были подчиниться, но они не изменили

своим принципам, задумав подготовку местного и заграничного сопротивления фашизму.

Оккупация Чехословакии

Когда 15 марта 1939 года гитлеровская армия оккупировала остаток чешских земель, Людвик Свобода как солдат-профессионал и патриот принял немедленное решение. Уже 5 июня 1939 года он покидает свой дом и отправляется в Польшу, где сосредоточивается добровольческая чехословацкая армия. Когда он явился в консульство в Кракове, был записан 310-м добровольцем. Пребывание в Польше было для чехословацких солдат непростым. Когда немецкая армия напала на Польшу, чехословацкий легион, чтобы не попасть в немецкий плен, вышел навстречу западным частям Красной армии. Подполковник Свобода чувствовал себя ответственным за судьбу своего отряда. Когда 18 сентября 1939 года в колонне автомашин они встретились в городке Городище с танковым отрядом Красной армии, Свобода заявил: «Мы чехословаки, военная группа из Кракова, переходим добровольно на советскую территорию». Советская власть приняла чехословацких солдат не как беженцев, а как военный отряд, просящий о предоставлении убежища. В СССР легион был переименован в «восточную группу чехословацкой армии» и по частям направлен во Францию и Палестину.

Положение изменилось существенным образом после 22 июня 1941 года, когда гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Уже 8 декабря 1941 года в городе Бузулук стала формироваться первая самостоятельная чехословацкая часть на территории СССР во главе с полковником Свободой. В ответ на призыв, объявленный в газетах и по радио, начали приезжать в Бузулук чехи и словаки, русины из Закарпатской Украины, евреи, а также немецкие антифашисты. Смогли приехать и лица, находящиеся в сибирской ссылке. Командир Свобода формировал с самого начала свой отряд полностью боеспособным, готовым принять участие в боях на главных участках фронта против сильной немецкой армии, а не на второстепенных направлениях, где участвовали румынские и венгерские подразделения.

Осенью 1942 года, когда начались самые тяжелые бои под Сталинградом и немецкие войска подходили к Кавказу, полковник Свобода обратился с письмом к главнокомандующему Красной армии И. В. Сталину с просьбой включить чехословацкий батальон в прямые фронтовые бои. Он пишет:

«Во время, когда Красная армия ведет упорные и кровавые бои с немецко-фашистскими агрессорами, все наши солдаты и офицеры осознают, что они не могут и не должны оставаться в стороне. Они твердо решили включиться в активные бои бок о бок с храброй Красной армией».

Просьба об отправлении 1-го чехословацкого батальона на фронт была предана И. В. Сталину, и он 22 ноября 1942 года издал приказ, чтобы батальон немедленно вооружить и выслать на фронт. Перед отъездом на фронт Л. Свобода, как и все члены батальона, написал письмо своей жене и детям. Тогда он еще не знал, что сына Мирослава 7 марта 1942 года нацисты казнили в Маутхаузене за помощь чехословацким парашютистам. Убили также всех родных его супруги. К счастью, его жене Ирине и дочери Зое от гестапо удалось спастись. Благодаря отважным моравским людям, которые

им помогали, они избежали пытки и смерти и в трудных условиях дожили до конца войны.

В конце января 1943 года тысяча солдат чехословацкого батальона покинули Бузулук и были направлены на фронт в район Харькова. Здесь 8 марта при обороне Соколова они подверглись первому боевому крещению. Для выполнения боевой задачи к полковнику Свободе были прикреплены и ему подчинены одна советская танковая бригада, гвардейский ракетометный отряд и два артиллерийских отряда. Это было проявление высокого доверия советского командования чехословацкому командиру и его солдатам. В сражении при Соколове они героически выполнили свой боевой долг. Людвик Свобода был награжден орденом Ленина, а надпоручик Отакар Ярош первым из иностранцев получил орден Героя Советского Союза (посмертно).

Затем последовали дальнейшие сражения при освобождении Киева и других городов Западной Украины. Это уже был 1-й чехословацкий корпус, который вместе с Красной армией приближался к Карпатам. В августе 1944 года вспыхнуло Словацкое национальное восстание. Чехословацкое правительство и президент Бенеш, находящиеся в Лондоне, обратились к советскому руководству с просьбой о помощи словацким повстанцам. В соответствии с подписанным советско-чехословацким договором о дружбе и взаимной помощи советское руководство приняло решение о неотложной военной помощи. Однако впереди находился карпатский хребет и очень трудный перевал при Дукле. Немцы держали здесь сильную оборону, и бои длились полных 80 дней.

У командующего Украинским фронтом маршала Конева оставалось для подготовки карпатско-дукельской операции лишь несколько дней. Дукельский переход оказался очень сложным, вся тяжесть лежала на пехоте. Чехословацкий корпус участвовал в боях с первых же дней. Для бойцов речь шла об освобождении своей родины. Но людские потери были слишком большими, отчасти по причине неудачного командования генерала Кратохвила, назначенного лондонским правительством. Маршал Конев снял его с поста и командиром с согласия И. В. Сталина назначил Людвика Свободу. О нем позже маршал Конев написал: «Свобода был настоящим героем, неоднократно ходил со своими солдатами на самые опасные участки. Он оказался одним из самых храбрых людей, которых я знал, солдатом в наилучшем смысле этого слова». Чехословацкий корпус затем освобождал вместе с Красной армией почти всю Чехословакию. К концу войны корпус уже насчитывал сто тысяч человек.

В мае 1945 года генерал Свобода сопровождал президента Бенеша на торжественном параде Победы на Староместской площади в Праге.

Строительство новой Чехословакии

После победы над фашизмом подавляющему большинству чехов и словаков было понятно, что послевоенная Чехословакия должна существенно отличаться от довоенной, как во внутреннем устройстве, так и во внешнеполитическом плане. Президент Бенеш это ясно выразил, сказав, что Советский Союз завоевал большое доверие и уважение во всем мире своим чрезвычайно высоким вкладом в победу над гитлеровской Германией. Поэтому

он приветствовал стремление чешского и словацкого народов выстроить мирное сотрудничество и союзнические отношения с Советским Союзом. Чехословакия была единственной страной, освобожденной Красной армией, которую та покинула уже в ноябре 1945 года. С советской стороны это было жестом доверия к чехословацкой армии в том, что она способна самостоятельно защитить свои границы с Германией. Министром обороны в эти годы являлся генерал Свобода. Ему пришлось вновь создавать чехословацкую армию. Задача эта была непростая, так как не хватало ни вооружения, ни обмундирования. Нужно было помогать восстанавливать народное хозяйство, а также бороться с бандеровскими фашистами, которые пробивались через Словакию на запад, грабили и терроризировали местное население.

В мае 1948 года Л. Свобода был избран депутатом парламента, в октябре 1948 года стал членом Коммунистической партии Чехословакии. В правительстве Национального фронта он оставался министром обороны. Однако начало 50-х годов было и для него сложным, даже опасным. Когда после Венгрии стали и в Чехословакии искать, осуждать и даже казнить «внутренних врагов» из руководства КПЧ, фанатичные следователи старались обвинить и министра Свободу. В апреле 1950 года он был освобожден от должности министра обороны, а в ноябре 1952 года арестован. Дочь генерала Зоя в своей книге воспоминаний «О том, что было» пишет, что отца спасали его советские боевые друзья. Они нашли путь даже к вождю СССР Сталину, который отдал распоряжение освободить чехословацкого генерала, который в борьбе с фашизмом прошел боевым путем вместе с Красной армией. Л. Свобода вернулся в свою родную деревню Грознатин, где собирался создать кооператив.

В 1954 году состоялся X съезд КПЧ. Главой советской делегации был Н. С. Хрущев, который прямо в аэропорту спросил у встречавших его: «А где мой военный друг генерал Свобода»? Тогда областная партийная организация пригласила депутата Свободу в качестве своего гостя на съезд. Н. С. Хрущев по-дружески и демонстративно перед главами делегаций обнял генерала и поздоровался с ним. Н. С. Хрущев пригласил генерала со всей семьей провести летний отпуск в Крыму. Здесь генерал лично встретился с легендарными маршалами СССР Жуковым, Коневым, Гречко, Москаленко. В теплой дружеской встрече принял участие и тогдашний председатель Правительства СССР Маленков.

Руководство КПЧ, конечно, не могло не взять во внимание происшедшее и предложило генералу вернуться в армию. Л. Свобода стал начальником Военной академии. Активно работал и в руководстве Союза антифашистских борцов и в Союзе чехословацко-советской дружбы.

Людвик Свобода — президент

Подошел 1968 год с его «Пражской весной», как тогда было принято говорить. Деятельность Свободы отождествляли с программой нового руководства КПЧ во главе с Александром Дубчеком, направленной на демократизацию общественной жизни. 30 марта 1968 года депутаты всех партий Национального фронта единодушно избрали Людвика Свободу президентом Чехословацкой Социалистической Республики. Чешский и словацкий народы приняли Президента с доверием и симпатиями. Ни-

кто тогда не мог предвидеть, что вскоре перед ним возникнут сложные и драматические задачи. Без всякого преувеличения можно сказать, что президент Свобода с самого начала проявил себя как мудрый, умеренный и ответственный политик.

Когда внутреннее положение в стране осложнилось, и правые элементы стали ратовать за нейтралитет страны и выход из Варшавского договора, Президент заверял, что Чехословакия не собирается покинуть ни Варшавский договор, ни СЭВ. Не все понимали, что эти слова важны не только для чехословацкого общества, но, прежде всего, для СССР и других союзников.

Тем не менее, обстановка летом 1968 года обострялась, и в руководстве СССР и других социалистических стран победили голоса о необходимости военной интервенции. 21 августа 1968 года так и случилось. Интервенция произошла без приглашения и без согласия государственных органов. Чехословацкий президент Свобода ее отвергал по моральным и политическим причинам. В атмосфере общего несогласия, вплоть до пассивного сопротивления населения, престиж КПЧ и, прежде всего, СССР, упал.

К счастью для страны и ее граждан во главе стоял опытный и мудрый человек. В ситуации, когда почти все население выступало с протестом против «оккупантов», когда безответственные деятели в политических и даже в военных кругах призывали к вооруженному сопротивлению, Президент действовал взвешенно и ответственно, имея в виду судьбу всего народа.

Перед вступлением советских войск на территорию Чехословакии Президента посетил посол СССР Червоненко, чтобы его информировать о готовящейся акции. Червоненко в своей депеше в МИД СССР писал после встречи с Президентом: «Свобода мне сказал, что он вступление войск не приветствует. Но раз мы со своими делами не справились, он против союзников не пойдет. Сделает все для того, чтобы до открытого сопротивления не дошло. Кровь не потечет. Когда я ему сказал, что в Москве надеются, что он останется на своем посту и во имя своей родины и дружбы с СССР исполнит свое обещание, он ответил, что когда брал на себя президентскую функцию, осознавал, что от СССР он никогда не отступит. Он также обещал, что от слов, сказанных им в эту ответственную минуту, не откажется». Разговор состоялся 21 августа 1968 года. К телеграмме советского посла можно только добавить, что присутствие при этом разговоре Милана Клусака, опытного дипломата, свидетельствует о том, что он был для Президента в эти роковые дни надежной опорой.

Как же действовать дальше? Естественным было стремление Президента не допустить, чтобы ситуация вылилась в подготовленный или стихийный конфликт. Он знал о том, что со стороны Запала есть подстрекатели, толкающие чехов вазяться за оружие. Но одновременно он был информирован о том, что НАТО и Западная Европа не пойдут на военный конфликт с СССР. Все еще оставались в силе Ялтинские и Потсдамские договоренности о разделении сфер влияния в Европе. Рисковать, осознавая возможный ядерный конфликт, ответственные руководители Запада не собирались. Французский президент генерал Де Голль реально относился к ситуации в Европе. Когда его в эти драматические дни посетил посол Чехословакии с просьбой о помощи, то он пообещал только финансовую помощь. Но в общем плане Де Голль сказал послу: «Считайте случившееся как дорожное

несчастье. Будьте терпеливы, Европа найдет в будущем позитивный выход из положения».

В эти трудные дни президент Свобода взял на себя государственную ответственность и стал действовать. Не мог допустить, чтобы люди погибали из-за действий политиков и чтобы возникла вражда между близкими народами, если в прошлом такого никогда не было. Он понимал, что выход из сложившегося положения необходимо искать путем переговоров.

С этой целью Президент решил поехать в Москву. Сделал он это по собственной инициативе, а не из принуждения, в чем его некоторые деятели обвиняли позже. Единственным условием было его требование, чтобы те руководящие чехословацкие политики, которых советские власти задержали и насильно отправили в Москву, смогли полноправно участвовать в переговорах, и затем все они вместе с Президентом должны вернуться на родину. Так и произошло.

Результатом московских переговоров был протокол о временном размещении советских войск на территории Чехословакии, подписанный всеми чехословацкими представители, кроме одного. Им был Франтишек Кригель. 20 лет спустя либеральные пропагандисты и политики его восхваляли за «героический поступок». Остальные были обвинены в трусости и предательстве. Объективные аналитики, наоборот, считают, что чехословацкая делегации во главе с президентом Свободой действовала в напряженной обстановке очень ответственно и правильно, а Кригель вел себе скорее как авантюрист. Когда делегация после переговоров возвратилась на борт самолета для обратного вылета в Прагу, Кригель в нем уже находился и ждал взлета.

После возвращения на родину Президент продолжал напряженно работать и того же требовал от правительства и его председателя Черника и от руководства КПЧ во главе с Дубчеком. Положение в стране, однако, оставалось напряженным. Это проявилось в особенности в начале 1969 года, когда вспыхнули новые антисоветские манифестации. Стало ясно, что необходимо провести изменения в руководстве партии и правительства.

В апреле 1969 года А. Дубчека на посту первого секретаря ЦК КПЧ сменил Густав Гусак. Его считали энергичным, образованным, рационально, а не эмоционально действующим руководителем, способным выработать политическую концепцию в соответствии с реальным положением страны и одновременно обеспечивающую возможность продолжить необходимые реформы. Так думал и президент Свобода. Кроме того, он считал важным, что Г. Гусак испытал на собственной судьбе беззакония 50-х годов и не допустит, чтобы обстановка вылилась в новые политические процессы.

В международном плане президент Свобода старался укреплять престиж своей страны. За короткое время он посетил кроме социалистических стран также Финляндию, Японию и Иран. В Праге он принимал президентов ряда стран, например Индии, Кубы, короля Афганистана. И внутри страны он не оставлял без внимания разные регионы. Укреплял дружеские отношения со Словакией, где его тепло принимали. Это было очень важным, поскольку Чехословакия складывалась в федерацию двух равноправных народов.

В 1973 году Л. Свобода был вновь избран президентом. Однако в стране не все проходило благополучно. Начался период так называемой

«нормализации». Десятки тысяч членов КПЧ были исключены из партии и вынуждены покинуть свои рабочие места. Политические и экономические репрессии постигли, в общем, почти полмиллиона чехословацких граждан. Президент Свобода с этими резкими мерами не соглашался, но и всех мер не представлял. Этот процесс «нормализации» находился полностью в руках ЦК КПЧ, где стали доминировать крайне догматические и консервативные чиновники. На них все больше и больше стал полагаться и Густав Гусак. Жертвой догматиков являлись и мемуары Л. Свободы «Пути моей жизни». Первый том, изданный в 1971 году, вышел еще без проблем и был раскуплен буквально за несколько дней. Со вторым томом возникли проблемы вплоть до того, что Г. Гусак от имени секретариата ЦК КПЧ прислал 5 апреля 1972 года Президенту письмо, в котором требовалось, чтобы книга больше не переиздавалась ни в Чехословакии, ни за границей. Догматики разогнали группу историков, которые ему помогали завершить мемуары, и учредили новых редакторов из Военно-исторического института. У них была задача подготовить новое издание, далекое от объективной правды. Мысли и воспоминания Президента-генерала были для них опасными. Дочь Зоя в своей книге отмечает с извинением, что ее отец в адрес этих догматиков, напоминавших ему 50-е годы, всегда употреблял крепкое русское выражение: «вот она, сволочь».

К сожалению, стали портиться отношения Президента и с Г. Гусаком. Первый секретарь ЦК КПЧ ему давал понять, что заслуги Президента и личное его мнение, зачастую критическое, уже не нужны. К середине 70-х годов сотрудники Гусака, особенно в ЦК партии, стали его убеждать о том, что двоевластие Президент—ЦК КПЧ тоже больше не нужно и что стоит вернуться к прежней схеме, когда президент и первый секретарь были одним лицом, например Антонин Новатны. Гусаку эта мысль, по-видимому, нравилась, тем более, что у Свободы стали проявляться признаки старости, появились болезни. Честолюбивому Гусаку, несомненно, льстили и советы его окружения, чтобы он стал первым словаком во всей истории Чехословакии, достигшим поста президента республики. Так и случилось в мае 1975 года.

Президент-генерал Свобода ушел в отставку, последние годы жил в скромных условиях в кругу своей семьи. Он скончался 20 сентября 1979 года. О том, что чехословацкий народ его любил и уважал, свидетельствовал тот факт, что в последний путь его провожали десятки тысяч граждан.

Обращение защитника мира

Профессор Зоя Клусакова-Свободова, которая тщательно заботится об архиве своего отца, любезно мне передала текст обращения генерала Свободы к участникам Всемирного конгресса мира, который состоялся в Варшаве в 1964 году. С ее согласия процитирую некоторые его мысли, так как они звучат очень актуально и в настоящее время. Слова генерала Свободы:

«Я никогда не хотел стать солдатом. Но судьба устроилась так, что я им являюсь уже 50 лет. К сожалению, мне пришлось за это время пережить ужасы военных бедствий двух мировых войн, разрушение многих городов и деревень. Мне пришлось видеть множество мертвых и убитых. Война страшна своими ужасами и бессмыслием. Я ее ненавижу больше всего…

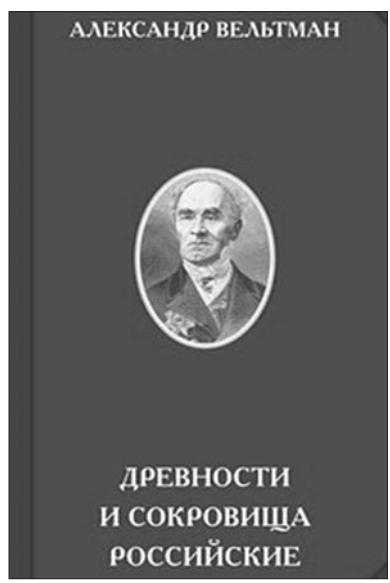
Я хорошо знал, и сегодня это известно всему человечеству, что война не возникает сама по себе. Ее годами готовят материально и психологически, скрыто и совсем открыто. Нет войны, в провоцировании которой не было бы виновных. Преступники те, кто войну начали, но виноват также народ, который перед ними капитулировал.

Я обращаюсь ко всем государственным представителям, ко всем людям доброй воли. Отдайте все свои силы и способности борьбе за самую большую ценность человечества — за мир!!! Если вы так не сделаете, и возникнет новая мировая война, ее уже никто не остановит. Она превратится в атомный пожар и впоследствии уничтожит все человечество на нашей планете. Дайте по рукам агрессору, пока есть еще время. Солдаты, воюйте усердно за победу в святейшей битве изо всех сил: за прочный мир и мирное сосуществование народов»! Сколь актуально звучат эти слова. Пусть бы и сегодня было побольше таких мудрых и ответственных руководителей, каким был президент-генерал Людовик Свобода.

ВЫШЛА КНИГА

Вельтман А. Ф.

Древности и сокровища российские / Сост., предисл., примеч. П. В. Тулаев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 1152 с.



В книге впервые после 150-летнего перерыва публикуются произведения выдающегося русского писателя и историка Александра Фомича Вельтмана (1800–1870). В книгу включены труды по истории России и русской словесности, исследуются достопамятности Московского Кремля, Оружейной палаты, Большого Кремлевского дворца, храмов и монастырей Святой Руси. Вельтман в духе славянофилов, с любовью и теплотой изображает великое прошлое России, восхищается патриархальной стариной русской цивилизации, создавшей Российскую империю.

ПОЭЗИЯ

Светлана КЕКОВА

«БЛИЗИТСЯ РОЖДЕСТВО…»

Светлана Васильевна Кекова — поэт, филолог. Родилась на Сахалине, в г. Александровске. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Доктор филологических наук. Автор 13 поэтических книг. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе малой премии им. Аполлона Григорьева, международной премии «Москва-Транзит», премии Арсения и Андрея Тарковских, Новой Пушкинской премии. Стихи переведены на немецкий, английский, голландский, французский, болгарский, сербо-лужицкий и другие языки. **Живет в г. Саратове.**

* * *

Еще нам далеко до Рождества,
хотя повсюду — елки, елки, елки…
Разрушенной империи задворки
украсил снег, как белая листва.

Жизнь раскололась
как пустой сосуд,
и на снегу лежит осколков груда.
Грядет не Новый Год,
а Страшный Суд,
и все же мы надеемся на чудо —

на то, что с нами встретится Господь
как с сыновьями,
а не с должниками,
и земляную, злую нашу плоть
пересоздаст любовными руками.

МУЗЫКА РОЖДЕСТВА

Есть у шальной метели
с музыкою родство…
В город привозят ели,
близится Рождество.

Сколько небесных скрипок
вступят в неслышный спор!
В сумерках возле Липок
ангельский слышен хор.

Тихо снежинки тают,
светит в ночи луна,
Где-то волхвы читают
звездные письмена.

Как нам — по нашей вере —
звездный постичь язык?
Знаем мы, что к пещере
ослик идут и бык,

овцы стоят на месте,
ласковы и тихи,
ждут долгожданной вести
старые пастухи.

Ангел в одеждах алых,
воздух, вода и твердь,
а в городских кварталах —
спешка и круговерть.

Спутаны все приметы,
заметены пути,
ветер несет по свету
легкое конфетти.

В призрачном маскараде
вьюгою занесло
Доны Лауры пряди,
кудри Манон Леско.

И, утомленный пляской,
в праздничной толчее
прячет лицо под маской
сумрачный де Грие.

А из пределов райских
всем нам несут дары —
искры свечей бенгальских,
золото мишуры,

шорохи серпантина,
вечной любви слова,
святочную картину,
музыку Рождества…

* * *

Ветра зимнего шум, разговоры в замерзших парадных,
мандариновых корок знакомый до слез аромат,
принесенная гостем коробка конфет шоколадных
И луна среди мертвых громад.

Воробьи замолчали и в снежном купаются прахе,
ворон там, на дубу, в золоченую дует дуду.
Рядом с храмом Успенья деревья стоят, как монахи,
Ждут второго Пришествия в этом году.

Снег в объятиях ветра знакомый до одури танец
исполняет на «бис» для деревьев, кустов, фонарей…
И на родине вьюги, в отечестве гор и морей
в самом сердце Москвы почивает в гробу самозванец.

Но холодной зимой не покинет вода берегов.
Ждет народ Рождества, опасаясь то глада, то труса.
Снова плачет Россия сухими слезами снегов…

А Мария молчит, прижимая к себе Иисуса.

* * *

Тонкая нить светового луча,
или горящая тихо свеча,
или сияющая лампада,
или луны благовонный янтарь
нам говорят, что рождается Царь
в зарослях ночи,
среди снегопада.

Мерзлой травы неживые пучки,
зимних светил ледяные зрачки,
ветви дерев, бессловесные звери,

беглой звезды исчезающий след
нам говорят, что рождается Свет
в мире страдающем,
в темной пещере.

Ангелы, дети, волхвы, пастухи,
испепеленные наши грехи,
слезные капли в окрестности мглистой,
выдох последний и прерванный вздох
нам говорят, что рождается Бог
в темном вертепе
от Девы Пречистой.

В муках рождаются Хлеб и Вино,
Слово становится плотью. Оно
нам для спасенья дано, и отныне
ветер гудит в проводах, как орган,
дремлет Голгофа,
блестит Иордан
мертвой водою
на русской равнине…

* * *

Нине

Сумасшедший рыцарь твердит о любви и браке
не кому-нибудь — всем известной Прекрасной Даме.
Рождество удлиняет время на шаг собаки,
а собаке нравится жить в городском бедламе.

Ловит пес оборванный мусор, летящий мимо,
и к сухому снегу его прижимает лапой.
А поэт молчит, дожидаясь вестей из Рима, —
что же там, в энциклике, присланной римским папой?

Римский папа славит порывы людей искусства,
шлет им шелк заморский, роскошный ковер татарский,
а в могиле сжали свои кулаки до хруста
горожанин Минин, сиятельный князь Пожарский.

Бродит Блок безумный в стране ледяных туманов,
и в обнимку с Верой бредет Вячеслав Иванов,
и кричит Бугаев, садясь за соседний столик:
«Ты католик стал!» — и смеется над ним до колик.

И в России нищей стоят вдоль дорог вертепы,
и воры в законе китайские рвут петарды,
и любовь, мой друг, проще пареной стала репы —
так под Новый год голосят под гитару барды.

Кто им вторит, с плачем взывая: о горе! горе!
Может быть, рыдают забытые нами предки?
Не в подвале каменном, в центре Москвы, в соборе
Гермогена держат, как зверя в железной клетке.

Что, Марина, Осип, уже не затеплить свечки
вам в церквах московских, хотя и написан «Камень»?
Перед Ликом Спаса — солома, руно овечки,
освещает их фотовспышки холодный пламень.

Над Москвой-рекою как будто палят картечью.
Может, это Гоголь грозит Запорожской Сечью,
иль в глухой деревне из легких, как свет, пеленок
на огромный мир безмятежно глядит ребенок?

* * *

Мы в воды медлительной Леты летим, как зерно в борозду,
а три одиноких планеты в одну превратились звезду,

и шкурою снежного барса лежит ослепительный свет
Сатурна, Юпитера, Марса на теле озябших планет.

Ручьи пересохшие немы. Пустыней бредет караван,
волхвов в декабре к Вифлеему оптический гонит обман,

а с крыш городских на просторе под шум зацветающих лип
виднеется Мертвое море с прозрачными спинами рыб.

Бредут вавилонские маги, им нет ни препон, ни преград,
и тихо колышет в овраге черемуха свой виноград,

колышет, и кажется пьяной, и сладко цветет куреслеп,
а рядом, в избе деревянной, ржаной выпекается хлеб.

Пора отправляться в Европу, посуду убрав со стола:
там Кеплер, припав к телескопу, увидел, что снова тела

Юпитера, Марса, Сатурна составили тело одно,
и море вздымается бурно, и рвется его полотно.

Друг другом питаются рыбы, нас время прозрачное ест,
но вместо веревки и дыбы воздвигнут сияющий крест,

и временной смерти проситель себя у пространства крадет,
увидев, как снова Спаситель по Мертвому морю идет.

* * *

Внезапно, как груз на подвижных весах,
застыли орлы высоко в небесах,

умолкли кукушки в ветвях шелковицы,
стрижи, зимородки и прочие птицы.

И воздух горяч, и разрежен, и сух,
внезапно сгустился и стал неподвижен,
и стадо, с которым скитался пастух,
застыло вдали от приземистых хижин.

И те, кто вкушал, — не вкушали еды,
кто пил, — те не пили студеной воды:
вода не лилась из большого кувшина.
В листве неподвижной стояла крушина

у входа в пещеру, где каменный свод
был неким подобьем небесного свода,
а та, что в пещере лежала, живот
руками сжимала. Иосиф у входа

стоял, сокрушенный, как дерева ствол.
Но вдруг замычал утомившийся вол,
и сразу пещера наполнилась светом —
младенец родился. Услышав об этом,
Иосиф заплакал. С его головы
упала повязка. Он взял, цепенея,
Младенца…
Дары собирали волхвы.
В святую пещеру вошла Саломея.

* * *

Дай бабочкам такие имена,
чтоб цвет их крыл звучаньем был угадан.
Дай зимним пчелам меда и вина,
а детям — смирну, золото и ладан.
Войди в мой дом — и я зажгу свечу,
в глухой ночи лицо в ладонях спрячу.
Скажи мне: «Замолчи» — я замолчу,
скажи: «Заплачь» — и я как дождь заплачу.
Свет льнет к душе, как влага к кораблю,
как ласточка к пустому небосводу.
Скажи мне тихо: «Я тебя люблю», —
и я пойму, как пламя любит воду.
Как любит дух покинутую плоть,
как вечность любит бег секунд поспешных,
как безнадежно любит нас Господь —
нас, обнаженных, плачущих и грешных.

Василий НОВИКОВ

ВЕЛИКИЙ ОТЕЦ КАДЕТ РОССИИ К. К. РОМАНОВ

Эдуард ФИЛИППОВ

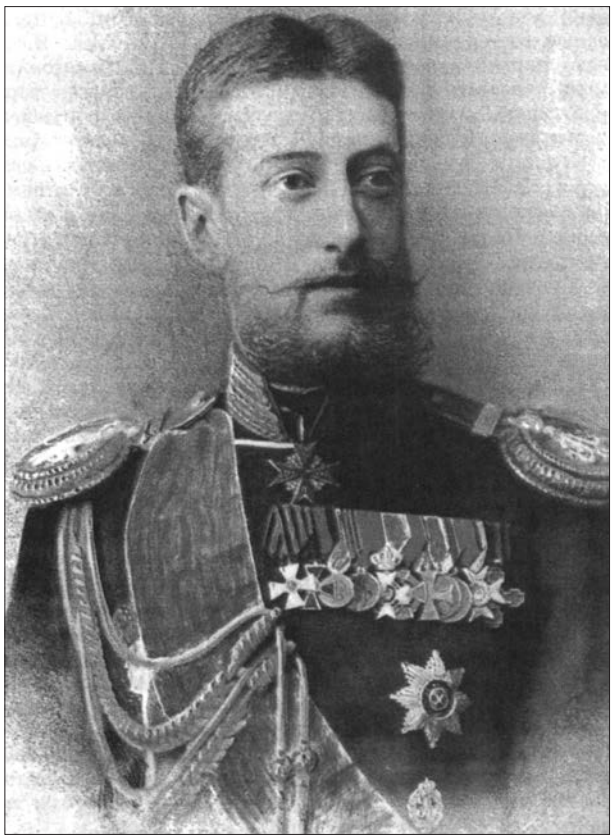
Пускай твои растут
и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты,
святым огнем горя,
Стать головой
за Русь и за Царя.

К. Р.

Эти строки из стихотворения Великого князя Константина Константиновича «Кадету» после их опубликования в 1909 году знал каждый, кто имел счастье быть причисленным к славному племени российских кадет. Великий князь, являясь Главным начальником военно-учебных заведений, заслужил у воспитанников всех кадетских корпусов самую восторженную, поистине сыновнюю

Василий Семенович Новиков (1949) – Заслуженный деятель науки РФ, ученый в области авиакосмической и экстремальной медицины, лауреат Госпремии России, действ. член РАЕН, Академии военных наук, Российской академии космонавтики, Международной академии астронавтики, докт. мед. наук, профессор, генерал-полковник, вице-президент РАЕН и Академии наук и искусств Союза России–Беларуси. Писатель публицист, член СП России, лауреат многих литературных премий. Участник боевых действий. Автор 2 научных открытий, 2 учебников, 22 монографий, 6 руководств, 5 книг, 600 научных и исторических трудов. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Эдуард Михайлович Филиппов (1946) – военный историк, ученый, педагог, действительный член РАЕН и МАНЭБП, вице-президент Академии военно-исторических наук, член Президиума секции междисциплинарных проблем науки и образования РАЕН, начальник Первого пограничного кадетского корпуса ФСБ России. Лауреат национальной премии Петра Великого, докт. ист. наук, профессор, генерал-майор. Член Союза писателей России, лауреат многих литературных премий Автор 3 учебников, 6 монографий, 5 книг, 110 научных и исторических трудов. Почетный сотрудник погранслужбы ФСБ России. **Живет в Санкт-Петербурге.**



Константин Константинович Романов

любовь. Являясь одним из наиболее культурных людей России того времени, человек большой гуманности, обладающий даром привлекать к себе сердца молодежи, которую он любил и понимал, Великий князь открыл ей свое большое сердце и посвятил лучшие силы своей исключительно красивой души. Кадеты быстро оценили его идеи и заботы и ответили на них такой же беспредельной любовью, таким же доверием. Поэтому его не случайно в Императорской России называли Отцом всех кадет.

То время, когда Константин Константинович начальствовал над военно-учебными заведениями, было периодом высшей стадии развития либерально-революционных устремлений к подрыву основ российской государственности. Кадеты, жизнь которых должна была быть посвящена служению Отечеству на военном поприще, постоянно подвергались влиянию нигилизма, уже крепко укоренившегося в гражданских учебных заведениях.

Великий князь Константин Константинович, как военный педагог, прекрасно понимал, что в этой борьбе со злом за юные души нельзя рассчитывать на успех, используя только запретительные меры. В них он видел крайность, которую, безусловно, со счетов не сбрасывал. В основе воспитания военной молодежи он видел духовность, на которой должна базироваться нравственность.

И вот что удивительно. Успех не заставил себя долго ждать. Старые кадетские принципы остались в неприкосновенности. Но Великий князь придал этому некоторую новизну, и жизнь корпусов озарилась необыкновенной духовностью православного христолюбивого воинства, которая, во имя Божией заповеди, формировала у молодежи характеры в Доблести, Добре и Красоте.

Константин Константинович всегда подчеркивал: «Звание воина почетно, а кадета, как будущего офицера, особенно». В своей работе Великий князь всегда соблюдал педагогические принципы, а именно: 1) недостаточно надеть форму кадета, а затем и офицера — надо суметь с достоинством пронести ее через всю жизнь; 2) издеваться над солдатом, тем более бить его —

нельзя. Его можно и должно любить, учить и суметь сделать из него истинного воина — слугу Царя и Родины. На это способен только образованный офицер; 3) нельзя отворачиваться от науки, нужно знать не только математику и физику, но и русскую литературу, историю, географию, музыку; 4) нельзя презирать невоенных людей и чваниться перед ними. Слова «шпак», «штафирка» должны исчезнуть. И среди невоенных, даже самых маленьких людей были, есть и будут верные и преданные слуги Родины.

Константин Константинович был наделен редким даром подбирать помощников под стать себе. Он, вопреки обычаю, назначал директорами корпусов не уставших от строя генералов, а молодых и деятельных полковников. Он постоянно проявлял заботу об обучении офицеров-воспитателей. Именно при нем в Петербурге открылись курсы переподготовки, на которых занятия проводили лучшие профессора столицы. Все воспитатели кадет в обязательном порядке должны были пройти обучение на этих курсах! После завершения обучения офицеры возвращались в корпуса. Очевидцы утверждали, что офицеры возвращались в корпуса «точно хорошо вымытые и освеженные в прекрасной бане».

Военно-педагогические усилия Великого князя дали прекрасные результаты. Еще перед Русско-японской войной армия с удовлетворением отмечала, что из корпусов в военные училища стали приходить образованные, скромные, мыслящие и работящие юноши, горящие желанием служить Отечеству.

Ознакомимся более детально с жизнью и деятельностью генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Великого князя Константина Константиновича, патриота России.

Великий князь Константин Константинович родился 10 августа 1858 года. Вероисповедание православное, воспитывался в России под наблюдением Августейших родителей.

Отец его — Великий князь Константин Николаевич (сын Императора Николая I), человек, который имел прекрасное образование и был тесным образом связан с реформами Царя-Освободителя Императора Александра II, отменившего крепостное право. Он добился отмены телесных наказаний на флоте. Великий князь Константин Николаевич был генерал-адмиралом Российского Императорского флота и по семейной традиции определил сына своего на морскую службу, которую тот начал ребенком.

Окончив Морской кадетский корпус, с 1870 до 1874 года Константин Константинович был приписан на фрегаты «Громобой», «Пересвет» и на корвет «Жемчуг». В 1875 году находился в дальнем плавании на фрегате «Светлана». В 1876 году на том же фрегате в составе русской эскадры побывал в Нью-Йорке. В 1876 году в составе экипажа фрегата «Светлана» отбыл в действующую армию на Дунай.

В 1875 году вспыхнуло восстание в населенных сербами турецких областях Боснии и Герцеговины, а затем и в Болгарии. Причиной восстания послужили жестокие притеснения. Турки подавляли его с неимоверными жестокостями, но безуспешно. В 1876 году Черногория и Сербия открыто начали войну с Турцией. Во главе сербских войск действовал русский отставной генерал Черняев.

Страдания балканских славян под игом турок и борьба черногорцев и сербов за своих братьев вызвали в русском обществе возбуждение. Особые «славянские» комитеты собирали пожертвования в пользу восставших.

Формировались отряды добровольцев и спешили на помощь сербам в армию Черняева.

В апреле 1877 года Император Александр II объявил Турции войну.

Великий князь Константин Константинович в октябре 1877 года участвовал в нескольких рекогносцировках и необходимых приготовлениях к уничтожению турецкого моста, строившегося у Силистрии. В отряде юнкеров в ночном нападении участвовал и Великий князь, который спустил брандер на турецкий пароход под огнем батарей и стрелков всей силистрийской оборонительной линии.

Ввиду того, что после Крымской войны Россия потеряла право иметь военный флот в Черном море, все операции во время Русско-турецкой войны сводились к смелым атакам русских малых катеров, вооруженных шестовыми минами или только что появившимися самодвижущимися торпедами, против турецких военных кораблей и речных мониторов, хорошо вооруженных, а иногда и хорошо бронированных.

14 января 1878 года произошло первое в истории морских войн успешное применение торпедного оружия. Два минных катера, «Чесма» и «Синоп», спущенные с парохода «Великий князь Константин», которым командовал лейтенант С. О. Макаров (будущий знаменитый адмирал), потопили на батумском рейде своими торпедами турецкий пароход-фрегат «Интибах».

За боевые заслуги в Русско-турецкой войне Великий князь Константин Константинович награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, медалью «За войну 1877–78 гг.», Русским Крестом за переход через Дунай, болгарскими и сербскими орденами.

С 1879 года начинается общественная и научная деятельность Великого князя. Он принял звание почетного члена Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; Общества спасения на водах; Православного Палестинского общества, существующего и поныне под руководством святейшего заграничного Синода.

В конце 1883 года Великий князь по состоянию здоровья переведен в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1884 году назначен в этом же полку командиром роты Его Величества.

Отдавая всего себя службе, Великий князь Константин Константинович нашел время, чтобы в лейб-гвардии Измайловском полку основать так называемые «Измайловские досуги» — литературно-музыкальное офицерское общество, основной целью которого было в свободное от службы время повышать уровень культуры русского офицера и тем способствовать его развитию как воспитателя солдата. На «Досугах» офицеры полка демонстрировали свои таланты в музыке и литературе, знакомились с произведениями русских писателей и поэтов, там же Великий князь читал свои стихи, многие из которых были переложены Чайковским на музыку. Время «Измайловских досугов» повело к созданию поэтических циклов Августейшего автора «В строю» и «Из полковой жизни». Одним из самых популярных стихотворений этих циклов было «Умер бедняга», ставшее народной песней, известной и поныне. Вся Россия знала поэта, подписывавшего свои произведения инициалами «К. Р.».

В 1889 году Великий князь Константин Константинович назначен президентом Императорской Академии наук. На этом посту он энергично провел коренные преобразования в работе Академии. Он начал расширять круг ответственности этого учреждения за состояние наук, привлекать к академи-

ческим исследованиям людей, не имевших научных степеней, но обладающих большими знаниями и умеющих сочетать их с полезным практическим применением. Примером может служить проект ледокола «Ермак», предложенный адмиралом С. О. Макаровым, который пытался «протолкнуть» его по каналам морского ведомства. Великий князь предложил Макарову представить проект группе академиков и специалистов. Представление было поддержано Академией наук, и проект осуществлен.

Великий князь был председателем комиссии по градусному измерению островов Шпицбергена; организатором экспедиции известного ученого-гидролога капитан-лейтенанта Александра Васильевича Колчака (выпускника Морского кадетского корпуса 1894 года, впоследствии полярного исследователя, вождя белого движения) в Арктику; благодаря усилиям Константина Константиновича была назначена межведомственная комиссия по переходу к григорианскому календарю или календарю, изобретенному П. М. Салагиловым.

Великий князь Константин Константинович также состоял почетным членом Общества содействия русскому торговому мореходству, принял под свое покровительство Южно-Русское общество акклиматизации.

В марте 1900 года Константин Константинович по воле Императора Николая II назначается Главным начальником военно-учебных заведений с освобождением от должности командира лейб-гвардии Преображенского полка, которую занимал в течение шести лет.

1901 год — он почетный член Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию; член московского Общества распространения коммерческого образования.

1902 год — он член Международного конгресса по рыбоводству и рыболовству.

26 февраля 1910 года Великий князь назначается Генерал-инспектором военно-учебных заведений.

Таким образом, Константин Константинович находился во главе военного образования беспрерывно в течение пятнадцати лет.

Великий князь возвратил кадетским корпусам знамена, которые были сданы в архив при переименовании корпусов в военные гимназии, и отдал распоряжение выносить их в строй на парадах «как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение кадетского строя». Проведший всю свою молодость в строю, прежде — командир роты в лейб-гвардии Измайловском полку и командир лейб-гвардии Преображенского полка, Великий князь хорошо понимал, что представляет знамя для военного воспитания.

12 ноября 1913 года, благодаря Главному инспектору военно-учебных заведений, знамена были пожалованы и тем корпусам, которые их еще не имели. Причем Константин Константинович посчитал необходимым лично вручить знамена каждому кадетскому корпусу в торжественной обстановке, «испытывая при этом гордость и восторг вместе с кадетами, видя знамя в строю корпуса». Позднее об этом он писал в своих воспоминаниях.

Несмотря на то, что кадетские корпуса России обходились Императору очень дорого, однако Великий князь проблему с их обеспечением всем необходимым решал успешно. Константин Константинович проводил большую работу, чтобы кадетские корпуса юношам прививали любовь к Родине, Армии и Флоту, укрепляли военное сословие, проникнутое благодетельными традициями, вырабатывали почву, на которой произрастала российская военная слава. Кадетская среда и сама обстановка в корпусе готовили

подростков и юношей к той жертвенности, которая вся выражена в нашей, русской формуле «Сам погибай, а товарища выручай».

Наружный лоск и подтянутость кадет были общеизвестны, погоны являлись предметом гордости каждого кадета, и он с детства привыкал их уважать. Образовательный и культурный уровень корпусов был выше, чем в средних учебных заведениях гражданского ведомства. На протяжении двух столетий Россия знала, кроме военных героев и полководцев, целый ряд ученых, писателей, художников, поэтов, композиторов, мореплавателей, путешественников и даже духовных подвижников и великих пастырей, вышедших из кадетской среды, то есть людей, которые являлись прямыми творцами великой и бессмертной русской культуры.

Великий князь стремился к тому, чтобы мировоззрение кадет было простым и ясным, и это мировоззрение культивировалось только в старых стенах кадетских корпусов; независимо от цвета погон душа у всех кадет была одна, находился ли корпус в Петербурге, Москве, Полоцке или Симбирске. И в столице, и в глухой провинции — везде кадеты были едины.

Воспоминания бывших кадет свидетельствуют, что в те времена как-то особенно никто не внушал любви к Царю и Родине и никто не твердил о долге, доблести и самопожертвовании. Но во всей корпусной жизни было нечто такое, что без слов говорило об этих высоких понятиях, говорило детской душе о том, что она приобщается к тому миру, где смерть за Отечество есть святое и само собой разумеющееся дело.

Константин Константинович добивался того, чтобы моральный дух в корпусах был крепким. Достаточно вспомнить революцию 1905 года, когда зараза анархии коснулась всех без исключения гражданских учебных заведений. Только кадетские корпуса остались спокойными островками среди штормового революционного моря.

Офицерами-воспитателями в работе всегда обращалось внимание на кадетскую спайку, которая основывалась на абсолютном равенстве всех и каждого. Сын армейского капитана и сын командира дивизии, кадет, носящий громкую в истории фамилию, и кадет с фамилией обыкновенной, богатый и бедный, русский, черкес, грузин, армянин и т. д. — все в стенах корпуса чувствовали себя совершенно равными. Только по своим личным качествам, по тому, были ли они хорошими или плохими товарищами, различались кадеты в корпусе. И всегда — как в корпусе, так и потом, во взрослой жизни — кадет кадету был и оставался другом и братом.

Ветераны кадетского движения твердо верят в то, что их голос, голос последних носителей кадетских традиций и преданий, найдет отзвук в душах всех будущих кадет, которым будет суждено создать свободную Россию.

Когда читаешь книги с воспоминаниями старых кадет, то там находишь записи, что в том, что они такие, а не другие, большая заслуга принадлежит Великому князю Константину Константиновичу. Всю свою светлую и любящую душу он посвятил кадетам и окончательно уничтожил в кадетских корпусах остатки казарменно-казенного духа. Подняв на должную высоту учебный процесс, он одновременно сумел подобрать тот воспитательский состав, который сразу и до конца усвоил: дело офицера-воспитателя не столько в том, чтобы карать, сколько в том, чтобы любить кадет и заботиться о них. Вместо грубых людей в корпуса пришли воспитатели по призванию, заботливые опекуны и умудренные жизненным опытом учителя.

В результате неустанных забот Великого князя о кадетских корпусах они ко времени Первой мировой войны стали образцовыми средними учебными заведениями с программой реальных училищ, готовившими молодых людей к поступлению в военные училища и высшие школы. В то же время корпуса были и лучшими в России школами государственнического и национального воспитания.

Стало хорошей традицией, когда поступившему в корпус кадету выдавался именной экземпляр Евангелия с благословением Великого князя. На первой его странице были напечатаны стихи:

Пусть эта Книга Священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта Книга Спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

К. Р.

Многие из старых кадет, покидая Родину, взяли ее с собой в изгнание среди немногих вещей, напоминающих им дорогое прошлое.

В бытность свою Главным начальником военно-учебных заведений Великий князь почти никогда не утверждал решений об исключении кадет из корпусов, не желая губить их будущее, считая, что раз родители отдали сына на воспитание государству, они вправе рассчитывать, что он окончит корпус. Если же кадет разбаловался и плохо учится, то это вина его воспитателя, за которую нельзя наказывать ребенка, а тем более его родителей.

Подводя итоги краткого рассказа о Великом князе Константине Константиновиче, нельзя не сказать о его любви к незаметному герою — русскому солдату, совершившему великие воинские подвиги. Эти свои чувства Великий князь перенес на воспитанников военно-учебных заведений, которые отвечали ему любовью и глубоким уважением.

15 июня 1915 года Великий князь Константин Константинович скончался.

Литература

1. *Алпатов Н. И.* Историческая справка о кадетских корпусах в России XIX в. // Советская педагогика. 1944. № 1.

2. *Андрушкевич И.* Исторический долг // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 1996. № 50.

3. *Бобровский П. О.* К истории военно-учебной реформы Императора Александра II // Русская старина. 1887. № 3.

4. *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

5. *Новиков В. С., Филиппов Э. М.* Виват, кадеты! СПб.: СРП «Павел» ВОГ, 2009.

6. *Новиков В. С., Филиппов Э. М.* России служим с детства. СПб.: «СПб. СРП «Павел» ВОГ, 2011.

7. *Филиппов Э. М.* Кадетские корпуса в России: прошлое и современность. СПб., 1997.

8. *Харламов В. И.* Русская школа (1700–1917). Кн. 1–2. М., 1997.

Глеб БОБРОВ

«СРАЖАТЬСЯ ЗА КАЖДУЮ ПЯДЬ ЗЕМЛИ ЛУГАНЩИНЫ…»

Глеб Леонидович Бобров — писатель и журналист, председатель Союза писателей ЛНР, главный редактор сервера военной прозы okopka.ru, автор романа «Эпоха мертворожденных». **Живет в Луганске.**

Битва за высоту 307,9 под Санжаровкой

Грузно осев прожженной, раздранной в клочья литой броней в грязный талый снег, некогда грозный Т-64 напоминает сейчас скорее развороченную братскую могилу, нежели боевую машину. Останков экипажа здесь уже нет, но с правой стороны люка оператора-наводчика выгоревшей башни заметны грязные, шелушащиеся под январским солнцем дымчато-черные потеки.

Это — жир. Сгоревший человеческий жир.

Его запах до конца жизни будет преследовать всех тех, кто выжил в Санжаровской мясорубке — битве за высоту 307,9 — одну из ключевых точек в создании «Дебальцевского котла».

Если попавшие в окружение части ВСУ и наемников разгромят, а к этому есть все предпосылки, то украинская армия потерпит поражение в зимней кампании, которая, скорее всего, станет поражением и в их войне против восставших республик Донбасса.

А значит, были не напрасны жертвы бойцов и офицеров отдельного механизированного батальона Народной милиции Луганской Народной Республики.

Высота 307,9 находится на юго-западе от маленького села Санжаровка Артемовского района Донецкой Народной Республики. Однако сражаются здесь луганчане — отдельный механизированный батальон Народной милиции. Сами они называют себя «Батальон имени Александра Невского». Также эту часть называют «Батальоном Плотницкого» (часть формировалась под его патронатом в бытность Игоря Венедиктовича министром обороны ЛНР). Или еще короче — батальон

«Август», в честь Августовской иконы Божией Матери — почитаемой иконы Богородицы, написанной в память ее явления в 1914 году русским воинам перед Варшавско-Ивангородской операцией в годы Первой мировой войны.

Само село ополченцы взяли с ходу и практически без боя. Отступив от населенного пункта, украинские силовики нанесли по Санжаровке массированный удар из всех имеющихся у них в наличии артиллерийских систем.

Пострадали только мирные жители. Прямым попаданием 120 мм минометной мины был разрушен дом, девочка-подросток получила тяжелую черепно-мозговую травму. Ребенка удалось экстренно эвакуировать. А батальон стал готовиться к штурму господствующей высоты.

На стратегически важной высоте 307,9 вооруженные силы Украины создали настоящий укрепрайон. Украинские танки «Булат» (модернизированный советский Т-64) стояли в капонирах. Перед высотой на танкоопасных направлениях созданы накрытые сетями 3D танковые ловушки. На самой высоте врытые в землю железнодорожные вагоны, перекрытые в два наката сверху железобетонными плитами и землей. Отрыта сеть инженерных сооружений полного профиля. Сама оборона была значительно усилена контингентом польских наемников.

* * *

25 января 2015 года в 6:30 началась артподготовка, которая, к сожалению, мало что дала — слишком серьезно окопались. Наемники восприняли обстрел буднично, за что впоследствии и поплатились. Первым, скрытно обойдя высоту, около 9:00 на позиции противника вылетел танк Михаила Савчина с позывными «Монгол». Один из вражеских экипажей в это время беспечно курил на броне — ведь обстрел же «закончился»! За что и был расстрелян в упор.

Тем временем остальные танковые взводы с нескольких направлений пошли на штурм высоты. Непосредственно командовал наступлением на поле боя командир танковой роты Александр Карнаухов. Завязался встречный танковый бой. Потеряв несколько единиц бронетехники, противник откатил назад. Наши машины выскочили на высоту 307,9 и буквально стали закатывать под бетон деморализованных наемников. Ранее отошедшие украинские танки пошли в контратаку. Ополченцы к тому времени практически полностью израсходовали боекомплект. Начали откат. Отход штурмовой группы координировали Александр Карнаухов и командир танкового взвода Дмитрий Роговский. Откатывались уступами, загораживая друг друга. По фронту их прикрывал танк «Монгола».

Есть такой закон войны: «Идешь первым — отходишь последним». При этом в серьезном бою шансы выжить стремятся к нулю. Первая ракета ПТУРС (противотанковый управляемый ракетный снаряд) ударила танк Савчина в область башни. Спасла динамичная защита, но танк встал. Следом, в другую полусферу, ударил еще один гранатометный выстрел. Танк загорелся. Комбат дал приказ покинуть горящую машину. Экипаж приказ не выполнил. Танк продолжал бой, раз за разом, словно тяжелые дюбели, вколачивать в наседавшую бронетехнику противника. По рации слышен был крик Михаила: «Прикрою, мужики! Отходите!» и далее: «Это вам за Семеновку!» и новый танковый выстрел. После третьего прямого попадания

ПТУРС жирно чадящий Т-64 «Монгола» заполыхал вовсю, но сделал еще как минимум два прицельных выстрела. Экипаж, сгорая заживо, вел бой. Успевшие отойти бойцы батальона не могли сдержать слез.

Сразу после отхода по батальону был нанесен массированный арт-удар — раненых прибавилось. На оставленной высоте горели танки. Поле боя, словно траурной пеленой, покрылось чадом пожарища.

* * *

Потери противника: три танка «Булат» полностью сожжены, несколько танков ВСУ повреждены, однако степень поражения и их ремонтопригодность по понятным причинам установить пока невозможно. Также сожжены две БПМ-2 и два БТР-80. Противник, в основном наемники, потерял порядка шестидесяти человек убитыми и ранеными.

Потери ополчения: два бойца погибли, пять бойцов ранены (в основном в результате артналета после боя) и пять человек на сегодня числятся пропавшими без вести (экипажи 2 танков). Два танка потеряли непосредственно на высоте (одному механику-водителю удалось вернуться). Два танка попали в замаскированные танковые ловушки, однако без серьезных повреждений. Среди раненых — герой этого сражения, командовавший наступлением непосредственно на поле боя, Александр Карнаухов. Тяжелые ранения в обе ноги, угроза ампутации. Врачи не оставляют надежды.

* * *

Павший смертью храбрых «Монгол» — командир танкового взвода Михаил Евгеньевич Савчин. Сорокалетний уроженец Луганщины, родом из городка Зимогорье, видимо, в прошлом шахтер — рассказывать о себе не любил, а теперь уж и не расскажет.

Тридцатилетний командир танковой роты Александр Карнаухов, шахтер из Краснодона. Еще один герой — командир танкового взвода Дмитрий Роговский — 50 лет, шахтер из Лисичанска. Комбат — пятидесятилетний Александр Костин, в прошлом майор Ракетных войск стратегического назначения Советской армии, бывший шахтер. Все офицеры, все жители Луганщины, все шахтеры — взрослые, состоявшиеся мужчины, вставшие на защиту своего края.

А с той стороны фронта? Обманутые мальчишки с Волыни, Житомира и Львовщины. Отморозки из «Правого сектора», нацгвардии и фашистских территориальных батальонов, вобравших в свои ряды деклассированные элементы, криминалитет и новоявленных нацистов. Наемники из Польши и Прибалтики.

Битве на высоте 307,9 показала, на чьей стороне будет победа. Ибо победа всегда на стороне правого.

Мергельные окопы Станицы

Под колесами редакционного бусика крошится и осыпается мергель. Мы, старательно объезжая ухабы. карабкаемся в гору. Внизу под нами поселок Пионерское, вокруг дачи, а прямо по курсу — сразу за ведущим к Донцу обрывом — раскинувшаяся за рекой «зеленка», где расположился

ударный бронетанковый кулак Вооруженных сил Украины, ныне бесцветно именуемый ополченцами «противник».

Едем в гости к командиру разведвзвода 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района Виктору Плешакову с позывным «Дон». Мужику хорошо за пятьдесят, сам добровольцем приехал на войну из Питера и с лета 2014 года находится на передовой. За последние бои в районе Дебальцево два бойца его подразделения получили правительственные награды. Рассказывает обстоятельно и при этом, по-военному, четко.

О личном составе, местных жителях и билете в один в конец

Люди во взводе разные. За два наши корреспондентских приезда мы видели здесь и мужиков под 60, и совсем зеленых мальчишек. Все добровольцы, других людей здесь нет. Есть и местные, и ребята из России. Все добирались за свой счет, ехали в неизвестность, толком не зная в какое конкретно подразделение они попадут. Кто-то что-то услышал, посоветовал, так и прибивались. Добирались своим ходом. Вот как командир рассказывает об одной из таких историй.

«Был у нас парнишка из Комсомольска-на-Амуре. Сейчас он в отъезде, решает домашние проблемы, но скоро должен вернуться. Так вот он, чтобы приехать сюда, на войну, — продал машину. С Дальнего Востока дорога не дешевая весьма. Что-то оставил жене и поехал — в никуда, не зная даже к кому и куда попадет. А когда случились у него семейные проблемы, то мы всем миром ему деньги на обратную дорогу домой собирали. В один конец парень билет взял».

С местными, судя по всему, отношения чуть ли не родственные. Когда корреспондентская группа прибыла на позиции разведвзвода в первый раз, практически одновременно с нами пришла хозяйка дачного участка — принесла миску домашних пирожков. И пока мы записывали интервью, она пошла с одним молоденьким бойцом в сад — учить его, как и где подвязывать виноград. «Самой уже тяжело, а ему еще пригодится», — смеется пожилая женщина.

О боевых задачах разведвзвода

Основной задачей подразделения является разведка и ведение наблюдения за действиями противника. Район постоянной дислокации у взвода для этого более чем удобный. Наш берег это господствующие высоты, вся «зеленка» противника — как на ладони. На высотах оборудованы наблюдательные пункты. Разведка ведется круглосуточно. Но и встретить незваных гостей взвод вполне может — и сами не с пустыми руками, и техника соответствующая тоже присутствует.

«Задачи меняются от ситуаций по периметру. С той стороны — Станица, здесь река Северский Донец, — рассказывает взводный. — Этот берег наш, тот берег их, вплоть до реки Деркул — границы с Россией. Вот я здесь с августа, когда здесь линия фронта стабилизировалась по Донцу. Мы периодически туда-сюда ездим, где не хватает народу, приезжаем, помогаем. Например, в феврале было всем жарко под Дебальцево, мы

отправляли людей туда. Три недели стояли в Санжаровке, а на четвертую поехали уже в Дебали».

О концентрации украинских войск

В районе Станицы Луганской, в непосредственной близости от передовой, ВСУ сконцентрированы сотни единиц бронетехники, установок залпового огня, самоходной и ствольной артиллерии. И это ни для кого не секрет. Так, например, 27 марта за одну ночь украинские силовики стянули к линии соприкосновения порядка 200 самоходных артиллерийких установок. Тем более, когда никто особо не прячется.

«У нас здесь доминирующие высоты, этот берег высокий, тот берег низкий, видно все очень хорошо километров на 10, — говорит командир разведвзвода. — Тем более в “зеленке” когда еще листа не было, видно великолепно. ВСУ достаточно казенно выполняет задачи по маскировке, реально люди воюют из-под палки. Если смотреть внимательно и день за днем, можно увидеть практически все, так вот, все что должно было выводиться на 50 км, здесь в углу Деркула и Донца все нашпиговано техникой. Бронетехники немерено. Лично видел два “Смерча”, а это даже не “Град”. В одну ночь танковый батальон зашел. Тут удобное место, дороги есть хорошие для армейской техники и “зеленка”. Капониры у них еще с осени, мы наблюдали, как они это все себе рыли. Очень интересное у них ноу-хау: чтобы скрыть передвижение, метров в 300 выкапывается траншея, куда техника заходит, и капониры, как ячейки, стоят».

О Минских договоренностях и ОБСЕ

Все Минские договоренности с украинской стороной, а также откровенная игра ОБСЕ «в одни ворота» здесь, в окопах, воспринимаются исключительно матерно. Бойцы уверены, что для Украины все эти дипломатические потуги лишь дымовая завеса для перегруппировки и сосредоточения сил.

Вот что о реальном выполнении Минских договоренностей рассказывает командир разведвзвода: «До нас доходила информация, что 200 САУ-шек загоняли. Батальон танков я видел лично, две большие колонны, минут сорок шум движков — это приличная колонна, машин на 100. Танки, “Уралы”, службы обеспечения, связисты, все подряд. Батальон зашел, обеспечение, кроме этого, личный состав на чем-то возится. Например, мы отсюда видим кусок поляны, туда заезжает “Урал” с полевой кухней, он ее отцепляет и уходит. Полевая кухня — это минимум рота, понятно, что полевая кухня просто так на поляне стоять не будет. Там есть люди, их надо кормить. Вот таких вторичных признаков очень много, если их анализировать, то складывается вполне реальная картинка — техники много».

Вот рассказ разведчика о миссии ОБСЕ: «ОБСЕ-шники к нам приезжали, куриц считали на предмет того, как живут местные жители, — смеется Виктор. — Еще поездили по магазинам. Я спрашиваю, а вас не интересует техника украинская? Вот в трех километрах, дам бинокль, покажу. Если не поленитесь полдня посидеть, увидите передвижения. Утром прогревают технику, видно дымы. Никто особо не таится, тем более от ОБСЕ-шников, потому что было бы желание увидеть, они бы увидели. Естественно ника-

кого желания они не проявили. Они и так это все знают. Тут сплошное нарушение Минских соглашений. Все про это знают, кто должен интересоваться. И ОБСЕ в том числе».

Об опасностях для Луганска

В Луганске настроения предгрозовые — все знают, что война возобновится, но никто не знает когда именно. Люди со страхом смотрят репортажи из Донецкой Республики и задаются простым вопросом: «Когда же полыхнет у нас?». Здесь, на передовой, напротив, царит спокойное ожидание, — то, что боевые действия начнутся с новой силой, для бойцов аксиома. Разведчики считают, что на этом участке фронта, в треугольнике между Донцом и Деркулом, техника накапливается как в отстойнике, а для Луганска опасны только системы залпового огня.

«САУ-шки еще здесь поработать могут, а "Смерчи" нацелены на Луганск. Тому же "Граду", например, чтобы на боевой взлет стала ракета, надо 7 км. Чтобы разбомбить город этого не хватит. Это только в кино за минуту рушится все. Чтобы разрушить город, это надо проводить бомбардировки. Думаю, что эта группировка не атакующая. Пока, на мой взгляд, это просто отстойник, потому что если перегонять ту же танковую колонну на 50 км, при том состоянии техники, которая у них, то половина танков просто не дойдет. А потом если их нужно будет вернуть, еще половина от дошедших в пути сломается. Так же большой расход ГСМ. Технику же вводят не ландыши нюхать, а для боевого применения. То есть, как я вижу, их цель — сохранить технику в непосредственной близости от потенциального театра военных действий».

Разговоры о возможном понтонном форсировании Донца и слухи об украинских учениях взводный не поддерживает: «Понтоны у них точно есть, без вопросов, но река разделена, тот берег их, этот наш. Чтобы проводить учения надо два своих берега, это не соответствует действительности».

О режиме прекращения огня и огневой разведке

Огневые налеты и перестрелки, переходящие иногда в серьезные бои с привлечением артиллерии на всем протяжении фронта в Луганской и Донецкой Республиках происходят постоянно. Также с обеих сторон фронта активно действуют различные диверсионно-разведывательные группы. Ни о каком перемирии речи не идет, единственно дело не дошло пока до начала полномасштабных боевых действий. И здесь, на позициях, ситуация не сильно отличается от других участков фронта — обстрелы, огневая разведка, беспокоящий огонь.

«Обстрелы по нашей территории ведутся постоянно, — рассказывает Виктор. — У нас, грубо говоря, каждую ночь весело. Работают минометы, БМП-1, ЗУ-шки. Дистанция самая рабочая — до 2 км. Они знают, что у нас есть ПТУРы. Вот периодически их танчик выйдет на полянку и стоит "заманухой". Постоял, мы не повелись, он и уехал. А так стандарт 82-мм, — "Васильки", наводчик у них, кстати, хороший. Гоняли тут нас на карьере — выехали три "Василька", отработали по 5–6 залпов. Мы бегали по окопам, как сайгаки. Там много чего есть и серьезного калибра. Правда,

ночью идентифицировать невозможно. Периодически, чаще, чем хотелось бы, некая неопознанная бронетехника обстреливает наши НП. Они прекрасно понимают, где мы сидим. Тем более, здесь мергель, глина, — мы с осени окапывались и наверняка у них есть опытные наблюдатели. Периодически им надо нас пинать, чтобы мы не расслаблялись».

О боях между ВСУ и «нациками»

О том, что между ВСУ и подразделениями Национальной гвардии, а также территориальных батальонов постоянно идут стычки и перестрелки, перерастающие иногда в полноценные боестолкновения, общеизвестно. Здесь же в окопах считают, что между армией и нацформированиями идет реальная война.

Вот что рассказывает разведчик: «А ночью тут вообще концерты бывают. У них возникают перестрелки своих со своими. ВСУ с Нацгвардией. Тут нелюбовь конкретная, неделю назад два ПК работало, из “семерки” выстрелов 12, автоматной трескотни немерено. Потом выехал неопознанный БМП, отработал боекомплект и все затихло. Но это их терки между собой, и это происходит регулярно. В Станице постоянные ночные бои у них были зимой. До нас доходила информация, что ребятам ВСУ нужно получить корочки УБД. Не ручаюсь за достоверность, но у меня такая информация: чтобы получить корочку, надо поучаствовать в боестолкновении. Поэтому ночью начинают пулять по берегу, отражать атаку “сепаратистов”». Поотражали — все нормально. Сделали записи, расчет БК отчитались. Потом приезжают нацгвардейцы и начинают выяснять: не было ли это инсценировкой.

Об ужасах оккупации и разделенных семьях

Возможно, вражда между военнослужащими частей украинской регулярной армии и националистическими военизированными формированиями кроется, в том числе, и в отношении бойцов тербатов и нацгвардии к мирному населению, которые иначе как карательными назвать нельзя. Грабежи и беспредел принимает неконтролируемые масштабы.

«Мы все знаем, что творится на той стороне — рассказывает Виктор. — Здесь же война юных тимуровцев по телефону. Мы шагнули, они знают через 20 минут — бабуля посмотрела, набрала телефон, позвонила зятю, тот побежал, сказал полицаям. У нас та же история с той стороны. Везде идет обмен информацией постоянно. Все с мобильными, какие-то незаметные перемещения — нереальны. Или как грабят. Раньше усадьбы выносили, сейчас два БТРа заезжают, купорят улицу с двух сторон и все дома улицы выносят. А как людей вывозили и били смертным боем лишь по подозрению в иных взглядах. Повыбили зубы, поломали ребра, расстрел имитировали. Все всё знают. Не будет тут мира. Слишком много крови с обеих сторон, война прокатилась по селу, по конкретным семьям».

О честности украинских СМИ

Украинские медиа на фронте тоже читают. Интернет на позициях редко, но все же есть. По прочтении комментируют: «Читал хохму в Интерне-

те, как сепаратисты хотели захватить Станицу, но доблестные воины ВСУ отразили атаку и с многочисленными ранеными наши покинули территорию. На самом деле это была наша разведка — 26 человек. Мы по-любому не смогли бы взять Станицу. Потом на этой волне в Инете пошла следующая информация, мол через 3 дня в Станицу вошли сепаратистские танки. Наверно, на Украине народ и это съест, потому что они не представляют себе, что здесь всего один мост, который они взорвали и по нему танки не проедут. Он и до войны был в аварийном состоянии. Больше мостов нет, понтонов тоже нет. Откуда взялись в Станице три сепаратистских танка, для меня осталось большой загадкой» — смеется Виктор.

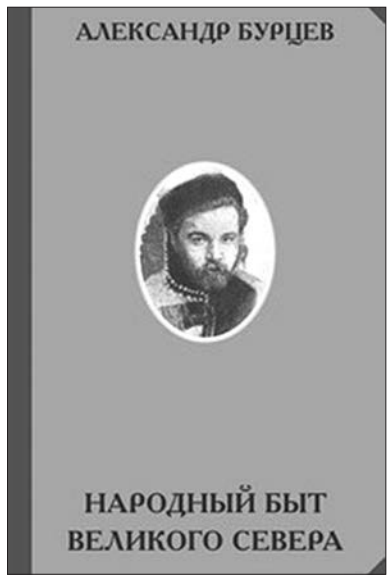
О констатации фактов

Вот такой у нас получился разговор с разведчиками 1-й отдельной казачьей сотни Станично-Луганского района. На сегодня можно констатировать массовые нарушения минских договоренностей — серьезную концентрацию бронетехники, личного состава, а также возросшую интенсивность перестрелок и огневой разведки. Высокая вероятность возобновления боевых действий сохраняется. Нам же, жителям Луганской Народной Республики, остается всерьез уповать лишь на мужество наших защитников, их стойкость, верность воинскому долгу и готовность сражаться за каждую пядь земли Луганщины.

Вышла книга

Бурцев А. Е.

Народный быт великого севера. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания / сост. А. Е. Бурцев / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 624 с.



В книгу включены два тома, составленные русским книголюбом и собирателем XIX века А. Е. Бурцевым (1863–1938). В них вошли прежде всего малоизвестные сказки, поверья, приметы и другие сокровища народной мудрости, собранные на Русском Севере. Первое издание книги вышло тиражом 100 экземпляров в 1898 году и с тех пор не переиздавалось.

Печатается по изданию 1898 г.

Виктор ПАРХИМОВИЧ

ЗАРОЖДЕНИЕ АВИАЦИИ

Глава из новой книги «Авиация. История. События. Факты»

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 г. окончил Харьковский авиационный институт, в 1988 г. полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 гг. возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

Осталось не так уж много людей, помнящих слова «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Нам казалось, что, поднимая в небо новые самолеты, запуская космические корабли, создавая наукограды, мы творим нечто сказочное. Повествуя о вымышленных событиях и героях, сказки часто ставили цели перед человечеством, способствуя развитию, движению вперед. Наблюдая за полетом птиц, ученые, фантасты, сказочники задумывались о том, а не может ли человек подняться в воздух с помощью крыльев или другого какого-нибудь устройства.

Вы когда-нибудь летали во сне? Широко раскинув руки, парили над землей — над домами, дорогами, лесами, полями? Волшебное, незабываемое чувство! Знакомо оно было и нашим предкам. Завидуя птицам, человек мечтал о крыльях за своей спиной или хотя бы о том, чтобы обзавестись летающими предметами. Вроде ковра-самолета, ступы с метлой или летающего корабля. Человек устроен так, что стремится самые невероятные фантазии воплотить в реальные дела, в быль.

Около 400 лет до н. э. Архит Тарентский, древнегреческий философ, математик, астроном, государственный деятель и стратег, возможно, разработал первый летательный аппарат, представляющий собой модель птицы, и, как утверждают источники, пролетел около 200 метров. Этот аппарат, который изобретатель назвал «Голубем», вероятно, подвешивался на тросе во время полета.

Летающий фонарик (прототип аэростатов с оболочкой, наполненной горячим воздухом) был известен в Китае с древнейших времен. Его изобретение приписывается генералу Чжугэ Ляну (180–234 гг. н. э.), ко-

торый, как сообщают источники, использовал их, чтобы вселять страх во вражеские войска.

Древние хроники полны упоминаний об отчаянных смельчаках, пытавшихся подражать птицам. Мечта человечества о полете, возможно, впервые была реализована в Китае, где полет человека, привязанного (в виде наказания) к бумажным змеям, был описан в VI веке. Легенды о Дедале и его крыльях из перьев и воска, об Икаре или о Пушпака Вимана — в Рамаяне известны всем. Полет связывался с идеей подражания птицам.

Человек, мечтавший о роли покорителя воздушной стихии, выбрал путь изготовления крыльев подобных птичьим. Так зародилась идея планеризма. Изображения первого планера относятся к началу нашей эры. Во время археологических раскопок в пустыне в Перу был обнаружен рисунок предмета необычной формы, названный «паракасским канделябром». Специалисты-авиаторы не сомневаются, что это чертеж летательного аппарата, напоминающего планер. Поблизости была найдена площадка для приземления с «посадочными полосами» и изображение, напоминающее «розу ветров».

Первый документально зафиксированный полет относится к XI веку. В 1020 году английский монах-бенедиктинец Эйлмер из Малмсбери, прозванный «летающий монах», нацепил крылья и спрыгнул с монастырской колокольни. Ему в какой-то мере удался планирующий полет, ибо смельчак отделался только переломами рук.

Первые управляемые полеты на дельтаплане совершили: в IX веке — Аббас ибн Фарнас в Аль-Андалусе в IX веке; в XI веке — английский монах Оливер; в XVI веке — испанский монах Бонавентура. Находились смельчаки и в России. Судьбы всех складывались печально. Если человек оставался в живых после полета, ему либо голову рубили, либо сжигали на костре.

Идею создать летательный аппарат с машущими крыльями в общем виде высказал английский ученый Роджер Бэкон (1214–1292) в середине XIII века. В труде «О тайных вещах в искусстве и природе» он писал: «Можно построить машины, сидя в которых, человек, вращая приспособление, приводящее в движение искусственные крылья, заставлял бы ударять их по воздуху, подобно птичьим».

Два века спустя идея крылатого летательного аппарата привлекла внимание итальянского ученого Леонардо да Винчи. После долгих поисков, в отличие от Бэкона, он разработал проекты орнитоптеров нескольких типов — с летчиком в лежачем положении (1485–1487), орнитоптер-лодку (около 1487 г.), с вертикальным расположением летчика (1495–1497) и пр. При их разработке ученый выдвинул ряд важных конструктивных идей: фюзеляж в виде лодки, поворотное хвостовое оперение, убирающееся шасси.

Идеи Леонардо да Винчи в области теории и практики механического полета остались на много столетий похороненными в его рукописях и получили известность лишь в конце XIX века.

В 1669 году стрелец Иван Серпов сделал «крылья наподобие голубиных, но значительно большие по размеру». В городе Ряжске он «хотел летать, но только поднялся аршин на семь (т. е. около пяти метров), перекувыркнулся в воздухе и упал на землю».

Несмотря на многочисленные неудачи, попытки полетов с помощью орнитоптеров-мускулолетов продолжались долго. В середине XVII века ан-

глийский механик Роберт Гук, работая над проблемой полета, высказал мысль о необходимости для выполнения полета более мощных «искусственных мускулов».

Независимо от Гука бесперспективность идеи полета с помощью машущих крыльев обосновал в конце XVII века итальянский ученый Д. Борелли. Указывая на значительную разницу в относительной массе и силе мускулов, которые человек и птица могут задействовать для полета, он пришел к выводу, что человек не сможет полететь, используя лишь собственную силу.

Выводы ученых доказывали невозможность полета с помощью искусственных крыльев, приводимых в движение человеком, но попытки создать орнитоптеры-мускулолеты продолжались еще много лет. В этот период времени родилась идея использовать энергию пара на летательных аппаратах (Д. Уилкинз, 1648).

К созданию летательных аппаратов ученые и изобретатели в конце XVIII века шли двумя путями:

1. Использовался статический принцип полета, основанный на свойстве легких газов вытесняться вверх более тяжелыми. Были заложены основы аэростатики, давшей начало воздухоплаванию;

2. Делались попытки воспроизвести полет птиц и построить летательные аппараты, основанные на динамическом принципе. Они направили исследователей в другое направление — в область аэродинамики. Ученые пришли к мысли использовать для полета подъемную силу, возникающую при быстром движении наклонной относительно воздушного потока пластинки. Это и привело к созданию авиации. Слово «авиация» произошло от латинского *avis* «птица».

В России во второй половине XIX века не прекращались попытки решить проблему полета, подражая птицам. Над созданием орнитоптеров работали Михневич, Краевский, Спицын, Барановский и др.

Изобретатели, понимая, что мускульной силы человека явно недостаточно для машущего полета, стремились использовать на орнитоптерах тепловые двигатели (В. Д. Спицын, Бертенсон, М. И. Иванин) и даже небольшой аэростат (Я. И. Краевский).

Привязанные воздушные шары, заполненные горячим воздухом, в первой половине XIX века применялись в значительных масштабах в ряде войн. Наибольшую известность получило их применение во время Гражданской войны в США, когда воздушные шары использовались для наблюдения за ходом сражения у Питерсберга.

Золотые фигурки, найденные в Южной Америке, внешне напоминают летательные аппараты. Что послужило прообразом для создания этих фигурок — неизвестно. Эта древняя земля не раз удивляла нас необъяснимыми артефактами, которые представляют собой небольшие предметы, найденные в Колумбии в XIX веке и датируемые серединой первого тысячелетия нашей эры. Сегодня в мире существует несколько десятков таких предметов, которые находили не только в Колумбии, но и на территории Венесуэлы, Коста-Рики и Перу. Они немного отличаются друг от друга, но принципиальная конструкция самолета с горизонтальным и вертикальным оперением киля объединяет все эти артефакты (см. рис. 1).

Авиационные эксперты подтвердили, что артефакты могут быть моделями самолетов. А в 1996 году немецкие авиамоделисты Алгунд Энбом и

Петер Белтинг создали практически точные, сохраняющие все пропорции и формы, увеличенные копии «Колумбийского золотого самолетика» и еще одной золотой фигурки, которая, по их мнению, наиболее походила на самолет. Для запуска в воздух модели были оснащены моторами и системами радиоуправления. Две модели смогли подняться в воздух и выполнить фигуры высшего пилотажа, планировали с выключенными двигателями.

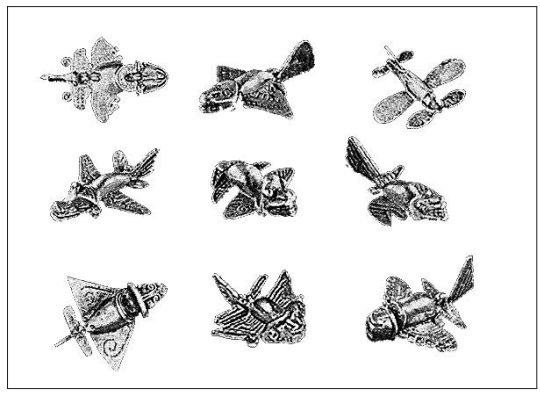


Рис. 1. *Золотые фигурки инков*

У ученых, авиаконструкторов, пилотов и инженеров после увиденных полетов не было никаких сомнений в том, что «золотые самолетики инков» представляют собой копии летающих аппаратов. Не наталкивают ли эти артефакты на мысль о некой другой истории наших предков или о космических кораблях пришельцев из космоса.

Джордж Кейли (1773–1857) — английский ученый и изобретатель. Один из первых теоретиков и исследователей в области летательных аппаратов тяжелее воздуха, опубликовавший описание принципов полета планера и самолета. Его идеи и проекты намного опережали время, большинство из них не было реализовано при жизни ученого. Работы Кейли были малоизвестны до 30-х годов XX века.

В 1804 году Кейли изготовил для экспериментов модель планера с крылом малого удлинения площадью около 993,5 кв. см. По словам Кейли, модель совершала полеты на расстояние 18–27 метров. В 1808 году ученым была изготовлена еще одна модель планера. Особенностью модели были крыло значительного удлинения и искривленный профиль крыла.

Модель испытывалась в свободном полете, а также на привязи (как воздушный змей). В 1809–1810 годах в журнале «Nicolson's Journal of Natural Philosophy» был напечатан труд Джорджа Кейли в трех частях «О воздушной навигации» (On Aerial Navigation) — первая в мире опубликованная научная работа, содержащая первоосновы теории полета планера и самолета. Джордж Кейли в 1799 году изобразил эскиз задуманного им летательного аппарата.

Многие исследователи приписывают Джорджу Кейли рождение идеи летательного аппарата с неподвижным крылом и отдельным от него движителем, т. е. самолета. Однако другие указывают, что данная концепция, как и другие конструктивные идеи, содержащиеся в проекте Кейли, выдвигались и ранее, хотя именно работы Кейли положили начало научному исследованию концепции самолета.

В 1852 году Кейли опубликовал статью в журнале «Mechanics' Magazine», в которой был представлен проект планера («governable parachute» — «управляемый парашют»). В статье была указана целесообразность использования для обеспечения продольной статической устойчивости неподвижной горизонтальной поверхности, расположенной позади крыла (в современных терминах — стабилизатора), установленного на угол

атаки, меньше, чем у крыла. При этом центр тяжести рекомендовалось располагать несколько впереди центра давления крыла.

В конце XIX века процесс освоения воздушного пространства выходит на новый уровень: проводятся десятки испытаний летательных аппаратов, причем многие из них оказываются удачными.

В 60-е годы XIX века вблизи французского порта Брест было проведено испытание аппарата с фюзеляжем в виде лодки и крыльями как у альбатроса. Моторы на аппаратах этого типа выполняли вспомогательную роль. Их задача сводилась к помощи при перелете с одного воздушного потока на другой. Как и обычные планеры, мотопланеры взлетали против ветра с возвышенности и постепенно планировали к земле. Пропеллера могло и не быть. Конструкторы пришли к идее моторизированных планеров. К сожалению, большинство таких проектов нельзя назвать успешными.

В 1893 году Отто Лилиенталь построил моноплан с одноцилиндровым углекислотным двигателем, подвешенным на грудь летчику. Мотор использовался лишь на время для создания импульса машущему крылу. Пропеллер не предусматривался. Главная проблема, с которой столкнулся изобретатель, — двигатель. Он был тяжел (20 кг), имел мощность в 2 л. с. и не отличался надежностью. Впоследствии инженер П. Шауэр сконструировал для Лилиенталя новый углекислотный двигатель, имевший два цилиндра. В 1896 году мотопланер помахал крыльями на земле, но так и не смог подняться в воздух.

После сообщений о полетах О. Лилиенталя в Германии Октав Шанют организовал планерные эксперименты в США. Будучи приверженцем летательных аппаратов тяжелее воздуха, он поддержал начинания многих пионеров-авиаторов и сыграл важную роль в зарождении американской авиации. Одним из соратников Шанюта был Василий Павлович Бутузов, выходец из России.

Первый планер Бутузов построил в 1889 году. Сохранилось составленное им описание испытаний. В нем говорится, что опыт происходил в окрестностях Гигантской пещеры (Mammout Cave) в штате Кентукки. После старта с обрыва высотой 30 метров Бутузов, по его словам, «парил или планировал в различных направлениях с небольшим углом снижения, и когда ветер подул вверх, он поднял меня на высоту 25–30 футов, и это дало возможность планировать или парить на дальность от двух до трех тысяч футов».

В 1896 году Бутузов и Шанют заключили договор, в соответствии с которым второй обязывался выделить 500 долларов на постройку планера и оплатить расходы, связанные с испытанием аппарата и с патентованием его конструкции. В июле 1896 года Бутузов направил в Патентное ведомство США описание конструкции планера и приступил к изготовлению летательной машины. В августе планер под названием «Альбатрос» был построен. 15 сентября 1896 года «Альбатрос» с Бутузовым на борту поднялся в воздух на высоту около 1 метра. Как считал Шанют, опыт показал хорошую управляемость летательного аппарата.

Новый, более легкий вариант «Альбатроса» был построен Бутузовым в октябре 1897 года. На новом планере Бутузов, по его словам, выполнил ряд успешных полетов. Дальность одного из них составила более 100 метров.

В ходе одного из полетов на побережье озера Мичиган из-за трещины в конструкции отломилась хвостовая плоскость, и планер рухнул вниз. Бутузов ударился о землю, нижнюю часть его тела парализовало, и он оказался прикованным к постели на два года.

Какое же место занимает деятельность Бутузова в истории авиации? Если принять слова В. П. Бутузова о длительном парящем полете на планере в 1889 году за исторический факт, то его следует считать первым в мире планеристом. Однако неудачные испытания «Альбатроса» в 1896 году и авария во время полета на модификации этого летательного аппарата в 1897 году наводят на мысль, что рассказ о полете в окрестностях Гигантской пещеры в Кентукки маловероятен.

Предложенный Бутузовым смешанный аэродинамически-балансирный метод управления не получил применения в авиации. Тем не менее, имя В. П. Бутузова заслуживает памяти. Он был одним из нескольких десятков «одержимых», усилиями которых в XIX веке создавалась основа для развития авиации.

Более удачный проект моторизированного планера создал П. Пильчер (Англия). В его основу была положена модель «Хоук», к которой добавлялся бензиновый двигатель с толкающим воздушным винтом. Предполагалось, что после старта с холма должен был включаться двигатель, который позволял бы аппарату некоторое время лететь горизонтально.

Это уже было ближе к идее создания самолета. Пильчер мечтал установить двигатель на свой триплан. Но к концу лета 1899 года, когда мотор был готов, последовала трагическая смерть конструктора.

Одновременно с Пильчером опыты с мотором производили американцы Шанют и Херринг. Их мотопланер представлял собой триплан с крестообразным хвостовым оперением и парным шасси. Двигатель располагался под крылом и снабжался двумя винтами: толкающим и тянущим. Вес аппарата вместе с двигателем составлял 40 кг. Разбег производился стандартно против ветра.

Управляться планер должен был путем изменения положения тела летчика, сидящего на подвесном сиденье. Этот планер пролетел лишь 22 метра. Неудача убедила Херринга в том, что нужен более мощный мотор. А это значило, что нужно увеличивать вес летательного аппарата и менять его систему управления. Американец зашел в тупик и приостановил свою конструкторскую деятельность.

Параллельно с прогрессом в области авиации шло развитие воздухоплавания. Воздухоплавание (или аэронавтика) — это создание летательных средств легче воздуха. К ним причисляют аэростаты (воздушные шары) и дирижабли. В 1731 году в Рязани произошло странное событие. Вот как о нем отзывались современники: подьячий Нерехтец Фурвим «сделал мяч большой, надул его дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее… и полетел».

Действия Фурвима очень похожи на процедуру запуска первых аэростатов. Полет проходил по следующему сценарию: шар поднялся «выше березы» и столкнулся с колокольней. Смельчак сумел зацепиться за веревку и сохранил себе жизнь. Если все было так, как рассказано в этом источнике, то есть основания считать, что русские более чем на 50 лет опередили французов и осуществили запуск пилотируемого аэростата. Более

того, полет прошел довольно успешно и был прерван лишь по внешним причинам.

В 1783 году член Петербургской АН Л. Эйлер вывел формулы для расчета подъемной силы аэростатов. В ноябре 1783 года в день именин Императрицы Екатерины Великой при дворе в Петербурге был запущен маленький воздушный шар диаметром всего 1,5 фута. В 1784 году русский посланник Иван Барятинский доложил о полетах на воздушных шарах в Европе Екатерине Второй. Опасаясь возникновения пожаров по причине работающих жаровен и горячего воздуха, она запретила их использовать. Александр I снял запрет на воздухоплавание в России. Француз Гарнерен в 1803 году получил привилегию подниматься на воздушном шаре перед публикой в Москве и Петербурге. В 1804 году в Петербурге состоялся полет на воздушном шаре француза Робертсона и Я. Д. Захарова с целью исследования атмосферы. В 1812 году в усадьбе Воронцово под Москвой строится воздушный шар для проведения боевых действий против войск Наполеона. В 1870 году было создано Русское общество воздухоплавания.

В 1875 году знаменитый русский ученый-химик Д. И. Менделеев на заседании Русского физико-химического общества предложил проект стратостата для высотных полетов. Стратостат должен был иметь герметичную гондолу. В августе 1887 года в возрасте 53 лет Д. И. Менделеев на военном аэростате совершил полет из г. Клина длительностью 3 часа 36 минут на высоте 3350 метров для наблюдения солнечного затмения. Шар приземлился недалеко от Калязина, пролетев расстояние около 120 километров. За этот подвиг Французская академия наук наградила его золотой медалью, на которой был выбит девиз братьев Монгольфье: «Так идут к звездам!».

Родоначальниками воздухоплавания считаются братья Этьен и Жозеф Монгольфье (Франция). Это не значит, что именно они первыми создали воздушный шар. Сведения о подобных аппаратах встречались и прежде, но французы были первыми, кто зарегистрировал свой проект, отослав отчет о нем во Французскую академию наук. Их первая модель, наполненный т еплым воздухом шелковый мешок, прошла испытание в помещении меблированных комнат в г. Авиньоне. Второй аэростат испытывался уже на открытом воздухе в г. Аннон. Реакция горожан на эти опыты была агрессивной: братьев обвинили в сговоре с нечистой силой. Дабы успокоить обывателей, было решено произвести публичную демонстрацию воздушного шара. На рис. 2 показан первый аэростат братьев Монгольфье.

5 июня 1783 года произошло событие, ставшее точкой отсчета для воздухоплавания: в небо поднялся 11-метровый аппарат, изготовленный из льняного полотна и бумаги. Шар наполнялся газом, полученным при сжигании кусков бумаги, дерева и мокрой соломы под горловиной оболочки. Мокрая солома использовалась не случайно: шар, наполненный увлажненным воздухом, при той же температуре и подъемной силе имеет меньший объем. Интересно, что братья этого не знали и действовали интуитивно.

Исторический полет прошел весьма успешно: шар поднялся на высоту 1830 метров, продержался в воздухе 10 минут и благополучно приземлился недалеко от места старта.

27 августа 1783 года физик Жак Шарль и механики братья Робер организовали в Париже полет воздушного шара, наполненного легким газом — водородом. Оболочка шара была изготовлена из шелка, пропитанного сы-

Рис. 2. *Первый аэростат братьев Монгольфье:* 1 — *проклеенное бумажное кольцо;* 2 — *галерея для пассажиров и склад соломы;* 3 — *раскрашенная оболочка изо льна и бумаги, покрытая лаком;* 4 — *эмблема*

рой резиной — каучуком. В декабре того же года состоялся первый полет людей на аэростате конструкции Ж. Шарля. Полет продолжался 2 часа, было преодолено расстояние в 40 км. Аэростаты, наполненные водородом, получили название шарльеров или закрытых аэростатов.

В первых запусках участвовали животные: утка, баран и петух. После испытания в прессе разразился скандал — у петуха оказалось сломанным крыло. Вопрос стоял остро: выживет ли в воздухе человек. Приговор общественности был таков: «Кости животного не выдерживают, а человек его не перенесет тем более». Скандал сделал свое дело, и братья Монгольфье не стали пассажирами своего аэростата. Эта история могла серьезно затормозить прогресс в области воздухоплавания. Но французская королевская чета, Людовик XVIII и Мария-Антуаннета, ратовали за развитие аэростатики и даже обещали свободу двум преступникам за их согласие подняться в небо на монгольфьере. Нашлись смельчаки, готовые испытать изобретение братьев.

21 октября 1783 года маркиз А. д'Арланд и барон Пилатр де Розье совершили первый в истории управляемый полет на аэростате. Опыт мог закончиться трагедией. От костра, на котором подогревали воздух, начала тлеть корзина. Все обошлось: прогорев в нескольких местах, шар пробыл в воздухе 25 минут, пролетел 9 километров и приземлился в окрестностях Парижа. Шар имел диаметр в 15 м и вес 675 кг.

Конструкции шаров менялись. Значительный вклад в дело усовершенствования тепловых шаров внес художник и изобретатель Феликс Турнашон. Изготовленный им 30-метровый аппарат «Le Geant» поднимал в воздух гондолу с 12 пассажирами.

Для управления шаром Турнашон придумал газовую горелку. Нагревая с ее помощью воздух, можно было увеличить продолжительность полета, а периодическое включение и выключение горелки позволяло длительное время удерживать постоянную высоту полета. Шары такой конструкции получили название «розьеры» в честь барона де Розье.

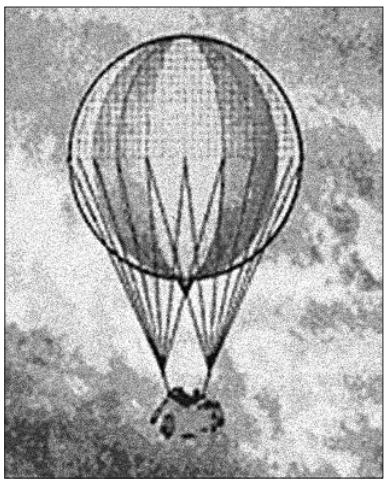


Рис. 3. *Водородный шар-«шальер» в воздухе*

Во второй половине XVIII века во Франции становится популярным воздухоплавание. Создаются и успешно проходят апробацию шары «монгольфьеры» и «розьеры». Эти летательные средства относятся к разряду тепловых воздушных шаров, так как в них применяется горячий воздух. Однако развитие воздухоплавания шло и по второму пути: создание водородных шаров. Вскоре после апробации «монгольфьеров» в воздух поднялись и их ближайшие конкуренты — водородные шары-«шальеры» (рис. 3).

Толчок в развитии этого направления в воздухоплавании дало изобретение, сделанное англичанином Генри Кавендишем. В 1766 году он научился выделять из воды водород, а затем изучил его основные свойства. Годом позже шотландский профессор Джозеф Блэк установил, что заполненные водородом бычьи пузыри должны плавать в воздухе.

Создателем водородных шаров стал профессор Жан-Александр Сезар Шарль, поскольку именно его работу взялась финансировать Парижская академия наук. Шарлю суждено было превратиться из продолжателя дела Монгольфьеров в их ближайшего соперника.

Шарль применил сведения об удивительных свойствах открытого газа на практике. Воспользовавшись изобретением Монгольфье, он создал собственный аэростат, движущей силой которого являлся водород, а оболочка состояла из шелка, пропитанного раствором каучука.

Для большей управляемости аппарата Шарль применил несколько нововведений. Для снижения аэростата использовался клапан, уменьшающий количество водорода в шаре. Балласт (мешки с песком или дробью) сбрасывался для набора высоты. Во время посадки экипаж выбрасывал из гондолы якорь и, тем самым, останавливал полет.

Первый демонстрационный полет состоялся 27 августа 1783 года. Все было обставлено очень помпезно: о старте возвещал сигнал пушки, а в специально пришитый карман положили записку с датой взлета и просьбой вернуть аэростат в Париж. Через 15 минут после старта шар лопнул и упал в пригороде французской столицы.

Следующие запуски «шальеров» были более удачными. 1 декабря 1783 года парижане братья Робер совершили успешный перелет на водородном

аэростате. А осенью 1784 года настоящее путешествие над Великобританией совершил итальянский посол Виченцо Лунарди. Он стартовал в Лондоне, через некоторое время снизился над одной из деревень в Хертфордшире, сбросил свой балласт, высадил кота и, благодаря этому, пролетел еще несколько миль.

26 июня 1794 года в битве при Флерюсе французы впервые в мире применили разведывательный воздушный шар. Командир сформированной за два месяца до этого первой аэростатной роты капитан Жан-Мари-Жозеф Кутель и бригадный генерал Антонин Морло в течение пяти часов находились на высоте 200 метров в гондоле водородного аэростата-«шальера», наблюдая за перемещениями вражеских войск. Полученные сведения они передавали, бросая на землю записки с грузами. Эти записки немедленно доставлялись командующему французской армией генералу Журдану, который благодаря этому имел оперативную и подробную информацию о действиях противника, скрытых от глаз наземных наблюдателей.

После Флерюса во Франции сформировали вторую воздухоплавательную роту, прикомандировав ее к Рейнской армии генерала Пишегрю. Подразделения воздушной разведки принимали участие в осадах Шарлеруа, Вюрцбурга, Майнца, Рейхштадта, Штутгарта и Аугсбурга, а также — в экспедиции в Египте. Польза от аэростатов была несомненной. Французских военных воздухоплавателей конца XVIII века называли аэростьерами.

Полеты на водородных шарах были делом весьма опасным. Водород, газ горючий и, смешиваясь с воздухом, создает взрывоопасную смесь. Малейшей искры достаточно, чтобы произошел взрыв. Именно так погиб первый воздухоплаватель барон Пилатр де Розье. Со временем большинство аэронавтов стали отдавать предпочтение тепловым шарам: «Лучше проиграть в летных характеристиках, но снизить риск и без того опасного полета». Спор между «монгольфьерами» и «шальерами» решило время.

В России интерес к воздушному шару проявил математик академик Леонард Эйлер, который работал над теорией змея. 1 сентября 1783 года Эйлер подробно рассчитал подъемную силу аэростата.

Интерес к вопросам воздухоплавания и простота постройки воздушных шаров способствовали началу практических работ в области воздухоплавания в России. Первые опыты ограничились запусками беспилотных аэростатов.

В 1784 году в Москве француз Мениль организовал подъем воздушного шара без пассажира. Шар имел большие размеры (диаметр более 12 м) и достиг высоты около 3 км.

Пилотируемые полеты на аэростате в России были осуществлены в 1803 году французским воздухоплавателем Ж. Гарнереном. 20 сентября 1803 года с ним поднялся в воздух на воздушном шаре генерал С. Л. Львов, который и стал первым русским человеком, участвовавшим в воздушном путешествии.

В июне 1804 года Российская академия наук организовала первый полет воздушного шара в научных целях. Во время полета этого аэростата, управлявшегося бельгийским воздухоплавателем Робертсоном, академик Я. Д. Захаров выполнил ряд научных опытов. За 3,5 часа полета Захаров взял пробы воздуха на разных высотах, провел замеры давления, температуры, с помощью специального зрительного стекла установил видимость отдельных предметов на земле, провел опыты со звуковыми сигналами.

Первый самостоятельный полет на воздушном шаре, изготовленном в России, был выполнен штабс-лекарем И. Кашинским в Москве осенью 1805 года.

Что касается настоящих «монгольфьеров», то они проникли в Россию сравнительно поздно: в 1807 году штабс-лекарь И. Кашинский совершил полет над Москвой на тепловом воздушном шаре. В августе 1828 года на аэростате поднялась первая русская воздухоплавательница Ильинская.

Еще одно достижение россиян связано с именем Д. И. Менделеева. Увлекшись воздухоплаванием, он начал с того, что тщательно изучил западный опыт. В Париже на Всемирной выставке он встретился со многими известными конструкторами и даже поднялся в небо на привязном аэростате А. Жиффара.

По возвращении Менделеев приступил к исследовательской деятельности. В результате появилась книга «О сопротивлении жидкостей и о воздухоплавании» и был разработан способ получения раствора резины для оболочки воздушного шара.

В 1887 году Менделеев получил от Русского технического общества интереснейшее предложение: пронаблюдать за полным солнечным затмением из гондолы аэростата. Предполагалось, что в полет вместе с ним отправится напарник А. Кованько. Но судьба распорядилась иначе. В последний момент пошел дождь, и оболочка шара намокла, что значительно уменьшило его подъемную силу. В этих условиях Менделеев решается лететь в одиночку.

Впоследствии он опишет свои мысли перед стартом: «…о нас, профессорах и вообще ученых, обыкновенно думают повсюду… что нам, как щедринским генералам, всегда нужен мужик для того, чтобы делать дело, а иначе у нас все из рук валится…».

7 августа 1887 года в 6 часов 35 минут аэростат с Менделеевым на борту оторвался от земли. Высота оказалась не очень большой (3800 метров), поэтому преодолеть границу облачности не удалось, и наблюдения за солнечной короной оказались несколько смазанными. Зато в 9 часов 20 минут шар благополучно опустился на землю.

Историческое значение полета Менделеева состоит в том, что это была одна из первых попыток использовать воздухоплавательный аппарат в научных целях.

В 40-х годах XIX века особой популярностью пользовались в России полеты русских воздухоплавателей В. Берга и А. Леде. Леде погиб в августе 1847 года, совершая очередной полет на аэростате. Он стал первой жертвой российского воздухоплавания.

В первые годы после изобретения аэростата этот летательный аппарат начали применять для решения военных задач. В 1794–1795 гг. революционная французская армия использовала привязные аэростаты как средство корректировки артиллерийского огня и разведки. В 1849 году при осаде Венеции австрийская армия применила беспилотные аэростаты для бомбардировки этого города.

Во второй половине XIX века в России также были предприняты шаги в направлении использования привязных аэростатов для военных целей. В 1869 году Военно-ученый комитет образовал специальную комиссию под председательством генерала Э. И. Тотлебена, которая стала координировать работу ученых и военных специалистов в области воздухоплавания. В результате

деятельности комиссии были созданы первые образцы войсковой воздухоплавательной материальной части, появились военные воздухоплаватели.

В июне 1870 года в Петербурге был произведен подъем первого специально построенного военного аэростата. Этот аэростат представлял собой шар диаметром в 12,5 м, сшитый из шелковой материи и покрытый с внутренней стороны слоем резины.

В конце 70-х годов XIX века во многих армиях Европы и Америки появились учебные воздухоплавательные части. Во Франции в 1878 году была учреждена воздухоплавательная школа в Медоне. Англия имела школу военных воздухоплавателей в Вулвиче и несколько воздухоплавательных рот. В Германии была создана рота воздухоплавателей. В 1885 году в Петербурге также была создана отдельная воинская часть под названием «Кадр военных воздухоплавателей».

XVIII и XIX столетия можно охарактеризовать как эру воздухоплавания. Появившись во Франции, воздушные шары и дирижабли становятся популярными в большинстве развитых европейских стран. Несмотря на многие неудачи и трагедии, аэронавтика стремительно прогрессировала.

Первые тепловые шары-«монгольфьеры» сменились более летучими «шальерами», а в XIX веке им на смену приходят дирижабли, управляя которыми человек действительно мог ощущать себя покорителем Пятого океана.

С изобретением воздушного шара казалось, что вековая мечта человечества о полете наконец-то осуществилась. Однако опьянение от успеха скоро прошло. Аэростаты целиком подвластны воле ветра. Сменилось его направление, и шар вместо Парижа могло занести, скажем, в Лондон. Такая «точность» не могла устраивать воздухоплавателей. Конструкторы стали задумываться о создании управляемых аэростатов.

Следующим шагом была попытка установить на аппарате пропеллер, приводимый в действие мускульной силой человека. Одним из первых эту идею высказал в 1784 году лейтенант вооруженных сил Франции Жан-Батист Мари Мелье.

Задуманный им гигантский дирижабль предполагалось оснастить тремя большими трехлопастными винтами, приводимыми в действие экипажем, состоящим из 80 человек. Проект был нереальным и остался только в мечтах.

Стало очевидным, что для обеспечения управляемого полета летательного аппарата легче воздуха необходимо:

— снабдить аэростат двигателем, обладающим достаточно малым удельным весом;

— установить на аэростате движитель;

— уменьшить сопротивление воздуха в направлении полета;

— обеспечить аэростат органами управления.

Решение некоторых из этих задач было найдено из опыта кораблестроения, который подсказывал, что для выполнения двух последних условий следовало придать летательному аппарату удлиненную форму и установить на нем рули в форме парусов или жестких плоскостей. Опыт морского дела облегчил также выбор движителя управляемого аэростата, прообразами которого могли служить весла и гребной винт. Наиболее сложной задачей являлось создание двигателя, обладавшего достаточно малым удельным весом для его применения на аэростате.

Первый проект управляемого аэростата создал в 1784 году французский инженер Ж. Менье. Он предложил применять для движения аэростата воздушные винты, а для управления — руль. Им же было предложено придать аэростату вытянутую в направлении полета форму для уменьшения аэродинамического сопротивления. Проект управляемого аэростата российскому правительству был предложен немецким изобретателем Ф. Леппихом в 1812 году. Согласно этому проекту, Леппих обещал построить полужесткий большой дирижабль объемом 8000 м^3 на 40 пассажиров, который должен был иметь рыбообразную форму и перемещаться в воздухе с помощью двух подвижных крыльев, прикрепленных по бокам аппарата. Аэростат предлагалось использовать для борьбы с армией Наполеона.

В 1812–1813 гг. Леппих вел в России постройку своего аэростата, совершил несколько подъемов на нем. Однако аппарат не мог лететь против ветра, и работа по созданию управляемого аэростата оказалась безуспешной.

В январе 1814 года российский изобретатель А. Снегирев представил в Академию наук трактат «Опыты над преобразованием аэростатов», в котором предложил свою схему управляемого аэростата — над оболочкой устанавливались крылья под определенным углом, и при подъеме или спуске аэростат мог перемещаться по горизонтали. Для управления по вертикали Снегирев предлагал специальным устройством сжимать газовую оболочку, изменяя ее объем (а, следовательно, и подъемную силу аэростата).

Аппараты такого типа получили название «дирижабли» (от французского слова *dirigeable* «управляемый») или «цеппелины» (по имени Фердинанда Цеппелина). Иногда к ним также применяют термины «воздушное судно» или «воздушный корабль». Первую попытку снабдить дирижабль механическим двигателем предпринял французский механик-самоучка Анри Жиффар (1825–1882).

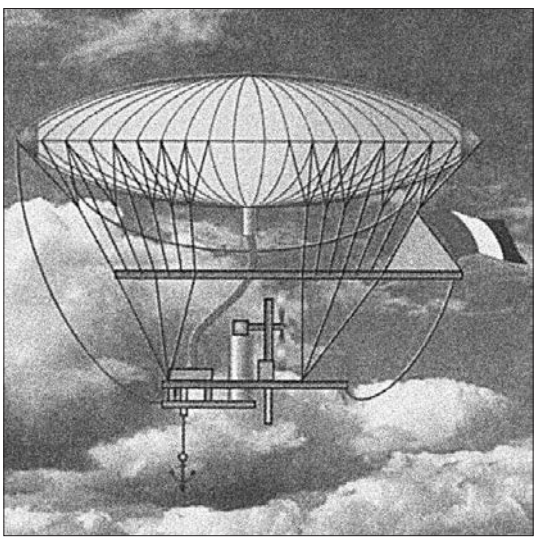


Рис. 4. *Дирижабль конструкции А. Жиффара*

Ему удалось построить паровой агрегат мощностью в 3 л. с. и весом всего лишь в 45 кг. Для того времени это были рекордные результаты. Еще одно ноу-хау Жиффара: оболочка его дирижабля по форме напоминала остроконечную сигару (рис. 4). Жиффар был гениальным изобретателем, но фортуна все время отворачивалась от него. 24 сентября 1852 года его первый корабль легко взмыл в воздух, но остался на месте (помешал встречный ветер).

Его вторая конструкция на высоте стала внезапно выпускать газ, вынудив экипаж к аварийному спуску. Едва коснувшись земли «сигара» выскользнула из сетки и исчезла за облаками. И после всего этого, несчастья продолжали преследовать Жиффара. Он ослеп, а в 1882 году его нашли мертвым в соб-

ственной квартире. Похоже, что воздухоплаватель, лишившись возможности заниматься любимым делом, покончил счеты с жизнью.

В России идею применения парового двигателя на аэростате впервые выдвинул в 1851 году изобретатель Н. Архангельский. Русский инженер Д. Черносвитов в июле 1857 года в журнале «Морской сборник» опубликовал проект управляемого аэростата с паровой машиной и винтовым движителем-пропеллером.

Успешный опыт применения в России боевых ракет, значительная тяга и простота конструкции порохового ракетного двигателя побудили изобретателей к разработке реактивных летательных аппаратов. Капитан И. Третесский в 1849 году разработал проект реактивного дирижабля, у которого реактивный эффект достигался за счет истечения газов через специальное сопло под давлением не менее 6 атмосфер. В зависимости от источника движения, Третесский подразделял свои летательные аппараты на паролеты, газолеты, воздухолеты. Он предложил разделить оболочку аэростата на ряд изолированных отсеков.

Проект Третесского был основан на математических вычислениях, содержал большое количество схем и чертежей, поэтому основная заслуга изобретателя состоит в том, что он впервые в России предпринял попытку научного решения вопроса о применении принципа реактивного движения к задачам воздухоплавания.

Над реактивным дирижаблем работали также Н. М. Соковнин и К. И. Константинов. Морской офицер Соковнин разработал и представил в 1866 году в Военное министерство проект дирижабля с жестким корпусом, в отсеках которого должны были размещаться мягкие газовые баллоны. Эту конструкцию через 33 года осуществил Цеппелин в своих дирижаблях. Соковнин видел трудности, возникающие от применения водорода, и предложил наполнять оболочку не взрывоопасным аммиаком. Для изменения высоты полета был предусмотрен руль высоты, это было также новинкой — за границей он появился в 1902 году на дирижабле Жюлиа. До этого изменение наклона продольной оси дирижабля производилось передвижением в гондоле груза.

Константинов, изучая вопросы применения пороховых ракет в воздухоплавании, на основании опытов, проведенных при помощи ракетного баллистического маятника, пришел к выводу о невозможности использования ракет для перемещения аэростатов.

С развитием техники возрастала безопасность полетов. Демонстрацией полной управляемости воздушных кораблей стал круговой полет соотечественников Жиффара — Шарля Ренана и Антуана Кребса, состоявшийся 9 августа 1884 года.

Их дирижабль «La France» имел жесткий корпус и электродвигатель мощностью в 1,5 л. с. Аэростат преодолел расстояние в 8 км со скоростью 23,5 км/ч и приземлился на месте старта.

Когда был создан бензиновый мотор, ему сразу нашли применение в аэронавтике. В 1888 году Карл Вельферт (Германия) установил его на самодельном аэростате. Однако ставить мотор, из выхлопной трубы которого летели искры на оболочку, наполненную водородом, было самоубийством. В 1897 году газ взорвался, и Вельферт со своим механиком Кнабе погиб.

В 1892 году основоположник космонавтики К. Э. Циолковский разработал проект дирижабля больших размеров (210 метров в длину), рассчитанного на перевозку 200 пассажиров и нескольких тонн груза. Предполагалось, что не только его каркас, но и сама оболочка будут изготовлены из листового металла. Это была принципиально новая идея, однако, к сожалению, Циолковский только высказал ее, а масштабная работа по выяснению оптимальных технических характеристик не была им проделана.

Конечно, Циолковский был из числа тех самых «блаженных безумцев», и уже в этом одном его заслуга. Даже если бы не было реальных открытий, которые он совершил, достаточно было бы его гипотез и фантазий. Таким людям не обязательно изобретать что-либо конкретное, приносящее практическую пользу. Достаточно того, что всей своей жизнью они приближают будущее, развивают человечество и создают почву для будущих великих свершений и научных открытий.

В 1893 году в Россию переехал австрийский инженер Герман Шварц. В Воздухоплавательном парке под Петербургом он развернул строительство 47-метрового цельнометаллического дирижабля. Все работы финансировались Царским правительством. Однако деньги скоро закончились, и инженеру пришлось вернуться на родину.

Проект Шварца был реализован в Германии, а через несколько лет эстафету в создании цельнометаллических дирижаблей подхватил уже известный нам граф Фердинанд фон Цеппелин. Тем не менее, мы можем гордиться: идея дирижаблей-гигантов, столь перспективная в XX веке, родилась в России.

Расцвет дирижаблестроения начался с появлением надежных легких и достаточно мощных двигателей внутреннего сгорания и пришелся на начало XX века. Развитие дирижаблей шло по трем конструктивным направлениям: мягкие, полужесткие, жесткие.

В дирижаблях мягкой схемы корпусом служит оболочка, выполненная из ткани с малой газопроницаемостью. Постоянство формы оболочки достигается избыточным давлением газа, наполняющего ее и создающего подъемную силу, а также баллонетами, которые представляют собой мягкие воздушные емкости, расположенные внутри корпуса. С помощью системы клапанов, позволяющих либо нагнетать в баллонеты воздух, либо стравливать его в атмосферу, внутри корпуса поддерживается постоянное избыточное давление. Если бы этого не было, то находящийся внутри оболочки газ под влиянием внешних факторов — изменения атмосферного давления при подъеме или спуске дирижабля, температуры окружающего воздуха — менял бы свой объем. Уменьшение объема газа приводит к тому, что корпус теряет свою форму. Как правило, это заканчивается катастрофой.

Жесткие элементы конструкции — стабилизатор, киль, гондола — крепятся к оболочке с помощью пришитых или приклеенных к ней «лап» и соединяющих строп. Как каждая инженерная конструкция, дирижабли мягкой схемы имеют свои достоинства и недостатки. Последние достаточно серьезны: повреждение оболочки или отказ вентилятора, нагнетающего воздух в баллонеты, приводят к катастрофам. Основным же преимуществом является большая весовая отдача.

Мягкая схема ограничивает размеры дирижабля, что, впрочем, обуславливает относительную легкость сборочно-разборочных и транспортных

операций. Дирижабли мягкой схемы строились многими воздухоплавателями. Наиболее удачной оказалась конструкция немецкого майора Августа фон Парсеваля. Его дирижабль поднялся в воздух 26 мая 1906 года.

С тех пор дирижабли мягкой схемы иногда называют «парсевалями». Зависимость формы корпуса от атмосферных факторов в дирижаблях мягкой схемы была уменьшена введением в конструкцию жесткой килевой фермы, которая, проходя от носа до кормы по низу корпуса, значительно повышает его жесткость в продольном направлении.

Так появились дирижабли полужесткой схемы. В дирижаблях этой схемы корпусом также служит оболочка с малой газопроницаемостью. Необходимы им и баллонеты. Наличие фермы позволяет крепить к ней элементы дирижабля и размещать внутри нее часть оборудования.

Дирижабли полужесткой схемы отличаются более крупными размерами. Полужесткая схема была разработана французским инженером Жюйо, управляющим сахарными заводами братьев Лебоди. Постройка дирижабля финансировалась владельцами заводов. Поэтому такую схему дирижаблей не совсем справедливо называют «лебоди». Первый полет дирижабля состоялся 13 ноября 1902 года.

В дирижаблях жесткой схемы корпус набран из поперечных (шпангоутов) и продольных (стрингеров) силовых элементов, обтянутых снаружи тканью, которая предназначается только для придания дирижаблю надлежащей аэродинамической формы. Поэтому никаких требований по газопроницаемости к ней не предъявляется. Баллонеты в этой схеме не нужны, так как неизменность формы обеспечивается силовым каркасом. Несущий газ помещается в отдельных емкостях внутри корпуса. Там же устанавливаются служебные проходы.

Единственный недостаток такой схемы заключается в том, что металлическая конструкция каркаса уменьшает вес полезной нагрузки. Именно жесткая схема сделала дирижабль настоящим кораблем, способным плыть в воздушном океане подобно морским лайнерам.

Создателем таких дирижаблей был выдающийся немецкий инженер и организатор их производства генерал граф Фердинанд фон Цеппелин. Его первый воздушный корабль поднялся в воздух 2 июля 1900 года. С тех пор за дирижаблями жесткой схемы закрепилось название «цеппелин». Интересно отметить, что сам Цеппелин, прекрасно понимая преимущества жесткой схемы, отдавал должное дирижаблям и других конструкций. Он говорил, что «один тип судна не исключает другого. Важно лишь, чтобы они были как можно лучше разработаны, а дефекты исправлены в интересах всего человечества и культуры». Дальнейшее развитие дирижаблестроения подтвердило справедливость его слов.

Граф Цеппелин на озере Констан построил огромный ангар, в котором началось строительство дирижаблей-гигантов. Первый из них, «LZ-1», увидел свет 2 июля 1900 года. Он имел даймлеровский двигатель мощностью 16 л. с. и длину 128 метров. «LZ-1» находился в воздухе 20 минут с пятью пассажирами на борту. На рис. 5 показан дирижабль «Граф Цеппелин».

Аппарат плохо слушался управления и требовал доработки. Только третья модель Цеппелина «LZ-3» оказалась качественной. В 1909 году она была приобретена военными. И это не случайно, начинался XX век — эпо-

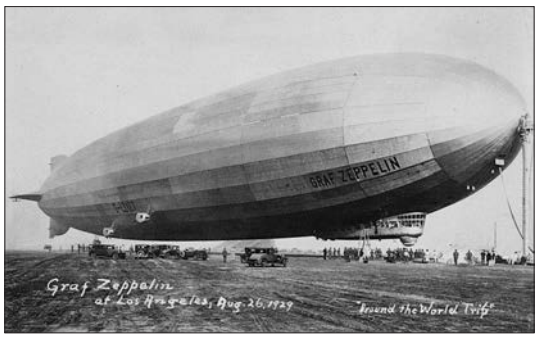


Рис. 5. *Дирижабль «Граф Цеппелин»*

ха мировых войн, в которых дирижабли сыграют далеко не последнюю роль.

Новое достижение инженерной мысли послужило не расцвету культуры, а военным целям. Французский дирижабль «Петри» полужесткой схемы уже в 1907 году принял участие в военных учениях. Начиная с 1909 года «цеппелины» становятся непременными участниками маневров германской армии. Впервые в боевых действиях дирижабли были использованы итальянцами в 1911–1912 гг. во время войны с Турцией. С их помощью проводились разведывательные операции и наносились бомбовые удары. Широкое строительство дирижаблей в Германии, Франции, Италии заставило военное ведомство России также начать работать в этой области.

В феврале 1907 года был создан первый в России научно-конструкторский центр по дирижаблестроению.

«Человек полетит, опираясь не на силу своих мускулов, а на силу своего разума», — гласит афоризм Н. Е. Жуковского. Действительно, в период, предшествующий историческому полету братьев Райт, были предприняты сотни испытаний летательных аппаратов. Чаще всего они заканчивались трагически, иногда это был полууспех.

Но разгадать великую тайну полета не удавалось до того момента, пока авиастроение не было поставлено на научную основу.

Родоначальником научного этапа в самолетостроении считается Д. Кейли. Его опыты с ротативной машиной стали первыми аэродинамическими экспериментами. На их основании англичанин сделал важные выводы о подъемной силе крыла. Его сочинение «О воздушной навигации» стало первым теоретическим трудом о полетах летательных средств с неподвижным крылом.

Первая половина XIX века стала временем детальной проработки конструкции самолета. К его оптимальным формам шли интуитивно, методом проб и ошибок. В этот процесс внес свою лепту, пожалуй, каждый авиатор. Приведем несколько примеров.

У. Хенсон первым предложил использовать винтовой пропеллер и удлиненное крыло. Феликс дю Тампль де ла Круа подал мысль об алюминиевом фюзеляже, Р. Харт — об аэродинамических тормозах. Отто Лилиенталь — не только великий практик, но и теоретик воздушных полетов. Свой опыт и размышления он изложил в книге «Полет птиц как основа искусства летания».

Труды Лилиенталя имели резонанс во всем мире. В 1892 году, вдохновленный его прозрениями, Н. Жуковский написал статью «О парении птиц», в которой научно обосновал возможность управляемого полета на «крылатом» летательном аппарате и выполнении им всевозможных маневров, вплоть до «мертвой петли». А в 1895 году произошла знаменательная встреча немецкого конструктора и его русского последователя. Лилиенталь продемонстрировал Жуковскому свои планеры и преподнес в подарок один из них.

Официальная история авиации ведет свой отсчет с 17 декабря 1903 года. В этот день неподалеку от местечка Китти Хок в Северной Каролине состоялись первые успешные полеты аэроплана братьев Райт, который его создатели назвали «Flyer» («Летун»). Однако он не был ни первым спроектированным, ни первым построенным, ни даже первым оторвавшимся от земли самолетом. Фактически история авиации начиналась намного раньше, и в ней хватает загадок.

Перейти от мечтаний о полете к созданию реального летательного аппарата пытался еще Леонардо да Винчи. Однако и он, и другие изобретатели далекого прошлого возлагали надежды на подражание птице. Впервые идею аппарата с неподвижным крылом, приводимого в движение пропеллерами, предложил в 1689 году нидерландский ученый Христиан Хейгенс (Гюйгенс), но лишь в виде рисунка примитивной и неспособной к полету модели.

Развитие воздухоплавания отодвинуло в тень идею полета на аппарате тяжелее воздуха. Человеком, придавшим ей новую жизнь, стал британский ученый сэр Джордж Кейли. В 1799 году он разработал проект «летающей лодки».

По мере совершенствования паровых машин изобретатели вновь обращались к идее постройки самолета с тепловым двигателем. Первый такой проект был разработан в 1835 году германским механиком Маттисом. Он представлял собой, по сути, гигантский ромбовидный воздушный змей.

Движителем должна была служить машущая вперед-назад лопасть (при махе вперед в ней открывались клапаны, превращая ее в подобие теннисной сетки), приводимая в движение паровой машиной. До практической реализации дело не дошло, видимо, Маттису не удалось найти деньги.

Коммерческую хватку проявил англичанин Уильям Хенсон, основавший в 1843 году первую в мире авиакомпанию «Aerial Steam Transit Company». Его самолет «Ariel» представлял собой настоящий лайнер с размахом крыла в 150 футов. Хенсон полагал, что при взлетной массе в 1350 килограммов ему хватит мощности двигателя в 25–30 лошадиных сил. В результате не удалось добиться полета даже от модели 1:10. В 1848 году, истратив деньги акционеров на опыты с моделями, компания закрылась.

Компаньон Хенсона — Джон Стрингфеллоу добился большего успеха. В том же 1848 году он создал первую летающую модель самолета с паровым двигателем; это был моноплан с двумя толкающими винтами. Модель массой всего в 3 кг, но с размахом крыльев в 3 метра, хоть и плохо, но летала. Француз Альфонс Пено вместе со своим соавтором Полем Гошо в 1876 году разработал устойчивую «бесхвостку» — амфибию с металлической обшивкой, единой ручкой управления высотой и направлением полета, остекленной кабиной и даже примитивным автопилотом. К несчастью, этот проект был совершенно не понят современниками, и Пено покончил с собой в возрасте 30 лет.

В период с 1865 года по 1868 год последовал бум проектов реактивных самолетов: Маффиотти (Испания), де Луврие (Франция), Телешов (Россия), Батлер и Эдвардс (Великобритания). Оригинальной была идея ракетного двигателя, работающего за счет сжигания гремучего газа (водород и кислород), получаемого прямо на борту электролизом воды. Самыми перспективными были пульсирующие воздушно-реактивные двигатели, предложенные (независимо друг от друга) в 1867 году де Луврие и Телешовым. Свое практическое применение двигатель такой схемы нашел лишь почти

80 лет спустя, на немецких ракетах «Fi 103» («V-1») и самолетах-снарядах камикадзе.

На рубеже 1880–1890 годов появились проекты самолетов с электрическим мотором. Здесь практическому воплощению мешал большой вес гальванических батарей. Это породило курьезную идею русского изобретателя Шишкова — этакий «авиа-троллейбус», самолет, летящий над натянутым на столбах проводом и получающий от него питание с помощью подвижного токосъемника.

Первый реально построенный самолет увидел свет в 1874 году, хотя проект был запатентован еще в 1857 году. Его создателем стал Феликс дю Тампль де ла Круа, французский морской офицер. Наблюдение за морскими птицами оказало большое влияние на его идеи. Вместо предложенного Хенсоном простого и надежного прямоугольного крыла дю Тампль спроектировал гибкое крыло сложной формы, которое наверняка сложилось бы в воздухе. Вместе с тем идея большого удлинения крыла была верной.

Дю Тампль первым предложил использовать для постройки каркаса крыльев самолета алюминий. Самолет также должен был иметь, по его мнению, убирающееся шасси. Некоторые идеи француза намного опередили время: крыло с обратной стреловидностью, изменяемый (за счет поворота двигателя в вертикальной плоскости) вектор тяги…

В течение 10 лет дю Тампль занимался доводками и наземными испытаниями аппарата, пока ржавчина и износ не привели самолет в негодность. Не имея денег на дальнейшую работу, изобретатель через прессу предложил плоды многолетних трудов любым желающим, имеющим средства для продолжения его дела.

Призыв остался безответным. Дю Тампль умер в 1890 году в возрасте 67 лет, так и не увидев торжества своей мечты.

Создателем следующего самолета тоже стал морской офицер, но из России: Александр Федорович Можайский.

Оценка места Александра Федоровича Можайского в истории самолетостроения представляет собой одну из наиболее острых и спорных проблем истории науки. Ряд авторов считает Можайского изобретателем первого самолета, другие оставляют всю славу «отцов авиации» за братьями Райт.

С 1855 года он вел наблюдения за полетом птиц. Можайский пришел к выводу, что можно использовать сопротивление воздуха для создания подъемной силы. «Для возможности парения в воздухе существует некоторое отношение между тяжестью, скоростью и величиной площади или плоскости, и, несомненно то, что чем больше скорость движения, тем большую тяжесть может нести та же площадь».

Это формулировка одного из важнейших законов аэродинамики, и она дана Можайским за 11 лет до опубликования аналогичных работ Лилиенталя.

Во время пребывания в Японии Можайский наблюдал за полетами воздушных змеев, которых запускали местные жители. У него в голове рождались первые идеи для проекта собственного летательного аппарата.

В конце 1860-х годов Можайский занялся реализацией задуманного проекта. Он провел серию испытаний с большими воздушными змеями, которых тянула упряжка лошадей. На основании результатов этих испытаний были выбраны размеры будущего самолета.

К 1876 году работы Можайского продвинулись настолько далеко, что он совершил несколько полетов на планере-змее собственной конструкции, буксируемом тройкой лошадей.

Можайский смастерил свою первую модель — «летучку». Она имела все основные узлы современного самолета: фюзеляж, крылья, хвост, оперение и силовую установку.

Три винта приводились в действие заведенной пружиной. «Летучка» была способна совершать устойчивые полеты со скоростью до 5 м/с и выдерживать дополнительную нагрузку около 1 кг. Итак, первый шаг был сделан. Впереди конструктора ждали долгие мытарства по министерствам и унизительные ходатайства о выделении денежных средств на постройку аппарата в натуральную величину.

Можайскому повезло: шел 1877-й год, и Россия готовилась к войне, а по замыслу изобретателя самолет должен был использоваться для бомбометания и разведывательных целей.

Удачные публичные эксперименты, проведенные в Петербурге, обеспечили Можайскому благоприятную реакцию на просьбу о предоставлении денежных средств на продолжение исследований. Изучив проект Можайского, специальная комиссия по воздухоплаванию, в которую входил Д. И. Менделеев, предложила выделить Можайскому три тысячи рублей.

После года экспериментов Можайский предложил построить самолет в натуральную величину. Он должен был иметь два двигателя внутреннего сгорания системы Брайтона общей мощностью в 30 лошадиных сил, расчетную скорость полета до 40 км/час, взлетный вес около 820 кг, размах крыла в 23 метра и длину фюзеляжа 15 метров.

Комиссия под председательством профессора механики Инженерной академии генерал-лейтенанта Г. Е. Паукера сочла проект технически недостаточно убедительным и дорогостоящим.

В испрашиваемой сумме Можайскому было отказано. Можайский приступил к строительству самолета на собственные деньги. К счастью, финансовые проблемы были разрешены: по ходатайству тогдашнего морского министра Сергея Сергеевича Лесовского Можайский получил часть необходимой суммы.

В 1881 году Можайский привез из Великобритании два паровых двигателя для своего самолета.

Еще в 1880 году он подал заявку на патент («привилегию») на свой «воздухолетательный снаряд», и в ноябре 1881 года Департамент торговли и мануфактур выдал Можайскому первый в России патент на самолет.

В 1882 году, наделавший кучу долгов и продавший даже личные вещи, конструктор закончил сборку самолета. По свидетельству современников, готовый аппарат Можайского представлял собой лодку с деревянными ребрами (рис. 6). К бортам лодки были прикреплены прямоугольные крылья, слегка выгнутые вверх. Лодка,

Рис. 6. *«Воздухолетательный снаряд» А. Ф. Можайского*

крылья и хвостовое оперение самолета были обтянуты тонкой шелковой материей, пропитанной лаком. Переплеты крыльев были деревянные (сосновые).

Он добился от военного ведомства выделения ему для постройки и испытаний самолета участка на военном поле около станции Дудергоф возле Красного Села под Санкт-Петербургом. Подробных описаний испытаний самолета Можайского не сохранилось. По одной версии, самолет был полностью собран в 1882 году, по другой — в 1883 году. Даже во втором случае самолет Можайского является первым российским натурным самолетом, дошедшим до стадии летных испытаний. Для мирового приоритета этого мало.

Аппарат стоял на шасси с колесами. Обе его машины были расположены в передней части лодки. Самолет имел три винта с четырьмя лопастями и два руля (горизонтальный и вертикальный). Расчетная скорость полета не превышала 40 км/час. Для разбега самолета Можайский построил специальную взлетную дорожку в виде наклонного деревянного настила.

Испытания детища Можайского производились в условиях большой секретности. 20 июля 1882 года на военном поле в Красном Селе собрались представители военного ведомства и Русского технического общества. Самому Можайскому лететь не разрешили, так как ему в это время было уже 57 лет.

Есть версия, что 20 июля 1882 года самолет Можайского под управлением механика И. Н. Голубева после разбега со специального наклоненного помоста поднялся в воздух. Пролетел по прямой над полем со скоростью 45 км/ч около ста саженей. Никаких весомых подтверждений реальности «полета на сто саженей» нет. Самолет тронулся с места и побежал по наклонному настилу, набирая скорость. Оторвался от стартовой площадки и на какое-то мгновение повис в воздухе, но тут же наклонился набок и рухнул на землю, ломая крыло.

Описание попытки взлета самолета Можайского с последующим креном и сломанным крылом встречается во многих источниках, и похоже на правду.

Но, во-первых, скорее всего, произошло это значительно позднее, в 1884–1885 годах. А самое главное, нет убедительных свидетельств того, что самолету удалось оторваться от земли. Но даже если принять такую версию, то полет, завершившийся аварией, успешным считаться не может.

Сведений об испытаниях сохранилось крайне мало. Докладная записка Главного инженерного управления Военного министерства 1884 года гласит, что самолет Можайского «взбегал вверх по наклонным рельсам, но взлететь не мог».

К итогам испытаний Можайский отнесся весьма критично. По его мнению, главным недостатком конструкции была недостаточная мощность двигателей. Он заказал новый мотор и немедля принялся за создание нового, более совершенного и лучше управляемого аппарата. К сожалению, Можайскому не довелось довести работу до конца. В 1890 году он умер в возрасте 65 лет.

То, что событие, имевшее место 20 июня 1882 года в Красном Селе, является ярчайшей страницей российской истории, неоспоримо. Вопрос о вкладе Можайского в развитие мировой науки более проблематичен. Если мы

признаем, что его «снаряд» совершил полноценный воздушный полет, то родиной авиации, конечно, следует считать Россию. Между тем, очевидцы испытаний сообщали, что аппарат Можайского в худшем случае вообще не смог оторваться от земли, а в лучшем — пролетел несколько метров и воткнулся в землю. В этом плане достижения братьев Райт более предпочтительны.

Вклад Можайского в развитие авиации и без того значителен. Он первым установил зависимость между подъемной силой и лобовым сопротивлением при различных углах атаки. Можайским был впервые разработан фюзеляжный тип самолета (западные конструкторы только в 1909 году стали делать такие самолеты). Можайский высказал идею об использовании фюзеляжа-лодки для посадки на воду (эта идея была претворена в жизнь в 1913 году Д. П. Григоровичем — создателем первого лодочного гидроплана).

В конце 1970-х годов советскими инженерами из ЦАГИ была построена и испытана в аэродинамической трубе модель самолета Можайского. И эти опыты однозначно доказали: мощность самолета была более чем втрое меньше той, что требовалось для горизонтального полета.

В последние годы А. Ф. Можайского перестали противопоставлять братьям Райт. Несмотря на это его роль в развитии российской авиации не подлежит сомнению. **Именно благодаря таким энтузиастам Россия поднялась в небо.**

Там, где терпели поражение инженеры и ученые с многолетними исследованиями и расчетами, успеха добился человек, не проводивший никаких научных изысканий и построивший в результате едва ли не самый странный аппарат, когда-либо отрывавшийся от земли.

Француз Клеман Адер попросту решил скопировать летучую мышь. Бесперспективность махолетов уже была очевидна. Аппарат Адера приводился в движение винтом, который вращала паровая машина. Четыре лопасти винта из тонких пластин бамбука формой напоминали выгнутые птичьи перья. Как и его предшественники, Адер использовал двигатель своей конструкции — и она была удачной: удельная масса составляла всего 3 килограмма на лошадиную силу. Мощность двигателя составляла 20 лошадиных сил. Котел отапливался спиртом. Сам самолет, получивший имя «Эол» (*Eole*), был очень легким.

Вопреки мнению о невозможности существования самолетов с паровым двигателем, «Эол» по соотношению мощности к массе даже превосходил первые «бензиновые» аэропланы.

Свой первый «Авьон», так назвал Адер свои машины (позже это слово вошло во французский язык в значении «самолет»), конструктор строил с 1882 года по 1890 год, потратив на это полмиллиона франков личных средств. Управление самолетом было уникальным.

9 октября 1890 года свершилось историческое событие: впервые пилотируемый аппарат тяжелее воздуха, приводимый в движение лишь собственным двигателем, после горизонтального разбега оторвался от земли и пролетел 50 метров на полуметровой высоте.

Полет длился 5 секунд, пилотировал машину сам конструктор. Роль пилота свелась к запуску и остановке двигателя, управлять же полетом он не мог. Именно в этом состоит ответ на вопрос, отчего пальму первенства отдают не Адеру, а Райтам.

В отличие от Адера, британец американского происхождения Максим поставил дело на строго научную основу, обосновал выгодность криволинейного профиля крыла и разработал пропеллеры с высоким для тех лет КПД (0,6). Наконец, в 1891 году Максим приступил к строительству самолета, которое завершил в 1894 году. Работы обошлись в 20 000 фунтов и были профинансированы Лондонской оружейной компанией.

Британский конструктор создал настоящего гиганта. Это был биплан с размахом крыльев почти в 32 метра, общей площадью горизонтальных поверхностей (включая два огромных руля высоты впереди и позади верхнего крыла) в 372 квадратных метра и взлетной массой более 3,5 тонн. По своим габаритам самолет превосходил даже будущего «Илью Муромца» Сикорского.

Для испытаний был построен туннель: по нижним рельсам аэроплан ехал, а в верхние рельсы он должен был упереться специальными верхними колесами в случае отрыва от земли. Именно это и произошло. Самолет поднялся в воздух и покатил по верхним рельсам после 180-метрового разбега. По результатам измерений Максима подъемная сила составила около 50 000 ньютонов, то есть ее хватило бы даже не на 3,5, а на 5 тонн. Дальше под давлением этих полутора тонн начали ломаться верхние колеса и рельсы. Пар перекрыли, и самолет рухнул на землю.

Поломки были исправимы, однако опыты были прекращены. Очевидно, за время краткого «коридорного» полета Максим убедился, что машина неустойчива и неуправляема. Нужно было менять всю конструкцию, а на это уже не было денег.

Первые самолеты с двигателем внутреннего сгорания строили венгр Немети в 1899 году и россиянин Федоров в 1896–1903 гг., но они проходят по разряду курьезов. Более серьезный аппарат построил в Австро-Венгрии в 1899 году русский эмигрант Кресс. Он представлял собой поплавковый самолет-амфибию оригинальной схемы: имел три крыла, расположенные одно за другим, с небольшим смещением по вертикали. Впервые на реально построенном самолете все управляющие поверхности могли отклоняться одной ручкой, притом одновременно.

К середине 1899 года все было готово, за исключением главного — двигателя. По расчетам Кресса, от него требовалась удельная масса не более 5 килограммов на лошадиную силу, однако конструкторов, способных изготовить такой мотор, не нашлось. В 1900–1901 гг. Кресс проводил наземные, точнее, наводные испытания на озере близ Вены с менее совершенными моторами, заведомо зная, что взлететь не получится. Во время очередных маневров аппарат опрокинулся и затонул. Конструктор, лично управлявший машиной, не пострадал, но после аварии энтузиазм спонсоров увял, и новый аэроплан так и не был достроен.

Другим кандидатом на роль создателя первого успешного самолета с двигателем внутреннего сгорания стал еще один эмигрант, на сей раз из Германии в США, Густав Альбин Уайтхед (Gustave Albin Whitehead), урожд. Густав Альбин Вайсскопф (Gustav Albin Weisskopf), пионер авиации, разработавший и построивший двигатель, и сверхлегкий самолет (рис. 7), на котором, как полагают некоторые историки авиации, совершил полеты более чем за два года до братьев Райт. В 1895 году он эмигрировал в США.

Большая часть деятельности Уайтхеда в области авиации относится к 1895–1911 годам. Однако в это время признания он не получил. В 1901 году газета «Bridgeport Sunday Herald» сообщила о якобы успешном полете дальностью в полмили, совершенном Уайтхедом в окрестностях Бриджпорта.

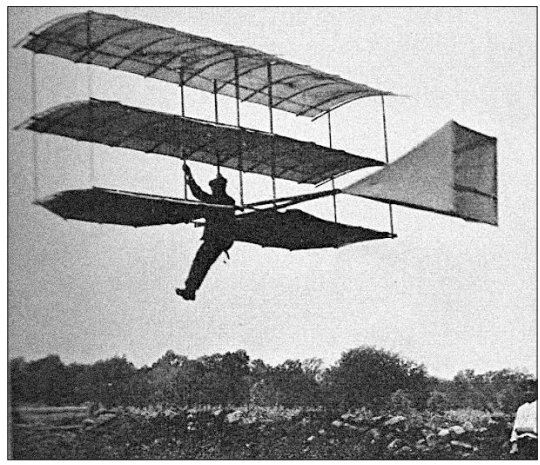


Рис. 7. *Первый планер Уайтхеда*

В 1902 году он якобы совершил еще более впечатляющие полеты на своем самолете «Whitehead 22». Уайтхед провел два полета 17 января 1902 года на усовершенствованной модели с двигателем мощностью в 40 л. с. и алюминиевой конструкцией вместо бамбука.

В двух опубликованных письмах в журнале «American Inventor» он сообщил: «полеты проходили над проливом Лонг-Айленд, расстояние полета составило 2 мили (3 км) и семь миль (11 км) на высоте до 200 футов (61 м). Полеты завершились безопасным приземлением в воду (фюзеляж аппарата представлял собой лодку)». Уайтхед сообщил также, что испытал систему поворота вокруг вертикальной оси с помощью изменения скорости вращения пропеллеров и «руль» во время второго полета, и они работали настолько хорошо, что он смог сделать большой круг и вернуться к берегу, где его ожидали помощники.

Уайтхед в 1911 году самостоятельно изучал вертикальный полет, создал 60-лопастной вертолет. Он без пилота смог оторвать себя от земли. Однако Уайтхед понял, что он нуждается в намного более мощном двигателе, чтобы экспериментальный вертолет стал серьезным проектом. Вскоре значительная часть его имущества была конфискована. С 1915 года Уайтхед работал на фабрике чернорабочим, где он ремонтировал двигатели, чтобы прокормить свою семью.

Для того чтобы проверить возможность полета Уайтхеда в 1901 году и подтвердить его приоритет, американские энтузиасты авиации начали строительство в 1985 году самолета Уайтхеда. Опасные ацетиленовые двигатели Уайтхеда были заменены на современные легкие двигатели. 29 декабря 1986 года Энди Кош совершил на нем 20 полетов, из которых самый дальний составил около 100 метров. 18 февраля 1998 года немецкая версия самолета пролетела около 500 метров.

Американский актер Клифф Робертсон, опытный летчик, изучал вопрос о первенстве полета Уайтхеда. В 80-х годах Робертсон решил проверить легенду о Густаве Уайтхеде, немецком эмигранте, который, возможно, построил и совершил полет на самолете в Бриджпорте (штат Коннектикут) в 1901 году, за два года до братьев Райт. Робертсон построил копию аппарата Уайтхеда, сам пилотировал его, посадив на взлетно-посадочную полосу в Бриджпорте. Он взлетел с несущего его трейлера и совершил короткий полет, что подтвердило возможность полета Уайтхеда. «Мы никогда не будем

оспаривать несомненную роль братьев Райт, — сказал Робертсон, — но если этот бедный немецкий иммигрант действительно построил самолет и однажды совершил полет, то давайте дадим ему признание, которое он заслуживает».

В 1935 году журнал «Popular Aviation» опубликовал статью «Совершил ли Уайтхед первый полет с двигателем раньше братьев Райт?», которая была написана в соавторстве со Стеллой Рэндольф и специалистом по истории авиации Харви Филлипсом. Рэндольф развила статью в книгу: «Забытые полеты Гюстава Уайтхеда» (1937). Статья и книга вернули имя Уайтхеда из забвения и стали причиной последующих споров, которые продолжались в течение многих лет среди энтузиастов авиации и историков о том, являются ли работы Уайтхеда фактом или легендой.

Споры о первенстве практически утихли до 1960 годов, когда Уильям О'Дайер нашел на чердаке в доме в Коннектикуте несколько фотографий аппарата Уайтхеда. После этого он посвятил себя исследованию работы Уайтхеда и стал убежденным сторонником приоритета Уайтхеда.

18 апреля 2015 года в газете «Нью-Йорк Таймс» сообщалось о том, что законодатели штата Коннектикут (США) поставили под сомнение приоритет братьев Орвил и Уилбур Райт в осуществлении первого в мире полета на самолете в 1903 году. В принятой ими резолюции утверждается, что первый полет осуществил 14 августа 1901 года в районе города Бриджпорт и Фэйрфилд эмигрант из Германии Густав Уайтхед, поднявшийся на своем самолете на высоту 16 метров и пролетевший на нем более полутора километров.

В подтверждение этой версии, сообщается в статье, учитель из Коннектикута Энди Кош построил и успешно испытал в 1986 году в аэропорту им. Сикорского в Стрэтфорде модель самолета Г. Уайтхеда.

Исследователи авиации Луи Чмил и Ник Энглер признавали возможность полета Уайтхеда до братьев Райт, но утверждали, что его достижение было малозначительно.

В то время как сторонники Уайтхеда настаивают, что он был первым, кто полетел, никто из них не утверждает, что его работа имела какое-либо влияние на раннюю авиацию или развитие науки. Даже если кто-нибудь когда-нибудь сделал фотографию аппарата № 21 в полете 14 августа 1901 года, это будет не более чем примечание, любопытная аномалия в истории авиации.

Работа Уайтхеда в то время привлекала внимание различных авиационных кругов, производителей и исследователей. Например, секретарь Смитсоновского института Самуэль Лэнгли, который построил летательный аппарат под названием «Аэродром», тайно отправил своего помощника, чтобы узнать размеры и технические детали самолета Уайтхеда.

В октябре 1904 года Джон Дж. Дворак, профессор физики в Университете Вашингтона в Сент-Луисе, объявил публично, что Уайтхед продвинулся дальше в развитии самолета, чем другие люди, которые занимались аналогичной работой.

Согласно статье Уильяма О'Дайера в «Flight Journal», когда братья Райт искали легкий двигатель для полетов в Китти Хок, Октав Шанют убеждал Уилбура изучать одни из тех, которые были сделаны Густавом Уайтхедом. Орвилл Райт отрицал, что они когда-либо встречались с Уайтхедом в его магазине, заявляя, что они только остановились в Бриджпорте во время поездки на поезде в Бостон.

Согласно отчетам, предоставленным в 1930-е годы двумя рабочими Уайтхеда, братья Райт посещали магазин Уайтхеда на Пин-стрит дважды в 1902 году и ранее. Один из них процитировал Уайтхеда, сказав: «Теперь, когда я рассказал им все мои секреты, держу пари, что они никогда не будут финансировать мой самолет».

Даже Стэнли Бич заявил, что Уайтхед «заслуживает место в ранней авиации в связи с его передовыми чрезвычайно легкими двигателями и самолетами. Пятицилиндровый керосиновый двигатель, с которым, по его утверждению, он летал над проливом Лонг-Айленд 17 января 1902 года, был, я полагаю, первым авиационным дизелем».

История показывает, что Густав Уайтхед шел своим путем к полету, делясь своими знаниями на этом пути. Братья Райт, очевидно, имели ту же самую страсть к полету, но настойчиво добивались патентования, чтобы получить коммерческий результат.

С куда большим основанием оспаривать приоритет Райтов мог бы новозеландский фермер Ричард Пирс. Этот инженер-самоучка сделал ряд изобретений и создал в 1902 году оригинальный двухцилиндровый двигатель, развивавший мощность в 15 лошадиных сил при массе всего 57 кг. В том же году Пирс оснастил этим двигателем сконструированный им аэроплан.

В отличие от Райтов, Пирс не позаботился о доказательной базе своих опытов. Не существует ни одной фотографии его аэроплана в воздухе. Но, в отличие от Уайтхеда, полеты Пирса подтверждены достаточным количеством свидетелей. Правда, в описаниях и датировках есть расхождения. Некоторые полагают, что он впервые оторвался от земли 31 марта 1902 года, но более вероятно, что первый полет произошел ровно год спустя. Все полеты кончались авариями; обычно самолет просто цеплялся за живые изгороди, и лишь однажды причиной аварийной посадки стал перегрев двигателя. Так почему же даже сам Пирс признавал приоритет Райтов, поднявшихся в воздух лишь в декабре того же года? Причина все та же — неуправляемость.

Последний конкурент Райтов, их соотечественник Сэмюэл Пирпонт Лэнгли был в свое время куда более знаменит, чем два безвестных велосипедных механика. Этот видный ученый-астроном немало сделал и для развития аэродинамики. Он впервые ввел в употребление термин «аэродром».

В 1887—1906 гг. Лэнгли занимался аэродинамическими исследованиями и конструированием летательных аппаратов. Лэнгли начал экспериментировать с моделями самолетов с резиновым мотором и планерами в 1887 году. Он построил «крутящуюся руку» (функциональный аналог аэродинамической трубы) и построил крупные летательные машины с небольшими паровыми двигателями.

Первый успех пришел к нему 6 мая 1896 года, когда его непилотируемая «Модель № 5» летела почти километр после запуска с катапульты с лодки на реке Потомак. Несмотря на то, что этот полет был неуправляемым (а это важный момент для развития авиации), историки авиации полагают, что это был первый в мире уверенный полет оснащенного двигателем аппарата тяжелее воздуха. 11 ноября того же года его «Модель № 6» пролетела более 1,5 километра. Эти полеты были стабильными, и подъемная сила была достаточной для полета такого аппарата.

В 1898 году, основываясь на успехе своих экспериментов, Лэнгли получил грант вооруженных сил США в сумме 50 000 долл. и 20 000 долл. от

Смитсоновского института на разработку пилотируемого самолета, который он назвал «Аэродром» (от двух греческих слов, в переводе означающих «воздушный бегун»). Лэнгли принял на работу Чарльза М. Мэнли (1876–1927) в качестве инженера и летчика-испытателя. Когда Лэнгли узнал от своего друга Октава Шанюта об успешных полетах планера братьев Райт 1902 года, он предпринял попытку встретиться с ними, но они вежливо отказали ему.

Самолет, получивший название «Aerodrome A», был в основе своей готов к началу 1901 года, но двигатель удалось доделать намного позже. Лэнгли удалось добиться мощности в 50 л. с. при массе 94 кг. Не только по абсолютной, но и по удельной мощности это было лучше, чем у Райтов. Этот результат оставался непревзойденным еще в течение нескольких лет. Взлетная масса «Аэродрома А» составляла всего 340 кг вместе с пилотом. Взлет должен был производиться с баржи.

Гленн Кертисс сделал несколько модификаций «Аэродрома» и совершал успешные полеты на них в 1914 году. Таким образом, Смитсоновский институт имеет основания утверждать, что «Аэродром» Лэнгли был первым аппаратом, оказавшимся «способным к полету». С одной стороны, это была часть его борьбы с патентом братьев Райт, а с другой — попытка Смитсоновского института оставить приоритет создания первого самолета за Лэнгли. Тем не менее, суды поддержали патент.

Над созданием самолета трудились лучшие изобретатели всего мира. Вопросом номер один было создание легкого и мощного двигателя. Над тем как управлять крылатой машиной, думали мало. Главное — взлететь. Неумение управлять заканчивалось печально. В 1896 году погиб Отто Лиенталь.

Американцы братья Уилбур и Орвилл Райты тоже очень хотели, чтобы их крылатая машина взлетела. Но при этом они понимали: прежде чем садиться в кресло пилота, нужно научиться летать. Но как же это сделать? Летающий самолет к тому времени еще никто не изобрел. Братья Райт нашли выход из сложившейся ситуации. Чтобы овладеть навыками пилотирования, они смастерили планер, способный пролететь несколько сотен метров на небольшой высоте. Полеты на планере научили воздухоплавателей удерживать равновесие летательного аппарата в воздухе.

Кроме того, продумывая управление будущим самолетом, Уилбур и Орвилл использовали свое умение ездить на велосипеде. С его помощью они установили, что в воздухе самолет легче будет повернуть, если его наклонить в сторону поворота. Ведь именно так делают велосипедисты, закладывая крутой вираж. Наблюдения за полетом птиц, в частности сарычей, привели их к убеждению, что управляемости планера следует добиваться не путем перемещения веса летчика, как это делалось ранее, а используя аэродинамические силы на подвижном крыле. Только поняв, как управлять воздушным судном, братья Райт занялись конструированием двигателя. В конце концов, им удалось сделать легкий и достаточно мощный бензиновый двигатель.

Вряд ли братья Райт стали теми, кем они являются в истории авиации, если бы не опыты Лилиенталя и Жуковского в области аэродинамики крыла.

Американцами была сконструирована особая аэродинамическая труба, с помощью которой они изучали всевозможные профили и формы крыла в

поиске наиболее оптимальной. Затем Райт перешли к апробации своих теоретических выводов на планерах собственной конструкции и только после этого приступили к созданию самолетов. Такая методичность была вознаграждена. 14 декабря 1903 года на 3,5 секунды поднялся в воздух «Флайер», первый аэроплан братьев Райт.

Через три дня младший из Райтов, Уилбур, смог продержаться в воздухе целых 59 секунд и преодолеть 260 метров. Интересно, что, довольные таким фантастическим результатом, братья решили их обнародовать. Пресса не оценила полученную информацию: «Всего 59 секунд. Если бы было 59 минут, то стоило бы об этом говорить».

Но и сами беспокойные американцы не собирались почивать на лаврах. Через год прошли успешные испытания «Флайера II», а чуть позже — его улучшенной модификации «Флайера III». Последний совершил полет продолжительностью 39 мин. 23 секунд и покрыл при этом расстояние в 38,9 км. В следующие два года они продолжали совершенствовать конструкцию аэроплана и совершили более 200 полетов. 22 мая 1906 года братья получили патент на свое изобретение.

В 1909 году братья создали компанию «Райт», которая производила самолеты и обучала пилотов. 30 мая 1912 года в Дейтоне умер от брюшного тифа Уилбур. Орвилл Райт скончался 30 января 1948 года в Дейтоне. После его смерти первый моторный аэроплан «Флайер I» поступил в качестве экспоната в Смитсоновский институт в Вашингтоне.

Полет братьев Райт ознаменовал собой рождение воздушного транспорта — нового, загадочного и неизвестного. Появление возможности двигаться по воздуху стало символом XX века. С тех пор прошло много лет. За это время самолет из опасного развлечения превратился в надежный и быстрый вид транспорта, многократно сокративший расстояния между городами, странами и континентами.

В области авиастроения достижения российских конструкторов впечатляющие. Россия стоит у истоков создания реактивных самолетов. Несмотря на то, что работы в этом направлении были начаты испанскими и французскими изобретателями, конкретно разработкой аэропланов с реактивными двигателями занялся артиллерийский офицер Н. А. Телешов. На моноплане собственной конструкции он задумал установить пульсирующий воздушно-реактивный двигатель на жидком топливе. Главным отличием агрегата являлось то, что смешение топливных паров с воздухом должно было происходить еще до поступления в камеру сгорания. Проект Телешова не получил должной поддержки и интерес к созданию самолетов этого типа на некоторое время упал.

В 1880-х годах работы были продолжены. Россияне С. С. Неждановский, А. Винклер, Ф. Р. Гешвенд занялись вопросами повышения экономичности реактивных двигателей за счет использования более энергоемкого горючего. В проектах Неждановского предполагалось использовать двигатели, работающие на сжатом газе, водяном паре, смеси нитроглицерина со спиртом или глицерина с воздухом.

По мнению Винклера, реактивный двигатель должен приводиться в действие горящей смесью газообразного кислорода и водорода, полученной в результате электролиза.

Гешвенд разработал проект биплана — «бесхвостки». Эта конструкция, получившая название «Паролет», имела крылья элипсообразной формы и нос в виде конуса. По мнению изобретателя, «Паролет» должен был подниматься в воздух после долгого разбега по рельсовой дороге и развивать скорость до 280 км/ч.

Идеи русских конструкторов о создании скоростных самолетов были встречены с недоверием. Это и понятно, ведь летательные средства того времени были рассчитаны на значительно меньшие скорости. Поэтому проекты аэропланов с реактивными двигателями показались современникам фантастическими и были забыты. Время реактивной авиации еще не пришло. Тем не менее, Телешов, Гешвенд и другие занимают достойное место в истории науки.

На рубеже XIX–XX веков планеристика оказалась в кризисе и перед конструкторами встала задача изобретения принципиально нового летательного средства. Выход из тупика был найден братьями Райт, открывшими аэродинамический способ управления.

Но это будет уже другая страница истории покорения человеком воздушного пространства. И имя ее — самолетостроение. Слава создателя первого самолета, оторвавшегося от земли, принадлежит британцу Джону Стрингфеллоу.

К концу XIX столетия стало ясно, что из-за своих размеров и массы паровые двигатели не могут успешно использоваться в авиастроении. Важнейшей вехой в истории самолетостроения явилось изобретение в 1876 году немецким инженером Н. А. Отто двигателя внутреннего сгорания. Его основная идея состояла в том, что перед зажиганием рабочую смесь надо подвергнуть сжатию, а взрыв производить в крайнем верхнем положении поршня. Двигатель назвали четырехтактным.

Через несколько лет немецкий инженер Готлиб Даймлер изобрел двигатель, работающий на бензине. В нем был применен карбюратор, в котором бензин испарялся, пары смешивались с воздухом и поступали в цилиндр двигателя. Во второй половине XIX столетия, благодаря изобретениям Отто и Даймлера, было преодолено важнейшее препятствие на пути создания летательных аппаратов тяжелее воздуха.

Полет братьев Райт, постройка изобретателями Отто и Даймлером двигателей внутреннего сгорания открыли путь для развития самолетостроения. **Наступающему XX столетию суждено было стать веком АВИАЦИИ.**

В лидеры авиастроения постепенно вышла Франция. В 1905–1910 гг. во Франции созданием самолетов занимались Сантос-Дюмон, Фербер, Блерио, братья Вуазен. Они копировали схему братьев Райт, постепенно видоизменяя и совершенствуя ее. Блерио создал моноплан оригинальной конструкции. В Англии строил самолеты Уайт, в США — Кертисс.

Период с 1903 года по 1910 год стал завершающим в создании облика авиации, так как за эти годы были:

1) поняты и практически исследованы основы теории полета и принципы компоновки самолета (Лилиенталь, Шанют, Можайский, Жуковский, братья Райт);

2) заложены основы аэродинамики — науки о силах и моментах, действующих на самолет в полете (Лилиенталь, Ленгли, Жуковский, Эйфель, Прандтль);

3) созданы аэродинамические компоновки самолетов, обладающие необходимым комплексом свойств;

4) выбраны размеры самолета и энерговооруженность, обеспечившие достаточно продолжительные моторные полеты.

Наибольший технический успех сопутствовал конструктору профессору Г. Юнкерсу, фирма которого сумела создать и запустить в 1915 году в серию первый цельнометаллический самолет-моноплан «J-1» — прообраз всех ныне существующих воздушных судов. Примерно в те же годы на противоположном конце земли, в городе Сиэтле, на тихоокеанском побережье США, богатым лесопромышленником Уильямом Боингом была основана фирма по выпуску легких почтовых гидросамолетов, которая сегодня является компанией «Боинг» — крупнейшим в мире производителем магистральных лайнеров, используемых авиаперевозчиками всего мира.

Что же касается России, то ее авиаконструкторская мысль также не бездействовала. В 1913 году состоялся полет первого в мире четырехмоторного самолета «Русский витязь». В начале 1917 года действовало 20 авиа- и моторостроительных заводов, производивших оригинальные и лицензионные воздушные суда.

Следующий период развития авиации оказался связанным с боевым применением самолетов. Впервые самолеты были опробованы как боевые в 1911 году в Триполитании (Ливия) во время войны Италии с Турцией и в 1912 году на Балканах во время войны Греции и Болгарии. Самолеты были только у одной из воюющих сторон (у Италии и Болгарии). Использовали их для связи и разведки.

В отличие от рукотворных птиц-самолетов идея о создании вертолетов появилась, по-видимому, после наблюдений за полетом стрекоз. Вертолет, называемый также винтокрылом или геликоптером, — летательный аппарат, у которого подъемная сила создается вращающимися винтами. Несмотря на значительно меньшую по сравнению с самолетами скорость, аппараты этого типа обладают целым рядом преимуществ: они способны мгновенно, без разбега подниматься в воздух, подолгу зависать на одном месте, а затем продолжать полет в любом направлении. Полеты винтокрылых летательных аппаратов были осуществлены в начале XX века, сама же концепция геликоптера имеет намного более раннее происхождение. По некоторым данным, более двух с половиной тысяч лет назад китайцы придумали летающую вертушку в виде палочки, к верхнему концу которой крепился воздушный винт. Палочку раскручивали в ладонях и отпускали. Эта забавная игрушка и явилась, по всей видимости, прадедушкой современных вертолетов. А вот первые документальные свидетельства о том, что люди рассматривали возможность вертикального полета с помощью вращающихся плоскостей, относятся к XV веку.

В рукописи Леонардо да Винчи имеется рисунок машины с винтом. Это, несомненно, прообраз вертолета. Свой аппарат, названный итальянцем «геликоптер», он предполагал снабдить ротором из накрахмаленного (для прочности) льняного полотна. Ротор должен был приводиться в действие пилотом, который, обмотав вокруг мачты веревку и рванув за нее, приводил винт во вращение, как это делали китайцы, запуская свои игрушки. Данные о подъеме геликоптера Леонардо в воздух отсутствуют. Зная, однако, характер великого флорентийца, его разносторонние интересы и привычку

браться за все новое, не закончив начатого, можно предположить, что первый вертолет так и не был запущен, и, возможно, остался лишь на бумаге.

Первая в мире документированная практическая разработка летательного аппарата тяжелее воздуха была выполнена великим русским ученым М. В. Ломоносовым. В 1754 году он построил модель геликоптера. Ему не было известно о работах Леонардо да Винчи, так как последние впервые были опубликованы только в конце XIX столетия.

Ломоносов теоретически обосновал и практически осуществил первую модель летательного аппарата тяжелее воздуха. Он сделал первую в истории практическую попытку применения архимедова винта для полета. Винт в то время не был еще известен даже в качестве движителя для морских судов. Открытие показывает, что Ломоносов правильно понял законы сопротивления воздуха и нашел силу, способную поддерживать и продвигать аппарат в полете. Очевидно, стремясь уничтожить реактивный момент, Ломоносов предусмотрел в своем геликоптере два винта, вращающихся в противоположные стороны.

Однако изобретателем геликоптера официально считают француза Пауктона, который на 14 лет позже Ломоносова, в 1768 году сконструировал небольшой геликоптер. Французские ученые физик-механик Ж. Бьенвеню и естествоиспытатель Б. Лонуа построили маленькую модель геликоптера, снабженную источником энергии в виде обычного лука из упругого китового уса, которая летала. Свое изобретение они доложили Французской академии наук 28 апреля 1784 года. Аппарат конструкции, подобной геликоптеру Ломоносова, был построен в Европе спустя полвека Якобом Дегеном в 1816 году.

Английский изобретатель У. Г. Филиппс предпринял попытку повысить подъемную силу винтов. В 1849 году он разработал летательный аппарат, в котором использовался реактивный принцип вращения винта. Для этого из концов лопастей вырывался находящийся под давлением пар, который и вращал ротор. В следующем году уже знакомому нам конструктору Джорджу Кейли пришла идея о том, как сделать геликоптер более управляемым.

Джордж Кейли опубликовал две статьи, посвященные вопросам авиации, в которых высказал идею самолета-полиплана, а также опубликовал проект конвертоплана с четырьмя дискообразными несущими поверхностями. Он придумал «воздушный экипаж», снабженный винтами для выполнения вертикального полета и четырьмя круглыми крыльями, позволяющими перемещаться вдоль земли. И все же конструкцию Кейли нельзя считать винтокрылой в полном смысле слова, это было нечто среднее между планером и геликоптером.

Первое в России после геликоптера М. В. Ломоносова упоминание о постройке модели вертолета (1861) содержится в предисловии описания проекта самолета, данного М. Сауляком. В 1863 году проекты вертолетов публикуют журналист А. В. Эвальд и горный инженер П. Алексеев.

В 1869 году А. Н. Лодыгин, известный своими изобретениями в области электротехники, предложил проект аппарата вертикального взлета с электрическим двигателем. Летательный аппарат, названный Лодыгиным «электролет», предназначался для решения таких военных задач, как воздушная разведка и даже бомбардировка.

Во второй половине XIX века проблемой создания вертолета занимался также выдающийся метеоролог М. А. Рыкачев. Как и Ломоносов, Рыкачев стремился разрешить проблему исследования верхних слоев атмосферы с помощью летательных аппаратов. Совершив лично несколько подъемов на воздушном шаре, ученый убедился в несовершенстве аэростатов для намеченных изысканий и обратился к разработке летательных аппаратов тяжелее воздуха.

В 1870 году французский исследователь А. Пено создал модель вертолета с вращающимися в противоположные стороны винтами (как указывалось выше, впервые эта идея была предложена М. В. Ломоносовым в 1754 году). Это позволило решить проблему балансировки реактивного момента, действующего на модель. В это же время эксперименты с вертолетами проводили во Франции: Ренуар (1872), Меликофф (1877), Дандро (1878–1879) и др.; в Италии: Е. Форланини (1877), в США: Л. Кроуэл (1862), Д. Вуттон (1866), Д. Вад (1876) и др.

Работы, связанные с винтокрылыми машинами, велись в России Д. К. Черновым, С. К. Джевецким, И. О. Ярковским, С. С. Неждановским, Н. Е. Жуковским. Основная проблема, стоявшая тогда перед изобретателями, заключалась в разработке двигателя. Были предложены проекты, в которых предлагалось подавать сжатый воздух по трубам с земли для привязного вертолета (Л. Д. Андре). А. Н. Лодыгин, С. А. Ноткин, О. И. Мирошниченко и другие предлагали использовать электродвигатель в качестве силовой установки вертолета.

Проблемой при разработке винтовых аппаратов оказалось создание теории несущих винтов. С. К. Джевецким в 1892 году были заложены основы теории «элемента лопасти», которая на протяжении многих лет являлась для конструкторов вертолетов главным руководством по выбору параметров несущих винтов.

В XIX веке многие конструкторы работали над проектами винтокрылых машин. Но их нельзя назвать подлинными изобретателями вертолета. Их создания — всего лишь модели, не прошедшие испытаний. Они не были запатентованными и, самое главное, не пилотировались. Вопрос об оснащении геликоптеров двигателями не был популярен. Развитие этой области авиации отставало от прогресса в планеризме и воздухоплавании в целом.

Несмотря на некоторое отставание в разработке геликоптеров в XIX столетии, первые винтокрылые аппараты появились едва ли не в одно время с первыми самолетами. Прогресс был вызван разработкой и использованием моторов.

Первым в 1905 году был запущен аппарат М. Леже. Два его противоположно вращающихся винта приводились в действие электродвигателем. Успехи Леже были неоспоримы: машина смогла на некоторое время подняться в воздух.

Годом рождения вертолета считается 1907 год. 16 сентября 1907 года французская машина фирмы «Бреге–Рише» впервые смогла оторваться от земли и приподнять над ней человека. «Жироплан», как назвали создатели свой летательный аппарат, приводился в действие одним бензиновым двигателем мощностью в 50 лошадиных сил, соединенным с четырьмя винтами.

По-настоящему первый свободный полет на вертолете осуществил Поль Карно. Произошло это историческое событие 13 ноября 1907 года во Франции вблизи Лизье. П. Карно поднялся в воздух на двухвинтовом летательном средстве, оснащенном двигателем «Антуанетт» мощностью в 24 л. с. Машина находилась в воздухе всего 20 секунд на высоте от 0,3 до 1,5 метров (в литературе приводятся разные данные). Но даже такая высота показалась огромной. Существенным недостатком первых винтокрылов была их неуправляемость. Поиски оптимальной конструкции продолжались. Итальянец Дж. А. Крокко высказал мысль о создании вертолета с циклическим шагом винта. Эта мысль была воплощена в жизнь спустя несколько лет, в 1912 году, датским изобретателем Якобом Эллехаммером.

Значительную лепту в вертолетостроение внес русский изобретатель Борис Юрьев. В 1911 году, будучи еще студентом и учеником профессора Н. Е. Жуковского, Юрьев опубликовал схему одновинтового вертолета. Главным достоинством его схемы является способ управления лопастями несущего винта. Изобретенный им «автомат перекоса» — одно из самых замечательных в истории вертолетостроения устройств. Принцип действия этого механизма очень прост. Каждая лопасть винта описывает при вращении круг. Если лопасти несущего винта сделать подвижными относительно своих продольных осей таким образом, что они смогут менять угол наклона к плоскости вращения, то можно очень легко управлять движением вертолета.

Это было великое открытие, оказавшее огромное влияние на последующее развитие вертолетостроения. Сегодня все современные винтокрылы оборудуются «автоматами перекоса». Однако запатентовать свое изобретение Юрьев не смог, так как не имел на это денег. Поэтому первый одновинтовой вертолет в России по схеме Юрьева удалось построить очень поздно, в 1948 году (рис. 8).

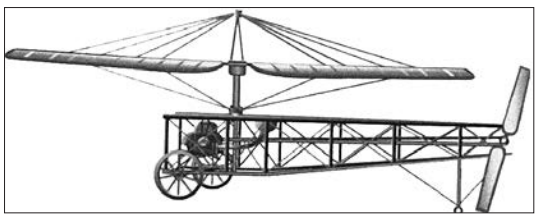


Рис. 8. *Вертолет Б. Юрьева*

22-летний студент Б. Юрьев разработал в общих чертах всю схему одновинтового вертолета. Этой схемой сейчас пользуется 90 процентов строителей вертолетов. Это был гигантский прорыв в области конструирования. Можно с уверенностью утверждать, что вертолет современного типа родился в России.

Таким образом, в начале XX века вертолетостроение стремительно прогрессировало: в 1905 году появился проект первого вертолета с мотором, а через два года в небо уже взмыл первый геликоптер с человеком на борту. В последующие годы развитие идеи вертолета будет идти в ногу с самолетостроением. Важно подчеркнуть, что в этот период были разработаны в общих чертах основные типы современных винтокрылов: одновинтовые и многовинтовые геликоптеры.

В первое десятилетие XX века к энтузиастам воздушных полетов пришло понимание, что дело их жизни может сулить не только славу и опасности, но и существенную коммерческую выгоду. Основателями первого самолетостроительного предприятия стали изобретатели аэроплана Орвилл и Уилбур Райт. Их семейная фирма «Wright Company» имела филиалы в

других странах и приносила большие доходы. Впоследствии это предприятие подвергалось частым изменениям. В 1916 году Орвилл Райт продал принадлежавшие ему акции, и фирма объединилась с компанией Глена Л. Мартина, образовав корпорацию «Wright-Martin Aircraft Corporation». Через год он вышел из объединения, и фирма была переименована в «Wright Aeronautical Corporation».

В 1903 году братья Райт построили первый самолет с бензиновым двигателем мощностью в 9 кВт и весом в 77 кг — «Флайер-1» (рис. 9).

17 декабря 1903 года человек впервые поднялся в воздух на аппарате тяжелее воздуха с двигателем. Был совершен первый пилотируемый полет, а братья Райт стали первыми авиаторами.

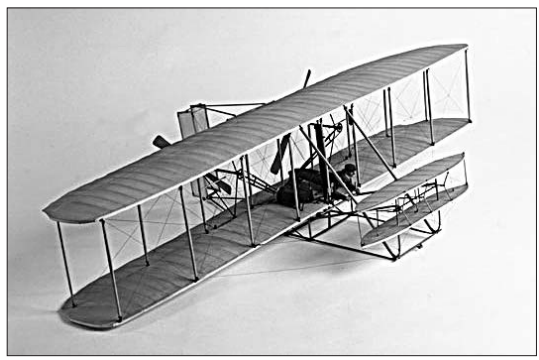


Рис. 9. *Самолет братьев Райт «Флайер-1»*

Основными самолетами, выпускаемыми братьями Райт, были:

Модель А — первый стандартный биплан с бензиновым двигателем мощностью 30 л. с.;

Модель В — аналогичная конструкция с двигателем в 35 л. с. с колесным и лыжным шасси и рулем высоты, установленным не впереди, а сзади.

Первая французская авиафирма, «Les Freres Voisin», была создана в 1906 году Шарлем и Габриелем Вуазеном. На этом предприятии Э. Ардикон и Луи Блерио построили свои первые планеры. В дальнейшем основным направлением деятельности компании было совершенствование самолетов типа «Voisin». «Вуазен» получает целый ряд выгодных заказов на изготовление самолетов, в том числе от знаменитого Анри Фармана. Фирма «Вуазен» стала ведущей французской компанией тех лет. Ее самолеты составили основу бомбардировочной и разведывательной авиации Франции в канун и во время Первой мировой войны.

Анри Фарман и Луи Блерио, некоторое время сотрудничавшие с «Les Freres Voisin», вскоре покинули Вуазена и стали основателями собственных самолетостроительных компаний. Райт, Вуазен, Фарман, Блерио были, прежде всего, энтузиастами воздушных полетов, и только потом — коммерсантами. Все они начинали как бедные конструкторы-одиночки, создававшие вручную свои модели. И только успех сделал из них состоятельных людей, способных вложить деньги в бизнес.

Самолет, на котором Блерио пересек Ла-Манш, был его одиннадцатым созданием. В отличие от Райтов, годами доводивших до совершенства одну и ту же базовую конструкцию, Блерио испробовал самые разнообразные конструкции. Его бипланы оказались неудачными, в серию пошел только «Blériot XI», спроектированный Раймондом Солнье. Самолет впервые поднялся в воздух 23 января 1909 года. В 1911 году «Blériot XI», управляемый Эрлом Овингтоном, стал первым почтовым самолетом в США. 21 сентября 1913 года Адольф Пегу, заводской испытатель Блерио, совершил на «Blériot XI» «мертвую петлю».

Сырая конструкция моноплана Блерио–Солнье была нестабильна в воздухе и опасна при посадках, что в итоге привело к запрету на ее эксплуатацию в армиях Франции и Великобритании в 1912 году. Тем не менее, именно на базе конструкции «Blériot XI» в 1915 году был выпущен «Fokker Eindecker» — первый и успешный образец специально спроектированного истребителя.

Но на исходе первого десятилетия XX века в самолетостроении появляются люди нового типа — состоятельные промышленники, в планах которых было создание «авиационных империй». К ним можно отнести богатого французского торговца шелком Армана Депердюссена. В 1910 году он основал самолетостроительную компанию «SPAD». Ответственным за развитие фирмы был назначен Луи Бешеро. К работе был привлечен молодой инженер Андре Эрбемон. Они принесли бессмертную славу «SPAD». Бешеро спроектировал серию прочных и легких монопланов.

Первый успех пришел к компании в сентябре 1912 года, когда аэроплан Депердюссена выиграл авиационные гонки в Чикаго. Следующий год стал еще более результативным: был завоеван ряд престижных трофеев, в том числе выиграна гонка «Шнайдер Трофи» в Монако. А 29 сентября 1913 года самолет компании «SPAD» вписал свое имя в историю авиации, установив абсолютный мировой рекорд скорости в Первые попытки превратить 203,85 км/ч. Однако фортуна оказалась переменчивой. Вскоре компания Депердюссена потерпела финансовый крах. Ее новым владельцем стал «пилот номер 1» — Луи Блерио. Он хитроумно изменил ее полное название таким образом, чтобы осталась неизменной аббревиатура «SPAD». В таком качестве фирма процветала многие годы, и ее самолеты составляли значительную часть летательных аппаратов, находившихся на вооружении французской армии.

Еще одна французская компания «Societe Anonyme des Etablissements Nieuport» была основана Эдуардом де Ньюпором в 1910 году. Первый самолет, выпущенный этой кампанией, был создан на основе аэропланов Блерио, но имел фюзеляж более обтекаемой формы. На этом аппарате Ньюпор установил мировой рекорд скорости.

В 1911 году компания выпустила новый модернизированный самолет, сконструированный самим Ньюпором — «Nieuport 2N». Он мог развивать скорость в 109 км/ч и в состязаниях, проводившихся под эгидой Министерства обороны Франции, стал одним из победителей. Эта победа послужила стимулом для развития компании: она получила заказ на производство 10 аэропланов.

Славная страница истории самолетов «Nieuport» связана с Россией. В 1913 году в Киеве именно на аппаратах этой фирмы П. Н. Нестеров выполнил «мертвую петлю». В годы войны «Nieuport» стал одной из лучших машин. Эти самолеты служили в английских, французских, итальянских и русских эскадрильях.

В 1914 году Блерио и его фирма «Blériot Aéronautique» выкупили активы авиационной фирмы «SPAD», выпустившей в годы Первой мировой войны более 10 000 самолетов.

Перед Первой мировой войной было создано несколько крупных и известных на весь мир авиастроительных фирм. Именно в их руках была сосредоточена большая часть производства самолетов того времени. Их про-

дукция распространилась по всему миру. В результате, к 1914 году у большинства стран, вступивших в войну, состояли на вооружении надежные, но схожие по летным качествам и конструкции самолеты.

Русские летчики и авиаконструкторы ни в чем не уступали своим иностранным коллегам. Прошло меньше семи лет после исторического полета «Флайера», а в России уже на нескольких заводах было налажено производство собственных самолетов. Именно в России авиаконструктор Игорь Иванович Сикорский смог создать первый пассажирский самолет.

Самолет получил название «Илья Муромец» (рис. 10). Это был биплан с размахом верхнего крыла в 30 метров. В нагруженном виде он весил до 7 тонн, но при этом развивал скорость до 130 км/ч.

Рис. 10. *Самолет «Илья Муромец»*

Свой исторический полет с шестнадцатью пассажирами и одной собакой на борту он совершил в феврале 1914 года. А уже летом пассажирский самолет поступил на военную службу и стал первым бомбардировщиком. Россия вступила в войну. Ни одна из воюющих стран не имела такого самолета. Всего за годы войны в русскую армию поступило 60 «Муромцев», которые совершили 400 боевых вылетов. А сбит из них был лишь один, да и то после того, как его атаковало сразу 20 самолетов противника.

Интерес к использованию гидроавиации возник в 1910 году. Это было объяснимо — сухопутные самолеты стали ставить рекорды дальности, но вода для них пока являлась непреодолимой преградой. 28 марта 1910 года француз Анри Фабр совершил первый в мире полет на гидросамолете с поверхности воды, однако идея самолетов-амфибий в 1910-е годы не получила развития. Самолет обладал слишком большим весом, а поплавково-колесное шасси создавало значительное аэродинамическое сопротивление. Подобные тихоходные гидросамолеты были неинтересны развивающейся военной авиации. Как показала практика, самолет-амфибия оказался востребован и коммерческой авиацией.

За несколько десятилетий гидросамолеты прошли путь от неустойчивого самолета на воде до надежного трансатлантического перевозчика. Оптимальное сочетание мореходных и летных качеств гидропланов стало основной задачей конструкторов, которая с переменным успехом решалась все это время. Опыты с материалом, количеством поплавков и общей конструкцией самолетов привели к простому решению: самолеты на воде получались из обычных бипланов путем крепления поплавков к стойкам колесного шасси. Схема оказалась удачной и обеспечивала большую грузоподъемность. На следующем этапе поплавковый гидроплан сменяет «летающая лодка» — решение для неспокойной воды. Работы Г. Кертисса, Ф. Донне в этом направлении стали классикой и послужили образцом при создании многих летающих лодок в 1912–1914 годов.

К концу Первой мировой войны были созданы: экспериментальный гидроплан «Юнкерс Ju-II» и «летающая лодка» Дорнье. В их конструкции были впервые применены металл и монопланная схема.

В годы Первой мировой войны единственной транспортной артерией между Америкой и Европой был морской переход через Атлантику. Путь этот для транспортных судов был достаточно долгим и рискованным, поскольку на океанских просторах их подстерегали немецкие подводные лодки и боевые надводные корабли. Успехи, достигнутые к тому времени в области авиастроения, позволяли создать «летающую лодку» большой дальности и грузоподъемности. Наиболее ярым сторонником этой идеи стал адмирал Тейлор из отдела вооружений американского флота. Адмиралу удалось заинтересовать правительство США, и в декабре 1917 года он получил деньги на постройку серии больших «летающих лодок», способных перелететь Атлантический океан.

Проектирование и постройку транспортных «летающих лодок» поручили фирме «Curtiss». Ее владелец, известный создатель гидросамолетов Гленн Кертисс, пользовался большим авторитетом у военных. Еще в 1910 году были проведены показательные взлеты и посадки его первых гидросамолетов. А в 1914 году фирма «Curtiss» уже строила двухмоторную летающую лодку «H-12 Большая Америка» для перелетов через Атлантику.

Новая трансатлантическая «летающая лодка» Кертисса была построена в очень сжатые сроки. Первый опытный образец с обозначением «NC-1» («Navy Curtiss 1») поднялся в воздух в октябре 1918 года. Воздушный корабль стал одним из самых больших американских самолетов того времени. Фюзеляж длиной 16,8 метра венчала прочная бипланная коробка крыльев с максимальным размахом в 38,4 метра. Взлетная масса аппарата превышала 10 000 кг. Для его подъема в воздух использовались три 400-сильных двигателя «Liberty 12» с толкающими винтами.

Традиционно войны стимулируют развитие вооружения. В этом плане гидроавиация пережила особенную судьбу. В период Первой мировой войны было построено 2500 гидросамолетов. В 1914 году гидросамолеты взяли на себя широкий спектр военных задач: разведка, борьба с морской авиацией противника, уничтожение вражеских кораблей и подводных лодок. Морские самолеты совершенствовались, вооружались и дифференцировались по назначению. Появлялись истребители, разведчики, многоцелевые самолеты, торпедоносцы. В качестве постоянного места базирования начали использоваться палубы кораблей.

После окончания войны, в гидроавиации, как и в самолетостроении, началось свертывание производства. Новая война казалась невозможной, и охранять берега и морские просторы, по мнению стратегов того времени, было не от кого.

Толчком для развития «летающих лодок» стала гражданская авиация. Гидросамолет имел два существенных преимущества перед обычным пассажирским самолетом. Во-первых, он мог садиться на воду и взлетать с воды. Соответственно, этот фактор мог играть важную роль в развитии авиалиний в Азии, Африке, Южной Америке, Океании и в географических исследованиях. Во-вторых, полеты на гидросамолете над морем были безопаснее, чем на обычном самолете. Если учесть, что вынужденные посадки из-за непо-

ладок в двигателе в 20-е годы были довольно частым явлением, указанное достоинство гидросамолета становилось особенно весомым.

Продвижению «летающих лодок» способствовал ряд выдающихся перелетов. В мае 1919 года на трех американских четырехмоторных «летающих лодках» «Кертисс NC-4» стартовал первый в истории авиации трансатлантический перелет с острова Ньюфаундленд (Канада) в Плимут (Англия). Долететь до Англии удалось экипажу одного самолета под командованием А. Рида. Маршрут протяженностью в 6315 км был пройден за 12 дней, с промежуточными посадками в Португалии, включая Азорские острова, и Испании.

В 1924 году американские одномоторные гидросамолеты фирмы «Дуглас» осуществили первый в истории авиации кругосветный перелет по маршруту континентальная часть США — Алеутские острова — Япония — Китай — Средний Восток — Европа — Гренландия — США протяженностью в 42 398 км. Из-за многочисленных летных происшествий воздушное путешествие заняло более полугода, самолеты 66 раз совершали посадку. Стартовало четыре самолета — «Сиэтл», «Бостон», «Новый Орлеан» и «Чикаго», из которых завершили полет два — «Чикаго» и «Новый Орлеан».

Пионером использования металлических конструкций в гидросамолетостроении был К. Дорнье. Еще в годы Первой мировой войны он построил несколько тяжелых «летающих лодок» серии «Rs». Первые его «лодки» представляли собой бипланы. С 1917 года Дорнье начал применять монопланную схему. Конструкторский опыт военных лет получил развитие в 20-е годы. В этот период Дорнье спроектировал и построил 16 моделей «летающих лодок» различного назначения.

Одной из самых известных «лодок» К. Дорнье был двухмоторный самолет «Валь», созданный в 1922 году. Он имел оригинальную конструкцию. Фюзеляж представлял собой лодку из дюралюминия с широким плоским днищем. Экипаж самолета состоял из трех человек, в пассажирском варианте «Валь» мог брать на борт 9 пассажиров. Максимальная скорость полета составляла 180 км/ч, дальность — свыше 1000 км. Всего было построено около 300 самолетов. В связи с тем, что Германии запрещалось иметь самолеты большой грузоподъемности, самолет строился на заводах Дорнье в Швейцарии и Италии. Он применялся в СССР, Испании, Нидерландах, Чили, Аргентине, Японии, Югославии как пассажирский и транспортный самолет. На самолете установлено 20 мировых рекордов.

В 1926 году западные страны сняли ограничения на размер и грузоподъемность строящихся в Германии самолетов. Дорнье сконструировал «Супер Валь» — увеличенный вариант «Валя» с двумя мотогондолами над крылом, по два двигателя «Бристоль Юпитер» в каждой. В двух раздельных кабинах мог разместиться 21 пассажир. «Супер Валь» строился серийно в Германии по заказу «Люфтганзы».

Самым известным гидросамолетом К. Дорнье стал «Дорнье Do X». Построенная в 1929 году 12-моторная «летающая лодка» была самым большим самолетом в мире. Она имела размах крыла 48 метров, общую мощность двигателей — 7200 л. с., взлетный вес — 52 тонны. Пассажировместимость «Do X» составляла 66 человек, а в одном из показательных полетов, который состоялся 31 октября 1929 года, самолет поднял 169 человек. Этот

рекорд продержался 20 лет. Роль К. Дорнье в развитии «летающих лодок» оказалась аналогичной роли Г. Юнкерса в развитии самолетов.

Другой немецкий авиаконструктор Рорбах испытал гидросамолет «Ro-2» в порту Копенгагена. 10 таких самолетов впоследствии заказала Япония для своих ВМС. В 1926 году Рорбах занялся проектированием трехмоторных коммерческих «летающих лодок». Первой была 10-местная «Рорбах Роланд» с моторами «BMW-IV», приобретенная «Люфтганзой» в количестве 9 экземпляров. За ней последовала «лодка» «Ромар», способная перевозить 12—16 пассажиров в двух закрытых кабинах. Три таких самолета купила «Люфтганза» для полетов над Балтикой, один приобрели французские ВМС. На «лодке» стояли новые немецкие двигатели «BMW-VI».

Несмотря на все усилия, Рорбаху не удалось получить крупных заказов. В 1931 году фирма была закрыта.

Американская «летающая лодка» «Консолидейтед Коммодор» — двухмоторный моноплан с приподнятым на стойках над фюзеляжем крылом проектировалась как дальний военно-морской разведчик. Было построено около 50 таких самолетов.

В Великобритании известным производителем «летающих лодок» была фирма «Шорт». Освальд Шорт запатентовал идею металлического корпуса для «летающих лодок» в 1921 году. Он был не только инициатором использования металла в конструкции «летающих лодок», но также и сторонником применения металлической работающей обшивки.

Первую «летающую лодку» с металлической работающей обшивкой фирма «Шорт» построила в 1924 году на основе двухмоторной «лодки» времен войны «Шорт F.5». После нанесения цинкового покрытия на обшивку, идеи О. Шорта получили практическое применение.

Наряду с «летающими лодками» получили распространение самолеты-амфибии. Возможность взлета и посадки и с суши, и с воды делала этот тип самолета привлекательным для использования в тех местностях, где не имелось специальных взлетно-посадочных площадок. В этом плане амфибию можно назвать «воздушным вездеходом».

Коммерческая авиация изменила требования к амфибии. Возродился интерес к этим самолетам. Одним из первых послевоенных самолетов-амфибий стал двухместный «Лоинг ОА-1С», который был построен в США в 1924 году. Мощный 12-цилиндровый двигатель фирмы «Паккард» и необычный способ соединения фюзеляжа с поплавком без зазора между ними, позволявший уменьшить лобовое сопротивление, обеспечили самолету такие же характеристики, какие имел знаменитый «DH-4» с колесным шасси. С убранными в ниши в центральном поплавке колесами «ОА-1С» мог развивать скорость до 196 км/ч. Выступающий вперед поплавок защищал мотор и пропеллер от брызг. Самолет имел долгую жизнь: одна из модификаций производилась в годы Второй мировой войны. «Лоинг ОА-1С» применялся в армии, военно-морских силах, береговой охране и как коммерческий самолет.

Развитие самолетов-амфибий в США связано с именем И. И. Сикорского. Он первым начал выпускать специализированные пассажирские самолеты этого типа «S-38», появившиеся в 1928 году. Самолет представлял собой двухмоторный полутораплан с 8-местной пассажирской кабиной. Этот самолет принес известность и коммерческий успех Сикорскому и пассажирской авиакомпании «Пан Американ», первой начавшей применять самолеты. На-

дежность, разнообразные условия базирования и большой запас мощности позволяли применять «S-38» в самых трудных условиях. Самолет взлетал с неподготовленных площадок и водных акваторий в Центральной и Южной Америке, на Гавайях, в Африке. Он легко маневрировал на воде, мог автономно выруливать из воды на пологий берег.

На самолете установлено несколько рекордов скорости и высоты для данного класса амфибий. Всего было построено более 100 экземпляров «S-38».

Развитием «S-38» была лодка-амфибия «FBA-19» с более мощным двигателем «Испано-Сюиза» мощностью в 350 л. с. (1924). Амфибия использовалась в качестве военного разведчика, а также для коммерческих целей.

По заказу «Пан Американ» в 1930 году И. И. Сикорский на основе самолета «S-38» сконструировал 4-моторный «S-40» с двигателями Пратт-Уитни «Хорнет» мощностью по 575 л. с. В то время это был самый большой самолет-амфибия в мире. Он мог перевозить 28 пассажиров на расстояние 800 км со скоростью 185 км/ч.

Удачные амфибии строила также английская фирма «Супермарин». В 1921 году по заказу ВМС фирма разработала большой палубный самолет-амфибию «Сигалл» с фюзеляжем в форме лодки. Самолет должен был взлетать с палубы авианосца и предназначался для дальней морской разведки. Экипаж состоял из трех человек — пилота в передней кабине, стрелка и наблюдателя — в задней, за крылом.

Другим самолетом-амфибией фирмы «Супермарин» была «летающая лодка» «Си Лайон». По своему назначению она квалифицировалась как истребитель. Ее прототипом послужил гоночный самолет фирмы «Супермарин» «Си Лайон», завоевавший первое место в состязаниях гидросамолетов на приз Шнейдера в Неаполе в 1922 году. При мощности силовой установки в 450 л. с. самолет был вдвое легче, чем «Сигалл», и мог развивать скорость до 250 км/ч.

Французские гидросамолеты первых послевоенных лет могут быть представлены одномоторными «летающими лодками» фирмы «FBA». Эта фирма стояла у истоков развития гидросамолетов, первая ее «летающая лодка» создана еще до начала Первой мировой войны. В 1923 году инженеры «FBA» построили весьма удачную модель «FBA-17» с двигателем «Испано-Сюиза» в 150 л. с. До 1930 года произведено 229 гидросамолетов-бипланов для ВМС Франции.

Гидроавиация в России стала зарождаться в 1911 году. Сначала гидросамолеты закупались за границей, но вскоре русские инженеры В. А. Лебедев и Д. П. Григорович создали несколько моделей «летающих лодок». В 1912–1914 гг. были сформированы первые авиационные подразделения в составе Балтийского и Черноморского флотов. «Летающая лодка» конструкции Григоровича «М-5» (рис. 11) по своим летно-техническим характеристикам превосходила зарубежные образцы аналогичных типов.

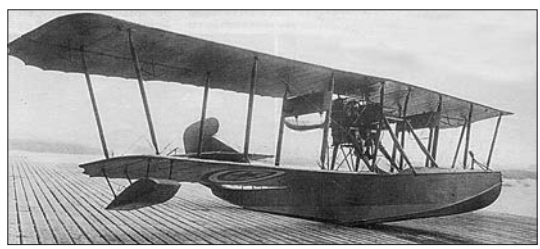


Рис. 11. *Летающая лодка Григоровича «М-9»*

В Российском флоте на первом авианесущем корабле «Орлица» базировались гидросамолеты Григоровича «М-9», имевшие пулеметы и способные нести бомбы. 4 июля 1916 года четыре самолета стартовали с палубы «Орлицы» и провели воздушный бой над Балтийским морем с четырьмя немецкими самолетами, который закончился победой русских морских летчиков. **Этот день — 4 июля 1916 года — день первой победы в воздушном бою над морем морских летчиков на российских гидросамолетах, базировавшихся на первом российском авианосце, считается Днем рождения морской авиации.**

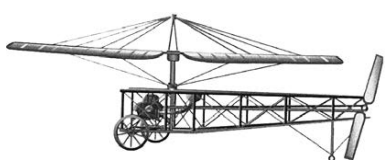
Новым явлением в это время с конструкторской точки зрения стали многомоторные морские самолеты. Поплавковый вариант самолета «Илья Муромец» обладал повышенной дальностью и грузоподъемностью, лучшими мореходными свойствами и явился родоначальником целого семейства пассажирских гидросамолетов 1920–1930-х годов.

Первые удачные гидросамолеты в СССР появились в начале 30-х годов. Это были ближний морской разведчик «МБР-2» конструкции Г. М. Бериева и многоцелевой самолет-амфибия «Ш-2» В. Б. Шаврова. Оба самолета были одномоторными цельнодеревянными «летающими лодками», но «МБР-2» имел свободнонесущее монопланное крыло, а «Ш-2» был выполнен по схеме полутораплан. Трехместный «МБР-2» состоял на вооружении ВМС. Было построено 1365 таких самолетов.

«Ш-2» использовался для перевозки пассажиров и грузов, для ледовой разведки и в малоосвоенных районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Он мог взлетать и садиться на небольшие сухопутные аэродромы, а при их отсутствии — на реки и озера, брал на борт 3–4 пассажира. С 1932 по 1934 год авиапромышленность выпустила около 270 самолетов «Ш-2».

На 30-е годы приходится триумф советской авиации, конструкторской мысли и, прежде всего, морских летчиков, показавших примеры летного мастерства, мужества, отваги и героизма. Они неоднократно привлекались к выполнению специальных заданий. Из морских летчиков комплектовалась полярная авиация, сыгравшая огромную роль в освоении Северного морского пути.

Начиная с конца 40-х годов, в мире начинается сокращение программ и сделок, связанных с военными гидропланами. «Золотой век» гидроавиации остался позади. Большая часть преимуществ самолета на воде стала номинальной в век реактивных и сверхзвуковых скоростей авиации.



Грачья ПОГОСЯН

ПОСЛЕДНИХ ДОБРЫХ ДЕЛ НЕ БЫВАЕТ

Грачья Мисакович Погосян — советник заместителя Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи глав — участников СНГ, родился 11 августа 1970 г. в г. Октемберян Армянской ССР. Имеет военное и юридическое образование. В 2002–2004 гг. представитель ООО «Спецсервиспоставка» в Северо-Западном регионе в должности директора филиала. В 2004–2008 гг. — генеральный директор ООО «ЛБПСУ» по производству общестроительных и реставрационных работ. В 2008 г. учредил и по настоящее время возглавляет ООО «РосВоенСтрой» — производство общестроительных и реставрационных работ на объектах МО РФ. Награжден многими орденами и медалями. **Живет в Санкт-Петербурге**.

11 августа отметил свой 45-летний юбилей советник заместителя Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ, благотворитель и неутомимый поборник российско-армянской дружбы Грачья Погосян. В этот день именинника поздравили не только родные, друзья, сослуживцы и коллеги, но и множество уважаемых людей России. Напомним, что за последние годы Грачья Мисакович инициировал проекты и установил свыше 45 духовных памятников на территории России, Армении, Белоруссии, Грузии и Монголии. Из них 14 посвящены памяти Великой Отечественной войны, 6 из которых располагаются на территории Ленинградской области. Он также выпустил в свет 6 книг и более 10 документальных фильмов. О себе и о своем призвании известный российский меценат и политический деятель Грачья Мисакович рассказывает сам.

Я отношу себя к славной касте «российского офицера», что то же — «российского солдата», который, олицетворяя многонациональную общность, никогда не был завоевателем, но всегда оставался — освободителем. Не за деньгами, не за славой шел воин России на войну, на смерть, но за правду, за свободу угнетенных и обиженных народов. Во всех наших справедливых войнах мы побеждали, потому что знали о своих героических предшественниках, об их подвигах рассказывали памятники — скульптурные, живописные, книжные, кинодокументальные. Эти памятники, показывая духовное величие героя, закаляли волю последующих поколений, вселяли веру в победу даже над, каза-

лось, непобедимым врагом. Поэтому фашистские главари требовали в завоеванных ими странах в первую очередь уничтожать памятники, знали, что без памятников нация во втором поколении перестает существовать как целостная общность. Есть тому и современные трагические примеры, в частности, на территории Украины и стран Балтии. Благодарен своей судьбе, которая дала мне такое поприще, на котором я имею возможность утраченные памятники восстанавливать и создавать новые.

О многом хочется рассказать, но начну с самого важного на сегодня проекта — создания Поклонного креста для Углегорска. Эта духовная святыня, которую по моей инициативе и на личные средства планируется по благословению главы Благовещенской и Тындинской епархии РПЦ епископа Лукиана и при содействии заместителя руководителя «Спецстроя России» Александра Мордовца и главы города Углегорска Марины Зениной установить при въезде в город Углегорск-Циолковский, сейчас обретает свой неповторимый вид. В мозаичной мастерской «Тавр», расположенной на Васильевском острове, изготавливается икона Святого князя Владимира, которая должна быть размещена на Поклонном кресте. Понятно, что процесс ее создания технологически сложный, трудоемкий, учитывающий требования Церкви. Икона будет выполнена по всем православным канонам из разноцветной и золотой смальты и мрамора. В это же время на другом конце Петербурга, в мастерской на Октябрьской набережной, продолжается процесс обработки гранитного 14-тонного куба для будущего 4-метрового креста. Камень сюда привезли с Балтийского месторождения, с Карельского перешейка. Этот сорт гранита был выбран из-за его неповторимо-живого цвета, в результате полировки он обретает глубокий темно-вишневый оттенок.

Почему на этом Поклонном кресте мы решили установить икону Святого князя Владимира? Потому что именно князь Владимир принес христианство в Россию. Амурская область находится далеко от признанных центров духовности. Кроме того, именно под Углегорском строится космодром «Восточный», в создании которого мое предприятие принимает непосредственное участие. Поэтому хотелось изображением Святого князя Владимира, благословляющего дела людские, как бы пожелать им Божией помощи. Сейчас работа по изготовлению Поклонного креста и иконы в самом разгаре. Как заверили специалисты обеих мастерских, они уложатся в намеченные сроки. Тогда духовную святыню бережно переправят в Углегорск, где она и займет свое законное место. Не только Поклонный крест будет являться связующим звеном и ниточкой дружеских отношений между Ленинградской областью, Санкт-Петербургом и Амурской областью. Я очень рад, что жители Амурской области на аллее Славы мемориала «Невский пятачок» доверили мне поставить памятник воинам-амурчанам, павшим при обороне и освобождении Ленинграда. Памятник уже установлен, осталось лишь торжественно его открыть. А также в сентябре прошлого года в Углегорске Амуской области мы установили бюст основоположнику российской космонавтики Константину Эдуардовичу Циолковскому, как дань памяти великому ученому.

Часто меня спрашивают, с чего началось мое призвание. Отвечу — в первую очередь, с места и времени рождения, с истории моей семьи. Родился я 11 августа 1970 года в городе Октемберян, детство прошло в

селе Агарак Арагацотнской губернии Армении. В 1988 году я окончил в Ереване Республиканскую специализированную школу имени маршала А. Х. Бабаджаняна с углубленным изучением русского языка и военного дела и поступил в Челябинское высшее военное автомобильное инженерное училище. Офицерскую службу начал командиром взвода, потом командовал ротой. Досрочно был удостоен звания капитана. В 1999 году уволился из Вооруженных сил. Майор запаса. В 2008 окончил Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Уже много лет живу с семьей в Санкт-Петербурге.

Первые мои проекты были связаны с родным селом Агарак. Когда я учился в Ереванской военной спецшколе и ездил на занятия из деревни в Ереван, приходилось и мокнуть под дождем, и мерзнуть от зимнего холода, дожидаясь с друзьями автобуса. Тогда я дал себе слово: как только появится возможность, в первую очередь построю павильон для автобусной остановки. И спустя 16 лет я это сделал. После состоялись другие, более значительные проекты. В 2007 году с моей помощью появился парковый мемориал с памятником, увековечившим на армянском и русском языках имена погибших в Великой Отечественной войне односельчан. Вообще, к Великой Отечественной войне, к людям, приблизившим День Победы над фашизмом, у меня отношение исключительно трепетное. Мы, ныне живущие, должны приложить все усилия для того, чтобы наши дети и внуки знали и помнили о подвиге, совершенном теми, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны, кто внес неоценимый вклад в дело Великой Победы.

Идея создания этого мемориала в Агараке возникла у меня еще в годы офицерской службы в Ленинградской области, когда я, участвуя в мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне, вспоминал своего погибшего на войне деда и мечтал построить в родной деревне мемориал.

Я — гражданин России, армянин по рождению. Предки из репатриантов из Турции периода геноцида. Никогда не забуду глаза стариков, увидевших в ставшей им родной армянской деревне первый храм у кладбища, где похоронены мои отец и родные. Там были развалины старой церкви X века. Когда появились успехи в бизнесе, я решил построить на этом месте церковь. Сделал от всего сердца, работал с любовью, и это стало внутренней потребностью, условием личного нравственного здоровья. День освящения Церкви Св. Богородицы 4 октября 2008 года, которую освятил Верховный Патриарх — Католикос всех армян Гарегин Второй, на

Церковь в селе Агарак

совете старейшин села назвали днем возрождения села Агарак. Там же в селе построена колокольня, посвященная 300-летию основания армянской общины в Санкт-Петербурге. Колокол был отлит и привезен из Санкт-Петербурга. Я представлял, что звон колокола даст родной деревне духовную силу великого города, возродит патриотические чувства.

Патриотизм — понятие вечное — закладывается с младых лет. Многие годы воспитание верности долгу, вере нашей, Отечеству подменялось второстепенными понятиями. Сейчас об этих святых чувствах заговорили в полный голос. И особенно меня радуют мои проекты на моей второй родине — в Санкт-Петербурге и его области.

Поклонный крест на месте прорыва блокады Ленинграда под Кировском

Вспоминаю, как в Кировском районе Ленинградской области на торжественных мероприятиях в связи с 70-летием прорыва блокады Ленинграда присутствовал председатель Государственной Думы России Сергей Нарышкин. После возложения венков к Поклонному кресту с лампадой на месте прорыва блокады Ленинграда — этот мемориал павшим воинам моя гордость — Сергей Евгеньевич пожал мне руку и поблагодарил за достойный и красивый памятник, который установлен на этом намоленном месте. А член нашего общества жителей блокадного Ленинграда в Кировске Галина Николаевна Соколова в знак материнской благодарности подарила последнюю память о своем отце-фронтовике — медаль «За оборону Ленинграда». Медаль эту храню дома на самом почетном месте. У меня немало личных наград, но эта медаль мне дороже многих, потому что является символом великого подвига, свидетельством самопожертвования советских людей на фронте и в тылу.

Память — одна из мощнейших «духовных скреп», которыми держится наша страна, российский народ. И я стараюсь всеми силами и возможностями способствовать воспитанию и сохранению исторической памяти, и таким образом противодействовать попыткам фальсификации истории Ве-

ликой Отечественной войны, призываю не забывать о духовных корнях. Животворную роль играет память о славных деяниях предков для ныне живущих людей и для будущих поколений. Кстати, в Кировском районе по моей инициативе и на средства были установлены два хачкара (каменная стела с изображением креста): один на Синявинских высотах, второй — на Аллее славы мемориала «Невский пятачок».

Особенно хочу выразить благодарность Русской Православной Церкви и Армянской Апостольской Церкви в лице Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и Верховного Патриарха — Католикоса всех армян Гарегина Второго, за благословения и поддержку моих начинаний и благотворительной деятельности. А также свою признательность временно исполняющему обязанности губернатора Ленинградской области Александру Юрьевичу Дрозденко за то огромное внимание, которое он уделяет ветеранам Великой Отечественной войны и памяти о той страшной войне. Я бы не смог установить столько памятников на ленинградской земле, если не поддержка Церкви и правительства Ленинградской области.

Неравнодушие губернатора к памяти, к народам, населяющим родную вотчину, мы все видим на деле. Тому пример — празднование 88-го Дня рождения Ленинградской области, которое прошло 1 августа в городе Тихвин. С какой любовью и вниманием прошел этот праздник! Здесь была представлена каждая национальность и народность, населяющая нашу область. Я в очередной раз убедился, что сегодняшнее правительство региона и его глава ведут верную политику, направленную на возобновление дружеских отношений между всеми национальностями.

Общество не может существовать без общей истории, которая нас консолидирует и объединяет. А памятники испокон веков помогали людям сохранить в сердцах самое сокровенное и дорогое. Согласен с теми, кто патриотическое прошлое называет ступенью к новому будущему. Не случайно среди мероприятий Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ было проведено заседание рабочей группы по разработке модельного закона «Об увековечивании памяти защитников Отечества, видных государственных и общественных деятелей».

К семи моим воинским памятникам в Армении и на местах боев под Ленинградом недавно прибавились еще два. В прошлом году в канун Дня скорби — Дня начала Великой Отечественной войны были закончены работы и установлен на моей родине памятник Герою Советского Союза старшему сержанту Унану Аветисяну, который осенью 1943 года при освобождении от фашистов Краснодарского края повторил подвиг Александра Матросова. Осенью того же года была увековечена память ветерана ВОВ, гениального русского конструктора, создателя легендарных моделей стрелкового оружия, Героя России, дважды Героя Социалистического Труда генерал-лейтенанта Михаила Калашникова. Памятник ему установлен на территории 102-й российской военной базы в городе Гюмри, где также я финансировал создание музея Александропольской крепости с ее экспонатами. Радует и тот факт, что здесь в день открытия музея было подписано соглашение о сотрудничестве между Санкт-Петербургским Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи и музеем Александропольской крепости.

Многие мои проекты помогали реализовать не только государственные деятели, известные военные, но и простые люди, ветераны Великой Оте-

чественной войны, жители блокадного Ленинграда, ради которых и началась моя благотворительная деятельность. Хотелось принести глубокую признательность всего нашего поколения всем им за свободу и мир. Я горжусь тем, что являюсь Почетным членом общества «Жителей блокадного Ленинграда» Санкт-Петербурга и Кировского района Ленинградской области, а также «Межрегиональной общественной организации ленинградских ветеранов войны, военной службы — однополчан». Людям, особенно в возрасте, нужны положительные эмоции, надо поддерживать стремление жить, надо укреплять надежду, веру. Сам ощущал и ощущаю постоянную их поддержку, а также уважаемых военачальников — маршала Советского Союза Дмитрия Язова, маршала артиллерии Владимира Михалкина, генералов армии Виктора Ермакова, Валентина Бобрышева, Игоря Пузанова, Аркадия Бахина — ныне первого заместителя министра обороны, командующего войсками Западного военного округа (ЗВО) генерал-полковника Анатолия Сидорова. И, разумеется, — генерального секретаря — руководителя Секретариата Совета МПА СНГ Алексея Сергеева, его заместителя Айка Чилингаряна и, конечно, Генерального консула Республики Армения в Санкт-Петербурге Грайра Карапетяна.

В год 310-й годовщины со дня основания Санкт-Петербурга и, что особенно приятно, в год духовного возрождения в Ленинградской области, в городе Кировске при огромном скоплении горожан открыли воссозданный по моей инициативе и на мои средства памятник Императору Петру Великому в «Красных Соснах» — в знак благодарности Императору за особое отношение к армянскому народу. Это была моя самая сокровенная мечта. Знаменитые «Красные Сосны» — окраина сегодняшнего районного центра в Ленинградской области. С древности это урочище на берегу Невы овеяно легендами и преданиями. В XIX веке на месте, где когда-то отдыхал Петр I, путиловские крестьяне братья Спиридоновы, ремеслом каменотесы, возвели красивый памятник, проект которого был утвержден Императором Николаем II. К сожалению, памятник был полностью разрушен в годы Великой Отечественной войны. Теперь белый гранитный обелиск и смотровая площадка на берегу Невы вновь привлекают горожан и гостей города. Примечательно, что в день открытия памятника был заключен договор о побратимстве города Кировска с городом Аштарак — райцентром, где я родился. Кстати, в это же время, занимаясь воссозданием этого памятника, я заинтересовался и судьбой самих братьев Спиридоновых. Было лишь известно, что захоронены они на кладбище в селе Путилово. С огромным трудом нам удалось установить точное нахождение семейного захоронения, которое, как выяснилось, находилось в плачевном состоянии. Под слоем земли мы нашли могильные плиты Спиридоновых, восстановили постаменты и установили приведенные в порядок плиты на их законные места. Теперь я могу с уверенностью сказать, что свой долг перед памятью знаменитых камнетесов великого Императора я выполнил.

В Ленинградской области мною организовано открытие памятника первому дважды Герою Советского Союза генерал-лейтенанту авиации Григорию Кравченко. Это событие привлекло и ветеранов, и молодежь сразу четырех стран, ведь память о войне не вытравить из людских душ. Дело в том, что Григорий Пантелеевич Кравченко родился и жил на Украине и в Казахстане, служил в Москве. Его помнят и в Армении. Легендарный ас

Воссозданный памятник Петру I в «Красных соснах»

героически погиб в воздушном бою 23 февраля 1943 года в небе над поселком Синявино в Ленинградской области. Молодежь и ветераны из России, Украины, Казахстана и Армении встретились здесь на открытии бронзового бюста генерала.

Я благодарен всем, кто дал мне возможность воплотить в жизнь все эти памятники.

Нельзя забывать и героев прошлых столетий. К юбилею князя генерал-лейтенанта Валериана Мадатова была восстановлена и отреставрирована его могильная плита в Некрополе Александро-Невской Лавры. Я содействовал подготовке документального фильма, посвященного служебной, творческой, общественной деятельности русского художника XIX века генерала русской императорской армии Николая Ярошенко и полувековому юбилею мемориального музея Ярошенко в Кисловодске. А по обращению Всемирного клуба петербуржцев и при благословении Армянской Апостольской Церкви в октябре прошлого года воссоздал утраченный почти век назад надгробный памятник чете Боратынских — Ираклию и Анне — так много сделавших для укрепления армяно-российского братства. Все эти события для меня имеют огромный смысл, ведь тем самым я словно продлеваю жизнь этих достойных людей, а значит, сохраняю память для последующих поколений.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне по моему заказу подготовлено издание — исторический справочник «Армяне в битве за Ленинград». Книга рассказывает о советских воинах армянской национальности, участвовавших в обороне Ленинграда. Книга создана на основе архивных данных и результатов деятельности поисковых отрядов на протяжении последних лет. Думаю, что издание будет способствовать повышению патрио-

тического духа молодежи и делу сохранения исторического наследия Великой Отечественной войны. Радует, что некоторые мои книги уже переиздаются, значит, они востребованы. Среди таких изданий — книга «Маршалы, генералы, адмиралы армянского происхождения в Санкт-Петербурге». Хотелось рассказать об армянском высшем офицерстве — маршалах, генералах и адмиралах, живших, учившихся, служивших в ставшем им второй родиной городе, раскрыть их деятельную роль в Русской Императорской армии, Советской и Российской армии, в Вооруженных силах Республики Армения, показать значение Санкт-Петербурга в формировании личностей военачальников, которые, присягнув России, шли в бой под ее знаменами. Книга напоминает о корнях многовекового российско-армянского военного братства, которое продолжает развиваться.

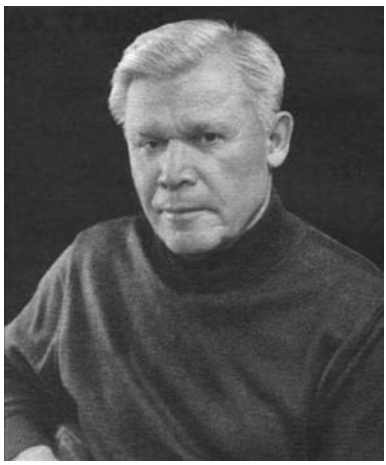
Подготовка телефильмов и телепередач по военно-исторической и патриотической тематике очень важна для воспитания молодежи. Использую любую возможность при содействии сподвижников, через ветеранские организации показывать их в школах, вузах. А также на «Невском благовесте» — ежегодном уникальном межконфессиональном фестивале, в котором принимают участие Русская Православная Церковь, Армянская Апостольская Церковь, Римско-католическая церковь и другие религиозные конфессии.

Духовное просвещение считаю не менее важным, чем патриотическое. Поэтому способствовал тому, чтобы в Севанской Духовной семинарии была открыта оснащенная на самом современном техническом уровне научная аудитория русско-армянских духовных связей в знак дружбы между двумя Духовными образовательными учреждениями — Севанской и Санкт-Петербургской. Возведен детский городок русско-армянской дружбы в родном селе, здесь на рисунках раскрыты символы государственных флагов Армении и России с объяснениями их цветовых значений, нарисованы духовные символы двух стран: храм Христа Спасителя в Москве, Кафедральный собор в Эчмиадзине, Петропавловский собор в Санкт-Петербурге и Кафедральный собор Святого Григория Просветителя в Ереване. Для меня стало честью организовать и профинансировать капитальный ремонт читального зала академической библиотеки Санкт-Петербургской Православной Духовной академии в знак дружбы и сотрудничества между Православной Духовной академией и Духовной семинарией Геворгян Первопрестольного Эчмиадзина, где также было подписано соглашение о сотрудничестве между двумя Духовными учебными заведениями.

Меня часто спрашивают о моих планах и последних проектах. В таких случаях я обычно отвечаю, что последних добрых дел не бывает, ведь жизнь не остановишь.

В армии есть поговорка: «*кто не умеет подчиняться — тот не может командовать*», но в гражданской жизни я усвоил другое понятие: «*кто не умеет благодарить — тот не может создавать*».

ПОЭЗИЯ



Ренат ХАРИС

ИЗ ОДНОГО ИСТОКА

Ренат Харис (Харисов Ренат Магсумович) — Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском, чувашском языках. Родился в 1941 г. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарем СП Татарстана, зам. министра культуры, главным редактором, зам. Председателя Госсовета Татарстана, народным депутатом Парламента республики трех созывов. Лауреат Государственной премии РФ, Государственной премии Республики Татарстан и др. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Чувашии и Каракалпакии (Узбекистан). Секретарь СП России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член главной редколлегии Татарской энциклопедии. **Живет в Казани.**

* * *

Нельзя войти в окно весне.
И в дверь войти ей невозможно.
Но под корою, в глубине
березовой
журчит тревожно.

А кончик ветки, став пером,
невиданное мной выводит.
Я бьюсь часами над стеклом:
что хочется сказать природе?

Вот буквы… строки… письмена…
Ищу, чтоб смысл речей открылся.
Но буквы тают… Ах, весна,
неужто сам я изменился?

Замри, душа! Повремени…
В моих сосудах — то же пенье.
Ах, неужели и они —
снегов поющих продолженье!

Перевод с татарского
Анатолия Парпары

* * *

Каждым вечером
гаснет солнце в моем окне,
красное зарево
входит в дом ко мне,
располагается теплым облаком
на моем столе.

Я дышу теплым облаком
и вечерние думы мои
то упрутся в плотину грядущего,
то отхлынут в прошлое
как ручьи.

Но зачем тосковать о жизни,
что, как половодье, сошла,
в ней запах сгоревших судеб,
воспоминаний зола.

Не прошу у судьбы отсрочку,
отдаюсь забытью,
красное зарево по глоточку
как вино драгоценное пью.

Перевод с татарского
Станислава Куняева

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

В Хороссане есть такие двери...
С. Есенин

«Что ж в Казани не был ты, желанный?
В наши двери что ж не постучал?» —
всю-то жизнь душа томится странно:
словно звал, а ты — не отвечал...

Петли на дверях у нас из меди,
обходились прежде без замков —
и скрипел металл, пришельца встретив
понадежней нынешних звонков.

Для тебя бы сладко спели двери,
и тебе навстречу бы тогда
выбежала, выпорхнула пери, —
девушки в Казани хоть куда!

Без чадры туманной Хорасана,
свежи, как весною небеса,
наши пери вовсе не жеманны —
взглядом поцелуешь их глаза.

Что в стихах знакомых все ищу я?
Да землячку, как ей там не быть...
Только в наших пери силу чую —
ту, что может пламень растопить.

Выбрал бы денек-другой свободный,
на дела махнул бы ты рукой...
И незваный гость у нас почетный,
если он поэт нам дорогой!

Перевод с татарского Сергея Малышева

ИЗ ОДНОГО ИСТОКА

Поем про край родимый, про березы.
Поем — и песни переходят в слезы.
Наверно, плач и пение давно
нерасторжимо связаны в одно.

Пою, глаза невольно плачут сами,
но не слезами — теплыми словами.

Слова те, как пушинки на ветру,
что не подвластны моему перу.

Перевод с татарского Валерия Шамшурина

БЕШТАУ

Пять белых шапок на прощанье
оставил на главах твоих...

Бештау, дай мне обещанье
вовеки не надеть других.

Как аксакал, ведя по праву
речь от лица земли родной,
ты каждого рассвета славу
приветствуй снятием одной.

С другой своей вершины шапку
в честь ветра теплого снимай
за то, что снежных бурь охапку
не бросил на цветущий край.

А если снять захочешь третью —
в честь соловья сними ее:
враждует песнь его со смертью
и прославляет бытие.

Почти четвертой в небосводе
за то вечернюю Луну,
что Землю при любой невзгоде
не бросит в космосе одну.

А пятую без промедленья
я — сквозь простор —
прошу опять,
отметив жертвенность мгновенья,
в миг смерти Лермонтова
снять!

Перевод с татарского Равиля Бухараева

ОХОТНИЧИЙ СЕЗОН

Листва увяла, пожелтела снова…
Опять сезон охотничий открыт…
Прощальное так больно ранит слово,
как меткий выстрел селезня сразит.
Как лист последний роща отряхнет,
так утка падает, подстреленная влет.
И дичь убитая, и гильза от патрона,
и кровь, и мертвых листьев желтизна.
А в каменной гробнице фараона —
насильно умерщвленная жена…

Перевод с татарского Лидии Григорьевой

ИСПИВШИЙ МОЛНИЮ

Нет, я звездой холодною не стану!..
Пусть свет души моей
пока незрим,
тому виной — жестоких лет туманы,
где не найти дорог
ни в мир, ни в Рим.

Я — только капля среди волн Свияги!
Но в час, когда гремучий ливень лил,
я молнии струю, — как чашу браги, —
поймал в ночи
и, не боясь, испил…

Перевод с татарского Николая Переяслова

НАДЕЖДА

Я не уйду от вас, поверьте, и тогда,
когда следы мои не станут умножаться…

Вы будете, гуляя, удивляться:
мои слова растут!.. Растет их череда!

Потрогайте татарник… Он собой хорош!
А одуванчик?.. Молочко его — не диво ль?
В ромашки падайте и в васильки счастливо,
глядите в небеса, синеющие сплошь.

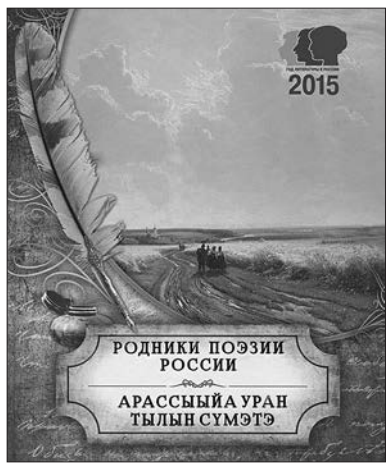
А как пьянит полыни легкий горький дух!
Как отрезвляет сладостным огнем крапива!
А семена пырея, прочих — без полива —
посейте там, где не бывает вовсе плуг.

Царапаются, колются они… Бурьян!
Зато вас исцелят от давних ран, недугов.
Останусь я средь вас словесным верным другом,
слова мои растут, цветут и без семян.

Перевод с татарского Ивана Тертычного

Вышла книга

Родники поэзии России — Арассыыйа уран тылын сумэтэ / [сост.: В. Н. Луковцев — Дьурустаан, С. А. Попов — Сэмэн Тумат]. — Якутск: Бичик, 2015. — 112 с.



Проект Национального книжного издательства «Бичик» Республики Саха (Якутия) имени С. А. Новгородова, посвященный Году литературы в Российской Федерации.

На обложке использована репродукция картины И. И. Шишкина «Полдень. В окрестностях Москвы».

Составители: В. Н. Луковцев — Дьурустаан, С. А. Попов — Сэмэн Тумат.

Сборник поэтических произведений классиков русской литературы и современных поэтов России на двух языках: русском и якутском. Стихи переведены известными поэтами, мастерами художественного слова, ведущими переводчиками народа саха.

ПОЭЗИЯ

Александр ОСЫКОВ

«СЕГОДНЯ БОЙ ИДЕТ ЗА ДУШИ РУССКИЕ…»

Александр Иванович Осыков — родился в 1959 г. в Белгороде. Окончил Белгородский технологический институт и аспирантуру в Москве, кандидат технических наук. Работал в проектных и строительных организациях, преподавал в вузах Белгорода. В настоящее время возглавляет ассоциацию проектировщиков Белгородской области. Автор пяти поэтических сборников, книги «Родное Белогорье» (в соавторстве с Б. И. Осыковым). Лауреат Международного поэтического конкурса «Звезда полей-2010» имени Н. М. Рубцова, лауреат литературной премии «Золотая осень» имени С. А. Есенина (2014). Член Союза писателей России. **Живет в Белгороде.**

* * *

Память отчей стороны
Об отцах своих и дедах,
О преданьях старины,
О походах и победах.

Память отчей стороны —
Память мудрая столетий…
Мы хранить ее должны,
Перед будущим в ответе.

С прошлым кровное родство
Сберегая в жизни сущей,
Русской правды естество
Озаряет путь грядущий.

Вещей вечности сыны,
Утверждать имеем право:
Память отчей стороны —
Память доблести и славы.

Дух, которым мы сильны,
Ведом лишь единоверцам:
Память отчей стороны —
Память любящего сердца.

СТРОКА НА КАРТЕ

Путей-дорог немало пройдено,
Но всех милее путь домой.
На карте мира имя Родины
Короткой значится строкой.

Всего строка! И сумрак памяти
Заполнит тихий, теплый свет:
Глаза отца и руки мамины…
И плена смерти больше нет.

И зазвучит как эхо дальнее
Вновь голос ми́нувших веков,
Даруя грусть исповедальную
Душе, лишившейся оков.

А все, что вечностью завещано,
Вернется к нам добром иль злом.
Людей Земли, чьи судьбы скрещены,
Спасает память о былом.

И пусть дорог немало пройдено,
К перу протянута рука.
Все, что зовется словом Родина,
Вместила емкая строка.

ПОБЕГ

Если слякотной зимою
На душе хандра и грусть,
И ни воли, ни покоя —
К деду Сане соберусь.

Он живет в деревне дальней
Жизнью самою простой
И, обрадован свиданьем,
Собирает скромный стол.

Я спрошу у деда Сани:
— Пустишь, старый, на постой?
С укоризной доброй взглянет:
— Будь как дома, дорогой…

Выпьем с дедом самогонки,
И за «жисть» затеем спор.
Огурцом захрумкав звонко,
Выйду пьяный на простор.

Сквозь искристую преграду
Вдалеке темнеет лес —
Занавеской снегопада
Занавешен край небес.

По заснеженному полю
В теплых валенках пойду,
Видит Бог, покой и волю
Хоть на время здесь найду…

ГАРМОНИСТ

Тот День Победы омрачен был дракой,
И резал слух развязный пьяный свист…
В наш двор зашел с поводырем-собакой
Слепой, в солдатской форме, гармонист.

Достал кисет и закурил неловко,
Звеня медалями, на лавочку присел,
Надел гармошку, проявив сноровку,
И чистым сильным голосом запел.

От этой песни, искренней и светлой,
В округе воцарилась тишина.
И драчунов как будто сдуло ветром,
А люди слушали солдата дотемна.

Как он играл, останется загадкой —
Была без пальцев левая рука,
И слезы каждый утирал украдкой,
Глазея на него издалека…

Когда весною в майском небе чистом
Вновь расцветает праздничный салют
И звездные солистки и солисты
«Смуглянку» и «Катюшу» запоют,

Слепого вспоминаю гармониста
С единственной здоровою рукой,
Который распевал про трех танкистов
И про туман, плывущий над рекой.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

Да, их все меньше, меньше… На колени я
Вновь опускаюсь перед памятью живой.
Великое уходит поколение,
Священной опаленное войной.

Вручило время им судьбу высокую.
И Русь они бы отстояли и сейчас —
Взлетели б в небо сталинские соколы,
Артиллеристы бы исполнили приказ!

Но враг лукав. И он не знает устали:
Зло рядится добром, ложь — правдою святой…
Сегодня бой идет за души русские,
За души вечные идет незримый бой.

Так, где же наша ярость благородная?..
Ведь не от старости, не от военных ран,
А от тоски по беззащитной Родине
Уйдет в бессмертие последний ветеран.

* * *

Лидеры многих европейских стран отказались приехать в Москву на Парад Победы.
Из газет

Ты опять, как всегда, поспешила
Дяди Сэма исполнить приказ.
Да, Европа, видать, ты забыла,
Кто тебя и весь мир этот спас.

Ну так вспомни же Наполеона
И фашистскую темную рать…
Русских душ двадцать семь миллионов
Ты, Европа, не смей забывать!

Мы давно уже все вам простили,
Хоть и боль от потерь не унять.
Нам не надо, чтоб вы нас любили,
Потрудитесь хотя б уважать.

Вы свободой безбожной кичитесь,
Сея в душах и ложь, и разлад.
Видит Бог, вы опять докричитесь
И накличете новый Парад.

Слишком рано мы все вам простили.
Мы умеем любить и прощать.
Только мы ничего не забыли,
Нету права у нас забывать!

* * *

Это ведомо многим,
У кого не спроси:
Дураки да дороги —
Две беды на Руси.

Но секрет сей неведом:
Почему в грозный час
От врага эти беды
Русь спасали не раз?

Наш простор неуютный
Был залогом побед.
Сколько ворогов лютых
Здесь сломали хребет.

То холмы, то овраги,
То не видно ни зги…
Нету в сердце отваги?
Восвояси — беги!

Было так… Так и будет!
Чужаку не понять,
Как, лишь веруя в чудо,
Можем мы побеждать!

Как, отринув земное,
В гневе грозен и рьян,
Становился героем
Простофиля Иван.

Жизнь отдаст не за грош он.
Царство Божье — взамен,
Так как сказано все же:
Нищий духом блажен.

Помня наши победы,
Понимаешь ясней:
Современные беды
Прежних бед пострашней.

Нынче все на продажу.
Грех любой нам — пустяк.
А про честного скажут:
Не дурак — так чудак.

Правят бал негодяи.
Позабыто родство.
Мы навеки теряем
Русских душ естество.

Вот и мы поумнели.
В чудо верим с трудом.
В те края, где сытнее,
Едем, кинув свой дом.

Но милей и дороже
Мне во веки веков,
Русь, твое бездорожье —
Край святых дураков!

* * *

Пред миром распахнуты вечности двери.
Дарована нам путеводная нить…
И если в Россию возможно лишь верить,
То как же возможно ее не любить?

Ведь только России по силам сразиться
С армадами зла, что мир в бездну влекут.
Россия — последний рубеж и граница
И истинной веры последний приют.

Но мир, что погряз в бездуховности косной,
Все тщится расчетливым, хладным умом
Постигнуть души очарованной космос
И русского сердца вселенский разлом.

Христа позабывшие нас не полюбят,
Им проще, чтоб сгинул весь русский народ —
Тогда и себя мир безбожный погубит…
Святой же Руси вечен вещий полет!

А лжемудрецов все циничней химеры…
О, Боже, дай сил нам и благослови
На праведный бой за великую веру,
За русскую душу — обитель любви.

И чтоб не захлопнулись вечности двери,
Чтоб к цели вела путеводная нить,
Так мало в Россию рассудочно верить,
Нам надо ее — безрассудно любить!

* * *

Душу гложет немая тоска,
Сердце плачет над русской судьбою:
Отчего все земные века
Нам приносят беду за бедою?

Словно хитрый, безжалостный враг,
Мир наполнивший ложью и скверной,
Наперед просчитав каждый шаг,
Мстит России за правду и веру.

Пришлецы и огнем и мечом
Сотни раз нашу землю терзали,
Мы ж на зло отвечали добром —
Мир от гибели трижды спасали.

Помни, мир, за твой сытый покой
С пресловутой свободой хваленой
Заплатили мы страшной ценой,
Потеряв двадцать семь миллионов.

И пусть мир снова болен войной,
Силу русскую не пересилить!
И опять принимаем мы бой,
Бой незримый — за душу России.

И кричу я в бессонной ночи:
— Как же мир этот переиначить?
Ночь в ответ виновато молчит,
Стиснув зубы, в бессилии плачу.

Но спокойный, торжественный свет
Мысли ясной в душе разольется:
Да, я — русский, и горя в том нет,
Кто страдал за других, тот спасется!

* * *

Грешной жизни парусник беспечный
Прочь уносит времени река,
Оттого и радость быстротечна,
Оттого печаль и глубока.

Глубока печаль, но не бездонна,
Ведь, спасая мир от слепоты,
Как маяк, во тьме горят бессонно
Неземные очи красоты.

* * *

Я снова в прошлое смотрю —
Как будто с теми говорю,
Кого на этом свете нет…
В иных мирах я вижу свет
Таких далеких, близких глаз,

К себе зовущих всякий раз,
Когда с минувшим говорю, —
Как в день грядущий я смотрю…

Ведь прошлого, по сути, нет —
Оно лишь будущего след…

Виктор ПОТАНИН

ЖИВОЕ ЛИЦО

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Раз говорят о русском стиле — значит, он существует. В нашей памяти, например. Или в природе, среди которой мы живем и близкие наши. Или в русских книгах, которые мы особенно любим и ценим. И даже тоскуем о них, как о родном человеке. И потому начну сейчас с книг…

Да, есть книги, о которых тоскуешь так же сильно, как о первенце-сыне. Особенно если уезжаешь куда-нибудь в дальнюю дорогу, и они, книги эти, остаются дома, на полке. Они остаются, а ты грустишь, что не взял их с собой, не уложил в чемодан. Как бы они пригодились здесь, у вагонного окна, когда перед глазами мелькают лесные и озерные дали, когда душа твоя остается наедине с дорожной печалью и нашим вечным русским вопросом — как же я жил до сего дня и как же жить дальше? Тревожит совесть, особенно если грешна она в чем-то и виновата. В такие минуты хочется открыть дорогие страницы книги, чтоб обрести там надежды…

«Посмотрите, как мы, русские, узнаем друг друга по походке, по выражению лица, по произношению, по улыбке, по манере одеваться — всюду: и в горах Тироля, и в Нью-Йорке, и на аванпостах африканской армии. Все чувства наши обострились в изгнании для всего, что наше. Ширью, легкостью, простотою, искренностью, добротою, глубиною чувства, мечтательностью, даровитостью, темпераментом наделила нас Россия, — и все это слагает особый аромат бытия и быта… И нам, слава Богу, никогда не утратить этого!..» — С великим сожалением обрываем цитату, хотя мне совсем не хочется прерывать этот откровенный и искренний поток, тем более, что цитата взята из статьи «Родина и мы» моего любимого философа Ивана Ильина. Статья

его появилась в далекой эмиграции. Она являет собой пронзительную исповедь о нашей Родине — о России. И потому, как всякая исповедь, статья эта беспредельно точна и правдива. Скажу больше, признаюсь: по моему глубокому убеждению, все эти качества русского человека, так гениально отмеченные философом, и составляют русский стиль. Я бы даже объединил эти качества одним словом, понятием — Душа, Духовность.

И вот теперь я подхожу к запрещенной черте, потому что рассуждать на подобные темы еще совсем недавно, лет пять-шесть назад, было нетактично и как бы неуместно. И не только потому, что пение Интернационала заменяло нам утреннюю и вечернюю молитву, но главным образом потому, что сказать слова: *я — русский и горжусь этим!* — было просто невозможно и даже опасно. Но почему? Да потому, что говорящего сразу же зачисляли в ранг квасного патриота или, больше того, националиста. Нечто подобное происходит сейчас на окраинах бывшего СССР. Как-то меня буквально потрясла статья писателя и общественного деятеля Валерия Ганичева, опубликованная в журнале «Бежин луг» № 1 за 1992 год. В этой статье есть эпизод, в котором писатель поведал о том, как он встречался с представителями русских общин из наших бывших земель, а ныне — суверенных республик. Эти люди до дна испили горькую чашу своего трагического предназначения — быть, называться русским. Один из них — из Литвы — со слезами на глазах рассказывал В. Н. Ганичеву о своей матери: «Когда я разуверился во всем и всех, опустил руки, она сказала мне: “Ты каждый день должен утром повторять — я русский! Я русский! Я русский! Пять, десять, двадцать раз! И ты поймешь тогда, что надо трудиться, надо бороться, надо верить в Бога и Россию. И чем тяжелее русскому, тем больше он молится и трудится!..”»

В Слове русская душа нашла совершенное воплощение. И примеров тому — океан. Хотя в этом океане есть острова, на которые все реже и реже опирается наше читательское сознание. И делается это неспроста. Думаю, что кому-то даже выгодны подобные моменты. Иначе чем объяснить наше невнимание к русской классике, к такому, например, произведению, как роман «Обрыв» И. А. Гончарова. Может быть, и пишется сейчас где-нибудь кандидатская диссертация на эту вольную тему — «Русский стиль в романе “Обрыв”». И все же не уйти нам от правды. А она в том, что великий русский писатель Иван Александрович Гончаров изучается в вузах и средних школах как бы по диагонали, со скольжом. Особенно не везет его роману «Обрыв». Определенно не везет! И потому вспомним сейчас, что роман этот писался в течение двадцати лет, что он воплотил в себе самые главные идеалы, искания самого Гончарова. Чувствую, мне возразят, что любое, мол, произведение несет на себе отпечаток авторских исканий. Да, это верно. Но все равно роман «Обрыв» — поразительно уникален. Эта уникальность — в его русских корнях и привязанностях, в его русской неторопливости и печали. Но эта грусть-печаль не заметна ни глазу, ни слуху. Она как бы неуловима, бесплотна, но она существует.

Скажем еще определенней — роман этот являет собой как бы застывший кристалл, золотой самородок, в который навеки вкраплены многие главные приметы нашего национального духа, нашей христианской морали. И все же кристалл этот — безусловно живой, самодвижущийся, обладающий каким-то пронзительным матовым свечением, которое постоянно успокаивает нас и, если хотите, утешает. Так же утешают нас жития святых и

молитвы, вовремя сказанное родительское благословение или наши исповеди, произнесенные в минуты душевных порывов и откровений. Но из чего же рождается, возникает эта благословенная «аура»? Думаю, ее приносит нам образ главной героини — Веры. И это так. И на том я буду стоять, потому что характер Веры — осколочек от того золотого самородка или кристалла. А самое главное, этот характер — замечательно русский, страстно сосредоточенный, сформировавшийся в провинции, в уединенно-печальной жизни. Поражает ее тоска по высшему, по гармонии, по идеалу, стремление выработать себе из старой, мертвой жизни крепкую новую жизнь. В ней все незаемно: ее самобытность, ум, гордая воля. Все эти качества окрашивают обыкновенную жизнь в такие здоровые цвета, что иная, внешне значительная жизнь кажется Райскому, влюбленному в Веру, и бледна, и пуста. Вера, хочется повторить, именно русский характер, потому что старые понятия, мораль, долг, правила, вера — в ней крепки. Именно потому она говорит Марку, предложившему ей уехать с ним: «Для счастья не нужно уезжать, оно здесь...» Вот какие у нее корни — бабушкины, здоровые, крепкие. Покой, ясность — вот основа жизни, разумной русской жизни для Веры. Она выстрадала это, поняла и умом, и сердцем. Чтобы ум и сердце были в ладу — это тоже черта русского стиля. И русский человек до тех пор мучается, терзается, пока не найдет ключа, отпирающего эту стену. Но все равно чувство вины в нем развито сильнее других качеств, и он большею частью не доволен собой. Это, наверное, влияние Православия.

Характер русский очень связан с ясностью и тихостью вероисповедной. И потому он сдержанный, замкнутый, постоянно прячет свои достоинства. Питают этот характер и врожденные качества, и природа, и все окружающее... Русский стиль именно как стиль связан еще в моем сознании с Чеховым и его книгами. Кто-то из знаменитых современников писателя сказал о нем, что А. П. Чехов истинно русский человек. Трудно с этим не согласиться. Только добавлю от себя, может быть, основное добавлю: истинно русский стиль — это и есть русский человек.

И вот я сделал признание, высказал, как говорят, собственное кредо. Но есть ли у меня, выражаясь юридическим языком, мотивы для таких признаний и утверждений. Есть, конечно же, есть! К примеру, «Степь» Чехова и «Последний поклон» В. Астафьева. Они, на мой взгляд, истинно русские книги, и на их страницах русский стиль правит бал.

Я намеренно поставил их рядом — век нынешний и век минувший, — потому что для вечности какие-нибудь семьдесят и даже сто лет — сущий пустяк. Это даже меньше, чем жизнь мотылька. Да что говорить: жизнь чеховского Егорушки находится на расстоянии дыхания от жизни астафьевского Витьки из повести «Последний поклон». И часто эти два дыхания сливаются, переходят в одно, и тогда вместо двух мальчишек я вдруг вижу одно лицо — странно и чудно знакомое мне уже многие годы. А впрочем, чего здесь странного, ведь это лицо — я сам, деревенский мальчишка из глухой сибирской деревни Утятки, окруженной сугробами и тяжелой и горькой военной нуждой. И все же не буду пока говорить о себе, а снова вспомню Витьку из астафьевской повести. Мне кажется, создатель этого образа — друг всех обиженных жизнью и обездоленных, и может быть, в силу этих причин он еще обостренно чувствителен, порой сентиментален, как юноша. Чего, к примеру, стоят такие фразы из «Последнего поклона»:

«Сияй, солнышко! Радуй первосветом взор младенца и отразись последнею искрой в угасающем зрачке живого существа, чтоб унес он с собой отблеск света твоего, как надежду на нескончаемость живой жизни.

Во веки веков сияй!»

Как это хорошо — *во веки веков сияй*! Какие это ясные и просторные, по-настоящему корневые слова! Из таких именно слов складывались когда-то молитвы и плачи. А ведь это тоже приметы русского стиля — искать утешения в тихой молитве, в разговорах с природой и с собственной душой…

И все же откуда эта первородность в словах, почти что хрустальные звоны в авторской речи, и где начало этой святости и грустной умиленности перед природой? Может, все это вошло в кровь еще от плача Ярославны, может, это чувство когда-то хотел запечатлеть своим мудрым пером Даниил Заточник?.. Хотел и не сделал, но сила его желания была так велика, что она отразилась потом, через многое время, в писаниях других, а точнее — другого… Пьем воду из чистого родника, но и вспоминаем про другую воду и про другой, такой же святой родничок, затерянный где-то в прошлом: вспоминаем о милом, нежном чеховском Егорушке и астафьевском герое. Святая русская душа чеховского Егорушки присутствует и в астафьевском Витьке, и в его деревенском окружении. Да и как же иначе, раз этих мальчишек подняли одни и те же корни, и одни и те же воды несли их по нашим русским равнинам. И потому давайте, давайте же сами уподобимся этим мальчишкам и окунемся в теплые воды целительного астафьевского чувства, которое называется *Любовь и Добро.*

Конечно же, большой исконно русский писатель всегда проповедует любовь и сопричастность ко всему сущему и живому. Кстати, именно такой заголовок — «Сопричастный всему живому» поставил однажды к своему автобиографическому очерку Виктор Астафьев. В этом заголовке — полная правда: всю свою жизнь писатель всегда там, где бьется живое, наше страдающее русское сердце, где слышно живое дыхание. Отсюда его проповедь нравственного очищения человека. Отсюда и его мечта — об идеальном русском человеке, о всепокоряющем русском стиле в нашей жизни. Ну если и не в жизни, то хотя бы в поведении, в наших привычках. Впрочем, слово «мечта» слишком спокойное, умиротворенное слово. Да и сама судьба таких писателей, как Виктор Астафьев, живет в другом микрокосмосе, часто недоступном простому, невооруженному зрению. И все же я рискну сравнить судьбу подобных людей с гигантским генератором, постоянно вырабатывающим Любовь, Сострадание и даже Жалость к своим ближним. Это ведь тоже — наши национальные знаки, привычки. И возраст у них — века и тысячелетия. Но все же вечен ли этот генератор — вечны ли эти астафьевские мечты и желания? Иными словами — вечны ли сами эти понятия, такие, к примеру, как «русский стиль»? Да, вечно это, незыблемо, — отвечает мой разум и еще что-то решительно, в том же духе, добавляет. Нет, не вечно это, не вечно. По крайней мере, не бывает чудес, — включается мое сердце и спорит с разумом… И после некоторой паузы опять продолжает: — Вспомним про Древний Рим и Элладу, где это все теперь, куда затерялось? И где те великие идеалы… Так и мы с вами, так и Россия. Ведь уже сегодня многие наши знаки напоминают шагреневую кожу или рыхлый весенний лед, убывающий, ненадежный. В конце концов, чтобы спасти все это, нужно спасти нашу деревню. Какой же русский стиль без крестьянской деревни!..

И вот с этими доводами сердца я согласен, трижды согласен. Конечно же, какая же русская жизнь и сам русский стиль без деревни. Но иногда мне кажется, что трагедия уже наступила и наша родная русская деревня уже погрузилась навсегда в пучину, как некий град Китеж. А без этой деревни — зачем мечтать и даже размышлять о русском стиле. Кто-то мне возразит, что эту деревню можно постепенно возродить и построить. Да, наверное, можно мою и вашу деревню как бы искусственно придумать и воссоздать, как придумываем мы сейчас разные фольклорные ансамбли, цветастые полушалки и матрешки… Как пишем мы сейчас вроде бы русскую музыку на основе вроде бы исконных мелодий. Но если повнимательней прислушаться к этим новоявленным звукам, то в сердцевине их все равно притаился тот же неугомонный и нагловатый казачок. Так что исчезновение деревни — это похуже взятия Москвы Наполеоном, это то же самое, когда поезда сходят с рельс…

А между тем, самое главное крушение происходило на моих глазах. Помню, закончилась война, а нормальная, естественная жизнь так и не наступила. Наоборот, надежд стало меньше, а горя побольше. И голода, холода — тоже побольше. Это оттого, что в моей родной Утятке стали умирать последние работники — старики… Ну а женщины-то, наши матери, сестры? Это же такая сила, такая воля! На этой силе весь тыл держался!.. Да, держался, но после войны в нашей утятской женщине что-то сломалось, убавилось, что-то как бы замерзло. И как не замерзнуть, если все похоронки обрели теперь окончательную реальность. Если погасли надежды. А без надежд нет и жизни… И многие наши вдовы прямо у меня на глазах стали сохнуть и вянуть. И вот уж их понесли на себе болезни, и что ни месяц, то новый холмик на кладбище. Вот тогда-то я, молодой литератор, и задумал сказать этим людям последнее «прощайте» и, если хотите, объясниться в любви… И еще мне хотелось проститься со своими друзьями детства, многие из которых ушли в ближние города и там затерялись навечно, пропали. А попросту говоря, спились там, сломались и нашли свой последний час… И мне захотелось запечатлеть их своим пером, по-человечески попрощаться. Именно тогда и написались первые страницы на эту тему. Но потом наступило прозрение: я понял, что у меня не хватит сил выполнить эту святую задачу, да и нельзя в литературе идти проторенным путем. Почему проторенным? Да потому, что в журнальной периодике уже появились тогда первые главы «Последнего поклона»…

С тех пор прошло уже много зим, много лет, и все это время повесть Астафьева пополняется новыми главами. Повесть строится по принципу ожерелья: новые главы как бы дополняют собой предыдущие, при этом не теряя полной самостоятельности. И вот на наших глазах ожерелье это увеличивается, удорожается, и мы, читающие люди, только благодарны за это. И самая большая благодарность наша — за родниковый, чисто русский язык. И эта исконность, родниковость — тоже ведь приметы русского стиля. Иногда я хочу понять внутреннее строение астафьевского письма, хочу заметить, как он выкладывает свои кирпичи, заливает фундамент — и не замечаю. А иногда хочется хотя бы приблизительно отделить авторскую речь от речи его героев — и тоже потуги мои бессмысленны, потому что его слог порой движется, развивается почти незаметно. Так же незаметно растет трава, так же незаметно расцветает цветок. Какой-то миг — и раскрылся бутон, и тебе уже не оторвать глаз от него и не сдержать своих чувств… А вдруг

начинаю, как заправский школьный учитель, разделять астафьевских героев на главных и второстепенных. Но из этой затеи тоже ничего не выходит. И не удивительно! Выйдите ночью на крыльцо, взгляните на густое звездное небо и попробуйте определить, где тут самая главная звезда, а где менее главная. Так и в повести: многие из ее героев лишь на миг озаряются в нашем сознании, но свет от них идет такой яркий, объемный, как будто люди эти общались с нами долгие годы. И мы тотчас узнаем их. Но почему? Да только потому, что люди эти — наши братья, русские люди. И снова вспоминается тот заветный абзац из Ивана Ильина: «Посмотрите, как мы, русские, узнаем друг друга по походке, выражению лица, по произношению…».

И все же повесть Астафьева — это прощание. Точнее, много прощаний. И идут эти чувства от большой человеческой души, с самых потаенных ее глубин. Порой это прощание с одним-единственным человеком. Именно об этом глава «Кончина». Очень простая по форме, хрестоматийная, прозрачная, как народная песня. Горькая, тяжелая песня: умирает тетка Агафья, одна из немногих старух в Овсянке. И к ее гробу приходит автор — Витька, Витенька, Виктор Петрович. Я не оговорился, да вы и сами давно знаете, что автор повести и овсянский мальчишка Витька — одно лицо, один человек. Просто этот Витька вырос на наших глазах, стал взрослым и мудрым. И в этой мудрости много воспоминаний, печали — и много в его памяти про тетку Агафью. Нельзя без кома в горле читать эти страницы. Они о каждом из нас, о наших детях, и о наших родителях, и о нашей печальной Сибири, потому они так обжигают. Но это святой огонь, огонь очищающий. И как же просит, как же желает этого очищения наша душа: «Какое же это редкое и великое по нынешним временам счастье — прожить почти девяносто лет на своей земле, в родной деревне, в своем родном углу, в сельском миру, с детства знакомом и бессловесно любимом. Прожить, пусть в тяжких трудах и заботах, не ведая разлук и тоски в чужеземье, не поддавшись соблазнам и отраве городской жизни, прожить с покойной прибранностью в душе и кончить свой век с достоинством, уйти с тихой молитвой на устах туда, откуда ты явился гостем на сей свет с назначением творить в меру сил, тебе данных, добро и успокоиться с сознанием до конца исполненного долга». Так заканчивается глава «Кончина». Но это только кажется, что она заканчивается. Свет этой глубинной русской прозы еще долго будет стоять в нашем сердце и еще долго будет учить нас любви, доброте, состраданию. И еще — честности, мужеству перед лицом трудной сегодняшней жизни.

Вдруг, едва закончив эту последнюю фразу, я почувствовал чей-то взгляд. Прямой насмешливый взгляд на себя: ну что, мол, вы расхваливаете этих старушек. Ведь все эти астафьевские герои — уже вчерашний день, даже позавчерашний. Прошло уже их время и не вернешь. Да и русский человек нынче другой, он щи с квасом хлебать не будет. Да и не удержишь его в такой глухомани, как наша. Это вы, товарищ Потанин, к ней, понимаете, приросли, а зачем, почему? Видно, в Москву не принимают, запрещено… Ну как мне ответить на эти вопросы? Да и надо ли отвечать? Хотя я ничего не придумал, не сочинил. Именно такие вопросы задали мне недавно на встрече мои земляки. Вначале я сдерживался, молчал, а потом все же не вынес:

— Ну хорошо… Ну какой он все-таки, нынешний русский человек? Кто самый смелый из вас — отвечайте. Мне вот из журнала «Москва» недавно анкету прислали, а там такой же вопрос — что такое русский писатель и вообще русский стиль?..

После моих слов воцарилось молчание. Наконец дядя ветеранского вида глубокомысленно произнес:

— После такой анкетки можно и загреметь…

— Но почему?

— А потому, что все кончается на «у». Ведь всякое уже бывало, да и будет еще. А про русских чего говорить. Жили когда-то, да умерли. Или уехали, а куда — Бог знает куда…

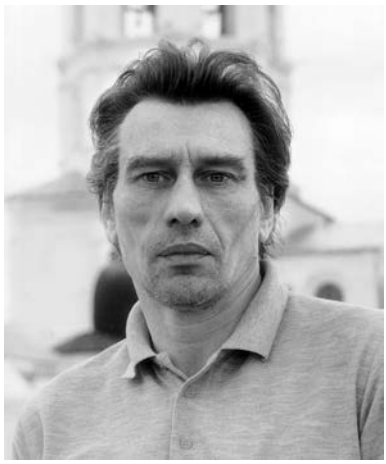
— А вы разве не русский человек? — это снова мой голос и мой вопрос.

— А мы уже не люди, мы — жители…

Так вот оно что! — сразу сжалась душа. А ночью настигла бессонница. И опять спеленали вопросы, сомнения, но еще больше досада. На самого себя досада. На всю прошлую жизнь. Ну чего, мол, ты зацепился за этот несчастный провинциальный городишко — за свою Чухлому… Здесь ведь даже люди стыдятся назвать себя русскими… А может, и не стыдятся, а боятся чего-то, — поправила робко душа. А может быть, и самой-то провинции нет давно. И теперь все изравнялось — что Москва, что Курган, что моя деревня Утятка. И человек в этих пунктах живет середненький, одинаковый, похожий на треугольник. На какую сторону ни верти — все равно три угла. Так что какой уж тут русский стиль… Но нет, неправда! — опять возразила душа. — Есть, конечно же, есть, жива еще, слава Богу, наша провинция. И наши русские деревеньки пока еще сохранились. Хоть и дышат на ладан, но дышат. И почти в каждой деревне все еще живет астафьевская тетка Агафья, а на соседней от нее улице живет моя родная бабушка Екатерина Егоровна, а может, и другая старушка живет, но все равно с такими же глазами и с таким же лицом.

На меня часто смотрят эти глаза. И когда плохо мне, и когда уж совсем нестерпимо. А такое часто случается, особенно в последние годы и месяцы. Даже работа не спасает, не отвлекает, — и летят в это время в печку или в корзину все мои горемычные черновики и наброски. И так проходит неделя, другая. А потом вдруг ночью или где-нибудь перед утром, когда душа наша особенно чутка ко всем звукам и шорохам, — вдруг увидишь над собой эти родные глаза, которые точно говорят тебе, утешают: «Держись, миленький, не распускайся. Всяко бывало уже, а вынесли. Вынесем и это, и дальше пойдем…» Бабушка говорит тебе, а самой уже нет на земле. Но ведь и тетки Агафьи тоже нет, нет давно и чеховского Егорушки, нет и распутинской старухи Анны… Но зато есть другое — наша печальная русская провинция. Она и держит нас крепко в своих объятиях, а мы и не вырываемся. Потому что держит детство, родительские могилки, держит родной язык, который заходит с улицы прямо в створочку, держит природа, которая сохранила у нас еще свое живое лицо. Держат длинные монотонные дожди, под которые порой так хорошо думается и мечтается. Держат и ранние буйные весны, и апрельский ледоход, который можно увидеть только в нашей провинции…

Вот за это я и люблю ее — за тишину, за ожидания, за одиночество. Одним словом, за тот идеализм, с которым когда-то не могла справиться гончаровская Вера. Да и зачем ей было с этим справляться, ведь это и есть наши корни, наш русский стиль, наше продолжение в веках… «И нам, слава Богу, никогда не утратить этого». Но эти, последние слова, уже не мои, а Ивана Ильина, который сказал когда-то, что русский стиль — это и есть русский человек. А мы уж просто за ним повторили…



ПОД МАСКОЙ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Сергей Куняев о Юрии Кузнецове

Марина СТРУКОВА

Марина СТРУКОВА: *Сергей Станиславович, Вы — известный литературный критик, долгое время были коллегой великого поэта Юрия Кузнецова, который остался в истории фигурой загадочной, легендарной. Когда состоялось Ваше знакомство с ним, и каковы были первые впечатления?*

Сергей КУНЯЕВ: Знакомство было довольно интересное, учитывая то, что оно было практически безмолвным. Оно состоялось уже тогда, когда Кузнецов стал своего рода легендой в литературном мире — после выхода своих первых московских книг. Году в 1981-м или, может быть, ближе к началу 1982-го, я написал статью о его творчестве на основе книг «Во мне и рядом даль», «Край света за первым углом», «Выходя на дорогу, душа оглянулась», и особенное мое внимание привлекла его книга «Отпущу свою душу на волю», которая, собственно, и подвигла меня на этот труд. В итоге работа получила название «Между миром и Богом» — строка из кузнецовского стихотворения «Муха»: «Ты сражался с невидимым злом, что стоит между миром и Богом». И собственно это состояние поэта на протяжении длительного периода его творчества я и оценивал. Закончив статью, принес ее Вадиму Валерьяновичу Кожинову, который внимательно прочитал текст, но категорически не согласился с моей трактовкой творчества Кузнецова, а уже после этого произошла личная встреча в стенах журнала «Дружба народов». Я подошел, поздоровался. О чем шла речь, уже не помню, но помню реакцию Кузнецова, его командорскую стать, пронизывающую искру из глаз при легком поднятии виевых век и почти безмолвный диалог со мной, который длился мину-

ты две или три, он произнес всего несколько слов, но глаза сказали гораздо больше. Потом, когда я оценивал эти минуты, до меня дошло, что он, возможно, видел текст, который ему показывал Кожинов, и который ему по душе не пришелся. Такова была первая встреча, потом было еще несколько, в литературном кругу людей преимущественно старшего поколения. Один эпизод весьма характерный для Кузнецова. Он пришел на 50-летие моего отца Станислава Юрьевича Куняева, к нему в дом, где собралось довольно большое количество гостей, наших друзей. Помню, Кожинов сразу взял в руки гитару, стал петь свои любимые романсы, а Кузнецов еще до того, как все сели за стол, совершенно внезапно и неожиданно для всех схватил со стола яблоко, одним движением ножа рассек его пополам, показал всем отрезанную половину и сказал: «Смотрите сюда! Вы видите это яблоко Евы?» И показал на четко очерченный шестигранник в зерне яблока. А уже потом я прочитал его строчки, в которых как бы отразилось это действие: «О древние смыслы, о тайные знаки! Зачем это яблоко светит во мраке? Разрежь поперек и откроешь в нем знак, идущий по свету из мрака во мрак». Вот так сначала последовало действие, потом родились стихи.

М. С.: *Какую мистическую фигуру Вы рисуете…*

С. К.: Таким и выстраивался его образ лично перед моими глазами с первого момента. А в августе 1997-го года Юрий Поликарпович появился в редакции «Нашего современника», куда пришел заведовать отделом поэзии по приглашению Станислава Юрьевича Куняева. И проработал там до 2003-го года, до последнего дня. Общение наше длилось, кажется, целую жизнь. И многие вещи всплывают в памяти достаточно ярко и рельефно.

М. С.: *Расскажите историю публикации поэмы о Христе, ведь некоторые читатели и литераторы не поняли и не приняли ее — что Вы как критик думаете о таком ортодоксально религиозном подходе к литературе?*

С. К.: Даже многие люди, высоко ценящие Кузнецова, об этой поэме предпочитают не говорить или всячески от этого разговора уклоняются, что лично мне совершенно непонятно. Потому что в первую очередь действительно стоило бы оценить духовный подвиг поэта, взявшегося в самом деле, нет, не за поэтическое переложение Евангелия, а поэтическое изложение жизни Иисуса Христа. Кто-то может сказать, что поэт подвиг себя на некое кощунство, и, кстати сказать, слышал такое от некоторых священников. Но я воспринимаю это движение Юрия Поликарповича совершенно иначе. В этой поэме есть одна строчка, которая меня поразила при первом же чтении: «Славься Господь! Он пошел на Божественный риск!» Так вот, я считаю, что здесь буквально на Божественный риск пошел поэт, и с моей точки зрения это было вполне оправданно! Две первые части поэмы «Путь Христа» — «Детство Христа» и «Юность Христа» — были напечатаны в 2000-м году, третья в 2001-м. Далее последовала поэма «Сошествие в ад», думаю, кое-что серьезно сдвинувшая в сознании у многих, кто ее читал. А затем была работа над поэмой «Рай», от которой осталось только начало, но это, видимо, тоже было некое божественное провидение. Так вот,

в статье «Путь ко Христу» я писал о том, что эта поэма вобрала в себя многое — в первую очередь апокрифические Евангелия, духовные стихи, а также народные представления о русском Христе, что, кстати, отразилось в тех песнях, в тех песнопениях, которыми Юрий Поликарпович прокладывал ткань своего повествования.

Надо сказать, что в том же номере, где была опубликована заключительная часть поэмы, мы отмечали 60-летие поэта и дали серию отзывов о нем. И очень интересно, что сказал отец Дмитрий Дудко. А к его слову, я считаю, здесь надо прислушаться:

«Самое значительное с 1917 года, удивительные стихи… наводят на большие размышления… поэмы не для поспешного суждения… может смутить читателя некоторая вольность в выражениях, от того, что сейчас мы знаем Христа как Бога, а Христос здесь как человек (естественно, речь здесь шла о Богочеловеке) думает о том, что сделать, как спасти человечество, идет спор между мудрецами иудейскими и Христом как человеком, но прозревающим Истину». Тут же идет как бы возражение на это отца Александра Шаргунова, который не принял даже не саму поэму в принципе, а саму попытку поэта воплотить евангельский сюжет. Это очень хорошо видно по его высказыванию. Думаю, в последнем стихотворении Юрия Кузнецова «Поэт и монах» кое-что из сказанного отцом Александром отразилось — отвержение Юрием Поликарповичем попытки монаха (который в результате оказывается вовсе не монахом, а принимает вид монаха) от имени Церкви влиять на поэта. На его сознание и на его перо. Кстати, это не первый и явно не последний такой спор.

Я в этом смысле могу привести прелюбопытнейшую полемику, которая произошла в начале XX века между Василием Розановым и Николаем Клюевым. Василий Розанов, как известно, в книгах «Темный лик» и «Люди лунного света» утверждал христианство как бестелесное, бесхлебное, бесплодное и бесполое.

М. С.: *Читала, да, несколько критический взгляд.*

С. К.: Более того, он считает телесным, хлебным и половым Ветхий Завет, в отличие от Евангелия. Но Вы, вероятно, не обратили внимания, что в это же время, а надо сказать книга «Люди лунного света» была в библиотеке Клюева до его ареста и была изъята вместе со всеми бумагами, как всем образным строем Клюев утверждает телесность, материальность, земнолюбивость, если угодно, и абсолютную физиологичность христианства, вплоть до образа сосцов, которые питают человечество своим молоком. Вот он, взгляд на христианство, с двух диаметрально противоположных точек зрения. Здесь мы наблюдаем приблизительно такую картину. Тут не могу не поделиться одним личным воспоминанием. Когда моя статья, где я утверждал, что поэма «Путь Христа» — это путь ко Христу самого поэта, который начал этот путь не в момент написания поэмы, а гораздо раньше, была опубликована в газете «День литературы», как раз приближался юбилейный вечер Юрия Поликарповича в Большом зале ЦДЛ, и я пришел, естественно, на этот вечер. Подхожу к порогу, смотрю, стоит Юрий Поликарпович. Помню, это серое пальто, кашне, стойка статуи командора, неподвижную посадку головы и взгляд то ли в пространство, то ли внутрь

себя. Было ощущение, что он окружающего особо не видит. Я подошел к нему и поздоровался. В ответ последовало буквально следующее. Такой легкий полуповорот головы в мою сторону, и дальше я запомнил подробно: «Ну, здравствуй, здравствуй». — Потом разворот корпуса в мою сторону и: «Я это от святых отцов буду слушать, а не от тебя». И опять поворот в другую сторону, и опять погружение в свои думы. Это он имел в виду мою статью о его поэме. То есть он со своей как бы олимпийской высоты меня испепелял Зевсовыми молниями. Но я, скажу честно, никогда ничего лучшего о написанном моей рукой ни от кого не слышал.

М. С.: *Характер Юрия Поликарповича некоторым казался диктаторским, несколько высокомерным. Но поэтесса Диана Кан, которая общалась с Юрием Кузнецовым, считает, что его надменность была только маской, за которой скрывался человек добрый, ранимый и даже наивный.*

Критик Кирилл Анкудинов пишет, что, по его мнению, резкие высказывания Кузнецова о тех или иных классиках и о «женской» литературе были частью его стратегии. Так создавал ли Кузнецов свой имидж осознанно или просто прятался под маской сверхчеловека от жестокого мира?

С. К.: Человек он был очень тонкий внутренне. Я в этом убедился, пообщавшись с ним в стенах редакции в эти годы. Тонкий, ранимый и, на самом деле, очень добрый. Что, казалось бы, чисто внешне совершенно в нем не просматривалось. Но при этом более-менее тесное общение с ним рисовало именно такую картину. Никакой наивности в нем, конечно, не было в помине. Такие люди, как он, наивными не бывают. Да и таких, как говорится, на Земле-то немного. А что касается стратегии или имиджа, подобные понятия в принципе неприменимы к Кузнецову. Это было абсолютно естественное поведение. И при всей непривычности для слуха его высказываний или манер, непривычных на общепринятый взгляд, у меня лично никогда не возникало сомнений в абсолютной искренности того, что я когда-либо от него слышал.

М. С.: *Как Кузнецов воспринимал критику собственных стихов?*

С. К.: Он не терпел глупостей ни в каком виде — ни благожелательных, ни отрицательных. Если считал, что к нему подходят без ума, без необходимого вчитывания в его стихи, без, если угодно, определенной проницательности, то даже самые высокие слова о своей поэзии он отметал напрочь. Мне доводилось держать в руках журнал «Московский вестник» со статьей о поэзии Кузнецова, имя критика здесь не имеет значения, имеет значение факт: статья была чрезвычайно высокого тона с самыми благожелательными оценками, и я видел пометки на полях этой статьи, сделанные Юрием Поликарповичем. Слова «дурак» и «идиот» чередовались друг с другом. Возникали и такие примечания: «Да что это такое? Он, что, с ума спятил?» Статья была исчеркана вдоль и поперек, и такие комментарии шли на полях журнала от первой до последней строки. То есть обольстить этого человека критикой было невозможно, польстить ему — тем более. Ему было

не привыкать к скрещиванию лезвий и к леденящим искрам вокруг своего имени. Цену всему этому он знал хорошо. И у него было абсолютно четкое, адекватное, ясное понимание своей значимости, своего бытия на этой земле и в мире литературы. Вот это, наверное, самое главное.

М. С.: *Как-то в коридоре «Нашего современника» я увидела большую стопку отвергнутых Кузнецовым рукописей. Считая, что такой придирчивый человек мог отбросить и талантливые вещи, просмотрела ее, но, действительно, хороших стихов там не оказалось… Кузнецов был скуп на похвалы, но о ком-то из современных авторов он ведь отзывался положительно?*

С. К.: Знаю наверняка: талантливые вещи мимо него не проходили. Что безоговорочно летело в мусорную корзину — это графомания, а также стихи его подражателей. Вот кого он поистине терпеть не мог, так это стихотворцев, которые начинали подражать ему. Как только он это замечал, этот человек оказывался за порогом его кабинета, а его стихи, действительно, оказывались в мусоре. Иных вариантов не было.

Что касается поэтов, которых Кузнецов ценил. Он высочайше отзывался о Николае Тряпкине. Высоко оценивал стихи Светланы Кузнецовой. Безусловно, уважал творчество Николая Рубцова. Могу назвать и Анатолия Передреева. Из более молодых отмечал Геннадия Фролова, Евгения Чеканова. Но далеко не все оценивал положительно и у них. Предельность, точнее запредельность его требований могла многих даже и сломать.

М. С.: *Он критиковал даже классиков.*

С. К.: С классиками у него были свои особые отношения. Потому что он мысленно почитал себя в их кругу. У меня с Кузнецовым состоялось немало бесед, в частности о Пушкине. Последняя наша беседа именно его и касалась. Тогда Кузнецов отдал мне на редактуру свою статью-кредо «Воззрение», и я сделал несколько поправок, а также выразил свое несогласие с трактовкой поэзии Пушкина. Помню, как в коридоре «Нашего современника», без приветствия, без поклона, Кузнецов резко повернулся ко мне и спросил: «Ну что, я убедил тебя, что Пушкин — не христианский поэт?» Он даже не дал мне ответить и тут же продолжил: «Я тебе представляю весь строй стихов, вдохновленный Аполлоном, а ты пытаешься этому противопоставить несколько поздних стихотворений». Но надо понимать, что такой подход к Пушкину следовал с высоты поэмы «Путь Христа». Началось с того, что «Ночью вытащил я изо лба золотую стрелу Аполлона», а закончилось «Памятью детства навеяна эта поэма. Встань и сияй надо мною, звезда Вифлеема». Это путь его души, духа. От античного язычества к христианству.

М. С.: *Сегодня многие поэты называют себя учениками Кузнецова. Но ученик это ведь не подражатель, а продолжатель дела, тот, кто будет развивать философию и стиль, созданный мастером, а не просто копировать его приемы. Так остались ли у Кузнецова настоящие ученики, которые попытаются превзойти учителя?*

С. К.: Превзойти Кузнецова? Попробуйте найти поэта, который превзошел бы Блока или Есенина. У Кузнецова была в свое время поэма, которая называется «Золотая гора». Так вот, когда эта поэма появилась, то вызвала определенный взрыв негодования у многих. Но я как раз обратил бы внимание, насколько тонок и тактичен оказался Кузнецов в этой вещи. Он не стремится превзойти классиков, к которым восходит на вершину Золотой горы. Он идет к ним в общество, повинуясь зову, который от них слышит. И только достигнув цели, он обнаруживает, что «навеки занемог / торжественный глагол, / и дух забвенья заволок / великий царский стол. / Где пил Гомер, где пил Софокл, / где мрачный Дант алкал. / Где Пушкин отхлебнул глоток, / но больше расплескал». Вот это «больше расплескал» вызвало бурю негодования. А подумать, с кем сопоставляет Кузнецов Пушкина — с Гомером, Софоклом и Данте. И как он относится к тому, что вот этот классический звон практически не слышен в современности. И что делает его герой? «Он слил в одну из разных чаш / осадок золотой. / Ударил поздно звездный час, / но все-таки он мой». Что происходит? Герой сливает осадок. То есть то, что осталось, осело и осталось поистине золото. То, что концентрирует в себе дух классики. Но при этом он именно сливает то, что осталось, в свою чашу, то есть только то, что он сам в состоянии пригубить. Тот глоток, который он сам в состоянии выпить и не более того…

М. С.: *И что, по-Вашему, эта чаша уже пуста?*

С. К.: Знаете что, давайте не опережать Господа Бога! А что касается вопроса о развитии философии и стиля, вспоминается, как говорил Андрей Платонов одному писателю: «Не вздумай мне подражать, я тебя выжгу изнутри как серная кислота». Надо обладать силой духа, внутренним запасом прочности, а главное, мудрым пониманием того, кто перед тобой находится. Только при этих трех условиях, естественно, если еще есть дар, возможно минуть рифы подражания, перейти из ученической стадии в стадию самостоятельного творчества, пытаясь не превзойти Мастера, а для начала хотя бы встать на одну горизонталь с ним, но в своей плоскости.

М. С.: *А каковы были политические взгляды Юрия Поликарповича, он был патриотом или националистом? Но и патриоты бывают разные — есть монархисты, есть социалисты, есть евразийцы… А может быть, Кузнецов был аполитичен и брезгливо относился к политике?*

С. К.: Он брезгливо относился к политикам. А что касается политики в высоком смысле этого слова, то от нее не был свободен ни один поэт в России XX века, начиная с Блока. Как можно назвать аполитичным поэта, который пишет триптих «Я в Мавзолей встал в очередь за Лениным…»? Который дал такую панораму политических деятелей в поэме «Сошествие в ад»? У которого есть цикл, посвященный Сталину? Как может быть аполитичен поэт, для которого глубинный смысл бытия сопрягают все нервные узлы истории и современности. Касательно умонастроения Кузнецова, его направления — то, что он был русский патриот, в этом никто и никогда не мог усомниться с самого начала. И в то же время он был человеком вселенских устремлений. Вот поэт говорит: «И снился мне кондовый сон России,

что мы живем на острове одни. Души иной не занесут стихии, однообразно пролетают дни». То есть Россия кажется отдельным от всего мира островом. Но что идет с этого острова, какие лучи все пронизывают? Его же интересовали все эпохи, все герои. Он беседовал с мировыми подвижниками религии, философии, литературы. Для него имели огромное значение истоки человечества, и являлись равновеликими былины, Евангелие и «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева. Вспомним его поэтическое переложение митрополита Иллариона «Слово о Законе и благодати». Он сам взялся за этот истинно подвижнический труд, чтобы современным русским языком передать основную мысль: благодать превыше закона. Что было объявлено на Руси более тысячи лет тому назад. В отношении Кузнецова надо говорить в целом о мировой философской мысли, о мировых философских системах, но в первую очередь о духовных подвижниках Древней Руси и их последователях.

Думаю, он во многом разделял взгляды своего друга и собеседника Вадима Валерьяновича Кожинова. Считал, что Россия это особый мир. Это Евразийская держава, но не Европа плюс Азия, а именно Евразийская держава в своей особости, в своей горизонтали, удерживающей мир.

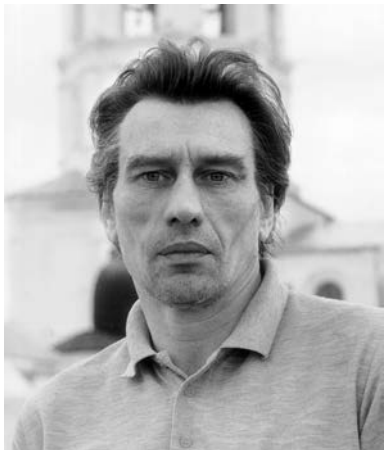
М. С.: *У него действительно есть что-то напоминающее ирландского поэта Йетса…*

С. К.: Об этом писал Анкудинов. Не могу согласиться с тем, что можно впрямую прочерчивать такую линию, какую прочерчивает он. Наверное, здесь мы вправе говорить не о Йетсе, а тогда уже о Шекспире. Короткий эпизод из личного общения: только-только появилась напечатанная в журнале часть поэмы «Путь Христа» — «Сошествие в ад». Захожу в кабинет Кузнецова. Решил пошутить. Говорю: «Что, Юрий Поликарпович, пошли по следам Данте?»

Он даже не улыбнулся. Более того, не повернул головы в мою сторону. Смотрел перед собой, я видел, как напряглись скулы, лицо слегка побелело и он, будто досадуя на мелочность вопроса, на мое какое-то полное его непонимание, произнес буквально так: «Данте?.. — и после тяжелой свинцовой паузы, — Данте мелко плавал по сравнению со мной». Это было сказано абсолютно серьезно. И, считаю, если кто из современных поэтов имел право на такие слова, так только он.

Беседу вела Марина Струкова

ПРОЗА



Сергей КУНЯЕВ

«ПЕРЕД СТРАШНОЙ КРОВАВОЮ ЧАШЕЙ…»*

Сергей Станиславович Куняев — родился в Москве в 1957 г. Окончил филологический факультет МГУ (1980). Работал в издательстве «Современник», в журнале «Москва», зав. отделом критики журнала «Наш современник» с 1992 года. Выпустил книги: «Огнепалый стих»; «Растерзанные тени», «Сергей Есенин», «Жизнь Есенина. Снова выплыли годы из мрака…», в соавторстве со Станиславом Куняевым; документальная повесть о Павле Васильеве «Русский беркут». Член СП России. Член правления СП России (с 1999). Лауреат премий «Зодчий» им. Д. Кедрина (1995), им. С. Есенина (1996). **Живет в Москве**.

---

*Публикуется с небольшими сокращениями.

Продолжение. Начало в № 3 и № 4 2013 г.; в № 2 и № 3 2014 г.; в № 3 2015 г.

Они познакомились 11 апреля 1928 года на художественной выставке Общества имени Куинджи на улице Герцена в Ленинграде. Знакомство это в мельчайших живописных подробностях Анатолий описал в тот же день в письме, адресованном отцу, матери и брату Борису.

«Осматривая выставку, я увидел пожилого человека с бородой (вроде Шевченко в ссылке), в свитке простой деревенской и в сапогах. Я всегда смотрю на людей как-то выше, чем на себя, но здесь удивился: чего этому холую надо? — подумал про себя и смотрю, как большой, картины. Старичок смотрит, а вокруг него мнутся люди. Да какие люди — все интеллигенция! Слышу, заговорил, и, знаешь, мама, как заговорил! Как-то умно, осмысленно и толково. Посмотрел еще раз на старика и пошел смотреть в следующее отделение художника Ф. Ф. Бухгольца. Хороший художник, портретист и колорист большой. Смотрю портреты всяких артистов, поэтов… И вдруг вижу старика нарисованного. Читаю в каталоге номер такой-то, и что же оказывается? Клюев. Знаешь, что Есенина вывел в люди, то есть в поэты. Вот мать честная! Подхожу к старику и кручусь, вроде как бы на картины моргаю, а куда к черту — на Клюева пялюсь! Смотрю, старичок подходит ко мне, спрашивает, как эта картина называется, и заговаривает об искусстве. Проходим мы мимо нарисованного портрета, я возьми да и сравни их обоих, портрет и Клюева. Он заметил это. Стали говорить, я сейчас же вклинил о Есенине. Вижу, старичок ко мне совсем душу повернул. Я о Клюеве: дескать, роскошь — стихи! О Кравченко заикнулся — знает, о Нестерове — еще лучше и т. д. В результате познакомились, он сказал — “Клюев”, я — “Кравченко”.

Долго ходили, сидели на диванах. Он взял меня под руку, и, прохаживаясь по застланным коврами комнатам, говорили об искусстве, литературе; он мне рассказывал о писателях, о Сереженьке Есенине, его истинном друге. Он прослезился, говоря о нем. Я рассказал, что рисую. Он одобрял, восхищаясь картинами. Я рассказал о том, что пишу, он восхищался, просил прочесть. "У меня нет /с собой/", — ответил я. Так, говоря, вспоминая (он назвал меня чистым русским сердцем), мы прохаживались, потом сели на диван.

К нам подошли две дамы или барышни: одна высокая, с голубыми глазами, другая изящней одета и ниже ростом. Клюев представил меня: вот молодой художник и поэт Анатолий Кравченко, знакомьтесь! "А это, — сказал Клюев, — жена Есенина, племянница графа Л. Н. Толстого". — "Очень приятно!" — и я пожал протянутую руку. Так было и со следующей.

После мы с Клюевым пошли к нему домой. Он много говорил нежным тоном и т. д. Дал мне свой адрес, а я ему свой. Говорил, что если я его не забуду, то он меня познакомит со всеми художниками Ленинграда, поэтами и писателями…»

Письмо это замечательно многими нюансами. Невозможно не почувствовать, как хвастается Анатолий перед родными: вынудил самого Клюева обратить на себя внимание! Как хитроумно «подкатился» к поэту. И как Клюев уже общается с ним — как с равным! И знает уже о нем, и картинами его восхищается (да видел ли Николай прежде хоть одну!), и стихи просит прочесть… И Анатолий, привыкший «смотреть на людей выше, чем на себя» — оказывается «на одной ноге» со знаменитым поэтом… Но один «проговор» просто поражает.

Пожилой человек «в свитке простой деревенской и в сапогах» — для Кравченко в первом приближении «холуй»… «Чего этому холую надо?» — здесь, среди «сплошь интеллигенции»! Эта фраза мгновенно вызывает в памяти давние слова из клюевского письма Есенину: «Видите ли — не важен дух твой, бессмертное в тебе, и интересно лишь то, что ты, холуй и хам Смердяков, заговорил членораздельно…» Клюев тут же перестал быть для Кравченко «холуем», когда «заговорил членораздельно» — «и как заговорил!.. Умно, осмысленно и толково…» А увидев портрет, восемнадцатилетний начинающий живописец окончательно проснулся: нет, перед ним не «холуй», перед ним сам Клюев!

Такие совпадения не бывают случайными. Что «дореволюционная», что «послереволюционная» интеллигенция (за нечастыми и вполне объяснимыми исключениями) так и относилась к человеку из деревни, выглядящему невесть какой птицей среди городской «изысканной» публики… А у Анатолия интеллигентский снобизм, как видно, органически сочетался с жаждой обратить на себя внимание известного человека. И не просто так он подчеркнул, что Клюев обещал познакомить его «со всеми художниками Ленинграда, поэтами и писателями…» Дескать, вон куда путь мой отныне лежит! Теперь уже не посмотрю на других «выше, чем на себя»…

А для Клюева здесь не было никакой загадки. В нарочитом верчении Анатолия перед ним он сразу увидел желание познакомиться во что бы то ни стало. И сразу легло на душу и упоминание о Есенине, и восторг молодого человека клюевскими стихами… Слишком тяжело было на душе все последнее время. А тут — миловидный юноша «со взором горящим», исполненный творческого полета, жаждущий припасть к заботливой руке старшего и мудрого…

После стольких потерь показалось: вот она, ласточка, принесшая весну в осеннюю пору, на склоне лет. Божий подарок!

* * *

Анатолий Кравченко стал для Николая еще одной «нечаянной радостью», той, чьей минутой общения дорожишь, чья любая строчка письма наполняет душу благодарностью и восторгом.

«Светлый мой братик Анатолий, я обрадован истинной и живой радостью и памятью обо мне. Усердно прошу Вас и в дальнейшем не обходить меня Вашей лаской и приветом. Вы должны осознать свою силу влияния на людей — только “как любовь”. С годами она окрепнет и вместе с устремлением к красоте будет Вашим неуязвимым щитом во тьме житейской…»

«Милый друг, я не забыл Вас — всегда помню и люблю крепко… Настойчиво прошу Вас не забывать меня! Вы для меня живая и подлинная радость…»

«Я не забыл Вас — мой прекрасный художник… Благодарю от всего сердца, что Вы исполняете крепко свое обещание — не забывать меня. Я так нуждаюсь в добром бескорыстном слове… Будьте светлы духом и веруйте крепко в жизнь…»

Выла улица каменным воем,
Но таинственным поясом муз
Обручил мою песню с тобою
Легкокрылых художеств союз.
……
И теперь, когда головы наши
Подарила судьба палачу,
Перед страшной кровавою чашей
Я сладимую теплю свечу,

Чтоб черемуха с белою вербой
Целовались с заветным окном.
Хорошо, когда жизнь на ущербе
Лебединым пахнула крылом.
……
Как смешны в хризантемах зайчата,
Легковейны бубенчики пчел.
Я не знал ни жены, ни собрата,
Но в тебе свою сказку нашел.

Клюев делится самым сокровенным, обговаривает все свои планы на будущее, наставляет «свою сказку» — как надо себя вести. Таких писем от него не получал даже Есенин!

«Я невыразимо тоскую по ангелу в тебе и всегда на руках огненных в молитве возношу тебя к престолу Святой Троицы. У меня в Москве есть благоуханные и святые встречи, — но темная жизненная суета иногда повергает меня в боль не только душевную, но и телесную. — Я два раза лежал больным от сердца и простуды. Все хлопочу о пенсии и издании “Погорельщины”. Рукопись в издательстве лежит уже две недели, но около

ее происходит большая драка. Ответа еще окончательного нет. Хотелось бы его дождать, чтобы получить деньги, чтобы нам с тобой прожить зиму без нужды. Я рвусь к тебе, но чисто деловые соображения держат меня в Москве. Мне очень тяжело от одиночества без милого голоса и ласки. Был у Нестерова, читал ему "Погорельщину". Он содрогался и проливал слезы, слушая… Мы с тобой обсуждали под саратовскими кленами, какой тон тебе нужно и необходимо взять в этот год, чтобы тебя не обворовывали разные, в конце концов, не нужные тебе друзья. Стараешься ли ты во имя своего дивного искусства хоть сколько-нибудь выполнить это? Извини, мой любимый, что говорю тебе об этом, но эти слова я обращаю к тебе не в форме приказа, а только в форме кровной заботы…»

«Тоскую по ангелу в тебе…» — это не тоска по «любовнику», что постоянно будет слышать за своей спиной Клюев, шепот сей будет преследовать его почти до самого конца… Ангел распахнет крылья с ласковой помощью старшего собрата — и Клюев стремится не выпускать Анатолия из-под своего крыла надолго, томится даже кратковременной разлукой, не упускает случая дать в очередном письме новый добрый совет… Да и брат Анатолия Борис позже признавал, что «первые серьезные шаги и успехи Анатолия как портретиста всецело связаны с Клюевым. Начало было положено портретом Есенина» — портретом поэта, стоящего возле березы… Новое имя Анатолия Клюев же дал, вспоминая погибшего жавороночка.

— Вот у Есенина есть повесть «Яр». Ярами на Руси назывались самые высокие и самые красивые места. Их и для ресторанов выбирали. Да и сами названия некоторых ресторанов в старинных русских городах от этого слова пошли…

Не о ресторанах он, конечно, думал. К слову для понятности молодым ребятам. Яр, он ведь — от языческого Ярилы-Солнца… Красу внешнюю и внутреннюю своего младого наперсника подчеркнуть хотелось. Красочной нотой звучала внутри песня из «Снегурочки» Островского:

Свет и сила —
Бог Ярило!
Красное солнце наше,
Нет тебя в мире краше!

А для портрета Есенина Клюев сам достал под расписку в Пушкинском доме фотографию, бюст и посмертную маску. Договорился с директором П. Сакулиным, который не изменил своего отношения ни к Клюеву, ни к Есенину с тех пор, когда печатал свою знаменитую статью «Народный златоцвет».

В Москве Николай тщетно пытался издать «Погорельщину». И писал в Ленинград Анатолию свои удивительные письма.

«Мир тебе и любовь, и крепость душевная… Мои московские видения убедили меня в неизбежности мученичества всех, кто любит и для кого любовь — хлеб живой и нетленный. Враг не спит и ищет, кого бы поглотить. Но все упование на Тебя возлагаем, Матерь Божия. Никто в мире, ни на земле, ни под землей не поможет верующим и пребывающим в красоте, а также и стремящимся к красоте вечной. Один крест — меч в руках любящего. Ибо такова сама природа любви. Будь спокоен, укрепляй себя и питай покоем. Умоляю тебя об этом!.. Прости меня, любимый, что птахою

незримой я от тебя утек (цитата из «Каина». — *С. К.*). Скоро прилечу на мягких, хотя и порядочно усталых крыльях.

Лобызаю тебя в сердце твое, скучаю нестерпимо и имя твое, как печать, на правой руке моей…»

И совершенно, казалось бы, невероятная заповедь молодому художнику от автора так и не принятой никуда «Погорельщины» и совершенно «противосоветского» «Каина» — заповедь, произнесенная от всей души:

«Будь верен коммуне, нашему величавому и прекрасному государственному строю, пламенным дням юного социализма, а остальное все приложится. Я крепко верю, что моя родная республика не оставит своих самых верных и преданных сынов…»

И ведь не «страха ради иудейска» писано. И не на «перлюстрацию» рассчитано — смешно и думать. Но тот же мотив возникнет в стихах 1932 года, уже в клюевское московское житие.

Сам Клюев — не пригодившийся новой власти, отвергнутый ею, заклейменный всеми мыслимыми клеймами, не питает никаких иллюзий насчет своей дальнейшей судьбы.

Мне революция не мать —
Подросток смуглый и вихрастый,
Что поговоркою горластой
Себя не может рассказать!

Не может — ибо так и не успела осознать себя, ради чего свершилась и какой заряд в себе несла… «Керженский дух» отринула, заповеди «Третьего Рима» перечеркнула (а Бердяев, этот «философ свободы», ничего толком так и не понявший, выводил «Третий Интернационал» из «Третьего Рима»), русское начало уничтожает во всем — а о Христе и говорить нечего… Само-то он, встретивший революцию, когда ему за тридцать было, мог как к дочери неразумной к ней отнестись… А он тогда — как к свахе, принесшей дар.

Напудрен нос у Парасковьи,
Вавилу молодит Оксфорд.
Ах, кто же в святорусском тверд —
В подблюдной песне, Алконосте?
Молчат могилы на погосте,
И тучи вечные молчат…

О себе все сказано, с ним самим, Клюевым, осознавшим и «рассказавшим» революцию еще десятилетие назад и так и оставшимся непонятым, — все предельно ясно, и участь его предрешена. Но молодой друг, почти ровесник этой самой революции — иная у него планида.

Лишь ты смеешься на закат,
Вихраст и смугло-золотист,
Неисправимый коммунист,
Двадцатою весной вспоенный,
«Вставай, проклятьем заклейменный»
Тебе, как бабушке романс,
Что полюбил пастушку Ганс,

Ты ж бороду мою, как знамя,
Бурлацкий сказ, плоты на Каме,
Где светлый Суслов и Сезанн
Глядятся радугой в туман
Новорожденных пав и поля…

«Пламенные дни юного социализма» и заветы дедушки, его духовные сокровища, передаваемые по наследству, — вот она, жизнь грядущая «милого Толи».

* * *

Клюев, пытаясь оберечь Анатолия от «ненужных друзей», старался ввести его в круг «избранных».

Он знакомил его с Клычковым, Ивановым-Разумником, Алексеем Толстым… В эти же годы расширился и его собственный круг общения.

Кроме мастеров Палеха и живописцев, среди которых были и Щербаков, и Власов, и Рылов, и Петров-Водкин, Клюев обретает дружбу великих артистов русской оперы.

И в первую голову здесь нужно назвать Николая Голованова и Антонину Нежданову.

Их многое сближало — и в прошлом, и в настоящем.

Дирижер Большого театра Голованов до революции руководил хором в Марфо-Мариинской обители, куда был приглашен Великой княгиней Елизаветой Феодоровной. Он сочинял духовные песнопения, среди которых особое место занимал кондак святителю Николаю, что не могло не произвести особого впечатления на Клюева. Семья была истово православной, супруги были воистину воцерковленными людьми; временами, правда, набожность уступала место некоторой браваде — не могли они не погордиться, бывало, перед многочисленными гостями огромным количеством старых икон в доме. Но это была слабость, понятная Клюеву. Тут предмет для общего разговора был неисчерпаемый.

Да и сам Николай Голованов был в это время в положении если не равном клюевскому, то близком к нему.

Он уже не единожды подвергался лютым нападкам безграмотных рапповцев, обвинявших его в монархизме, русском национализме и антисемитизме (классический «джентльменский» набор!)… В ходу уже было словечко «головановщина», означающее сочетание всех трех вышеуказанных признаков. Соответствующим образом проинструктированная комсомольская молодежь устраивала в Большом театре обструкции с криками «Долой черносотенца Голованова!», а в «Комсомольской правде» было опубликовано примечательное заявление Всеволода Мейерхольда:

«Если факты, сообщенные в печати, подтвердятся, к Голованову надо отнестись беспощадно. Я хорошо знаком с бытом Большого театра и знаю, что часть хора привыкла, например, по “большим праздникам” выступать в церквах. Хотя религиозные убеждения дело частное, но такие “убеждения”» не могут не способствовать созданию настроений, взращивающих антисемитов».

Сам Сталин в письме к рапповскому драматургу Билль-Белоцерковскому объяснил, что «головановщина» «есть явление антисоветского порядка», но это не значит, «что его нужно преследовать и травить даже тогда,

когда он готов распроститься со своими ошибками…» Последняя фраза, очевидно, родилась под влиянием того, что в защиту Голованова выступили композиторы, артисты МХАТа, солисты Большого театра, что, впрочем, не избавило дирижера от соответствующих оргвыводов: он был временно отстранен от работы в Большом и лишен права преподавания в Московской консерватории.

В декабре 1929 года Голованов писал своей супруге Антонине Неждановой:

«В Москве все по-старому, пока благополучно. В субботу вечером был у А. И. Анисимова по его приглашению. Был замечательно интересный вечер — у него поэт Клюев Николай Алексеевич читал свои новые стихи; были Коренева, Массалитинова, Р. Ивнев и другие. Я давно не получал такого удовольствия. Это поэт 55 лет с иконописным русским лицом, окладистой бородой, в вышитой северной рубашке и поддевке — изумительное, по-моему, явление в русской жизни. Он вывел Есенина на простор литературного моря. Сам он питерец, много печатался. Теперь его ничего не печатают, так как он считает трактор наваждением дьявола, от которого березки и месяц бегут топиться в речку. Стихи его изумительны по звучности и красоте. Философия их достоевско-религиозная — настоящая вымирающая таежная Русь. Читает он так мастерски, что я чуть не заплакал в одном месте. Потом он рассказал две сказочки — это совершенно исключительное явление. К нему Шаляпин в 3 ч/аса/ ночи неоднократно приходил, будил его и плакал у него. Я ищу его книги по всей Москве, в одном магазине мне обещали через 4 дня. Я очень хочу, чтобы Вы обязательно его послушали. Он должен прочесть свою большую последнюю вещь, которая тянется 1.40 минут (очевидно, речь идет о “Погорельщине”». — *С. К.*) …Я о нем много слышал раньше, но не думал, что это так замечательно. Первый том Есенина написан под влиянием его, а он самый благоуханный и талантливый из всех его сочинений…»

Голованову Клюев преподнес двухтомник «Песнослова», надписав на форзаце первой книги:

«Николаю Семеновичу Голованову — ворох моих песен — цветов с русских полей и лесов преподношу, счастливый тем, что на моем жизненном пути встречаю великого и прекрасного, кто слышит колокола Китеж-града невидимого!»

И ему же было подарено старопечатное Евангелие с надписью-благословением:

«Во имя Господа Иисуса Христа ради Его св. Имени на русской земле благословляю сие Св. Евангелие Николаю Семеновичу Голованову на спасение, жизнь, крепость и победу над врагами видимыми и невидимыми».

Антонина Нежданова удостоилась особого подарка: ей были преподнесены автографы стихотворений «Мне сказали, что ты умерла…» и «Вспоминаю тебя и не помню…», причем первое было вынесено в эпиграф ко второму (это на сей день единственный такой известный случай в клюевских инскриптах)… И на том же листе была начертана дарственная надпись:

«Посвящается Антонине Васильевне Неждановой — Сирин-птице, поющей и взывающей о красоте Русской Народной Земли».

Он еще успел услышать неждановскую Марфу в «Царской невесте» и ее же «Снегурочку» в одноименной опере по пьесе Александра Николаевича Островского.

…Во время своих наездов в Москву Клюев останавливался на квартире у Николая Минха. Вместе с ним он забредал в гости на Пречистенку к искусствоведу Александру Анисимову, в Замоскворечье, в Голутвинский переулок в дом артиста Большого театра Анатолия Садомова и жены его Натальи Федоровны. У этой пары он останавливался в тот период, когда занимался обменом своей ленинградской квартиры на московскую.

Наталья Садомова оставила яркие воспоминания о том впечатлении, которое произвел на нее поэт.

«Предо мной был чисто русский человек — в поддевке, косоворотке, шароварах и сапожках — старинного покроя. Лицо светлое, шатен, борода небольшая, голубые глаза, глубоко сидящие и как бы таившие свою думу. Волосы полудлинные, руки красивые, с тонкими пальцами, движения сдержанные; во всем облике некоторая медлительность, взгляд весьма наблюдательный. Говорит ровно, иногда с улыбкой, но всегда как бы обдумывая слова, — это заставляло быть внимательным и к самим словам. Говор с ударением на “о”» и с какими-то своеобразными оборотами речи…

Ник/олай/ А/лексеевич/ был нетребовательным гостем: для него ценнее всего была тишина, чтобы он мог углубиться в свое сокровенное творческое состояние. Оно было, как он говорил, не второй его натурой, а первой — и в нем он находился почти непрерывно, даже во время сна… Чувствуя мое самое сердечное внимание и, по его словам, даже понимание сущности его “внутреннего мира”, — он делался как-то родственно-доверчивым. Его обычная замкнутость исчезала, а сердце открывало свои богатые сокровища. Вот тогда-то и выявлялась особая основа этого “внутреннего мира”: он видел, знал и ясно понимал сущность бытия — видимого и как бы невидимого через знание и опыт…

Он говорил, что у него не проходит время без особых восприятий, и даже во сне… Спорить не любил, больше внимательно выслушивал, но по живым, проницательным глазам можно было ясно почувствовать внутри его полноту творчества. Никол/ай/ Алекс/еевич/ высоко ценил воспитание человека через общественное влияние и науку, но считал весьма необходимым самому человеку осознать и понять свои внутренние свойства, раскрыть в себе лучшие качества, заложенные в нем, благодаря чему и имеет он высокое звание человека и все возможности владеть и управлять силами природы и менее сознательными существами. Он говорил, что настало время познать человеку силу доброй воли в каждом и на основе этого добра объединиться человечеству для блага общего и каждого.

Н/иколай/ А/лексеевич/ утверждал, что поэзия и призвана через тончайшие, свойственные ей одной откровения дать человечеству всеисчерпывающие отображения мировых явлений — от самых темных бездн падений до высочайших красот просветленности. И вся эта непрерывная гамма отображений невольно влечет человечество к желаемому светлому обновлению и взаимному созвучию.

В этой могучей преобразовательной силе и сокрыто воспитательное значение поэзии; возвышая дух человека в необозримую высь творческих возможностей, она приводит к порогу божественных законов, отображающихся в мировой гармонии… Он испытывал глубокий трепет перед тем даром, который ярко чувствовал в сокровенной глубине своего существа, но щедро делился им лишь с созвучными сердцами…»

Наталья Садомова слушала его рассказы о детстве, о любимой матери — преображенные, сотворенные в новой реальности… Клюев переживал свою новую поэму о роде своем, о последней Руси, погружающейся в глубинные хляби истории, свой заветный труд, о котором он после скажет: «То, для чего я родился…»

* * *

И совсем о другом Клюеве — ироничном, шутливом, ядовитом рассказывал мне в 1977 году замечательный прозаик и поэт Сергей Николаевич Марков.

— «Пришел с посошком и с узелком в Литфонд за пособием. Спрашиваю, где бы получить? И тут… — в глазах Маркова, пересказывающего клюевские слова, мелькает хитрая искра, — Безыменский подъезжает, антихрист, с блудницами (…). И все забрал». Да, именно так он и рассказывал. «А сзади, — говорит, — Мейерхольд верхом на блуднице… И по переменке, по переменке…» Так сны и явь у него перемешивались, на ходу сочинял, только рассказывал лишь то, что считал нужным… Очень боялся, как бы не узнали его подлинную биографию… Да много что он рассказывал о себе, но где правда, где нет — поди узнай. Рассказывал о своем путешествии в Кульджу, в Западный Китай. «Аж до Тибета доходил…» А спросишь его о чем-нибудь подробнее — так отговаривается. «Жизнь — тропа Батыева. Помирать буду — расскажу».

— Он действительно был таким противником советской власти, как о нем писали?

— Да прямых политических выступлений у него и не было никогда. Разве что с сожалением вспоминал о Царском Дворе. Но как вспоминал! С лютой завистью к Распутину. «Гришка Распутин мне дорогу перешел…» И не один раз это повторял. А в другой раз — о том, как его вызывали в ГПУ, это в период процесса над Промпартией. «Ваше отношение к Рамзину?» — спрашивают. А он: «Рамазинов? Помню. У нас в деревне железом торговал». Так и ломался. «Как что случится — я к Анатолию Васильевичу». К Луначарскому то есть. «В профсоюз вступать надо было. А у меня билета нет. Пошел к Анатолию Васильевичу, и выписал он мне удостоверение: “Сторож источников народного творчества”».

— Вы в Ленинграде с ним встречались?

— Сначала в Ленинграде, потом в Москве. В Ленинграде он жил в полуподвальном помещении дворца, где убили Распутина. В Москве тоже в полуподвале.

— А какое впечатление он производил как человек?

— Как человек? Гениальный актер. Приходишь к нему, а он сидит, варежку вяжет, рассказывает одну историю за другой. Достаю бутылку водки, хочу угостить, наливаю. Он руками машет, крестится. «Ты что, котинька, дух…» Потом глаза сверкнут, хитро подмигнет: (…). И опрокинет рюмку. (…)

— Но более образованного человека я в те годы не встречал. Своим он был в кругах востоковедов. Историю монгольского ига знал, как никто. Я не говорю уже о древнерусской литературе и об иконописи. Когда наизусть читал Аввакума — рыдал горючими слезами. При мне же читал в подлиннике Верлена и играл на рояле Грига… Не забыть, как исполнял

свои стихи. Сидит на деревянной лавке под образами и читает «Заозерье»… Сам в кафтане, в смазных сапогах, слушатели поначалу недоуменно переглядываются при виде маскарада. А он как затянет:

Отец Алексей из Заозерья —
Берестяный светлый поп,
Бородка — прожелть тетерья,
Волосы — житный сноп.

Читает до конца и тут же переходит к «Деревне»… «Видно, к хлебушку с новым раем посошку пути нелегки…» Слушатели уже сидят, как прикованные, сил ни у кого не остается. А он под конец — свою пророческую «Погорельщину». Крик пророка. Крик о Христе. И все доходят до кликушества… Ох, как он умел это делать! И ничего не боялся.

— Вспоминал, как устроил, чтобы Есенина не послали на фронт. О матери своей вспоминал, и видно было, как он гордится своей любовью к ней. О Ганине рассказывал, о встречах с ним в Вологде. И архиепископа Варнаву вспоминал, бывшего огородника в Каргополе… И ведь, не сбиваясь, сохранял олонецкий говор. Историю северных городов знал назубок… А ленинградские писатели относились к нему, как к монстру.

«Монструозность» Клюева была уже притчей во языцех в литературных кругах. Только это не производило должного впечатления ни на его ближайшее окружение, ни на молодых поэтов, стремившихся с ним увидеться, ни на зарубежных гостей, встречавшихся с ним лицом к лицу.

* * *

В 1929 году к Клюеву в сопровождении Алексея Чапыгина пришел итальянский славист Этторе Ло Гатто. Позднее он вспоминал, что Клюев увидел в нем не столько историка литературы, сколько итальянца. «В Клюеве, который в Италии никогда не был и об итальянской поэзии знал мало, если вообще знал, ностальгия северянина по Италии, по югу была как бы обусловленной, хотя и менее выраженной, чем это было век назад у Пушкина. И все же, встретившись со мной, итальянцем, и услышав из моих уст о ностальгии южанина по северу, по России, он, не задумываясь, назвал меня “светлым братом”…» Ло Гатто много не знал о Клюеве и, конечно, был здесь несправедлив. Не всуе упоминал Клюев в своих стихах начала 20-х годов и Джозуэ Кардуччи, и Аду Негри. Да и встреча с Ло Гатто почти совпала с относительно недавней работой над стихотворением, где Италия, отраженная через «Святого Себастьяна» Тициана Веччелио, соединялась мучительной памятью о древней северной Руси, о предках.

И мужал я, и вырос в келии
Под брадою отца Макария,
Но испить Тицианова зелия
Нудит моя татария.

Себастьяна, пронзенного стрелами,
Я баюкаю в удах и в памяти,

Упоительно крыльями белыми
Ран касаться, как инейной замяти.

Старый лебедь, я знаю многое,
Дрему лилий и сны Мемфиса,
Но тревожит гнездо улогое
Буквоедная злая крыса, —

Чтоб не пел я о Тициане —
Пляске арф и живых громах.
Как стрела в святом Себастьяне,
Звенит иное в стихах.

Овчинный омут полатей,
В ночи стокрылый петух,
И за лыками дед Кондратий
Провидец бурь и засух.
.....
Но в словесных взвивах и срывах,
Себастьянов испив удел,
Из груди не могу я вырвать
Окаянных ноющих стрел.

И Родина, и родословная — стрелы, пронзившие поэта, как святого Себастьяна, пригвоздившие к родному, что не отпускает от себя в благодатную землю проповедей апостола Петра… И на грани «фола» или почти за гранью — образ того же Себастьяна, «убаюканный в удах и в памяти»… Поразительно здесь совпадение по ощущению со словами Нобелевской лекции Томаса Манна, которую тот произносил в то же время, когда Клюев принимал у себя посланца с итальянской земли.

«У меня есть один любимый святой. Назову вам его имя, это святой Себастьян — помните, юноша у столба, пронзенный со всех сторон копьями и стрелами и среди мук улыбающийся. Привлекательность среди мук — вот героизм, символизируемый святым Себастьяном».

Заклейменный «кулацким» клеймом, зажатый в смертельные тиски, Клюев отпускает птицу своего воображения не только в Италию, он до Норвегии жаждет добраться, до любимого Кнута Гамсуна, чей литературный юбилей как раз отмечался в том же году.

Кнут Гамсун — в лебедином мае
Черемуховый ветерок,
А я — глухонемой поток,
В плену у скал Титан заклятый,
Гляжусь в луну и пью закаты,
Но сладости язык далек!
Душа летит на огонек,
В бесследицу и замять поля,
Где у костра сидит недоля,
Вплетая бурю в шлык кровавый.
.....

Ах, где ты, речки серебро,
Босые ноги, рыбный кузов?!
Уж не рассориться ли с музой —
Белицей в беспоповском срубце,
Пусть сердце бесы на трезубце
Зловещим факелом несут,
Лишь только б верности сосуд,
Где слезы ландышей, барвинок,
Не опрокинул черный инок —
Сомнение в сетях тропинок,
Меж пней и цепких корневищ?!

Страх от потери любви равнозначен страху от потери Родины, пленившей, не отпускающей в «золотые, далекие дали» (тут и Есенина впору вспомнить!), теряющей на глазах свой облик, свою стать и суть.

«Сам Клюев сказал мне в 1929 году, — вспоминал Ло Гатто, — что одним из оснований неблагожелательного отношения к нему власть предержащих явилось его прославление революции как “взрыва элементарных частиц”. Я напомнил ему тогда — сужу по записям того времени,— что Блок тоже говорил о революционной стихии как воплощении духа музыки, на что он возразил, что для Блока это было лишь теоретическим измышлением, в то время как он исходил из внутреннего религиозного опыта…»

То ли в 1929, то ли в 1931 году Клюев имел повод сказать мне… что “величайшее злодеяние” советского правительства состояло в превращении русского “мужика” в пролетария, в беспощадном разрушении того, что составляло глубинную сущность России; в осуждении религиозности, якобы противоречащей материальному прогрессу, той набожности, которая всегда присутствовала в душе русского крестьянина, хотя бы в формах более примитивных, как, к примеру, в жестокие времена Болотникова, Стеньки Разина и Пугачева, столь любезных большевикам… Как иностранец я не могу вдаваться в оценку того, что было сказано о Клюеве некоторыми весьма остроумными критиками. Я имею в виду, к примеру, мнение Ходасевича, полагавшего, что “крестьянская Россия”, которую выразили такие поэты, как Клюев, Есенин, Клычков и Ширяевец, не только готова была исчезнуть или уже исчезла, но и не существовала вовсе. Признаюсь, что мнение Ходасевича произвело на меня сильное впечатление, но мысль о том, что Клюев мог быть “позером”, отпала, едва лишь я узнал его лично. Не знаю, что было прежде, но в период наших встреч Клюев был весьма далек от какой-либо фальши. Он был прост и в душе, и в поведении, как человек, заплативший и снова готовый платить дорогой ценой за собственную веру…»

Клюев подарил Ло Гатто икону из своего киота (она и сейчас хранится у наследников слависта в Италии), передал ему экземпляр «Погорельщины» с наказом опубликовать «после его смерти» (на возможность публикации в России он потерял всякую надежду), подарил двухтомник «Песнослова» с дарственной надписью на втором томе:

«Этторе Ле Гатто
Светлому брату
Песни мои — Олонецкие журавли да озерныя гагары, — летите за синее море под сапфирное небо прекрасной Италии! Поклонитесь от меня

вечному городу Риму, страстотерпному праху Колизея, гробнице чуднаго во святых руских Николы Милостиваго, могиле сладчайшаго брата калик перехожих Алексия — человека Божьяго, соснам Умбрии и убрусу Апостола Петра! Расскажите им, песни, что заросли русския поля плакун-травой невылазной, что рыдален шум берез новгородских, что кровью течет Матерь-Волга, что от туги и скорби своего панцырнаго сердца захлебнулся черной тиной тур Иртыш — Ермакова братчина, червонная сулея Сибирскаго царства, что волчьим воем воют родимыя избы, замолкли грановитые погосты и гробы отцов наших брошены на чумных и смрадных свалках.

Увы! Увы! Лютой немочью великая, непрощенная и неприкаянная Россия!

Николай Клюев.

День похвалы Пресвятыя Богородицы 1929 года».

Еще годом ранее он сделал дарственную надпись на книге «Изба и поле» румынскому писателю Панаиту Истрати в иной тональности:

«Дорогому Панаит Истрати на память о нашей встрече на омытой кровью русской с надеждой на радость всемирную.

Николай Клюев.

1928 г.

Не железом, а красотой купится русская радость».

Панаит Истрати навестил Клюева вместе с греческим писателем Никосом Казандзакисом, который потом в беллетризованном виде опишет эту встречу в романе «Тода Раба» (имя главного героя-негра) с подзаголовком «Москва кликнула клич». Место встречи перенесено в Баку, а сам Клюев фигурирует в книге Казандзакиса под именем «Федор Тунганов». Ему же в уста вложены и отдельные подлинные реплики самого поэта.

«— Я не из тех русских, которые делают политику и пушки. Я — той же золотой нити, из которой созданы легенды и иконы…

— Демон и архангел всегда борются в любую эпоху. Оба носят меч. Нельзя их путать.

— Бог велик, Россия— велика, я не боюсь…»

А когда один из героев романа Геранос (прототипом послужил сам Казандзакис) бросает Тунганову реплику: «Сегодня для меня дыхание, толкающее меня вверх, — это Коммунизм. Это мой архангел», — тот отвечает возмущенным шепотом:

«— Впервые слышу такое определение коммунизма. Может быть, речь идет не о русском коммунизме. Мы — я и три четверти русского народа — мы смотрим на коммунизм как на Сатану, вооружающего людей для того, чтобы они перерезали горло друг другу».

Истрати в своей книге воспоминаний о Советском Союзе не упомянул о Клюеве вовсе. И похоже, что поэт оставил двух писателей в полном замешательстве.

И еще об одной встрече мы не имеем никаких доподлинных свидетельств. Известно лишь то, что в сентябре 1930 года Борис Кравченко проводил Клюева на вокзал, когда тот отправлялся в Москву — повидаться и поговорить с Рабиндранатом Тагором, который в это время посетил Советский Союз, где встречался со студентами и преподавателями вузов Москвы, выступал в ВОКСе и в Колонном зале Дома Союзов. И эти выступления весьма показательны для его тогдашнего умонастроения:

«Я приехал в этот край для того, чтобы поучиться. Я хочу узнать, как вы в своей стране разрешаете великую проблему, мировую проблему цивилизации. Проблема современной цивилизации отошла от настоящего пути. Она оторвала человеческую личность от общества. Современная цивилизация породила чрезвычайно искусственную жизнь, она создала болезни, вызвала особые страдания, создала ряд ненормальностей. Не знаю, каким образом нужно действовать для того, чтобы вылечить современную цивилизацию. Я не знаю, действительно ли правилен тот путь, который вы избрали в этой стране для разрешения этой проблемы. История рассудит, насколько вы действительно правы. Я сам глубоко интересовался проблемами воспитания, просвещения. Моя идея, моя мечта была в том, чтобы создать свободного человека, одновременно культурного и связанного с трудом, с жизнью. При современной цивилизации человеческая личность живет как бы в клетке, оторванной от всего остального общества. В вашей стране вы порвали с этим злом. Я слышал от очень многих и сам в этом убеждаюсь, что ваши идеи очень похожи на мою собственную мечту, мою мечту о полной жизни индивидуума, о всестороннем воспитании. Вы в вашей стране даете индивидууму не только научное образование, вы превращаете его в творческую личность. Этим самым вы осуществляете величайшую, высшую мечту человечества. Я благодарю вас сердечно за это».

Остается лишь горько посожалеть, что нам ничего неизвестно о встрече двух великих поэтов. Состоялась ли она вообще, и о чем они говорили друг с другом — если состоялась? Тагор для Клюева значил, пожалуй, больше, чем Ло Гатто, Казандзакис и Истрати вместе взятые. (…)

«Еще живет “россеянство”, своеобразно дошедшее до нашего времени славянофильство, даже этакое боевое противозападничество с верой по-прежнему, по старинке, в “особый” путь развития, в народ-“богоносец”, с погружением в “философические” глубины мистического “народного духа” и красоты “национального” фольклора.

В современной поэзии наиболее сильными представителями такого “россеянства” являются: Клычков, Клюев и Орешин (Есенин — в прошлом)».

Этой тирадой открывалась вышедшая в 1930 году книга Осипа Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика». Бескин был далеко не единственный и не самый главный из «артиллеристов», открывших по поэтам русского Возрождения огонь на уничтожение. Но именно он нашел те характеристики и сопутствующие им определения, которые, «как старое, но грозное оружие», будут в критические моменты истории извлекаться из нафталина и пускаться в ход — как в эпоху либерального «шестидесятничества», так и в эпоху «великой криминальной революции».

Клюев чувствовал, что времени осталось слишком мало. И, собрав все силы, погрузился в создание великого русского поэтического эпоса — поэмы «Песнь о Великой Матери».

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ

«ОТ ПОТРЯСЕННОГО КРЕМЛЯ ДО СТЕН НЕДВИЖНОГО КИТАЯ…»

Выступление на Пушкинском вечере в ЦДЛ

Наталия Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России, специалист по США и Германии. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. В 2004–2007 гг. — депутат, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации IV созыва. С 2004 г. — учредитель и президент Фонда исторической перспективы. С 2008 г. возглавляет парижское отделение российского некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества». Н. А. Нарочницкая является членом Попечительского совета Фонда «Русский мир», Совета Императорского православного палестинского общества. **Живет в Москве**.

Дорогие друзья! Вы сегодня пришли на Пушкинский вечер, и я пришла на Пушкинский вечер. По-настоящему осознав, что такое Пушкин, понимаешь, что это — мы…

И я помню, что впервые осознала, что означает пушкинское понимание и пропускание через себя наших бед, наших взлетов и падений, в момент подписания пресловутых Беловежских соглашений, когда захотелось перечитать стихотворение «Клеветникам России», и я прочла, и зарыдала:

Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

И она не встала — и от этого я заплакала тогда. Но у мудрого Пушкина в другом месте (поэма «Полтава») сказано:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Пушкин обладал фантастическим философским и историческим чутьем. Он предсказал появление русского — и даже сегодняшнего постсоветского либерала.

Ты просвещением свой разум
осветил,
Ты правды чистый свет увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Разве мы не свидетели именно такого либерализма?

Он предсказал и почувствовал, что великие свободы и вообще, сво-

бода как категория, мучившая и волновавшая человека с древнейших времен по сегодняшний день, выродится, пожалуй, в рабство плоти и гордыни, и тогда уже был осторожен в оценках:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура…

Из Пиндемонти

Не хочу задерживать ваше внимание, но из пушкинских сентенций, мыслей, да еще облеченных в такую фантастически скульптурную, литературную и поэтическую форму, вполне можно подготовить панорамную лекцию о современном геополитическом положении России. Это он в стихотворении «Бородинская годовщина» предсказал, что во время наступления Запада на Россию прежде всего встанет вопрос об Украине, о Киевской Руси. Это он написал тогда:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
Кому достанется Волынь?
За кем наследие Богдана? <…>
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?..

И все же сегодня мы оказались в нелегком положении, и повторяется опять та же ненависть, ревность Европы по отношению к нам «за то ль, что в бездну повалили / мы тяготеющий над царствами кумир / и нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?». Это повторилось с гитлеровским нашествием.

И опять они ненавидят, ревнуют и не могут пережить, что именно мы, варвары, «ватники», по их мнению, презрев любое понятие о неприемлемом ущербе (как сербы говорят: «Боле гроб, него роб» — «Лучше лежать в гробу, нежели быть рабом»), — мы повалили и этот кумир.

И сегодня все это подвергается сомнению, но, тем не менее, я верю, что в этих трудностях, в искушениях долгой кары мы станем еще крепче.

И главное, здесь надо понимать, что перед нами — вечное Отечество, а не греховные во все времена государства. Поэтому я и хочу обратиться к вам пушкинскими словами: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!».

Опубликовано на сайте «Столетие»

Наталья МИХАЙЛОВА

«ПРОЩАЙТЕ, БРАТЦЫ: МНЕ В ДОРОГУ…»

Наталья Ивановна Михайлова — доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, автор книг и статей о А. С. Пушкине, В. Л. Пушкине, литературе и культуре пушкинского времени. Заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина по научной работе, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

В настоящее время издательство журнала «Литературная учеба» готовит к печати книгу Н. И. Михайловой «Психея, задумавшаяся над цветком». С любезного согласия автора и издательства предлагаем вниманию читателей фрагмент из этой книги.

19 октября 1828 года Пушкину была выдана подорожная от Петербурга до Торжка. Он собирался уехать и в ночь с 19 на 20 октября уехал в имение своих друзей Вульфов Малинники Старицкого уезда Тверской губернии. Незадолго до отъезда он написал стихотворение, посвященное Анне Олениной:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

(II, 124)

Пушкин покидал Петербург с его «скукой, холодом и гранитом» без сожаленья; разве что «жаль немножко».

В день своего отъезда Пушкин встретился с А. Н. Вульфом, который передал с ним письмо к матери П. А. Осиповой Вульф, навестил А. П. Керн. Анна Петровна запомнила этот день, вспоминала о нем:

«…Пушкин много шутил. Во время этих шуток ему попался под руку мой альбом — совершенный слепок с того альбома уездной барышни, который описал Пушкин в “Евгении Онегине”, и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский»[1].

[1] *Керн А. П.* Воспоминания о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. I. М., 1985. С. 416.

Пушкинские переводы стихов из альбома А. П. Керн — шутки, пародии.

Самой Анне Петровне, «гению чистой красоты», Пушкин посвятил шутливые поэтические строки, записав их на чистом листе книги французских переводов Публия Папиния Стация, древнеримского поэта первого века нашей эры:

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.
.....
Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот.
Пастила не хороша
Без тебя, моя душа.

(III, 125–126)

Под этими стихами, написанными рукой Пушкина, — еще один автограф. Анной Петровной сделана запись:

«А.К. 19-е окт. 1828 года. С:П-г»[1].

Не исключено, что в сочинении стихотворения принимала участие А. П. Керн, что оно запечатлело шутливый диалог поэта и красавицы, их литературную игру[2]. Часть этой игры — пародирование известных текстов, ироническая стилизация. Пушкинские стихи «Мне изюм…» напоминают о чрезвычайно популярной народной песне:

Ходи, миленькой, почаще,
Носи пряников послаще;
Винограду,
Хоть для взгляду —
А изюму —
Ради уму![3]

И еще пушкинские стихи пародийно перекликаются со стихотворным посланием И. М. Долгорукова «К Глафире»:

Без тебя, моя Глафира,
Без тебя, как без души,
Никакие царства мира
Для меня не хороши[4].

---

[1] *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 342–343.

[2] См.: *Березкина С. В.* Из комментария к стихотворениям Пушкина. О цикле стихотворений А. С. Пушкина «Из альбома А. П. Керн» // Русская литература. 1995. № 2. С. 118–125; *Листов В. С.* О стихотворении А. С. Пушкина «Мне изюм нейдет на ум» // Болдинские чтения. 2013. Большое Болдино. 2013. С. 117–128.

[3] *Пушкин А. С.* Соч. / под ред. С. А. Венгерова. Пг. 1915. Т. 6. С. 194. Указано Н. О. Лернером.

[4] *Листов В. С.* Указ. соч. С. 131–132.

Что же касается двустишья «Вези, вези, не жалей, / Со мной ехать веселей», то это пушкинская стилизация надписей на поддужных колокольчиках, перезвон которых сопровождал путника в дороге[1]. Сравним: «Купи, денег не жалей — / Со мной ездить веселей». «Купи, не скупись, езди, веселись». «Звони, потешай, езди, поспешай». Ну что же, Пушкин собрался в дорогу, ему предстояло в который раз услышать звон колокольчиков, и он не забыл об этом во время встречи в Анной Петровной. Мы можем вообразить, как весело они говорили о его предстоящем путешествии в Малинники к Вульфам — родственникам Анны Петровны, сколько шутливых слов было сказано во время их разговора. А. П. Керн сохранила в памяти эту встречу как очень радостную, веселую. «Так несколько часов, — писала она, — было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты»[2].

19 октября 1828 года «Лицея день заветный» Пушкин провел «без горя и забот» (если не считать, конечно, предотъездных хлопот). Завершил же он этот день праздником. В трактире Демута, в номере, где жил лицеист А. Д. Тырков, вместе с другими товарищами по Лицею — А. А. Дельвигом, А. Д. Илличевским, М. А. Яковлевым, М. А. Корфом, Ф. Х. Стевеном и С. Д. Комовским отпраздновал Пушкин лицейскую годовщину: в 1828 году семнадцать лет минуло со дня открытия Лицея. Протокол встречи «скотобратцев» — лицеистов вел Пушкин, протокол, для нас, к сожалению, очень краткий, но все же отражающий программу лицейского праздника:

«a) пели известный лицейский пэанъ

лето, знойна

NB. Пушкин-французъ открылъ, и согласилъ съ нимъ соч. Олосенька что должно вместо общеупотребляемаго припева ***лето знойно***, петь какъ выше означено.

b) Вели беседу.

c) выпили вдоволь ихъ здоровій.

d) пели рефутацію Гна Беранжера.

e) пели песню о Царе Соломоне

f) пели скотобратскія куплеты прошедших 6-ти годовъ —

g) Олосенька въ виде фр. тамбура Мажора утешалъ собравшихся

H) Тырковіусъ безмолствовалъ

I) Толковали о Гимне ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ

K) Паясъ представлялъ восковую персону

L) И завидели на дворе часъ 1-ой и стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути Воспитаннику Императорского Лицея Пушкину французу, иже написа сію грамоту»[3].

Под протоколом подписались (с лицейскими прозвищами) все присутствующие на празднике. В завершение протокола Пушкин написал шутливое четверостишье:

---

[1] *Березкина С. В.* Указ. соч. С. 121.

[2] *Керн А. П.* Указ. соч. С. 417.

[3] Рукою Пушкина: несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., 1935. С. 733–734.

Усердно помоливши́сь Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 127)

Сама по себе шутка Пушкина сомнений не вызывает и объяснений, на первый взгляд, не требует. Между тем, заслуживает внимания наблюдение И. А. Балашовой, выдвинувшей гипотезу о том, что источником пушкинского экспромта, скорее всего, была первая строфа послания Байрона к Томасу Муру 1817 года[1]. Пушкин мог видеть этот текст в альбоме Марии Шимановской. Томас Мур записал его в альбом 8 июня 1826 года. Пушкин оставил свою запись 1 марта 1828 года:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь мелодия…

Пушкин мог прочесть послание и в «Московском телеграфе» за 1828 год, где П. А. Вяземский напечатал его полностью вместе со своим прозаическим переводом и, кроме того, факсимильно воспроизвел первую строфу. Исследователь считает возможным сознательное использование Пушкиным приемов Байрона, так как при сравнении пушкинского текста с текстом первой строфы байроновского послания выявляются ритмико-фонетические, синтаксические и композиционные параллели. Приведем еще раз экспромт Пушкина и стихи Байрона:

Усердно помоливши́сь Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 127)

My boat is on the shore
And my bark is on the sea,
But before I go, Tom Moore,
Here's double health to thee[2].

«Моя лодка ждет меня у берега, мой корабль готов, но, не уезжая еще, Том Мур, пью двойное здоровье твое». Перевод П. А. Вяземского[3].

Конечно, прощание с друзьями — давняя поэтическая традиция и европейской, и русской литературы. Вспомним хотя бы стихотворение В. Л. Пушкина 1825 года «Экспромт на прощание с друзьями А. И. и С. И. Тургеневыми»:

---

[1] См.: *Балашова И. А.* Источники пленительных образов. Традиции в русской романтической литературе 1996. С. 10–27.

[2] Цит. по: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. II. Спб., 1870. С. 62.

[3] Там же.

Прощайте, милые друзья!
Подагрик расстается с вами,
Но с вами сердцем буду я,
Пока еще храним богами.
Час близок; может быть, увы,
Меня не будет — будьте вы[1].

Но, разумеется, игра Пушкина с байроновским текстом особенно примечательна. Байрон прощается с другом. Пушкин — с друзьями. Байрон пишет свои стихи близ Венеции. Пушкин сочиняет свой экспромт в Северной Венеции — Петербурге. Байрон пьет «двойное здоровье» друга. Пушкин, как и другие лицеисты, «выпил вдоволь» за здоровье своих товарищей. Но вместо романтического корабля, готового унести поэта «к пределам дальним», Пушкина ждет экипаж, который повезет его в деревню, к другим друзьям. В сниженном бытовом контексте пушкинского стихотворения отсылка к Байрону приобретает шутливый оттенок. Байрон далее посреди грохочущего океана возвышенно клянется другу и в пустыне последнюю каплю воды выпить за него перед смертью. У Пушкина — молитва на дорогу, и прощальное «ура» Лицею, и житейское пожелание друзьям отправиться спать. Пушкин, который признавался, что некогда он с ума сходил по Байрону, что его романтические поэмы во многом отзываются чтением великого английского романтика, теперь, в 1828 году, после лицейского застолья вспоминая байроновские стихи, шутит, ибо теперь его ждут иные заботы и иные мечты.

Но это еще не все. В стихах Пушкина, сочиненных 19 октября 1828 года, есть еще один пародийный смысл. Нам удалось выявить его благодаря автобиографическим запискам знакомой Пушкина А. О. Смирновой-Россет. Однако прежде чем открыть ее записки, еще раз приведем пушкинские стихи:

Усердно помоливши́сь Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 127)

Затем прочтем А. О. Смирнову-Россет:

«Теперь пойдем спать: в свою постель, вы в свою; это напоминает мне, что сказал Наполеон королю Саксонскому, когда он спасся из Вильны. Песня говорит так:

Au grand Duche de Pologne
Je limite mon appui leger.
Si le Russe vous le regne
C'est un malheur passager
Adieu, je vous ai tout dit,
Je me remets dans ma voiture
Remettez vous dans votre lit.

[1] *Пушкин Василий.* Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 150–151.

Я лишь слегка поддерживаю
Великое герцогство Польское.
Если русский царствует тут над вами,
Это несчастье преходяще.
Прощайте, я все вам сказал,
Я вновь сажусь в свой экипаж,
А вы возвратитесь в свою постель[1].

Где была напечатана эта песня, еще предстоит выяснить, как еще предстоит найти ноты этой песни. Что же касается переклички с ней пушкинского текста, что она очевидна. Сравним:

Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Прощайте, я все вам сказал,
Я вновь сажусь в свой экипаж,
А вы возвратитесь в свою постель.

Конечно, эта перекличка, пародийная соотнесенность житейской ситуации с ситуацией исторической, речи Пушкина с речью Наполеона связана с шутливой атмосферой дружеской встречи лицеистов, с остроумием Пушкина, которое сказалось и в этом четверостишье. И все же приведенный текст А. О. Смирновой-Россет нуждается в историческом комментарии. В связи с этим текстом возникают некоторые вопросы и применительно к пушкинскому экспромту. Почему в стихотворении на лицейскую годовщину возникает наполеоновская тема? Какие смысловые оттенки появляются в пушкинских стихах в связи с пародийным цитированием речи французского императора? Как стихотворение «встраивается» в ряд пушкинских произведений, так или иначе обращенных к Наполеону?

По нашей просьбе историк А. П. Капитонов собрал сведения о беседе Наполеона с королем Саксонии (именно о ней говорится в записках А. О. Смирновой-Россет).

В монографии А. А. Подмазо «Большая европейская война 1812–1815: хроника событий» сообщается:

«13(1) декабря

— Ночью в Дрезден прибыл император Наполеон I и остановился в доме французского министра графа Ш. Ф. Серра.

14(2) декабря

— Императора Наполеона I в Дрездене посетил король Саксонский, и имел с ним продолжительный разговор. После чего император немедленно отправился через город Лейпциг и город Майнц во Францию»[2].

В «Мемуарах графини Потоцкой» есть интересные подробности о встрече Наполеона в Дрездене с королем Саксонии, сохранившим верность французскому императору. Их графиня узнала от сопровождавшего Наполеона полковника Станислава Дунина-Вонсовича:

---

[1] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 450.

[2] *Подмазо А. А.* Большая европейская война 1812–1815: Хроника событий. М., 2003. С. 67.

«Прибыв к господину де Сера в глухую ночь и не желая терять ни минуты, он приказал Вонсовичу тот час же отправиться в королевский дворец и разбудить короля.

Когда Вонсович прибыл во дворец с этим необыкновенным поручением, то стража и часовые спали, и только с огромными затруднениями посланный императора добрался до покоев короля, который, внезапно проснувшись, долго не мог понять, что Наполеон, проезжая через его столицу, желает с ним увидеться. Когда Вонсович сообщил ему суть дела, он поспешно приказал себя одеть и в палантине отправился к министру, так как королевские конюшни находились в предместье и слишком долго пришлось бы ожидать экипаж.

Утром распространился слух, что король куда-то исчез, и неизвестно, что с ним случилось. Поднялся страшный переполох. Камергеры, пажи и скороходы разбежались по городу, разнося это странное известие, и когда все выяснилось, император уже ехал по дороге в Париж»[1].

Читая записки саксонского посланника при дворе Наполеона графа Зенфта, П. А. Вяземский заметил:

«А вот любопытные и характеристические отметки о Наполеоне, при проезде его через Дрезден, после несчастного путешествия в Россию. (Далее П. А. Вяземский цитирует Зенфта. — *Н. М.*). «Он явился в комнату, в которой все собрались и ожидали его, уже одетый в дорожное платье. Вошел он напевая в полголоса какую-то песенку, с видом насмешливым и самодовольным. Ясно было, что он хотел казаться неподавленным под гнетом величайшего бедствия. <...> К некоторым из присутствующих лиц Наполеон обращался с вопросами, относившимися более до предлежавшего ему пути. Поговорив немного с королем, он поспешно отобедал и в семь часов вечера сел с герцогом Виченским в карету королевы. Карета поставлена была на санные полозья»[2].

П. А. Вяземский обратил внимание на приведенные в записках графа Зенфта слова Наполеона о Польше: «Польский вопрос становится очень затруднительным, но Герцогство Варшавское должно устоять, будь оно оставлено в руках саксонского короля, или передано кому другому»[3].

О Польше говорит Наполеон и во французской песенке, записанной А. О. Смирновой-Россет. Вполне вероятно, что Наполеоном во время ночной беседы с королем Саксонии (а эта беседа, как мы знаем, действительно была, причем встреча не обошлась без курьеза) была сказана острота: «я вновь сажусь в свой экипаж, а вы возвращайтесь в свою постель». Возможно, что об этой остроте, запечатленной во французской песенке, знал Пушкин, «присваивая» эту остроту себе, пародийно «примеряя» свою ситуацию к ситуации Наполеона: французский император бежит из России, спасаясь от плена. Русский поэт бежит из столицы России, спасаясь от царящего в Петербурге «духа неволи».

Но почему все-таки тень Наполеона возникает в лицейских стихах? Воспоминание о лицейских годах неразрывно связано с воспоминанием об Отече-

---

[1] Мемуары графини Потоцкой. Перевод с французского А. Н. Кудрявцевой. СПб., [1915]. С. 222–223.

[2] *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1882. С. 426–427.

[3] Там же. С. 427.

ственной войне 1812 года, о «времени незабвенном, времени славы и восторга». Недаром на лицейской встрече 19 октября 1828 года пели пушкинские куплеты «Рефутация г-на Беранжера», не предназначенные для печати. Забавно, что в этих сатирических куплетах, где речь идет о наполеоновском нашествии на Россию, французский император назван Бонапартом-буяном, и это вызывает ассоциации с Буяновым, героем поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед»: Буянов буянит в борделе, Наполеон, которому в 1803 году в Париже представлялся творец «Опасного соседа», буянит в Европе и в России.

Когда Пушкин учился в Лицее, Наполеон был для него врагом Отечества, тираном — так представлен он в «Воспоминаниях в Царском Селе». Проклятия Наполеону, «самовластительному злодею» — в оде «Вольность». Пройдет время, и о его смерти Пушкин скажет:

Чудесный жребий совершился;
Угас великой человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
<...>
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал:

(II, 213, 216)

В романе «Евгений Онегин» появятся иронические строки:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

(VI, 37)

В седьмой главе романа — исторический экскурс о Наполеоне, который «последним счастьем упоенный» ждет депутации с ключами Кремля:

Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

(VI, 155)

В 1833 году в повести «Пиковая дама» появится безвестный армейский офицер с профилем Наполеона и душой Мефистофеля. Для зрелого Пушкина Наполеон — сложнейшая историческая, философская, психологическая проблема: «Люди верят только Славе и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротою»... (VIII, 461). Но все это будет потом. А 19 октября 1828 года, собираясь в дорогу, свободный Пушкин, не служащий, в отличие от своих находящихся на государственной службе лицейских друзей, шутливо примеряет на себя маску Наполеона. А почему бы и нет?

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ЖАЖДА ПРАВДЫ И ПРАВА

Пророчества Ф. М. Достоевского

Алла Анатольевна Новикова-Строганова, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС), юрист, консультант Орловского областного Совета народных депутатов, советник государственной гражданской службы 1-го класса. Автор трех монографий и более 300 опубликованных в России и за рубежом научных работ о творчестве Лескова, Достоевского, Тургенева, Бунина и других классиков мировой литературы. **Живет в Орле.**

Творчество Ф. М. Достоевского (1821–1881) — одно из вершинных достижений русской классической литературы — справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всем мире не только не ослабевает, но со временем все более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин.

Но в своем Отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. С сожалением приходится констатировать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания. В то же время освоение открытий Достоевского может принести не умозрительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

В своих трудах писатель остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению — «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чем сущность и назначение жизни; как преобразовать

мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие. Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьется человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

Апеллируя к «Вечной Истине», Достоевский выражает твердое убеждение в том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». В новом тысячелетии современное человечество живет все теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, *в один бы час* — все бы сразу устроилось! — утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» (1877). — Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!». Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в Евангелии, к которому обращается Достоевский: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12:31), — по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недосягаемым и непревзойденным. Новый Завет вечно нов и все так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. «По глубине замысла, по широте задач нравственного мира, разрабатываемых им, этот писатель стоит у нас совершенно особняком, — писал о Достоевском М. Е. Салтыков-Щедрин. — Он не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже идет далее, вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленных исканий человечества».

«Предвидения» и «предчувствия» писателя подтверждаются движением истории. В. Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика «Достоевский и революция» (1921) проводил мысль об острой современности его творчества в тот «момент великого революционного сдвига, в момент катастрофического разрушения отжившего старого мира и постройки нового. <…> Достоевский — все еще современный писатель; современность еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <…> Читайте Достоевского, и вы многое поймете». Пережив в очередной раз «катастрофическое разрушение» устоявшегося, мы и сегодня можем с полным основанием присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе «Бесы» (1872): «точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрел в Православной вере с ее идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие — всё». Эту отточенную

формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и великою, все освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе — выгода, у нас — жертва…»; «Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в Православии не одну только догматику, но главное — живое чувство, живую силу. «Вникните в Православие, — призывал Достоевский, — это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве по-настоящему и мистицизма-то нет вовсе, в нем есть одно человеколюбие, один Христов образ — по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведет к тому, что от Бога остается «мертвый образ, которому поклоняются в церквах по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своем последнем романе «Братья Карамазовы» (1881). Герой романа — чистый сердцем и помыслами Алеша Карамазов — старается следовать евангельскому завету «раздай все и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопоследователей Христа, пытающихся с выгодой приспосабливать «под себя» Божьи заветы, Алеша стремится к абсолютному идеалу высшей Истины: «Не могу я отдать вместо “всего” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом — храм; очаг — алтарь; семейный уклад — благочестие; идеал — любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «я происходил из семейства русского и благочестивого… Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трех лет отроду он прочел при гостях молитву: «Все упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим», — чем привел всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления, вызванные Светом и Словом (то и другое — имена Бога в Новом Завете), способствовали пробуждению в ребенке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепилась осознанным убеждением. «Записная книжка» писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал все, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогия — родительский дом»,— уве-

рен писатель. Основой его воспитательной доктрины явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своем первенце — дочери Соне — Достоевский писал А. Н. Майкову в мае 1868 года: «Это маленькое трехмесячное <создание>, такое бедное, такое крошечное — для меня было уже и лицо, и характер». В очерке «Фантастическая речь председателя суда» (1877) читаем: «у ребенка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую психологическую и социально-нравственную разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остается нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчет, эгоистический интерес, что в свою очередь влечет подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. **Служение «золотому тельцу» неизбежно ведет к звериным установкам типа «глотай других, пока тебя не проглотили», в итоге — к духовно-нравственному одичанию и вырождению.**

Современное прочтение романа «Братья Карамазовы» — художественного и духовного завещания писателя — показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нем (мире. — *А. Н.-С.*) лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” <…> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых *уединение* и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали.<…> куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навыдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединенности. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощенность материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» — первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека». Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек — не всегда человек честный и что наука еще не гарантирует в человеке доблести». Более того — «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям — всем тем, кому доверено воспитание юных душ, — необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодисциплине: «ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, — говорил писатель. — И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». Отцам семейства, которые «лишь откупились от долга и от обязанности родительской деньгами, а думали, что уже все совершили», Достоевский напоминает, что «маленькие детские души требуют беспрерывного и неустанного соприкосновения с вашими родительскими душами, требуют, чтоб вы были для них, так сказать, всегда духовно на горе, как предмет любви, великого нелицемерного уважения и прекрасного подражания». В «Братьях Карамазовых» выражена заветная мысль об особенной, «еще в ангельском чине», природе ребенка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Все это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провожая писателя в вечность, открылся на словах Христа: «не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети — странный народ. Они снятся и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку — в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом — своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, «Подросток» (1875) — в полной мере «роман воспитания». Главный герой — вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий — порабощен ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стерлись определения и границы добра и зла. <…> Нынче честно не проживешь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокровища духа, в основной

сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».

В «Подростке» и «Дневнике писателя» Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришел к выводу, что «случайность современного русского семейства <…> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <…> самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия: супружество, семья, отцовство, материнство, детство — духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т. п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадежной, зыбкой, «случайным семейством» — по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват?»; как прекратить детские страдания; как «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите» — с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа — сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <…> слезинки хотя бы одного только <…> замученного ребенка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А. Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <…> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной порчи, еще один из важнейших и труднейших вопросов <…> — о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <…> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравляет в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашел «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки

единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», — размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «если бы все общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возвратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведет к преступной теории «все позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит — и нравственной ответственности, — данной Христом, и принесет эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» — на всем том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: «мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе». В действительности власть отреклась от Бога и служит силе, противоположно направленной: «Мы не с Тобой, а с *ним*, вот наша тайна! <…> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными».

Именно антихристианское римское право лежит в основе современного российского законодательства. Сегодня вдумчивые ученые констатируют неразработанность в праве аксиологических и антропологических подходов. По справедливому суждению современных правоведов, «в правовой науке мы привыкли заниматься непосредственными «замерами» правовых явлений: преступности, деликтности, знания права населением и т. д. <…> Наше право все более вырождается в наукообразное законодательство <…> Отечественное право должно измениться. **Юриспруденция, построенная на римских «кабальных» формулах, должна обрести новую творческую форму в русском правовом психологизме**, выразителем которого был Ф. М. Достоевский». Вопросы, поднятые в творчестве классика, — «об абсолютном праве, об отношении права к вечным ценностям — к вере, Истине, справедливости» — не могут и не должны оставаться на задворках общественно-правового сознания.

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях». В том же направлении развиваются нынешние российские государственно-церковные отношения.

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более».

В дискуссии о церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далекого, во втором пришествии. <…> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преображение жизни: «Правда, <…> теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же незыблемо, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и бу́ди, бу́ди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского — мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: «всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <…> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле». С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой — все равно, что ставить телегу впереди лошади: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. **Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».**

На упреки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Все сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и не легкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» — «чистые, святые и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач нисколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этико-эстетическому осмыслению проблем бытия — «***Жажда правды и права***», как формулировал Достоевский, — **по-прежнему требует серьезного освоения и может сыграть неоценимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников, если только они не уподобятся библейским иудеям, гнавшим «пророков в своем Отечестве»**.

Великая провинция

Никита ШЕВЦОВ

В ГОСТЯХ У ДОСТОЕВСКОГО

Елена НАУМОВА

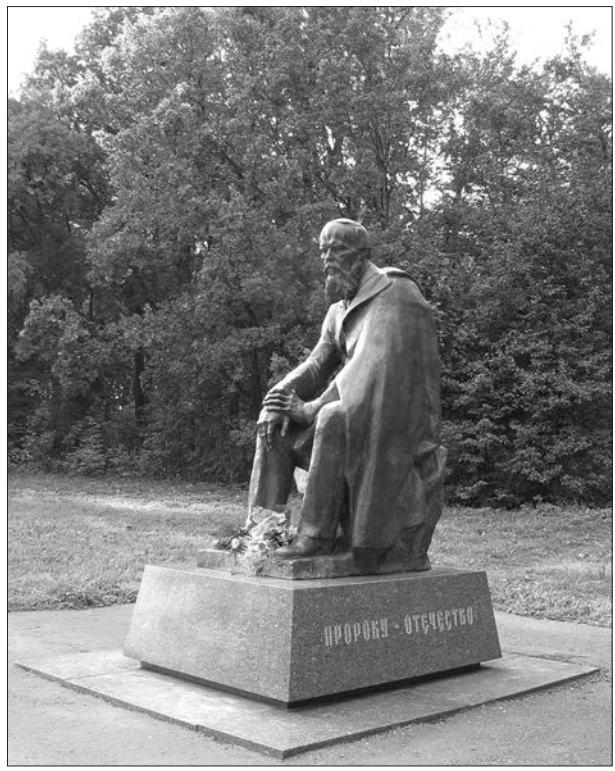
Достоевский воспел Петербург. Он с восхищением писал об этом городе, превознося его красоту и одновременно ужасаясь тем, что происходило в его зловещих домах-колодцах, в отвратительных подворотнях и внутренних дворах. Сегодня мы просто не можем представить великий город без невидимого присутствия гениального писателя. Достоевский стал частью Петербурга.

Но ведь была и Москва, где родился писатель, ее окрестности, где он провел свои детские и юношеские годы. И хотя Федор Михайлович в своих произведениях практически не описывал Москву, город помнит его, в чем мы убедились, посетив места, тесно связанные с ранними годами жизни великого писателя. Для этого нужно было доехать на метро до станции «Достоевская» и выйти на Божедомку, ныне — улицу Достоевского, где расположен впечатляющий

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

ансамбль бывшей Мариинской больницы для бедных. После 1917 года больница получила имя Ф. М. Достоевского, а в 1936 году перед ее главным зданием появился перенесенный с Цветного бульвара памятник Ф. М. Достоевскому работы скульптора С. Д. Меркурова.



Памятник Достоевскому в усадьбе Даровое

Какое отношение имеет Ф. М. Достоевский к Мариинской больнице? Дело в том, что его отец, Михаил Андреевич, служил в больнице лекарем и занимал казенную квартиру в южном флигеле, где и появился на свет будущий писатель. Позднее семья переместилась в северный флигель, получив там две комнаты. Со временем квартира несколько расширилась. Федор Достоевский жил в ней до шестнадцати лет. Уже в 1928 году здесь был открыт первый в мире музей писателя. Он не закрывался даже тогда, когда отношение к Достоевскому со стороны советской власти стало, мягко говоря, прохладным. Квартира никогда не перестраивалась, музей располагается в тех же помещениях, которые занимало семейство штаб-лекаря Достоевского. Может быть, этим объясняется присущая мемориальной квартире атмосфера подлинности, которую не так часто встретишь в литературных музеях? Жаль только, что на соседнем южном флигеле нет даже таблички, напоминающей о том, что здесь родился великий писатель…

В 1827 году М. А. Достоевский получает чин коллежского асессора, предоставлявший право на потомственное дворянство. Одновременно, как дворянин, глава семейства мог приобрести имение, что он и сделал, став в 1831 году владельцем сельца Дарового, относившегося тогда к Тульской губернии. Еще через год приобретается соседняя с Даровым деревушка Черемошня. Спустя полвека владельцем Черемошни, согласно воображению писателя, становится печально известный Федор Дмитриевич Карамазов. Кстати, роман «Братья Карамазовы» создавался Достоевским в его доме в Старой Руссе, ныне превращенной в мемориальный музей. Осматривая его, мы увидели в кабинете писателя висевший на стене портрет Михаила Андреевича Достоевского. Сын никогда не забывал отца и глубоко уважал его.

Остатки усадьбы в Даровом (ныне — в Зарайском районе Московской области) сохранились до нашего времени. Туда-то мы и отправились из Москвы ранним осенним утром. Пересекли Оку, доехали до старинного Зарай-

Усадьба Даровое

Табличка на здании усадьбы в Даровом

ска, оттуда примерно двадцать километров до усадьбы. Там, в окружении берез, стоит памятник Федору Михайловичу, очень похожий на тот, что встречает читателей Российской государственной библиотеки в Москве — «Ленинки». От памятника совсем недалеко до небольшого зеленого цвета

домика-флигеля — единственной более или менее сохранившейся усадебной постройки. Вот и все, если не считать остатков старинного парка, что напоминает о пребывании юного Достоевского в имении своего отца.

Могила, где предположительно похоронен отец писателя

Жилище семейства Достоевских в Даровом трудно было назвать усадебным домом. Обмазанное глиной, с крышей из соломы, оно больше походило на крестьянскую избу. Такие строения, «мазанки», мы привыкли видеть скорее на юге России. Но вплоть до последних лет, словно напоминание о том, как выглядел дом Достоевских, недалеко от усадьбы, среди обычных деревенских домов стояла самая настоящая мазанка, удивляя приезжих своим необычным обликом. В этот приезд мы ее уже не нашли. То ли снесли, то ли после ремонта она утратила свою «аутентичность». Впрочем, усадьбы небогатых либо обедневших дворян имели много общего. Родительский дом Вани Бунина в Озерках тоже выглядел небогато и стоял под соломенной крышей. Правда, в отличие от крестьянских изб, солому в неурожайные годы не снимали и не отдавали на корм скоту.

Но вернемся в Даровое. В 1832 году поместье постигла беда. Ранней весной в ветреный день вспыхнул пожар, в считанные часы уничтоживший все крестьянские избы. Не пожалел он и усадьбы, где сгорели хозяйственные постройки. Уцелел лишь господский дом. Как выглядело тогда Даровое? Судить об этом трудно. Но в Москве, в музее писателя, висит картина, созданная братом писателя Михаилом Достоевским. Есть версия, что он изобразил на ней пейзаж, напоминающий окрестности Дарового.

Современники Достоевского без особых восторгов описывали изрытую оврагами местность вокруг Дарового. Тот же Михаил называл ее «довольно мрачной и дикой». Но у нас сложилось совсем другое впечатление от посещения бывшей усадьбы. Слегка пожелтевшие деревья весело смотрели на нас. Осеннее небо радовало своей голубизной, а яркое октябрьское солнце заставляло слегка прищуривать глаза. Стояла золотая осень. Природа ли-

Надгробная плита на месте, где предположительно похоронен отец писателя

ковала перед тем, как увянуть. Ни уже убранные поля, ни подступившая вплотную к ним роща не показались нам мрачными и тоскливыми. Не заметили мы и оврагов, пугавших когда-то обитателей Дарового. Неподалеку от въездной аллеи, ведущей к памятнику Ф. М. Достоевскому и дальше, в сторону флигеля, раскинулась роща — та самая, где десятилетний Федя повстречал пахаря Марея, на мгновение выпустившего из рук соху, чтобы перекрестить ребенка. Об этой встрече Федор Михайлович вспоминал впоследствии в «Дневнике писателя».

Марея мы не увидели, зато встретили двух женщин, собиравших грибы. Коренные жительницы Дарового, они рассказали нам, что музея как такового во флигеле до сих пор нет. Когда-то в нем размещалась сельская библиотека, а сейчас он пустует. Его дверь открывается по особым случаям, когда Даровое навещают важные персоны, например, участники проходившего в июле 2013 года симпозиума Международного общества Достоевского. Справедливости ради следует заметить, что усадьба считается филиалом музея «Зарайский кремль», где можно заказать экскурсию в Даровое.

Обычно Федор и его братья проводили в усадьбе первые летние месяцы. Детям нравилось в Даровом, где они играли в казаков-разбойников, забирая в плен крестьянских детей. Они представляли себя Робинзонами, оказавшимися на необитаемом острове. Учеба возобновлялась в августе — в разгар сбора урожая. Поэтому мать, Мария Александровна, отправив сыновей в город, продолжала вплоть до глубокой осени заниматься делами поместья. Отцу же полагались в год только 24 дня отпуска, поэтому глава семейства проводил не так много времени в своем поместье. Но именно там, уже после ухода в отставку и смерти жены, его настигла смерть. Согласно

официальной версии Михаил Достоевский умер от апоплексического удара. На самом деле все обстояло иначе. По всей видимости, отца писателя убили во время ссоры собственные крестьяне. Тело два дня пролежало в поле. Если бы в ходе следствия убийство было названо главной причиной смерти, то многим крестьянам грозила каторга, что привело бы к разорению хозяйств. В условиях же крепостного права это привело бы к резкому снижению доходов владельцев поместья. Согласно семейному преданию сообщение о гибели отца стало причиной первого серьезного приступа эпилепсии у Федора Достоевского.

Отца похоронили на кладбище соседней деревни Моногарово. Ныне его предполагаемая могила (до сих пор не установлено, где точно похоронили Михаила Достоевского) находится возле восстановленной недавно церкви. Надгробная плита сохранилась.

В зрелом возрасте Федор Михайлович лишь раз посетил Даровое, когда усадьба уже принадлежала новым хозяевам. Прежнее Даровое перестало существовать. Уже никто не помнил приезжавшего сюда на лето мальчика Федю. Писатель и сам не так часто вспоминал о своих детских годах. И все же впечатления юных лет прослеживаются в названиях его произведений. В десяти километрах от Дарового, например, находится лишенное каких-либо старинных построек село Иванчиково. Но его название заставляет вспомнить одно из ранних произведений писателя — «Село Степанчиково и его обитатели».

Вышла книга

Куняев С. Ю.

Русское слово и мировое зло / Сост., предисл., коммент. С. С. Куняев / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 880 с.

В книге собраны статьи выдающегося русского поэта, публициста и общественного деятеля, главного редактора журнала «Наш современник» Станислава Юрьевича Куняева. Они отражают острую идеологическую борьбу в русской литературе XX века. Произведения Куняева — мощное оружие в борьбе с силами мирового зла, русофобии и расизма.

Елена БАКЛАНОВА

А. Н. НАЙДЕНОВ: «БАНКИР ПРИ ЛЮБЫХ УСЛОВИЯХ ДОЛЖЕН СБЕРЕЧЬ СВОЮ РЕПУТАЦИЮ»

Елена Андреевна Бакланова — правнучка А. Н. Найденова. Родилась в Москве. С отличием окончила Институт бизнеса и политики по специальности «менеджмент», с отличием окончила Дипломатическую академию МИД РФ по специальности «мировая экономика». Работала менеджером по связям с общественностью, менеджером по связям с инвесторами ОАО «Ситроникс», дочерней компании АФК «Система», затем — главным менеджером и Директором по связям с инвесторами ОАО «Банка ВТБ». В настоящее время — руководитель проекта в «Аналитическом центре» Финансового департамента ОАО «Банк ВТБ». **Живет в Москве.**

Нынешнее кризисное состояние экономики России и ее финансовой системы в немалой степени связано с дефицитом здорового этического начала в организации деловой жизни в нашей стране. Это, в частности, относится и к банковской сфере.

Ряд банков потеряли лицензию за неисполнение законов и нормативных актов ЦБ, некоторые были санированы, так как в них обнаружился недопустимый разрыв между реально имеющимися активами и взятыми банками обязательствами. Довольно рутинным явлением стало уклонение руководителей банков от соблюдений требований законодательства и нормативов Центрального банка, и все большая нагрузка ложится на Агентство по страхованию вкладов. В прессе сообщается, что для противодействия этим явлениям готовятся своего рода «черные списки» банкиров, которым будет запрещено занимать ответственные посты в банках, ввиду того, что они были уличены в нарушении закона. Но ужесточение законодательства необходимо дополнить своего рода воспитательной работой. Необходимо учить формирующийся класс новых российских предпринимателей на положительных примерах этически выверенного и морально безукоризненного ведения дел.

В этом контексте хотелось бы обратиться к истории и напомнить об уникальном человеке — банкире Александре Николаевиче Найденове (05.04.1866 – 13.01.1920) — видном представителе российского купечества и предпринимательства конца XIX — начала XX века, который даже в самые трудные времена действовал на основе самых высоких моральных принципов и правил.

Александр Николаевич Найденов, мой прапрадед, принадлежал к купеческому роду Найденовых. Са-

мым известным представителем этого рода был его отец — Николай Александрович Найденов (1834–1905), занимавший авторитетный и влиятельный пост Председателя Московского Биржевого комитета в 1876–1905 годах. Он являлся также Председателем Правления Московского торгового банка и совладельцем Торгового дома «А. Найденов и сыновья». Найденовы держали в своих руках значительную часть торговли мануфактурой, а с начала XX века — и почти девяносто процентов такого перспективного товара, как керосин.

Александр Николаевич унаследовал от своего отца не только блестящие способности, но и доброе имя и авторитет порядочного и обязательного во всех отношениях предпринимателя и общественно-политического деятеля.

В 1883 году он поступил на службу в Московский торговый банк, где с годами занял престижную должность Председателя Правления банка. Александр Николаевич Найденов считал делом своей жизни развивать деятельность этого финансового института, занимавшегося привлечением капиталов, главным образом для развития отечественной легкой промышленности.

Он также входил в состав Правления Московского торгово-промышленного товарищества, Московско-Кавказского нефтяного промышленно-торгового товарищества, Большой Кинешемской мануфактуры, Товарищества «К. Прохоров с сыновьями», Товарищества «И. С. Решетников и К° в Москве» и ревизионной комиссии Товарищества Купавинской суконной фабрики братьев Бабкиных.

С 1906 года он состоял выборным Московского биржевого общества, являлся одним из старшин Московского биржевого комитета, членом Совета и казначеем Александровского мужского и Николаевского женского коммерческого училищ. В 1909–1912 годах избирался гласным Московской городской думы.

В нашей семье хранили память об этом замечательном человеке. С детства мне всегда ставили в пример то, как ответственно относился Александр Николаевич ко всему, что он говорил и делал. Ведь «слово-обещание» клана Найденовых в деловой сфере дореволюционной России ценилось наравне с «золотым рублем».

Примечательно, что это свое ответственное отношение к клиентам и вкладчикам принадлежавшего ему банка Александр Николаевич Найденов

сумел сохранить и в период революционных потрясений, когда рушились все устои общества.

После революции 1917 года частные банки были национализированы. Казалось бы, это — безусловный случай «форсмажорных» обстоятельств, освобождающих владельца от ранее данных обязательств. Никто при потере вкладов не стал хранить обиду на руководителей банка, ведь речь шла о принудительной конфискации частной собственности новыми властями страны.

Но Александр Николаевич, чувствуя личную ответственность перед своими вкладчиками, многих из которых национализация лишила не только вкладов, но и средств к существованию, принял неординарное решение — он консолидировал все имевшиеся в его распоряжении личные средства, продал свое имущество и погасил задолженность перед своими вкладчиками. «Банкир при любых условиях должен сберечь свою репутацию», — заявил он.

Такого в мировой финансовой практике, по-видимому, никогда не было. Решение А. Н. Найденова было основано на глубокой порядочности, осознании того факта, что от его действий зависит жизнь людей. Кроме того, как деловой человек он предполагал, что нормальная экономическая деятельность в стране неминуемо восстановится, а основанные на доверии отношения банков с вкладчиками станут залогом будущего развития финансовой системы страны.

Следует отметить, что жизнь и деятельность клана Найденовых, с учетом их роли в развитии российского предпринимательства, стали предметом многих исследований, выступлений в СМИ. При этом некоторые ошибочно объясняли указанный поступок А. Н. Найденова политическим мотивами и желанием «досадить» новой власти, указать на «аморальный характер» решения о национализации имущества частных лиц.

На самом деле А. Н. Найденов был далек от политики, он просто был честным и обязательным бизнесменом, который верил в необходимость работать по определенным правилам, морально-этическим нормам, соблюдение которых было свойственно русскому купечеству.

3 ноября 1919 года Найденова арестовали. Арестовали не только его, видного предпринимателя, но и его сына — Николая, совсем молодого человека, студента второго курса университета.

Все знали, что новые власти арестовывали людей, близких к Царю, крупных политиков и бизнесменов, деятелей царского режима.

Поэтому первой мыслью членов семьи было то, что произошла ошибка — ведь Николай был полным тезкой своего знаменитого деда — руководителя бизнес-сообщества Москвы. Но нет, арестовали именно Николая вместе с его отцом.

Вот как описывает в своих записках эти события дочь А. Н. Найденова — Елизавета, которой в ту пору было 16 лет: «3 ноября накануне моих именин (Елизавета) к нам пришли с обыском три мужика. Папа и Коля вышли к ним навстречу.

Обыск начали с комнаты, в которой в свое время жил покойный дедушка. В шкафу нашли старые попечительские печати, они их долго рассматривали. Затем сделали очень большой обыск в папиной комнате. Из всех ящиков бюро вывалили письма и увязали их в скатерть. Зачем они им? Это были

все письма от знакомых и близких и приглашения. Я все время была рядом, ужасно волновалась и дрожала от холода, так как я поднялась с постели и ходила в одном капоте, а дома было очень холодно.

Стало ясно, что папу заподозрили в серьезном деле. хотя по существу он был совершенно безвреден. Он ведь давно уже нигде не бывал, а если и ходил в город, то только за покупками. Иногда раньше еще заходил к Сергею Валерьевичу Живаго, но сейчас он уже уехал в Германию.

А. Н. Найденов с сыном Николаем и дочерью Елизаветой, 1908 г.

Знаю, что папа не смог бы присоединиться к какому-либо заговору. Просто фамилия его была слишком уж известная, и сам он человек известный, ранее был состоятельным и хорошо владеет финансовой практикой. Я думаю, что за все это его и захотели обезвредить.

Колю тоже припутали без толку. Он еще учится, далек от общественной жизни, не имеет никакого положения в обществе.

У меня в комнате сделали не очень тщательный обыск. Мама сказала, что я пока нигде не служу и помогаю по хозяйству. Чекисты быстро покинули комнату.

Папу и Колю арестовали, стали уводить. Папа сказал: “Прощайте”, и я подумала, что мы с ним больше никогда не увидимся.

Колю было ужасно жалко, я очень расстраивалась, вспоминая, что иногда ссорилась с ним. Сначала мы думали, что его просто перепутали с дедушкой, так как у них были одинаковые инициалы, но теперь выяснилось, что его взяли за то, что у него оказалось охотничье ружье».

Моя прапрабабушка, супруга Александра Николаевича — Елизавета Ивановна Найденова, одна из ведущих актрис Малого театра, решила, используя свою известность в Москве, похлопатать за мужа и сына. В ходе проведенных ею контактов стало понятно, что никакой ошибки не было, но имела место попытка «выжимания» денег из «бывших».

Позже в своих записках она так вспоминала визит на Лубянку: «Передо мной сидела молодая жгучая брюнетка и курила. Я спросила “Какова судьба моего сына и мужа, и в чем их обвиняют?” Но женщина, ничего не сказав в отношении существа обвинений, неожиданно заявила следующее: “Мы в общем-то могли бы освободить одного из Ваших родственников, но только одного — или сына, или мужа”. Я сказала: “Мой сын — молодой человек, отдайте мне сына. А что нужно, чтобы освободить и мужа?” — “Мешок овса и миллион царских рублей. И мы его тоже освободим”, — последовал циничный ответ. На этом беседа закончилась.

Таких собственных средств у семьи к тому времени уже не было, но деньги можно было занять, достать, так как в Москве было много знакомых Александра Николаевича, готовых помочь, а вот овса в Москве не было».

Между тем, сотрудники ВЧК спешили, так как стало известно, что В. И. Ленин рассматривает вопрос о сокращении карательных мер и освобождении тех представителей «эксплуататорских элементов», чья вина не была доказана.

Александра Николаевича Найденова расстреляли 13 января 1920 года, а 17 января последовал декрет В. И. Ленина, по которому его и ряд других задержанных должны были бы освободить. Несколько ранее из тюрьмы вышел его сын — Николай.

Моей прабабушке — Елизавете Александровне, дочери Александра Николаевича и Елизаветы Ивановны, тогда было 16 лет, — она каждый день ездила передавать продукты брату и отцу, и именно она первой узнала новость, что ее отца расстреляли и ей нужно ехать на опознание.

Вместе с ее отцом погибло 86 человек — представителей политической и финансовой элиты страны. Растерзанные полуголые тела бросили за восточной оградой Калитниковского кладбища.

В дневнике прабабушки читаем: «Мы с моим старшим братом Николаем поехали опознавать тело отца. Было темно и холодно, когда мы приехали на место. Страшная картина предстала перед глазами — мужчины и женщины лежали вповалку. Среди них мы с трудом нашли тело отца. Пока мы бродили возле расстрелянных тел, мне казалось, что от них идет свечение, как будто души умерших покидают тела. Эта картина мне заполнилась на всю жизнь»…

Кстати, виновные в этом злодеянии впоследствии, в 1938 году, были осуждены за свои многочисленные преступления.

Нашей семье были переданы некоторые документы того времени, в том числе письма, которые Александр Николаевич в тюрьме писал для своих родственников. Одно из них воспроизводится на фотографии.

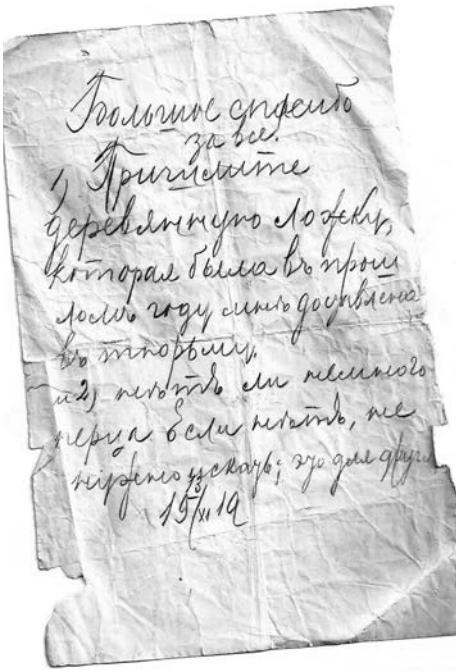
Выяснилось, что первоначально Александр Николаевич находился в заключении в помещении Особого отдела, в одиночной камере. Затем он был переведен в 41-ю общую камеру Лубянской тюрьмы.

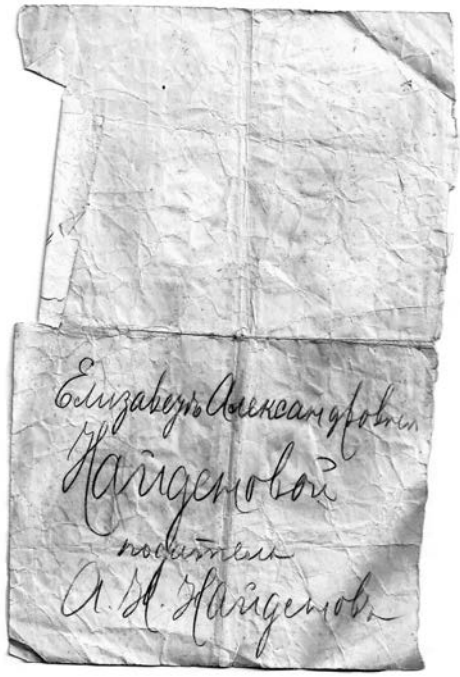
Вдова А. Н. Найденова и трое детей, сыновья Николай и Алексей и дочь Елизавета (моя прабабушка), в 1920 году остались без отца, лишенные недвижимости и денег.

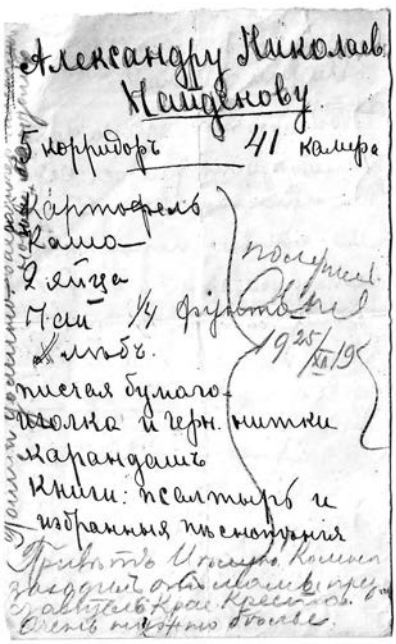
Следует отметить, что доброе имя А. Н. Найденова в дальнейшем было восстановлено, благородство и доблесть этого человека оставили светлый след в отечественной истории.

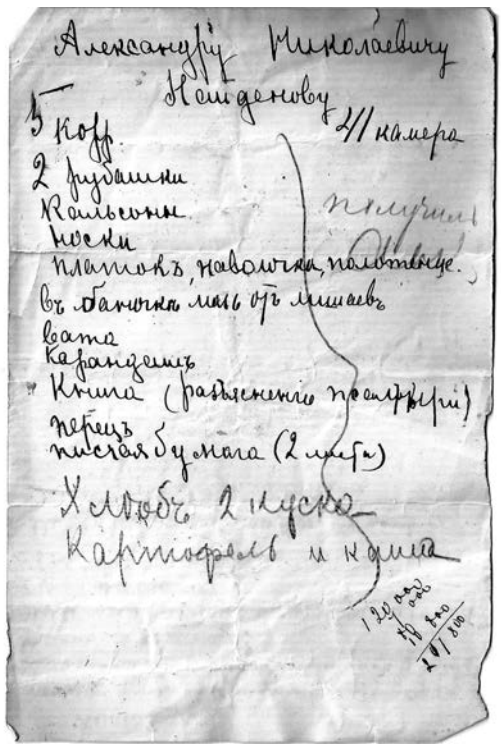
Представляет интерес, что впоследствии, в особенности в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время, некоторые из представителей клана Найденовых — с учетом патриотической позиции, которую всегда отстаивали члены семьи, — вновь стали занимать видное общественное положение и пользоваться доверием руководства страны.

Так, один из внуков А. Н. Найденова — Александр в течение многих лет работал в Кремле, являлся директором музея-квартиры В. И. Ленина. В 2013 году он был похоронен на Калитниковском кладбище в Москве с воинскими почестями.


Большое спасибо
за все.
1) Пришлите
деревянную ложку,
которая была въ прош
ломъ году мнѣ доставлена
въ тюрьму.
и 2) нѣтъ ли немного
перца если нѣтъ, не
нужно искать; это для друг
19/XII 19


Елизаветѣ Александровнѣ
Найденовой
податель
А. Н. Найденовъ


Александру Николаев.
Найденову
5 корридоръ 41 камера
Картофель
Каша
2 яйца
Чай 1/4 фунта
Хлѣбъ.
писчая бумага
толка и черн. нитки
карандашъ
Книги: псалтырь и
избранныя пѣснопѣнія
получил
19 25/XII 19
Привѣтъ Ильичу. Комнат
заходит отъ мамы, преп
ставитель Крас. Крестовъ.
Очень нужно бѣлье.


Александру Николаевичу
Найденову
5 корр. 41 камера
2 рубашки
Кальсоны
носки
платокъ, наволочка, полотенце.
въ баночкѣ мазь отъ лишаевъ
вата
карандашъ
Книга (разъясненіе псалтыри)
перецъ
писчая бумага (2 листа)
получил
Хлѣбъ 2 куска
Картофель и каша
120 000
18 800
201 800

Письма А. Н. Найденова из места заключения

Другой внук — Николай стал видным советским ученым, астрономом, доктором наук.

Жена Александра Николаевича — Елизавета Ивановна Найденова многие годы являлась одной из ведущих актрис Малого театра, она была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР и ряда высоких государственных наград.

Как представляется, было бы полезно более обстоятельно знать нашу историю, в том числе жизнь и деятельность представителей деловой элиты России, которые выступали за соблюдение при ведении бизнеса высоких этических норм.

Вышла книга

Гончарова Е. Б.

Мой прадед К. Д. Петкович: просветитель, дипломат, исследователь славянских стран и Ближнего Востока. — СПб.: Русская культура, 2013. — 40 с., илл.

Российский дипломат, просветитель и исследователь Ближнего Востока и Балкан Константин Дмитриевич Петкович (1824–1897) оставил заметный след в изучении истории языка и культуры балканских народов и населения Сирии и Ливана. С 1853 г. начинается его служба по ведомству МИД России — Азиатский департамент. В 1859 г. он назначается консулом в Рагузе (Дубровник), а с 1869 г. по 1897 г. занимает пост генерального консула в Бейруте. В период консульства в Бейруте он тщательно анализировал события современности: войны, международные договоры, состояние экономики и религии в Сирии, Ливане и Палестине. Результатом является его фундаментальный труд «Ливан и ливанцы», впервые разносторонне осветивший жизнь и политическое положение Сирии и Ливана. Книга издавалась на русском и арабском языках. В наше время была переиздана на арабском языке в Бейруте в 1986 г. профессором Масудом Дагером в издательстве Дар аль-Мадаи. Работа вышла с двумя предисловиями: проф. Масуда Дагера и проф. Ирины Смилянской.

В Архиве внешней политики России хранятся многочисленные тома консульских донесений К. Д. Петковича о положении в Сирии, Ливане и Палестине за период 1853–1896 гг., а также описание крупных археологических находок, реликвий многих православных монастырей и древних рукописей.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОТОИЕРЕЕ БОРИСЕ НИКОЛАЕВСКОМ ЕГО ДУХОВНЫХ ЧАД

Воспоминания Еликониды Федоровны Зенковой

Это было в понедельник Страстной седмицы, в 1950 году. Я шла с занятий (училась на I курсе Лесотехнической Академии). На полпути от дома стояла маленькая Троицкая церковь на Большой Спасской (ныне пр. Непокоренных). В эту церковь ходила наша бабушка, жившая на Пискаревке, и мы с сестрой всю войну ходили. Я зашла в церковь. Начиналась утреня. И вот запели великое «Аллилуиа», то, которое еще в детстве меня потрясло, когда с мамой ходили в Великий четверг вечером слушать Двенадцать Евангелий Страстей Господних. А затем запели «Се Жених грядет в полунощи».

И вот по окончании службы вышел батюшка, седенький, со склоненной немножко на бок головой, начал рассказывать о том, почему на утрене читали Евангелие о засохшей смоковнице, почему завтра (во вторник) будут читать о десяти девах. Он так хорошо, так глубоко все это объяснял, что в будущем, когда я сама стала служить в церкви псаломщиком, то по памяти объясняла своим певчим в деревне. На следующий день, во вторник, я опять забежала в церковь. Мне не терпелось послушать того старенького батюшку, что так все хорошо объясняет, без всякого пафоса, а так, будто бы просто с нами разговаривает. Так я стала постоянно ходить в эту церковь. Он еще очень хорошо все рассказывал о сущности Православия, обычно после акафиста в воскресение вечером. Удивили меня и его общие исповеди. Я совсем не знала, что перед Святым Причастием нужно поститься, а он говорил, что поститься нужно целую неделю, если причащаешься не в посту. Я узнала столько нового на исповеди. Он говорил, а люди

каялись и плакали. Тут я увидела, что вокруг батюшки Бориса есть как бы некоторый коллектив людей, как я после узнала — его духовных детей. Я глядела на них как на святых, боялась с ними говорить.

И вот через весь свой страх я тогда надумала все-таки пойти на исповедь и поговорить с батюшкой. Он в общей исповеди говорил, что нужно чаще причащаться, а мы у мамы причащались только в именины и один раз в Великий пост.

Что говорила я батюшке Борису на первой настоящей исповеди, не помню. Только помню, что он был такой радостный, сказал, чтобы я теперь всегда к нему ходила, дал мне 10 рублей и велел тут же пойти и всем нищим у церкви раздать по рублю. И для меня тоже это была величайшая радость — первый в жизни мой духовный отец. До этого батюшки принимали на исповеди, но никто обо мне не заботился. А батюшка Борис стал мне давать книги читать. Дал полное жизнеописание преп. Серафима Саровского. Я пришла в такой восторг от его подвигов, что страшно мне захотелось ему подражать. Но я жила в семье, да еще мама была такая строгая, что ничего нельзя было предпринять. Тогда решила я спать без подушки. Но убрать подушку тоже нельзя, попадет. Я просто не ложилась на нее, а мама ворчала: «Что за беспокойная! Вертится ночью, все где-то на середине кровати лежит!».

Отец Борис с нами поступал как с маленькими детишками. Кончится Литургия Преждеосвященных Даров в посту, он сядет после службы на подоконничке на клиросе, а мы стоим в очереди тихонько и ждем. Чья очередь подойдет, тот тоже садится на подоконничке рядом с батюшкой. Он спрашивает, у кого какие вопросы. Подходили и старые, и семейные, и мы — школьники и студенты. Я, помню, спросила его, как быть мне? Вот люди все бедным раздавали. Мне ничего не жаль, ни шапочки, ни вышитых рукавичек — все бы раздала, да меня мама отругает. Батюшка сказал: «Вот когда будешь, деточка, самостоятельно жить, тогда и будешь все раздавать».

Еще пришла я к нему однажды и спросила, можно ли мне у Господа себе испытаний просить? Он ответил: «Что ты, деточка! Напросишь, да и не вынесешь их. Вот я перепишу тебе молитву святителя Филарета, митрополита Московского, там сказано: «Не смею у Тебя просить ни креста, ни утешения…». Он написал мне эту молитву, и этот листочек я храню уже 50 лет. С моими переездами он объехал со мной всю Россию. Чудная молитва святителя Филарета Московского!

А испытания все же начались. Уж очень мама восстала на меня: «Вот я говорю, не бегай в воскресенье вечером в церковь, хватит, что утром сходила, а ты все-таки бегаешь. Каждый, кто делает напротив, делает это, научаемый бесом. Значит, бес в тебе, коли не слушаешься». Вечером я ходила потому, что вечером после акафиста батюшка Борис всегда такие прекрасные проповеди говорил. Но так как мама постоянно говорила, что во мне бес, я этому поверила. Пришла на исповедь и не только плакала, а прямо рыдала, что во мне бес. Он убеждал меня: «Деточка, да ты мне поверь, нет в тебе никакого беса. Маму слушаться во всем нужно, но в храм ты ходи и не бойся. Ведь и бесы требуют себе послушания». Когда я отошла от исповеди, какая-то старушка напала на меня: «Ты что, такая молоденькая — и так плачешь, какие там у тебя грехи? Грех так унывать и плакать».

Батюшка еще часто ругал старушек за то, что они как законники: то дергают молодых «зачем встал на колени», то «почему не встал на колени». Он всегда говорил, чтобы не вмешивались не в свое дело: молится человек — и не нужно сбивать его с молитвы, на коленях он стоит или нет.

Никогда не забуду, как однажды после службы подошла моя очередь, и я села рядом с батюшкой на подоконничке. Я говорила ему, что мне нравится жизнь монашеская. Он говорил, что нет монастырей-то. Тогда были только два, что уцелели в Эстонии — Печоры и Пюхтицы. Но в них попасть почти не было возможности. «Ну, — говорит батюшка, — вот я тебе книжечку принес: объяснение Литургии. Читай, может, дьяконицей будешь, а, может, и матушкой». Я говорю, что не хочу совсем замуж выходить. И тут он мне сказал: «Я буду за тебя молиться всегда, даже если после смерти во ад попаду, и во аде буду за тебя молиться». Этих слов я никогда не забуду.

Отец Борис был ласковым и заботливым батюшкой. Он как-то был для нас и дедушкой, и другом. Ему все-все можно было рассказать. Какие дивные службы были, когда он служил в нашей маленькой церкви в Лесном! Я стала чувствовать такое счастье в настоящей жизни, какого еще никогда не было у меня. Думала: в том, что прошло, всего тяжелого много было; что будет впереди — я не знаю. Но вот что сейчас, в настоящее время я так счастлива, что не чувствую никаких обид. Что бы дома ни случилось, как бы меня ни ругали, как-то все это только по поверхности души скользило, а в душе было полное счастье. Бегу весной от Литургии Преждеосвященных Даров на занятия, кругом снег, лужи, солнышко весеннее. Душу переполняет счастье, и хотелось бы каждого встречного человека обнять, но так как этого сделать невозможно, я за каждого попадавшегося человека в душе молилась, желая ему большого счастья.

Помню, как 15 мая, в день его Ангела, привезла я отцу Борису из леса большой букет касандры. Это болотное растение, очень рано весной цветет. А мы ходили в Охтинское лесничество на практику по весеннему паводку, там я и нарвала букет. Отец Борис давал некоторым духовным детям прозвища. Меня он звал «Лесной царь», девушку-ювелира — «Хозяйкой Медной горы».

Мне ездить с ним не приходилось. И жила-то я совсем в другой стороне, за Богословским кладбищем. Из церкви бежала домой через Богословское кладбище одна и пела во весь голос «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко…». И было мне после службы так хорошо, что лучше и желать не могла.

Четвертый курс моей учебы в Лесотехнической Академии был особенным. Вот тут-то вспомнились слова батюшки Бориса, как он не велел просить у Господа испытаний, их можно не выдержать. А вот тут, на 4-м курсе, они сами пришли. Три года учились, видели у сестры моей цепочку на шее, знали, что носит крест, и никто нас не трогал. Учились обе с повышенной стипендией за отличную учебу. И вот в группе у сестры вдруг придрались. Потом вспомнили и обо мне. Кончилось все это тем, что нас «прописали» в газете «Смена», статья называлась «Биологи во Христе», хотели выгнать из Академии. Я не пишу никаких подробностей этого искушения, хочу только сказать об отце Борисе. Я пришла к нему, все рассказала и еще добавила, что очень тяжело сестре моей. Она дружила с сыном декана нашего факультета уже 3 года, а тут испугались родители ее друга, и все у нее рушится. Батюшка просил меня показать в храме, как выглядит моя сестра, и когда

служил общую панихиду после обедни, сам подошел первый к ней, совсем незнакомой ему девушке, и так сумел поговорить с ней, что своей любовью и отзывчивостью к чужому горю покорил душу моей сестры, и ей сразу стало легче.

Еще помнится мне, как батюшка на проповеди говорил нам в отношении молитвенного правила. Все мы были людьми мирскими, и он нам правила не давал. Говорил, что, если даст правило и мы его выполним, то станем тщеславиться: вот, какие мы молитвенники. Если же не выполним правила, то будем сильно унывать. Он говорил, что пусть молитва будет от души, что молиться нужно столько, сколько душа просит или сколько время позволяет.

Последний год моей учебы я почти не видела отца Бориса. Когда я писала диплом, он очень болел. Но весной он пришел в храм. В июне я защитила диплом с отличием и принесла его в храм, показать батюшке. Он так радовался, как будто это был его диплом. Это было в июне 1954 года, а в августе он умер.

Вечная память тебе, дорогой наш батюшка Борис. Второго такого в жизни нашей уже не было.

Воспоминания Николая Ивановича Кольцова

Прошло более 50 лет, и многое уже забыто, но поучения отца Бориса не забываются.

Отец Борис нес подвиг служения Богу, прекрасно понимая, что христианину необходимо не только петь Господу в разуме, что говорится в кондаке праздника Богоявления, но быть горячим, а не теплым.

Проповеди отца Бориса были ясны по содержанию и очень поучительны для всех, кто приходил в храм на службу.

Заботы отца Бориса о нашем спасении требовали не только назидательных проповедей, и поэтому он систематически проводил после окончания службы занятия с группой христиан. На этих занятиях отец Борис пояснял поучения Святых Отцов и обращал особое внимание на труды и творения святителя Феофана Затворника, святителя Игнатия (Брянчанинова), преподобного Серафима Саровского, святителя Иоасафа Белгородского и других. Для расширения и закрепления наших познаний он давал читать или даже дарил книги духовного содержания.

Воспоминания Надежды Алексеевны Ивановой
Сентябрь 2003 года

Отца Бориса Николаевского я знала с 1950 года. Каждое воскресенье мы приезжали в Лесное и шли в храм на исповедь.

Батюшка учил креститься правильно — молитвенно. Всегда просил читать Иисусову молитву. Часто повторял: «Молитесь и спасайтесь — за вас молиться будет некому». Учил утром вставать и говорить: «Господи! Да будет сей день — днем милосердия Твоего».

Еще батюшка говорил:

«Человек стареет — душа молодеет…».

«Для любящих сердец пространства нет».

«Когда человек поднимается по духовной лестнице, он замечает каждый мельчайший грех, как пятнышко на белоснежной скатерти».

«Какое самое короткое покаяние?.. Согрешил — не буду».

«Маленькие грехи даже страшнее, чем большой, так как о большом мы помним и каемся всю жизнь, а маленькие забываем, а они накапливаются и тяжелым грузом ложатся на душу человека. Нераскаянные мелкие грехи тяжелее одного большого и губят человека».

Рассказывали, что о. Борис был духовно связан с блаженным иноком Владимиром, который любил бывать в Парголово и молиться в храме свт. Иоасафа Белгородского, где настоятелем служил о. Борис.

Однажды во время совершения службы о. Борис увидел инока Владимира как бы приподнятым от земли и стоящим на воздухе. Этот случай свидетельствует о глубине молитвы блаженного инока Владимира и духовной силе о. Бориса, поскольку не каждого Господь удостаивает видеть подобное.

Еще припоминается такой случай. Отец Борис служил благодарственный молебен дома у Ирины Петровны. Во время молитвы он стал подвигаться и как бы уступать кому-то место. А после молебна сказал, что вместе с нами молилась их усопшая мама.

На одной из проповедей он сказал: «Вы — моральные мученики. Моральное мученичество выше физического перед Богом. Моральное мученичество должно быть сопряжено с кротостью и не озлобленностью, тогда этому мученичеству есть цена». Батюшка, видимо, имел в виду безбожное окружение, в котором мы жили.

Как-то после войны шел о. Борис с хлебцем по Лиговке. К нему подошел Виктор, брат Ирины Петровны, умерший в 1943 году, и сказал: «Спасибо отец Борис, что вы молитесь за меня…», и стал невидим.

Перед проповедью батюшка пел с нами молитву: «Яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас!» В эти минуты ощущалось сильное единение всех молящихся и близость небесной благодати.

В Пасху мы все стояли в коридорчике, батюшка с нами со всеми христосовался. Это были счастливые минуты нашей жизни! На последнюю проповедь батюшка вышел со словами: «Иду и думаю: последний раз выхожу к вам». Мы все заплакали, а он так был тронут, всех успокаивал и сказал, чтобы мы приходили к нему на могилку, и он будет нас так же слышать, как сейчас.

Смерть батюшки. Батюшке стало плохо, он упал лицом на пол, раскинув руки крестом… Отпевал батюшку епископ Роман. Я поцеловала батюшкину ручку — она была мягкая и теплая. Когда батюшку похоронили, на могилке было море цветов. Я взяла один цветочек, который храню у себя до сих пор.

Письма схимонахини Пюхтицкого монастыря матушки Евстафии Ариадне Александровне Ладыгиной

1.

20 июня, воскресенье, поздно вечером (23 ч. 30 мин.)

Ариаднушка, милая, милая, родная, благодарю тебя за письмецо, очень, очень благодарю. Мне дорого и радостно слышать об отце Борисе, дорогом Батюшке нашем.

Хорошее интересное сведение о нем ты написала, я об этом не читала. И пасхальное письмецо твое я получила, не ответила тебе, так как уже предварила тебя своим поздравлением и не думала, что ты будешь сомневаться в получении мною твоего поздравления. Теперь ты еще полнее все описала, с добавлением о твоей поездке с Наташей на место служения нашего Батюшки и о посещении могилки о. Серафима Вырицкого. Радостно слышать, что на месте служения о. Бориса строится храм один и другой намечается, место его жительства и служения прославляется.

Я только как-то от Александры Борисовны — монахини Германы (теперь покойной) услыхала, что о. Борис служил в Михайловке, а что и жил там же — только от тебя узнала. Ведь я тебя просила написать о Батюшке, будучи уверена, что ты о нем что-то знаешь и могла бы узнать от той же Ольги Борисовны.

Я о его жизни мало что знаю. Услыхала, что в Лесном служит замечательный, высокодуховный Батюшка. И поехала. Помню, стою у образа Святой Троицы (помнишь? большой образ Святой Троицы справа на стене?). В какой-то момент (не помню, в какой,— когда это было надо), Батюшка вышел из алтаря и пронзил меня своим взглядом… И что я пережила?.. И я потянулась в Лесновскую церковь. И только туда.

Проникновенное служение, причем слезное, проповеди, воскресные духовные беседы, исповедь, вызывающая глубокое покаяние,— все это меня захватило. Бывает, человек одарен каким-то одним талантом. Господь так щедро одарил Батюшку столькими талантами! И дар молитвы (!), и дар слез (!!!), и дар слова (!!!), и дар вызывать покаяние. Все это он имел и нам давал, что ценно. С ним мы молились, с ним мы плакали, с ним мы каялись. Так, как было с ним, уже после него такого не было.

В монастырь я стремилась и имела намерение в 1952 году осуществить это желание. Батюшка сказал: «Катенька, пока я жив, живи здесь, а когда я помру, пойдешь в монастырь и будешь за меня молиться». И я не жалею, что так было. Самое дорогое время было с ним.

Мне хотелось бы еще и еще с тобой делиться, но уже половина первого.

Помнишь, как мы с тобой беседовали, когда ты у нас оставалась ночевать? И на могилке у о. Серафима когда-то мы были с тобой вместе. Слышно было, что о. Серафим перед своей кончиной говорил: «А теперь будете ходить к о. Борису». Сейчас мне подарили книгу об о. Серафиме 1999 года выпуска. Хорошая.

Прости меня. Прошу святых молитв.

Грешница М. Е.

2.

18 сентября, суббота

Решила воспользоваться оказией и заранее поздравить тебя, милая Ариаднушка, с Днем твоего Ангела.

Теперь нам, в нашем возрасте, необходимо пожелать от Господа помощи в несении наших немощей и болезней и терпения их. Тобой в Тебе дай жить нам, Господи!

Деток и внучат с дорогой именинницей!

Мне приятно получать твои письма с воспоминанием о батюшке Борисе. Рада была слышать, что Оптина Пустынь имеет намерение собрать ма-

териал и издать жизнеописание Батюшки. Думаю, у них настоящего образа его не получится. По беседам и проповедям не удастся его составить.

Батюшка конспектировал свои проповеди и беседы, но произносил их ***далеко*** не по ним — это были только вехи.

Речь его имела духовную силу, ярко выразительную. Голос звонкий, красивый (тоже ***духовный*** или ***одухотворенный***), проникал вглубь души. Проповедь его — это пламень огня. Она несла жизнь. У него — примеры, примеры… из жизни примеры. Анализ — и синтез. Это можно понять из одной его последней беседы, которую я записала сразу, придя домой. После переписала им заранее написанную — это две разные беседы. Столько нового, другого, столько примеров.

Да, это дар от Бога и личная религиозность и благочестие.

Литургия. Он служил со слезами, он в ней преображался. И нам давал плакать… Это жизнь была…

Исповедь. Он не читал, перечисляя по книжке заповеди. Каждый раз у него исповедь строилась по-разному, по-новому. Он раскрывал жизнь последовательно заповедям. На исповеди шла жизнь на кухне, в трамвае, во встречах, взаимоотношениях людей.

Здесь батюшка судья, судья грозный… Помню: лежишь ниц на полу, сознавая себя в аду… С таким страхом потом идешь на отпуст — и встретишь любовь и всепрощение… Расходятся грешники — *и пол весь мокрый от слез…*

У нас на кладбище похоронена Зоя Михайловна Клементьева — педагог, ленинградская. Она рассказывала мне: «Зашла случайно в раскрытые двери храма (в пристройку), в это время Батюшка вел исповедь. Встала, как вкопанная, не могла сдвинуться с места, и вышла из храма верующей».

Батюшка особенно много и усердно молился за усопших. Когда я навестила больного [о. Бориса] незадолго до его кончины, он мне сказал: «Катенька, вот я сижу, а покойнички идут, идут… кланяются и благодарят меня за молитвы…».

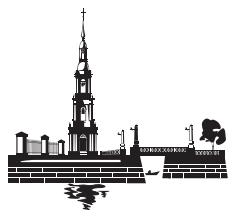
Батюшка часто напоминал нам, чтоб давать милостыню, но искать таких, которые нуждаются и не смеют просить. Об этом часто я слышала.

Ариаднушка, у тебя не будет образа Песчанской иконы Божией Матери? То пришли мне.

Попала газета (из Москвы прислали, в ней статья о воздушном Крестном ходе. Впервые узнала. По благословению Святейшего Патриарха Алексия, Архимандрита Кирилла и протоиерея Николая с острова Залит Псковской области (матери Игумении нашей духовный отец — 90 лет). Оказывается, состоялся Крестный ход по всей границе России, с образами Песчанской, Державной, Феодоровской икон Божией Матери и другими иконами, в том числе и мироточивой иконы Царя Николая II. Быть может, ради этого мы еще и живем?

…Прости меня. Прошу святых молитв.

Грешница Евстафия



Наталия ЛОСЕВА

«НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ИМПЕРАТОР» ЦЕСАРЕВИЧ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

История в картинах и фотографиях

Наталия Вениаминовна Лосева — родилась в г. Тихорецке Краснодарского края, окончила Донской технический университет, магистратуру ТвГУ «Издательское дело». Член Союза писателей России с 2001 г., секретарь Тверского отделения СПР с 2009 г. Лауреат конкурса «Звезда полей–2004», лауреат конкурса «Наше культурное наследие» (2010). **Живет в Твери.**

Полтора века прошло с того дня, как с нами нет Цесаревича Николая Александровича, старшего сына Александра II. За рубежом, во французской Ницце, его помнят гораздо лучше, чем в России — там он провел последние дни своей жизни, там умер совсем молодым, не познавшим жизнь, не сумевшим воплотить свои прогрессивные замыслы. В универсальной научной библиотеки имени А. М. Горького г. Твери при поддержке Российского Дворянского Собрания, региональное отделение РДС, открыта выставка «Несостоявшийся император», посвященная памяти Цесаревича Николая.

Николай — старший сын будущего Императора Александра II и Марии Александровны — появился на свет 8 (20) сентября 1843 года в Царском Селе, любимом месте отца. Здесь в Зубовском флигеле Александровского дворца прошел медовый месяц новобрачных. На втором этаже здания в апартаментах Екатерины II жила принцесса Гессенского дома Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, ставшая после принятия Православия 5 (17) декабря 1840 года Марией Александровной. В Царском Селе молодую царскую чету ожидало счастье рождения детей. В 1842 году у них родилась дочь, Великая княжна Александра, а через год — сын Николай, которому предстояло стать преемником отца на российском престоле. Наследник родился в канун великого церковного праздника Рождества Пресвятой Богородицы (20 сентября по новому стилю).

Когда 11-й Император Всероссийский Николай I Павлович узнал, что внука назвали его именем — непривычным для династии Романовых, то был растроган до глубины

души. Традицию наречения наследников престола именем Николай положила Екатерина II. Причем, если первые ее два внука были названы из-за разработанного ею Греческого проекта Александром (в честь Александра Македонского) и Константином (в честь Константина Великого), то объяснения наречению именем Николай нет. Возможно, Екатерина учитывала семантику имени, восходящего к греческим словам «победа» и «народ». Хотя, если обратиться к Православию, святой Николай Чудотворец был любим русским народом и весьма почитаем на Руси.

Цесаревич Николай Александрович, художник С. К. Зарянко

При рождении внукатезки 47-летний Николай I повелел трем своим младшим сыновьям Великим князьям Константину, Николаю и Михаилу преклонить колена перед колыбелью будущего Императора и принести ему клятву верности. Августейшие родители в честь сына пожертвовали бедным слоям населения 20 000 рублей для выкупа неоплатных должников и раздачи пособий.

Наследник российского престола рос всеобщим любимцем, отличался большим умом, приятной внешностью и уживчивым характером. Члены Императорского дома не чаяли в нем души. Дед Николай Павлович обожал внука, много им занимался и, по своему обыкновению, рано приучал к военному делу. Бонной его была М. А. Юз, ранее воспитывавшая братьев Александра II, а гувернанткой была назначена В. Н. Скрипицына, занимавшая до этого должность инспектрисы Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института). Начиная с 1849 года, воспитателями Великого князя были генерал-адъютант Н. В. Зиновьев, бывший директор Пажеского корпуса, с двумя помощниками — генерал-майором Гогелем и полковником Н. Г. Казнаковым.

18 февраля 1855 года скончался дед Николая Александровича — Император Николай I, и на престол взошел отец — Александр II, так двенадцатилетний Николай официально стал Цесаревичем, наследником Российского престола. К этому времени он уже прапорщик и корнет, поручик и в этом же году становится атаманом всех казачьих войск и штабс-ротмистром.

8 сентября 1859 года в день совершеннолетия в Георгиевском (Большом тронном) зале Зимнего дворца Цесаревич Николай Александрович принес присягу на верность Родине. К присяге духовной подготовлял его духов-

ник и законоучитель, протопресвитер В. Б. Бажанов, а к присяге гражданской — граф М. А. Корф. Сразу после принесения наследником присяги он был отделен от младших братьев и сестер. При нем, кроме попечителя графа А. Г. Строганова, был оставлен флигель-адъютант полковник О. Б. Рихтер. После принесения династической присяги Николай Александрович получил звание флигель-адъютанта и мог принимать всех представителей иностранных держав. К приему высокопоставленных гостей Великого князя готовил барон Г. Жомини под руководством князя А. М. Горчакова. Ими был прочтен целый курс дипломатии, в результате которого наследник очаровал чужеземных послов и посланников, свободно ведя речь о политике и культуре.

Свое первое путешествие по России престолонаследник совершил в 1861 году. Он посетил Казань, Нижний Новгород, а закончил поездку в Москве. В 1963 году Цесаревич отправился в более длительное путешествие по России, побывал во многих городах, в том числе и в Туле. Эти путешествия входили в курс обучения Великого князя, чтобы он правильно мог судить о вопросах, представлявших местный или государственный интерес.

В апреле 1864 года был решен вопрос об отправлении Цесаревича в заграничное путешествие. С. Г. Строганов разработал план путешествия с научно-образовательной точки зрения. Вместе с тем надо было дать Цесаревичу возможность сделать выбор невесты, которую было принято привозить из-за границы. Преподаватель Б. Н. Чичерин так описывал впечатление, производимое на всех первым женихом царской России: «Высокий, стройный, красивый, при этом умный, живой и приветливый, он мог очаровать и привязать к себе всех, кто к нему подходил. Вся окружающая его атмосфера дышала каким-то задушевным и возвышенным строем».

Цесаревич посетил Германию, Голландию, откуда отправился в Копенгаген, держа с собой фотографию будущей невесты. 16-летняя принцесса Дании, которую по своей миниатюрности Николай назвал Мини, была прелестна собой и имела веселый нрав: «Тонкий и изящный стан, маленькая выразительная головка, глубокий взгляд, одновременно добрый и ласковый», — так описал ее секретарь канцелярии цесаревича Федор Оом. Отношения между молодыми развивались стремительно, и уже через три недели, в 21-ю годовщину рождения Цесаревича, произошла их помолвка, ознаменованная в Петербурге 101 пушечным выстрелом. Этот династический брак нужен был как Дании, так и России.

В начале октября 1864 года Николай Александрович отправился в Венецию. Здесь проявилась его страшная болезнь — туберкулезный менингит. Ослабевший наследник через Милан и Турин отправился в Ниццу, куда прибыла к нему Императрица-мать. По мнению врачей болезнь была вызвана падением Цесаревича с лошади. Строгий Император рекомендовал сыну физические упражнения, которые могли бы придать ему больше мужества и смелости. В 1860 году по желанию Государя наследник участвовал в Царскосельской скачке, ставшей для него роковой. В начале апреля 1865 года здоровье Великого князя настолько ухудшилось, что в Ниццу выехал Александр II с сыновьями Владимиром и Александром, а по пути к ним присоединилась принцесса Дагмара с матерью. Перед смертью Николай долго разговаривал с Александром, а затем с Дагмарой, которую просил вручить свою судьбу его брату Александру. Так вместе с титулом Цесаревича-

наследника Александр в двадцать лет получил еще и руку датской принцессы. Через полтора года они стали одной из самых счастливых коронованных пар. Своего первенца молодые назовут в честь усопшего брата, соединившего их руки, Николаем. Этому мальчику через 26 лет суждено стать Николаем II.

Цесаревич Николай с братом Александром (будущим Александром III)

Любовь русских к Лазурному берегу Франции началась полтора века назад. Россия хотела иметь на Средиземноморье базу для военно-морского флота. С этой миссией сюда приехала вдовствующая Императрица Александра Федоровна, жена Николая I. Она профинансировала строительство дороги от Вилльфранша в Ниццу, которая будет названа Бульвар Императрицы. В Ницце к этому времени уже жило более четырехсот семей богатой русской аристократии. Надо заметить, что избалованная роскошью английская королева Виктория только спустя сорок лет после русского нашествия откроет для себя этот удивительный город. Так получилось, что приблизительно в одно время с обживанием Александрой Федоровной этого поистине райского уголка произойдет трагическое событие в Царском Доме. На вилле Бермон скончается «надежда и утешение нашего народа», как именовал «несостоявшегося императора», Цесаревича Николая Федор Тютчев.

12 апреля 1865 года тело наследника было отправлено в Россию на фрегате «Александр Невский» в сопровождении поэта, переводчика, военного и государственного деятеля Н. Н. Анненкова. Знаменитый русский поэт, князь Петр Вяземский встречал в Ницце на борту фрегата «Александр Невский» Новый 1865 год, ставший для Цесаревича Николая последним. В новогоднюю ночь Вяземский написал стихотворение «Фрегат “Александр Невский”». После смерти престолонаследника он посвятил ему стихотворение «Вечером на берегу моря» и воспоминания «Вилла Бермон», которую предложил выкупить и возвести на ее территории храм, посвященный памяти покойного наследника русского престола. В 1867 году Александр II приобрел виллу в собственность, здание снесли, а уже в 1868 году на этом месте по проекту архитектора Д. И. Гримм была возведена мемориальная Никольская часовня, освящение которой проходило в присутствии Цеса-

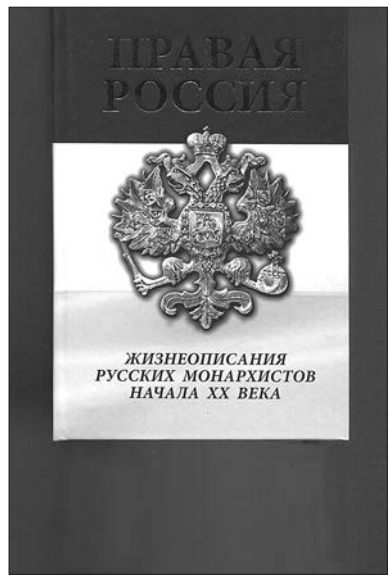
ревича Александра Александровича. В 1903–1912 годах под патронажем вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и Императора Николая II архитектором М. Т. Преображенским был построен пятиглавый собор Святителя Николая Чудотворца, который неоднократно был признан красивейшим православным храмом за пределами России.

Все это и многое другое представлено в репродукциях фотографий и картин на открывшейся в Твери выставке «Несостоявшийся Император». Представленные экспонаты условно разделены на пять разделов: «Детство», «В кругу семьи», «Учеба», «Невеста Дагмара», «Смерть Цесаревича». Можно ознакомиться с родителями Цесаревича, местом, где он появился на свет, с коронацией отца Александра II, с принятием Великим князем присяги, с Императорской семьей, а также с семьей красавицы-невесты. Также отражены и посмертные эпизоды: отправка тела Цесаревича в Россию, Никольская часовня и собор Святителя Николая Чудотворца.

Цесаревич Николай Александрович был неординарной личностью, обладал блестящими знаниями по всем наукам. Ему посвящали стихи известные поэты. Он мог быть самым образованным и прогрессивным монархом не только в русской истории, но и во всем мире. И если бы ни его трагическая смерть, Россию может быть миновали возникшие впоследствии и растянувшиеся на век смутные времена.

ВЫШЛА КНИГА

Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. Сост. А. А. Иванов, А. Д. Степанов. — СПб.: «Царское Дело», «Русская народная линия», 2015. — 736 с., ил.



Эта книга рассказывает о настоящих русских правых. В прежние времена в России правыми называли консерваторов и традиционалистов, решительных защитников Церкви и твердых сторонников монархии. В современном политическом новоязе понятие «правые» исказилось до неузнаваемости. Книга «Правая Россия» призвана внести лепту в дело возвращения к исконному пониманию смыслов.

Читателю предлагается галерея портретов выдающихся русских правых государственных и общественных деятелей начала XX века, последних рыцарей последнего Царя. В кратких очерках авторы книги — маститые ученые и публицисты — рассказывают о жизненном пути, политических взглядах и непримиримой борьбе этих людей против революции. Политически они проиграли, но выиграли нравственно, победили духовно. Сегодня мы должны не только помнить их имена, но изучать их опыт борьбы за Россию, за наши вековые идеалы и ценности.

ПОЭЗИЯ

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

«ЧТОБ ОТКРЫЛСЯ НЕВЕДОМЫЙ ПУТЬ…»

Валентина Абрамовна Коростелёва (Валентина Сунцова) — родилась в Кирове. Окончила Литературный институт имени Горького. Стихи, а позднее рассказы и очерки публиковались во многих «толстых» и «тонких» журналах, звучали по радио. Автор 16 книг поэзии и прозы. Лауреат и дипломант нескольких международных литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры РФ. С 1982 г. **живет в Подмосковье**.

СВЯТОЕ ИМЯ

Все у меня о России…
В. Соколов

Кряхтит избенка
под замочком ржавым,
Но в сердце не уменьшилось любви.
Нас воспитала мощная держава
И в ивняке шальные соловьи.

Мы берегли ее святое имя,
Творила чудо главное любовь.
И что твое, что родины любимой —
Не разберут ни сердце и ни кровь.

Как никогда ясна дорога к Богу,
Уходит на задворки века грусть…
И лишь не гаснет на сердце тревога —
Что станется с тобой, родная Русь?

А МНЕ БЫ ИЗБУШКУ…

А мне бы избушку, а мне бы избушку,
И чтобы — река, чтобы рядом — река,
Чтоб песни свои распевала кукушка,
А я бы за ней не считала пока…

И чтобы крылечко, пускай не резное,
Где каждая щелка
как жилка на нем…
И небушко-небо такое родное,
Что сердцу светло
даже пасмурным днем.

В земле отыскать
и морковку, и репку,
И древнее наше воспомнить житье,
И выйти к реке
и, не думая крепко,
Все слушать нехитрые песни ее…

КОГДА ЖИВА ДУША…

Жива душа — и путь заветный прям,
И дарит свет любимая икона,
А память возвращается к полям
Родной земли и небесам бездонным.

Когда жива душа — поет любовь
И медом разливается по жилам,
И двум сердцам почти не надо слов,
Поскольку все за них
любовь решила.

СВЯТАЯ НАДЕЖДА

Ничего, что судьба — не награда,
И не страшно, что годы летят…
Плохо, если любимый не рядом,
Плохо, если друзья не звонят.

И в тумане — мои побережья,
И душа сокрушается вновь…
Но не дремлет святая надежда,
И не гаснет земная любовь!

Пусть желтеют кленовые кроны,
Убегают на юг поезда, —
Но еще зазвонят телефоны,
Но еще запоют провода!

ДОМ С МЕЗОНИНОМ

Мне этот дом покоя не дает,
Я пятый день его уже снимаю
И представляю в голосистом рае,
Когда весна победная идет.

Увы, не кисть в руке, а лишь перо.
Как передать тепло зеленых веток
С негромкой песней солнечного ветра
И ощущенье счастья, что остро?

Вот так бы жить:
чтоб окна — на зарю,
Чтоб птицы прямо в окна залетали,
Чтоб листья о родном,
былом шептали,
О том, о чем с любовью говорю,

О чем я тихо, может быть, всплакну,
Когда потом печатать буду фото
И после представлять внутри кого-то,
Кто и не знает, что я вновь тону…

И ТОТ МЕДВЕДЬ…

Судьбы загадочны анналы,
Но все дороги — от крыльца…
Я деда даже не видала,
А помню деда, как отца.

Я в сотый раз взбираюсь в гору,
Где был и дом, и ночь в тепле…
И от него — любовь к простору,
И от него — любовь к земле.

А деда так судьба вертела,
Отсель безжалостно гоня…
И тот медведь, что шел на деда,
Идет все годы на меня,

И та любовь к избе и Вятке
Настигнет среди бела дня…
И пусть судьба играет в прятки,
С наскоку ей не сбить меня.

ПОСЛЕДНИЕ ПОГОЖИЕ ДЕНЬКИ

Нагуляться — до первых метелей,
Надышаться — до первых снегов,
А не то жизнь пройдет, в самом деле,
Среди разных забот и оков.

Нагуляться и даже напеться,
Надышаться до самых глубин,
Чтоб забилось, как в юности, сердце,
Чтобы случай меня полюбил,

Чтоб ушли на задворки — разлуки,
Чтоб открылся неведомый путь,
Чтобы ветра родимого звуки
Не давали с дороги свернуть!

ЧУДНАЯ ДОРОГА

Покуда ноги носят без труда,
Я не забьюсь в уютную берлогу.
Пускай до края леса, до пруда, —
Но лишь бы под ногой была дорога!

Я ей стихи читаю и пою,
Нет ничего желаннее на свете!
Как я дорогу русскую люблю,
Как дорог свет над ней,
как сладок ветер!

Подхватит ветер — и душа парит,
Внизу — полян волшебные корзины,
И даль ясна, и сердце говорит
Опять с Ее величеством Россией!

ЭТОТ НЕЖНЫЙ БУКЕТ ХРИЗАНТЕМ

Мы с тобой не такие, как прежде,
Мы планеты двух разных систем, —
Только будит былые надежды
Этот пышный букет хризантем.

...Наша встреча в ликующий полдень,
Пара слов — мимо лет, мимо тем...
Он сегодня о многом напомнит —
Этот нежный букет хризантем.

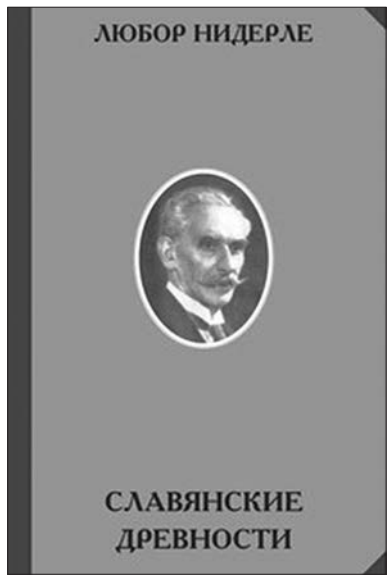
Отметет и печали, и беды,
Будто снова мы в мире — одни,
Он расскажет, какие рассветы
Мы встречали в те летние дни.

Как мы звезды на песни меняли...
Не о том ли сегодня и речь,
Что мы счастье в лицо не узнали,
А узнав, не смогли уберечь...

ВЫШЛА КНИГА

Нидерле Л.

Славянские древности / Пер. с чешск. Т. Ковалевой, М. Хазанова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 784 с.



Работа выдающегося чешского археолога-славяноведа конца XIX – начала XX века Любора Нидерле «Славянские древности» — «классика жанра», единственная в своем роде подлинная энциклопедия истории и культуры древних славян. Уже на протяжении века на этот капитальный труд ссылаются в своих работах все исследователи в этой области, без него невозможно обойтись при изучении жизни древних славян.

Теперь российскому читателю вновь доступен и сам первоисточник. Данное издание представляет собой сделанное автором сжатое изложение многотомного издания «Славянских древностей».

ПРОЗА

Николай ЛУГИНОВ

ВОСХОЖДЕНИЕ*

Повесть-притча

Николай Алексеевич Лугинов — народный писатель Якутии, родился в 1948 г. Окончил физико-математический факультет Якутского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Секретарь правления Союза писателей России, член Президентского Совета Республики Саха (Якутия). Автор повестей «Роща Нуоралджыма», «Песня белых журавлей», «Дом над речкой», рассказов и пьес. **Живет в Якутске.**

*Продолжение. Начало в № 3 2015.

РАССКАЗ БРОДЯГИ

Кто жаждет богатства, тот ловит слухи о тех, кто чудесным образом разбогател, если не в один момент, а хотя бы одним удачным действием, не тратя на это всей жизни.

У Синя это и устраивало, поэтому из множества других легенд запала в душу именно эта легенда. Рассказал ее заезжий бродяга, который, как другие, не попрошайничал, не старался прислуживать в поисках случайного заработка. Он околачивался около заведений типа дома с фонарями, и чудесным образом богатые завсегдатаи брали его в собутыльники, потому что у него язык был хорошо подвешен. Чего он только ни знал, где только ни бывал. Знал многих известных авантюристов, сидел с ними за одним столом. Словом, нынешние счастливцы каким-то образом узнавали в нем своего человека, не раз обладавшего приличным состоянием, но, как он сам говорил, по невезению или неудачному стечению обстоятельств все каждый раз спускавшего.

Однажды утром он, выброшенный на улицу после очередного застолья, дрожащий и несчастный, пришел к лодке У Синя и попросил перевезти, но честно признался, что платить ему нечем, но за это он расскажет одну чудесную легенду, которая наверняка заинтересует доброго молодца, мечтающего о необычных путешествиях и дальних дорогах.

Время было неурочное, клиентов не было, и У Синь согласился.

— Я расскажу тебе случай из своей жизни. Хотя многие воспринимают его как легенду, но это было на самом деле. Был я юн и полон сил и энергии, как ты теперь. И я мечтал о прекрасных женщинах и роскошной жизни. Как это можно достичь? Конечно, только богатством. И вот од-

нажды заезжий бродяга типа нынешнего меня рассказал о далеком вулкане где-то далеко на западной окраине Куньлуня, который во время извержения выбрасывал куски золотых самородков. И я, недолго думая, решил отправиться туда. Добирался долго, по дороге не раз бывал на волоске от гибели: замерзал, мучился жаждой, голодал, но был упорен, терпел и добрался.

Оказалось, все было правдой. Действительно, после редких извержений на северо-восточных склонах не часто, но находили самородки. Поэтому вся земля вокруг была давно поделена бандами, которые ловили таких несчастных и глупых авантюристов, как я, и, предварительно заковав в кандалы, заставляли искать золото.

Меня поймали на второй день, и я на долгих три года загремел в рабство. Мне везло на золото. Когда удавалось находить самородок, меня поощряли. Постепенно я вошел в доверие, и наконец подвернулся случай, и мне удалось сбежать. И думаю, а если бы мне удалось проникнуть в самое жерло того вулкана… Но как? И как суметь унести оттуда добытое золото, ведь по пути поймают грабители…

Бродяга замолчал, затем посмотрел У Синю в глаза:

— Юноша, я бывалый человек, вижу тебя насквозь. Ты хочешь быстро разбогатеть и, как все мы, вдруг и сразу. Но никогда не верь таким россказням. Не бывает, чтобы человек разбогател легко и быстро, если он не вор, не игрок и не разбойник. А это уже другая, дьявольская стезя. Настоящее богатство достигается ценою огромного труда, в это надо вложить всю жизнь. А быстрое богатство, которое достигается такой дорогой ценой, того не стоит!.. Оно ничто по сравнению с подлинной человеческой радостью, ощущением свободы!.. Я вижу, что ты мне не веришь. О, бедный юноша! Неужели и ты заложишь свою единственную, светлую, такую чистую судьбу ради дьявольского блеска золота!

У Синь промолчал. Ибо он не нашелся, что ответить. Все, что говорил ему этот разнузданный бродяга, ничего за душой не имевший, ничего не наживший, было только очень похоже на правду, ничем не подтвержденную. Но свет разноцветных фонарей, их притягательная сила были очевидной и явной реальностью.

На берегу они расстались. Бродяга, завывая протяжную варварскую песню, исчез в речных зарослях.

Но запала в душу эта легенда о золотых самородках, которые постоянно стали сниться. Особенно заинтриговало жерло вулкана. Если это правда, если бы суметь туда проникнуть, то ведь можно найти выход и унести с собой золото… Лишь бы завладеть этим желанным металлом, а там видно будет… Нет, дело того стоит.

И У Синь решился…

ПУТЬ НА КУНЬЛУНЬ

И решился открыть свою мечту Старому Лодочнику. Тому явно не понравилась эта абсурдная и явно гибельная идея.

— Это то же самое, что я рассказывал тебе о золоте, которое превращается в глину.

У Синь молчал, наклонив голову. Понимая бессмысленность отговорить юношу, Лодочник только повторял выражение хуннов: «барса кэлмэс» (ушедший не возвращается).

— Что бы ни случилось, старайся вернуться, знай, что тебя здесь ждут и примут в любом виде, даже в качестве беженца. Укроем, спрячем.

И снова утром, как тогда, из родительского дома, У Синь отправился в путь. На сей раз к отрогам Куньлунь, которые непрерывными грядами протянулись на многие тысячи ли. Ехал на чем придется, то на лошадях и верблюдах, то на ишаках и ослах. А то и на своих двоих. Наконец, на горизонте появились очертания высоченных хребтов. У Синь направился к ним, но, предупрежденный бродягой, не стал подходить близко. Он уже знал, что извержения выбрасывают камни только на северные и восточные склоны. Значит, наиболее они и охраняются. Тщательно все обдумав, он решил обойти гору на почтительном расстоянии и пробраться к ней с юга.

Места были совершенно пустынны. За десять дней пути он не встретил даже следов человека, и вдруг навстречу бежит девушка в цветастом платье чуть постарше его, легко перепрыгивая с камня на камень.

— Ты не видел мальчика, сына моего, играющего цветными камушками?

— Нет, я уже десять дней живой души не встречал.

— Ах, какая досада! Куда он мог запропаститься, этот негодный мальчишка? Ну, я ему задам!

У Синь удивился: какая ранняя мать, уже сына имеет.

МАЛЬЧИКУ… 200 ЛЕТ

Пройдя еще немного, увидел зеленую лужайку, где на белом камне сидел старик и сосредоточенно играл. Играл разноцветными камнями, да так увлеченно, что, казалось, ничего не слышал, не замечал, полностью был поглощен азартом игры…

Каким-то образом угадав в нем того самого «мальчика», которого потеряла юная мать, У Синь не поверил своим глазам. На вид это был глубокий старик с белыми усами, с залысиной, но когда он поднял глаза, то у него был взгляд шаловливого, озорного мальчика.

— А, это ты? — скучно произнес старик, словно только вчера расстались. — Здравствуй, У Синь.

— Вы знаете меня, почтенный?

— Во-первых, я вовсе не почтенный, я просто мальчик, каких здесь много.

— Но откуда знаете меня?

— Я все знаю. Все-все! — прихвастнул «мальчик». — Я знаю очень-очень многое! Даже то, что было давно, а еще и то, чего еще не случилось.

— Скажите, что меня ждет? Стану ли я богат?

— Ничего не скажу.

— Почему?

— А потому что, зная наперед будущее, ты потеряешь интерес к жизни. Нельзя заранее знать будущее.

— Зато я бы не совершал ошибок, зря не стал бы многие вещи делать.

— А заблуждаться да ошибаться тоже полезно. Не будет ошибок — не будет и истины, как говорил один мальчик по имени Ли Эр…

— Так вы, почтенный, знали великого учителя Лао-Цзы?

— Знал, конечно, еще как знал! Тогда он был лопоухим, смешным головастым мальчиком Ли Эр. Кстати, этот Ли Эр был в детстве похожим на тебя, хотя ты же больше хунн.

— Нет, я южанин!

— Это ты кому-то другому скажи. Я-то насквозь тебя вижу, кто ты такой, где родился, где служил, что у тебя в уме, куда и зачем идешь. Докуда дойдешь и чем закончншь.

— Да, и скажите-ка, интересно знать.

— Опять ты за свое! Хочешь все выведать и идти по жизни без всякого сомнения, выбора, по заранее известным путям?

— Но это было бы очень надежно и верно, я бы не шарахался зря, не плутал бы по неверным путям зря и силы бы сохранил.

— Повторяю, без выбора, без сомнений ты потеряешь интерес к жизни. Поиск решения, поиск верного пути и составляет если не главный, то один из основных смыслов жизни.

— Никогда не соглашусь, что бессмысленные метания по жизни в поисках верного решения содержат смысл бытия. По мне, они-то и сводят жизнь к бессмысленным метаниям. Зря Создатель сделал человеческую жизнь такой... Если бы Он дал ему возможность прозрения, то сколько бы ошибок не свершалось! Сколько войн н несчастий. Ведь все они от заблуждений, от невозможности заранее предвидеть возможные последствия деяний. По незнанию свершаются многие беды.

— Разве по неведению зверствуют люди? Открой завесу неведения — и что, они прозреют и перестанут воевать? Если бы! Любую новую идею они обращают не во благо, а во зло. В еще более обширные истребления, в больший порок. Неведение — единственный сдерживающий фактор. Ибо только оно пугает и удерживает. Неведение — пояс, граница; развяжись он — беда распояшется.

О ДИН ХУНЕ И ЛИ ЭР

— Я их впервые увидел в... году, когда служил при старой крепости Унь-чжой.

— И чем же вы там занимались?

— Ну, как чем? У нас была там так называемая Темная Комната, где мы ведали кадрами. Их отбором, подготовкой, продвижением, воспитанием.

Изучали их линии судьбы, определяли, кого куда направить... Это если они не имели предопределения свыше. Но почти половина имеют предопределение, заранее запланированное еще с рождения или даже до... В этом случае нельзя вмешиваться в их пути. Можно только слегка поправить, помочь в кризисных точках судьбы.

— А простым смертным, не обладающим предопределенностью, можно, да? — У Синя очень заинтересовал всеведущий мальчик-старик.

— Но и это сложно, ибо можно только слегка навести, навеять путь, а дальше все равно он должен сам проторить путь до конца.

— И вы следили за всеми?

— За всеми уследить, как ни странно, проще. В толпе люди ведут себя, подражая друг другу, на события реагируют одинаково. Но среди них бывают, как бы сказать? Нестандартные, что ли? Которые реагируют иначе. Вот за ними и следишь. Это или отбросы, или особенные по таланту, по возможностям. Их полагается отсечь от сердцевины. То есть речь о крайностях, о дурных, от которых следует избавляться, или о ярких, неорди-

нарных, которых тоже нужно выделить, чтобы не потерялись. Ибо они часто нарушают, выделяются и тем самым попадают в трудные, иногда наказуемые ситуации. А толпа тоже неоднородна. Она состоит из множества тонких наслоений.

— Дин Хун и Ли Эр сразу выделялись?

— Нет, никак нет. На поверхностный взгляд это были совсем обычные мальчики.

— Странно! Думаю, они должны были быть ярче, иметь явное превосходство.

— Никак нет. За редким исключением, они во многих случаях не выделяются из толпы.

— Значит, они раскрываются в определенный момент и сразу уходят вперед?

— Да, почти так.

— А как вы там, в Темной Комнате, могли, в первый раз увидев человека, сразу тут же определить, кто он, и предвидеть всю его будущую судьбу?

— Ну, это совсем другое, можно сказать, необычное, особенное место — Темная Комната, где, как ты говоришь, человек определенным образом просвечивается.

— И вы всякого, кто туда заходит, насквозь видите?

— Я же сказал, не совсем. Это трудно объяснить, да и не надо, чтобы ты такие вещи понимал. Это сфера знаний, которая лежит за границей реальности, это иное бытие. А ну-ка вспомни, вспомни, когда ты с другом Инь Си попал в Темную Комнату?

И — как молния озарила У Синя. Да, да, он же был в Темной Комнате, был!

— Да, это было удивительно — обнаружить последователя великого учителя Лао-Цзы. Такие мгновения удачи скрашивают однообразие долгой-долгой службы. Я же там прослужил лет этак 75… и даже с лишком. Это потом меня перевели сюда.

— А что за служба здесь у вас?

— Ну да, тебе все и выложи. Нет у тебя чувства меры, чувства грани, границы. Мы там в Темной Комнате сразу вычислили тебя… Ты большой, очень большой…

— Я? Это вы про меня говорите, что я большой человек? — обрадовавшись, воскликнул счастливый У Синь. — Да неужели?!. Если бы я заранее понял, что я есть большой человек, я бы удержался от многих соблазнов!.. почему вы мне тогда в Темной Комнате, как судьбу Инь Си, внятно не сказали? Кто я есть и кем стану на самом деле? А сказали нечто непонятное, нечленораздельное. Почему?

— Иначе и нельзя было. Вот и теперь ты сразу, не дослушав меня, на свой лад переиначив мысль, делаешь совершенно иные выводы… и поскакал далеко вперед. Правда, не туда, куда надо…

— Но вы же сами только что сказали, что я большой человек. Так или не так?

— Никак нет. Ты, не дослушав меня, сам делаешь выводы. Я успел сказать только «большой»… Но не говорил: «человек». Я хотел сказать вот что… ты большой прохиндей, авантюрист и проходимец. Даже великий по-своему, дойдешь далеко-далеко, и кажется, заберешься высоко-высоко за грань возможного и реального.

— Да-а-а, — печально протянул У Синь. — По правде, я и сам в себе подозревал подобное. Но ведь человек слаб, я надеялся, что вдруг откроется во мне нечто такое, которое вознесет меня над всеми… А причиной всех неудач считал свою бедность. Вот и поставил цель: любой ценой обрести богатство. Богатство — сила. То, чего не хватает не только мне. Будь у меня возможность, я бы такое совершил, облагодетельствовал бы бедных…

— Как бы не так. Ты ровным счетом не понимаешь, что такое богатство. Не знаешь ни того, что оно означает, ни его размеров, ни его суть, ни пределы возможностей материального богатства. А это, поверь мне, очень сложное, многоступенчатое понятие… Мирское богатство, при кажущейся бесспорности обладания якобы реальными ценностями, на самом деле вещь весьма иллюзорная. Может статься так, что оно существует в виде зданий, вещей, денег и золота и в одночасье может превратиться в ничто, прах и мусор…

— Прах и мусор? Золото?

— Что, не веришь? Это сам когда-нибудь поймешь. Это горькое прозрение у тебя впереди, ждет не дождется.

БАШНИ НА ПЕСКЕ

У Синь вспомнил рассказ Старого Лодочника о подводном мире… Вспомнил и сразу сник. Словно из него в этот момент нечто улетучилось. Ослабел, упало настроение, расстроился и реально почувствовал, что потерял силу, которая его воодушевляла, толкала вперед — к великой цели обретения богатства…

В последнее время после начала пути он впервые усомнился: а стоит ли так рваться? А что, если воображаемое богатство всего лишь очередная иллюзия? Самообман, который не стоит такого риска, таких жертв… Ведь он пожертвовал всем тем, чем обладал. Домом, родными, родиной.

Им овладела тоска, которая обожгла острой болью — по родному дому, матери, отцу, братьям и сестрам… Куда и зачем он рвется? Стоит ли то, к чему стремится, его жертв? Впервые сжало сердце от жалости к родным… На самом деле он, оказывается, бросил их, но ради чего? Обманывал себя тем, что, достигнув богатства, поможет им, наконец, вытащит их из нищеты, постоянной угрозы налогового бремени.

С тех пор, как только охватила его мысль, мечта об обретении богатства, он жил единой мыслью о скорейшем достижении цели. Он был как одержимый, словно нечто поселилось в нем и вытеснило из него все иные мысли.

И вот теперь ощутил сомнение. Вместе с сомнением ощутил опустошенность.

Его поразило это состояние. Стоило хоть немного усомниться, и сразу сник. Было мучительно обидно и стыдно, что он — взрослый человек — стал подвержен абсурдной идее…

Но все же внутри оживало слепое сопротивление… Он не хотел верить разумному взгляду, не хотел признать, что зря пустился в такой далекий путь.

Сознание лихорадочно искало оправдания. Он цеплялся за все, что можно, чтобы оправдаться. Искал доводы, чтобы опровергнуть слова юного старца.

А тем временем старик порой так увлекался игрой, что, кажется, забывал о нем. Из набора разноцветных камушков старался сложить башни, которые, достигнув определенной высоты, рушились…

Когда башня удавалась, старик звонко и заливисто хохотал как мальчишка, да так искренне, что было удивительно. И так же от души, прямо до слез, огорчался, когда какая-то башня вдруг кренилась и обрушивалась…

Но оказалось, он не забывал о нем:

— Ну что, усомнился?! Это хорошо. Излишняя уверенность в чем бы то ни было тормозит развитие. Человек, лишенный сомнения, пребывает в покое, а не в движении.

— А вам не кажется, что оно разрушает уверенность?

— Ну, смотря по ситуации. Когда и как.

Тем временем солнце достигло зенита и стало нестерпимо жарко. Стало нечем дышать, ибо раскаленные камни тоже излучали жару.

У Синь потоптался на месте, надеясь, что старик закончит свою бессмысленную возню с камнями. Но тот был весь в игре, будто и не чувствовал жары… Только несколько капель выступили на лысине.

У Синь оглянулся. Что за странное место? Никого не видно, а следы трудов человека повсюду.

Старик будто подслушал его мысли.

— Это создано неустанным трудом многих обитателей этого райского уголка. Ты зря осуждаешь меня за эту игру в камешки, это отнюдь не бесполезное дело. Я ищу и фиксирую равновесие мира… — изрек старик, ни на миг не отвлекаясь от попытки установить очередную башню…

Скоро опять радостно захлопал в ладоши, значит, камень нашел свое место. У Синь с тоской ждал конца игры. Но игра ли это была?

Тем временем солнце зашло, стало темнеть, но старик провел рукой и вызвал вокруг себя некое свечение. Но оно не прогнало холод. Старик поежился и весело изрек:

— Я вволю впитал в себя дневного тепла, теперь оно не дает мне мерзнуть. Надо уметь извлекать радость и приятное из противоположностей. А ты страдал от жары, теперь страдаешь от холода… Ладно… тебе, видно, надоело меня ждать. Хотел тебя сам проводить, но игра получается нынче, да и мать заругает. Заставляет всякими делами скучными и нудными заниматься.

— Какими же?

— Ты не поймешь. Учись спрашивать только необходимое. — Тут же он стал звать своего младшего брата. Странно было, что он не кричал, а уговаривал полушепотом. Тот, видимо, не хотел, а этот что-то обещал ему, как маленькому мальчику.

Скоро появилась из темноты фигура этого брата. И он казался намного старше старшего.

— Не удивляйся, он гораздо моложе меня, а так выглядит, потому что был в свое время непослушным. — Затем стал что-то долго объяснять брату на непонятном У Синю языке. У Синь понял только одно — общение с ним не понравится матери.

Тут налетел порыв ветра, и все башенки старика рухнули… Старик, как маленький мальчик, сел на землю и заплакал, обливаясь горькими слезами… Младший брат стал гладить его по лысой голове, жалеть и уговари-

вать, что у него все получится. Наконец, старик успокоился и, икая совсем как мальчик, стал снова играть, сосредоточенно обдумывая каждый ход.

— Ладно, — наконец сказал он. — Хотел тебя уговорить не ходить так далеко за твоим золотом. Ведь опасно и страшно. Сколько сгинуло там! Как они жалели перед смертью, озаренные последней мыслью о бессмысленности своего стремления. Ты пока как слепой щенок. И прозреешь ли, неизвестно. Стремишься туда, как одержимый… А одержимые как слепоглухонемые — ничего не видят и не слышат. Ладно, иди… ты сможешь достичь дна каменной чаши. Так уж и быть, помогу тебе. Потому что ты одинокий странник без предназначенной судьбы. Тебе можно помочь, ибо это не будет вмешательством в иные пути. Ты добьешься только того, что постигнешь своим умом, в результате испытаний и страданий. Сможешь ли ты достичь своей вершины и достичь успокоения — зависит только от тебя самого. Возможно, ты погибнешь и сгинешь на пути к чужим вершинам. Очень, очень даже возможно. У тебя нет ума основательного, только отражение и отталкивание от всего увиденного: мол, у тебя должно быть иначе… Дай Бог тебе освободиться, наконец, от одержимости. С нею ты пропадешь. И не такие пропадали, а еще сколько предстоит? Все беды человеческие от одержимости. Сможешь вовремя освободиться от этой напасти — выживешь, нет — сгинешь.

У Синь, узнав о печальных перспективах, изменился в лице, сник.

— Ладно-ладно, не унывай так сильно, не надо этому придавать слишком много значения, — якобы «успокоил» старик. — Не ты первый, не ты последний. Много, очень много еще родится слепых щенят. Да, немногие прозреют. Ведь такие люди, как ты, ничего не могут принять на веру, до них доходит только выстраданное, да и то на последнем пределе. А вначале они — рабы иллюзий. Им кажется, что они видят истинный мир, а на самом деле видят только его внешнюю мишуру. Но поразительно то, что именно они, те, кто подвержен иллюзии, — отличаются болезненной, нездоровой самоуверенностью. В чем причина — непонятно, но это так! И никак иначе. Иначе не может быть, они этой своей маниакальной убежденностью заражают других — и близких и дальних — и уже за ними плохо соображающая толпа. Люди грешат незнанием меры — вот причина разрушения естества.

— А вы, оказывается, всех со стороны, если не сказать сверху, видите, да?

— Ну, это сразу и не скажешь… По-всякому. Вернее, как получится, смотря кого, когда, при каких обстоятельствах.

МЛАДШИЙ БРАТИШКА

— Не бойся, тебя поведет мой младший братишка. Надежный мальчик, он проводит тебя, а если надо будет — поможет.

— А почему он такой старый? Намного старее вас.

— А, это только кажется с виду. На самом деле, я же говорил, он на 28 лет младше меня. Я уже взрослый был, когда мать его родила.

— Но он же дряхлый старик. А вы еще ничего.

— Ну это с виду. Правда, он был непослушнее меня, часто пропускал время принимать лекарства. Вот и результат сиюминутной лени. Ведь все в этой жизни достигается только долгим упорным терпением, послушанием и исполнительностью.

— А мать ваша совсем девушкой выглядит.

— Ну, с нею не сравниться. Она этого достигла таким упорным трудом! Ежечасными упорными процедурами и упражнениями. Да такими, что лучше и не надо бы. Но что делать, она сама довольна результатами, да нас поучает… Она суровая мать, часто нас с братом наказывает.

— За что?

— За нерадивость, лень, азарт, за нежелание следовать ее предписаниям. Правда, мне иногда удается избежать наказания благодаря умению прикидываться, изворачиваться, подлаживаться. А это очень важно. А брат прямолинеен и простоват, — вот и нарывается там, где можно было бы избежать наказания.

— А вы хитрец.

— Нет, просто я более понятлив и не сопротивляюсь, а приноравливаюсь под обстоятельства. Пристраиваюсь.

— А зачем наказывают?

— Затем, чтобы поправить тебя, чтобы ты осознал ошибку. Но зачем доводить до наказания, этого можно избежать.

— Как?

— Уйти в сторону от траектории, и наказание пронесется мимо. Ибо ты, поняв за что, почему, зачем, чуть только отходишь, и все. Понял?

— Не совсем. А братик ваш так не делает?

— Он упрям. Из-за вредности делает наоборот, назло. Этим и усугубляет вину. Пытается утвердиться на своем, оправдаться и углубляет свои же ошибки вместо того, чтобы вовремя исправиться. Нет, я не такой.

— Вы — хитрец, вы приспособленец.

— Просто доверяю своей матери. Она зря наказывать не станет. Обидно, больно, но я уверен: за дело. Так надо… Это иной уровень. Послушанием я не усугубляю вину, не пытаюсь оправдаться, а доверяю опыту и пониманию матери. А брат — нет. Он начинает обижаться, жалеть себя, считать незаслуженно обиженным. Это-то и подтачивает душу! Она расслаивается, копит в себе свои же ошибки. Запомни! Нельзя оправдываться, упорствовать в своих ошибках, если даже не сумел их понять. Надо доверять старшим, более знающим и опытным. Только так можно легче избавиться от ошибок. А в противном случае ты все глубже погрязаешь в ошибках и идешь ложным путем к надуманным целям.

— Ладно, — прервал себя старик, — братик мой проводит тебя до подножия Куньлуня, до начала восхождения. А я буду навещать тебя по временам, когда тебе будет тяжело. Особенно на распутьях, в дни сомнений… — Старик впервые по-настоящему посмотрел ему в глаза. — Да… трудный путь тебя ждет. Но ничего… Я теперь уже не уговариваю тебя отказаться от него. Тебе уже поздно возвращаться. Теперь у тебя путь только вперед. Идти до конца и испить чашу до дна. Буду помогать.

— Как? Вы же остаетесь здесь…

— Ничего. Найду способ. Где подам спасительную мысль, где подскажу, что надо, помогу найти воду, дичь, нужные для пищи и исцеления растения.

— Странно. Что-то я не пойму. Как же вы придете ко мне, я же буду далеко?

— Постепенно научишься вызывать меня в мыслях, мы даже будем беседовать, спорить, даже ссориться и мириться не менее, чем явно. По

большому счету, все в этом мире иллюзорно. А ты уверен, что вот в это мгновение видишь вокруг себя реальный мир: эти цветы, деревья, лужайку, ручей? Меня, брата, наконец?

— Конечно! Вот же все, вот вы.

— Да? Какой ты самоуверенный! Видит и ощущает! Все у него схвачено и никуда от этого не денешься, — старик повернулся к нему и иронично посмотрел своими зеленовато-голубыми глазами. — Удивительный ты тип. Значит, все, что видишь и ощущаешь, существует, да?

— Конечно!

— Да?... Ну тогда покажу тебе нечто иное, послушаем, что ты скажешь на это, — старик встал во весь рост и оказался на голову выше своего брата. Провел рукой над собой и... и все окружающее на мгновение словно свернулось и исчезло... Где поляна с разнотравьем цветов и гомоном птиц? Где водопад, и даже озеро с речкой, деревья и сам старик с братом?

У Синь изумленно озирался. Кругом торчали голые камни, а на месте, где было озеро с ручьем — глубокий овраг. У Синь испугался, голова ушла в плечи, даже издал вместе с возгласом удивления некий свист.

— Ну, что теперь скажешь, мудрец? — послышался откуда-то сверху задорный голос старика.

— Мне нечего сказать. Я ничего не понимаю.

— Вот как заговорил. Видишь, спесь твоя выветрилась — это тебе на пользу. Ну что, какой ты вывод сделал?

— Что не так прост этот мир, как кажется.

— Да, вот именно, многое, что окружает человека — только кажущаяся реальность.

— А какова она, настоящая реальность?

— Ну, так тебе все сразу и выложи, да? Нет и нет. Ты даже не подозреваешь, какова она, настоящая реальность!.. Да и рано тебе, а может, и не нужно знать ее... Так, только необходимую малую толику, не больше.

— А если доживу до почтенных лет, тоже никогда не смогу познать полную истину?

— Полную — никогда! Она недоступна даже для нас.

— Странно... а ваша мать? Знает ли она?

— Она знает больше нас, но и ей полная истина недоступна.

— Тогда кто же знает-то ее? Есть такие?

— Есть. Но это не твоего ума дело. То, что ты не умеешь чувствовать границу дозволенного, много страданий и бед принесет тебе. Но, настрадавшись вдоволь, набив себе лоб, ты постигнешь пределы твоей мудрости, если... Если, конечно, ты сможешь выжить и дожить до тех лет. Но у тебя есть шанс. Я тебе помогу. Но прежде всего, сам думай, сам. Умом можно обойти опасности, предотвратить беду.

— Я буду стараться.

— Ну ладно, иди...

У Синь набросил на плечи куцую котомку с сушеными запасами еды и пошел по сухому дну только что бывшего озера, затем по руслу бывшей реки.

Поднявшись на перевал, оглянулся и вскрикнул от удивления. Вода озера синела, отражая небо, тек ручей, высоченные тополя и кипарисы качались на ветру, а внизу благоухала зеленая долина. У Синь глубоко вздохнул. Он любовался этой красотой, будто прощаясь с ней...

Когда солнце начало клониться к закату, стал искать место ночлега, но такового не было. А между тем наступал адский холод, и ночь лучше было бы переждать в какой-нибудь пещере, сохраняющей тепло до утра. Но вокруг была каменистая плоская поверхность. Негде было здесь спрятаться. Но где же сопровождение обещанного «младшего брата»? У Синь, боясь замерзнуть, решил идти, пока есть силы. Может быть, набредет на какой большой камень, который укроет его хотя бы от ветра?

Он шел и шел. Боялся упасть. И вдруг, может, померещилось? В сумерках далеко впереди загорелся огонек. Еще усилие — и он у костра, у которого сидел «младший брат». О счастье — вытянуть ноги и ощутить горячее тепло!

— Как же ты тут оказался, ведь ты остался в долине?

— Несколько дней ожидаю. Брат велел тебя плотно накормить. — Старик откуда-то достал нанизанное на шампур мясо и стал жарить на огне. Тут же на камне на белой кошме было накрыто славное угощение.

У Синь был весьма озадачен: ведь утром вроде расстались, а он говорит, что ждет уже несколько дней? Или он мог одновременно быть и тут и там? Но, видимо, лучше не выпытывать подобные подробности. Все равно не скажет. А скажет — не поймешь.

Наевшись, У Синь уснул и проспал бы неизвестно сколько, но разбудил старик.

— Все, путник, просыпайся. Сегодня у тебя трудная дорога, ибо к закату ты должен дойти до цели. Завтра эти предгорья будут прочесывать солдаты.

— Сегодня неужели дойду?! — обрадовался У Синь. — Наконец-то!

— Да, если не сможешь, подсобим, но думаю, что сможешь… — туманно сказал старик и очень подробно описал дорогу.

День последнего восхождения был очень трудным. У Синь шел без остановки. К вечеру совершенно выбился из сил, но упорно карабкался вверх. Начались скалы, тропа становилась незаметной. У Синь шел как лунатик и боялся только одного, что оступится и сорвется вниз по крутому склону.

Наконец, когда совсем почти стемнело, перед ним возник зубчатый край чаши — жерло кратера. Внутри зияла темнота, было неизвестно, какой она глубины.

У Синь достал веревку, привязал к камню и стал осторожно спускаться вниз. Его опасение, что веревки не хватит, конечно, подтвердилось, и он повис на неизвестной высоте. Что делать? Вверх уже ни за что не подняться, а силы стремительно таяли. Измученные пальцы рук сами собою разжались, и У Синь, зажмурив глаза, полетел вниз.

ЗОЛОТОЕ ЧРЕВО

К счастью, упал не на острые камни, а на пологий склон, по которому благополучно скатился вниз. Долго тяжело дышал и отходил от боли во всем теле. Наконец, поднялся и в полумраке увидел перед собой черную песчаную поверхность, обрамленную крутой каменной стеной округлой формы…

И дно тоже было не плоское, а округлое и посередине блестело синевой наподобие озера. Снизу веяло непонятной угрозой. Стало страшно, но назад пути не было. И У Синь стал осторожно спускаться вниз.

Всюду был песок, только необычного черного цвета, что придавало всему мрачный вид. Посмотрел вверх. В отверстии кратера светила ущербная луна, идущая на убыль. Пошел наугад. Шел, кажется, целую вечность и вдруг впереди в сумерках увидел людей. И безо всякого опасения поспешил к ним. А те, совершенно неожиданно для У Синя, разразились диким хохотом. Их было четверо. Один был на голову выше остальных. Другой весь изжеванный, напоминал старого солдата, третий был одноглазый, трясущийся инвалид, четвертым был благообразного вида старик.

Странно это было. Почему они даже совсем не удивились его появлению? У Синь стал внимательно вглядываться в лица людей, но в них ничего, кроме неистового веселья, не было. Было даже злорадство. Словно им было очень приятно его несчастное состояние, состояние новичка, который еще ничего не понимает в том мире, куда они попали ранее и успели постичь Нечто.

— Ха-ха-ха! — надрывались и давились они от смеха, не в силах что-нибудь сказать.

— Вот Бог послал к нам еще одного дурака! — выговорил, наконец, Длинный. — А то мы подумали было, что в мире, кроме нас, уже дураков-то не осталось, А, Солдат?

— Да, мир все еще не без дураков, — довольно прошамкал тот, которого назвали Солдатом, беззубый и кривой, весь помятый, словно его лицо прошло через жернова мельницы.

У Синь никак не мог понять, отчего потешаются и злорадствуют эти несчастные при виде еще одного подобного себе.

Вдоволь насмеявшись, обитатели при свете ущербной луны стали внимательно осматривать его, затем одежду, но особенно их внимание было приковано к котомке.

У Синь догадался, что они все голодные и жаждут немедленно поесть.

— Хотите, я угощу вас. У меня есть сушеное мясо…

— Мясо?! — Третий весь затрясся от восторга и засверкал единственным глазом.

— Еще есть сушеная рыба.

— И рыба?!. — воскликнул Длинный, недавно еще надменный. Он чуть не плакал от волнения. — Как давно я не ел рыбы… даже вкус забыл. Но это было нечто такое… что даже описать нельзя.

— А еще есть немного хурута.

— Вот это молодец! Молодой, но какой запасливый и разумный! — похвалил его четвертый, самый старший и по виду более рассудительный и добрый. — У нас ни у кого не было такого богатого разнообразия припасов.

Когда У Синь хотел раскрыть мешок, Длинный решительным жестом остановил его.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно.

— Как же? Я хочу вас угостить.

— Если хочешь, чтобы твои сокровища достались нам справедливо, то послушай нас… Мы устроим торг! Великолепный настоящий торг.

— При чем тут торг? Я ничего не хочу продавать, отдам даром, — сказал У Синь.

— Нет и нет! Нам даром ничего не нужно. Мы не какие-нибудь нищие, побирающиеся подачками! — строго и даже сердито повысил голос Длин-

ный. — Если хочешь добра нам — продай! Главное, мы тут все состоятельные люди. Мы могли бы купить многое: земли, дома, даже целые города с людьми. Не смотри, что мы больные-кривые, мы на самом деле великие богачи! Вас, — Длинный перешел на «вы», — вас устроит золото?

— Можем расплатиться золотым песком или даже самородками! — сказал Солдат, вытаскивая из кармана что-то тяжелое и вправду похожее на золото.

— Мне нечего сказать. — Изумлению У Синя не было предела. — Но… как хотите.

Дальше все пошло быстро и четко, как по заранее отработанному плану. Подвели его к круглому плоскому камню, напоминающему круглый стол, где он, как купец, выложил свой товар. Длинный вызвался в помощники и стал заправлять от его имени. Эту роль он выполнял добросовестно. И дело пошло…

Сначала по кругу было распродано сушеное мясо, предварительно разделенное на пять частей. Пятую часть помощник сунул обратно в мешок…

Затем так же начали покупать сушеную рыбу. Помощник давал каждому попробовать по маленькому кусочку. Все были в восторге и необычайном возбуждении.

В торге принимал участие каждый, высказывая свое мнение, то ли подбадривая покупателя, то ли делая замечание. Но все же было слишком много абсурдного. За одно мясо было выручено золота примерно с человеческий кулак. Трудно было поверить, что эти оборванцы могли обладать такими несметными богатствами. Но все оказалось правдой. У Синь попробовал на зуб. Металл был податливый, явно тяжелее обычного камня и поблескивал при свете луны.

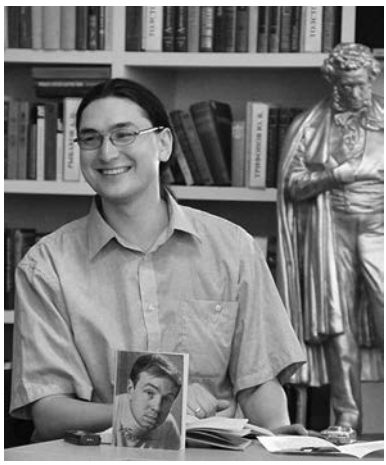
Все были чрезвычайно довольны результатами торга. Никто не стал тут же поедать приобретенную еду, разве только попробовали. Затем явно ослабевшие от возбуждения обитатели стали медленно расходиться.

У Синя насторожило то, что обитатели смотрели на его сияющее от счастья лицо с какой-то странной усмешкой. Несомненно, они чувствовали свое превосходство над ним, по сравнению с ними ничего не понимающим. Несомненно, они знали Нечто, что давало им возможность смотреть на него свысока.

Он растерялся и, оставшись один в полной темноте, с опаской долго прощупывал пальцами золотой песок и пробовал на вес и зуб самородки еще и еще раз. Никаких сомнений не было. Это — золото. Золото — мечта всей его жизни. Он — состоятельный человек! Он достиг цели жизни! Добился своего. Даже больше. За столько золота сможет теперь купить все.

Он так был воодушевлен и возбужден обретением невиданного богатства, которое свалилось на него нежданно и неожиданно, что не чувствовал холода. Лежал на плоском камне, смотрел в звездное небо и грезил прекрасным будущим.

Окончание следует



Андрей ЧЕРНОВ

ВЕТЕР С МАЙДАНЕКА

Андрей Алексеевич Чернов — родился в Луганске в 1983 г. Литературовед, критик, публицист. Занимается изучением русской литературы XX века. Историк литературы Донбасса. Публиковался в Луганске, Киеве, Москве, Перми. Участник Первого Международного совещания молодых писателей (Переделкино, 2011). Секретарь правления Союза писателей ЛНР. Зам. главного редактора луганского литературного альманаха «Крылья». **Живет в Луганске.**

«Когда с Майданека налетал ветер, жители Люблина запирали окна. Ветер приносил в город трупный запах. Нельзя было дышать. Нельзя было есть. Нельзя было жить», — так просто и лаконично начал свой очерк о страшном «лагере смерти» Борис Горбатов. Так просто и ясно сказал Горбатов о покорном смирении поляков перед силой захватчика. Силой наглой и чудовищной в своей самоуверенности. «Весь Люблин, — пишет в очерке Б. Горбатов, — знал о фабрике смерти. Весь город знал, что в Крембецком лесу расстреливают русских военнопленных и заключенных поляков из Люблинского замка. Все видели транспорты обреченных, прибывающих из всех стран Европы сюда, в лагерь. Все знали, какая судьба ждет их: газовая камера и печь». Скованный политическим тактом Борис Горбатов не пишет только об одном: о том, что люблинцы беспрекословно терпели это «знание», знание того, что где-то рядом убивают людей.

Может быть, они не знали этого? Может быть, Горбатов ошибался? Нет, это в Варшаве или Кракове могли не знать того, что творилось под Люблином. Сами же люблинцы все прекрасно знали. И отгораживались от этого назойливого, удушающего «знания» закрыванием окон. Точно так же герой рассказа Всеволода Гаршина «Четыре дня» только тогда осознал, какой поступок он совершил, когда, лишенный возможности ходить, оказался практически прикованным к разлагающемуся трупу убитого им человека…

Безусловно, люблинцы успокаивали себя: «Я не еврей» или «Я не коммунист/социалист», «Я не состою в запрещенных организациях»… «Меня не за что отправлять на смерть»… Одним словом: я благонадежный для Рейха человек. «ЛИШЬ БЫ НЕ Я!»

Это надежда? В какой-то степени да. Истерическая надежда человека, согласного стерпеть все, лишь бы выжить. Человека, в котором уже умер Человек. Здесь нет ничего удивительного, просто сталкиваются два мира — мир жертвы и мир не жертвы. И тот, кто пока еще не жертва, всегда будет надеяться, что судьба жертвы — это не его судьба. И от этого упорное отрицание причастности своего невмешательства и равнодушия к убийству людей.

Отравленный мертвечиной воздух взывал к совести, к евангельскому: «Бог есть любовь» и «Возлюби ближнего своего». Но люблинцы закрывали окна и терпели просачивающийся трупный запах в своих жилищах. А совсем рядом — почти в черте города — убивали людей. Еще живыми они были убиты, потому как были лишены надежды. И опять перед нами предстает гаршинский герой из «Четырех дней»: «Перед мною лежит убитый мною человек. За что я его убил?»

Очень страшно осознавать, что если бы в августе 1944 года в Люблин не вошли советские войска, то Майданек продолжал бы существовать неопределенное время. Может быть, до сего дня… Но эту мысль, как и память о советских освободителях, гонят прочь «благодарные» европейцы.

Сейчас, когда прошло 70 лет со дня победы над фашизмом и нацизмом, когда мы осознали, что победа эта оказалась, мягко говоря, не полной, когда вовсе не внезапно нацизм с ужасающей уверенностью возродился на славянской земле Украины, мы совершенно по-новому смотрим на события тех далеких дней: «Что мы сделали не так? Где не дожали? Почему?» Рассуждения о недодавленной нацистской гадине до 2014 года были исключительно теоретическими. После Майдана-2014 мы увидели, что эти рассуждения подкрепились невероятными вещественными доказательствами.

Майдан… Майданек… Я свою жизнь посвятил Слову и не верю в случайность созвучий. Смрадный, «словно жирный» дым крематориев Майданека поразительно схож с дымом горящих покрышек в Киеве зимой 2013–2014 годах. Удивительно ли, что в мае, уже в Одессе, этот дым стал по-настоящему дымом крематория…

Майдан = Майданек?

* * *

Как это было? Как мир узнал правду о Майданеке?

Почти случайно. Даже не в первый день освобождения Люблина от немецких войск. Военная спешка не располагала к неспешному осмыслению всего обнаруженного.

Мир увидел Майданек глазами трех советских писателей-военкоров. Вот как об этом пишет Евгений Долматовский:

«Нас было трое — Симонов, Борис Горбатов и я, корреспонденты «Красной звезды», «Правды» и фронтовой газеты «Красная армия».

Заняли большую комнату, затопили камин. Борис нашел колоду карт и увлекся раскладыванием пасьянса. Это было его любимое занятие, не раз вызывавшее насмешки. Он тихо разговаривал с королями, валетами и с самим собой. Симонов засел за стихи; я, кажется, тоже.

Если взглянуть со стороны, странная возникала картина: трое военных что-то шепчут и бормочут — каждый сам с собой разговаривает. Один опустил глаза, а двое вздымают взоры к потолку…»

Совершенно рутинная, тривиальная зарисовка походного досуга писателей на фронте. Писателей, уже привыкших ко всем ужасам войны — на дворе август 1944 года, все трое успели насмотреться и на страдания, и на смерть, и на чудовищную жестокость гитлеровцев. Уже освобождена от захватчиков Родина и, кажется, что лицо нацизма было рассмотрено во всех гримасах. Уже несколько дней Люблин освобожден советскими войсками, писатели пользуются выхваченными у войны часами для отдыха и творчества.

«…Наше "молитвенное" состояние, — пишет далее Долматовский, — скоро было нарушено: вошел польский врач и спросил, знают ли панове о страшной, совершенно секретной фабрике, находящейся на восточной окраине города. Из трубы в течение целого дня определенными порциями выходил черный жирный дым, обладающий тошнотворным запахом. Очень страшные слухи ходят об этой фабрике, но толком никто ничего не знает… К неудовольствию Бориса Горбатова Симонов собрался немедленно: едем туда!»

И вот в Майданеке оказались первые журналисты-военкоры. Люди, которые прожили не один год на войне, увидевшие достаточно ужасов нацизма.

…Был уже вечер. И в предночном сумраке перед тремя видавшими многое военными людьми предстало то, что можно назвать лишь «фабрикой смерти». Казалось, что все созданное здесь не принадлежит человеческим рукам. Все это в своем размахе давило дьявольщиной, нереальностью происходившего и происходящего. В скупых строчках мемуаров Долматовского атмосфера Майданека выражена вполне четко: «Шли потрясенные, оглушенные. Взяли друг друга за руки, уже не знаю почему. Может быть, нужна была цепь человеческого тока…».

Уже несколько дней как Майданек освобожден. Но здесь по-прежнему остаются заключенные. Нет ни охраны, ни электричества в колючей проволоке, ничто не держит людей. Но идти им некуда, да и незачем. Они еще не заметили, что свободны. И их быт воспроизводит привычки многих дней заточения. «С наступлением ночи, — пишет Долматовский, — нам пришлось прервать осмотр: электричество было выключено, в одном из бараков группа оставшихся в живых полупомешанных узников, не понимающих, что они освобождены, затеплила плошки, похожие на лампады. Невыносимо!»

«Невыносимо!» — кричит человек, задавленный ужасом Майданека. Три военкора, прошедшие, казалось бы, через все круги ада войны, неосознанно держат друг друга за руки, видя в этом необъяснимую связь с реальностью, противоречащей действительности Майданека.

Вернувшись, уже ночью, молчали, не в силах полностью осмыслить увиденное. Ехали за диковинкой, поглядеть на «секретную фабрику», но столкнулись с немыслимым по размаху преступлением. «Симонов стал записывать, — вспоминает Долматовский, — поднял лицо — все в слезах…»

Обширные, по меркам газет, очерки Константина Симонова и Бориса Горбатова увидели свет буквально через несколько дней. Симонов опубликовал очерк с 10 по 12 августа 1944 года в главной армейской газете СССР «Красная звезда», Борис Горбатов — в газете «Правда» 11 и 12 августа.

* * *

Военкоров, привыкших видеть смерть в бою, видеть казни, даже массовые расстрелы, потряс размах Майданека, занявшего 25 квадратных кило-

метров. Четкая планировка, немецкая аккуратность в постройках, мощеных дорожках, подстриженной траве, лавочках для отдыха у домов персонала. Был там и «зольдатенхауз» — бордель для обслуживания солдат и охраны. И лазарет — идеальной чистоты, на случай «международных комиссий», в котором, правда, не было даже лекарств, впрочем, и больных там никогда не было, да и комиссиям так и не довелось сюда приехать. Так солидно строят заводы и фабрики. И вся эта безукоризненность, выражающая «европейские ценности» главной нации Европы, была направлена на производство смерти. В Майданеке не было работы — лишь первые годы узники были заняты постройкой лагеря и осушением болот. Работы выполняли послушные поляки из мобилизованных окрестных жителей.

Майданек нивелировал человеческое достоинство, перечеркивал все представления о милосердии, добре, сострадании. Попавшие в Майданек осознавали себя людьми без веры и надежды. Биомасса, назначение которой — быть отработанным материалом, частью грандиозного эксперимента, порожденного чистым немецким разумом: максимально утилитарно использовать недочеловеков в качестве ресурса. Ничего здесь не пропадало, все шло на пользу Рейха: одежда узников, их обувь, волосы и даже пепел. Пепел использовали в качестве удобрения — для клумб и грядок овощей.

Среди компьютерных хомячков некоторое время назад было модным постить сентиментальную фразу-рассказ Хемингуэя: «For sale: baby shoes, never used. (Продаются: детские ботиночки. Ни разу не ношенные)». В Майданеке сохранился склад, от пола до потолка битком заполненный обувью узников: и детской, от годовалых малышей, и взрослых, до старческих ботов. Все с немецкой дотошностью отсортировано, поделено. Только не успели вывезти…

Удивительно ли, что в Майданеке узники мечтали о смерти? И легко ее находили.

Странно, но в истории Майданека было только два массовых побега, и оба были связаны с побегом советских узников… Удивительно или закономерно?

Неправильно считать Майданек и другие концлагеря порождением сумасшедшего мозга. Нет, они были созданы мозгом расчетливым, трезвым, хладнокровным. И вина тут не в «сумрачном германском гении». Все страшные преступления человечества — и геноцид армян в 1915 году, и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, и уничтожение тутси в 1994 году, и артобстрелы городов Донбасса в 2014–2015 годах — все это совершалось не в помешательстве рассудка, а в результате воплощения вменяемых и одобренных большинством расчетов.

Но все же в голове не укладывается: как нация, породившая Бетховена и Гете, Моцарта и Шиллера, смогла переступить грань человечности? Как смогла нация высокой интеллектуальной и духовной культуры превратиться в зверей? В очерке Горбатова приводится такое свидетельство очевидца: «Я видел, — рассказывает свидетель Станислав Гальян, житель соседнего села, мобилизованный со своей подводой на работу в лагере. — Я сам видел, как обершарфюрер Мунфельд (начальник крематория Майданека. — *А. Ч.*) взял четырехлетнего ребенка, положил его на землю, встал ногой на ножку ребенка, а другую ножку взял руками и разорвал, — да, разорвал бедняжку пополам. Я видел это собственными глазами. И как все внутренности ребенка вывалились наружу…»

Только всецелое убеждение всего общества в своей исключительности, превосходстве над другими, уверенность в отсталости всех иных народов может привести культурного человека в состояние бесчеловечного скота. Только убеждение, что они — люди, стремящиеся к вершинам человечности, а другие нации — лишь историческое недоразумение, помеха на пути к этим вершинам. Только уверенность, что эти «вершины / страна — понад усе…».

Несмотря на абсолютную доказуемость и относительную лояльность союзнической прессы, все же на Западе после публикации материалов о Майданеке прозвучали голоса о «советской пропаганде». Уж слишком там неприязненно относились к России. Что говорить, когда в 1942 году, во время посещения Людмилой Павлюченко (той самой девушкой-снайпером, которой посвящен нашумевший фильм «Битва за Севастополь») США журналисты на пресс-конференциях игнорировали ее рассказы о подвигах советских воинов и, как вспоминает знаменитый советский журналист Юрий Жуков, с ехидством задавали ей вопросы: «Скажите, дорогая, какое белье вы носите на фронте?» или «Позволяют ли вам использовать помаду для губ?».

Запад до последнего отстаивал порождение самого себя: немецкий нацизм. Лишь освобождение узников в концлагерях во многих странах Европы — Германии, Польше, Прибалтике окончательно принудило Запад признать и осудить чудовищный аппарат лагерей смерти в Германии. Но, как оказалось, не окончательно.

Все эти десятилетия бацилла нацизма, национальной нетерпимости бережно сохранялась и подкармливалась. Как в Майданеке, где на банках с кристаллами яда «Циклон» была надпись: «специально для восточных областей». Отравление среды этой бациллой оказалось успешным — на Балканах, в Прибалтике, на Украине.

Сложно понять, почему миллионы людей Украины спокойно приняли украинский национализм — кто с воодушевлением, «на ура» усвоив лозунг «Украина понад усе», кто с равнодушием («Моя хата с краю!»), кто с мерзким эгоизмом («Кого угодно — но лишь бы не меня»). И машина истребления, уже не лагерь, а «страна смерти» заработала: случилась Одесса, бомбардировки городов Донбасса, безжалостные казни военнопленных, насилие над мирными жителями Донбасса, убийство инакомыслящих по всей стране. И все это под припевочку «Украина понад усе». Все также нивелированы человеческое достоинство, отвержены права, истребляется свобода слова и даже мысли.

Убийство человека стало оправданным высокими идеалами. Охваченную пожаром Украину стали тушить, как бензином, ненавистью и жестокостью. И стоит ли удивляться, что пожар уносит все больше убитых? За жертвами Одессы последовали многочисленные убитые в Донбассе, но смерть дошла и до Киева, унося неугодных политиков. И всем ясно, что Олесь Бузина — не последняя жертва.

Майдан породил Майданек в масштабе одного из крупнейших государств Европы. И смрадное пламя, с трупным запахом, все чаще беспокоит соседей на Западе. Но они, по привычке, отгородились от него герметическими окнами. Но не только на Западе. Увы, даже в России появилась значительная прослойка людей, наглухо закрывших свои души от трупного

смрада из Украины. Помню, в июле 2014 года, когда Луганск обстреливала украинская артиллерия, когда гибли люди, меня, находящегося в Луганске, некоторые москвичи и петербуржане, из либеральных литераторов, пытались убедить, что войны на Украине нет. Безусловно, им, на расстоянии, виднее. Мне тогда подумалось, что если бы вдруг узники Майданека раздобыли телефон и смогли дозвониться в Берлин или Мюнхен своим знакомым, те бы ни одному их слову не поверили.

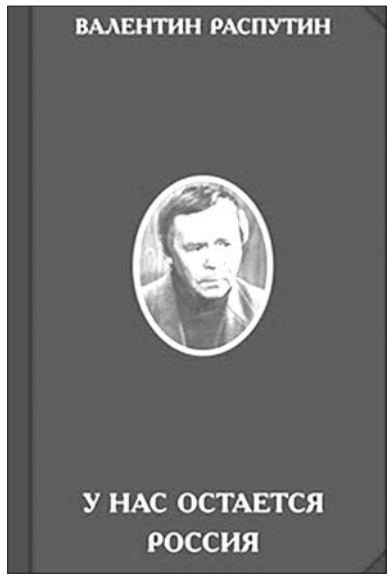
В одной из своих статей Константин Симонов писал, что все люди, пережившие войну, как бы перенесли операцию на сердце. И долго, долго не заживает рана, болит сердце и душа. И хочется крикнуть: «Невыносимо!» Да кто услышит сквозь закрытые окна?

Вышла книга

Распутин В. Г.

У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / Сост. Т. И. Маршковой, предисл. В. Я. Курбатова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 1200 с.

«Если говорить о подвижничестве в современной русской литературе, то эти понятия соотносимы прежде всего с именем Валентина Распутина. Его проза, публицистика, любое выступление в печати — всегда совесть, боль и правда глубинная. И мы каждый раз ждали его откровения как истины», — сказано в аннотации к книге.



Начиная с конца 1970-х годов Распутин на острие времени выступает против поворота северных рек, в защиту чистоты Байкала, поднимает проблемы русской деревни, в 80-е появляются его статьи «Слово о патриотизме», «Сумерки людей», «В судьбе природы — наша судьба». Распутин – один из авторов «Слова к народу», опубликованного на страницах газеты «Советская Россия» в июле 1991 года, в самые разломные для нашей страны дни он взывает с высоких трибун к спасению Родины.

Книга публицистики великого русского писателя охватывает последние тридцать лет жизни России, существовавшей, по его слову, уже с вывернутыми руками, на развалинах своего былого могущества, когда наступил «праздник воли» и «разгул нравов, выплеснувшихся со дна» и уничтожались национальные основы и сознание. В публицистике писателя, в беседах с ним, опубликованных в периодике, открывается его пророческий взгляд на самые болезненные проблемы и будущее России.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 05.10.2015 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1509296.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.